ВЕСТНИК

ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2012 **№ 4 (21)**

Научный журнал
Рецензируемое издание ВАК по филологии

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель
Иркутский государственный лингвистический университет

Главный редактор
Александр Михайлович Каплуненко,
доктор филологических наук, профессор

Зам. главного редактора
Светлана Алексеевна Хахалова,
доктор филологических наук, профессор

Редакционная коллегия
Григорий Дмитриевич Воскобойник,
доктор филологических наук, профессор
Виктор Алексеевич Виноградов,
доктор филологических наук, профессор, член-корр. РАН
Светлана Николаевна Плотникова,
доктор филологических наук, профессор
Евгения Федоровна Серебренникова,
доктор филологических наук, профессор
Николай Петрович Антипьев,
доктор филологических наук, профессор
Олег Маркович Готлиб,
кандидат филологических наук, доцент
(отв. за раздел «Восточные языки: лингвистика, методика»)
Валерий Петрович Даниленко,
доктор филологических наук, профессор
Владимир Ильич Карасик,
доктор филологических наук, профессор
Лия Матвеевна Ковалева,
доктор филологических наук, профессор
Галина Максимовна Костюшкина,
доктор филологических наук, профессор
Юрий Алексеевич Ладыгин,
доктор филологических наук, профессор
Юрий Марцельевич Малинович,
доктор филологических наук, профессор
Вера Брониславовна Меркурьева,
доктор филологических наук, доцент

Редактор
Анастасия Владимировна Каверзина

Верстка и дизайн
Екатерина Васильевна Огородникова

Адрес редакции
664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, к. 401 А
e-mail: rio@islu.irk.ru

© Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2012

Содержание

ВОСТОЧНЫЕ ЯЗЫКИ: ЛИНГВИСТИКА, МЕТОДИКА

А.А. Хаматова
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА 9

Н.Л. Адилханян
КОНТИНУУМ СУЩЕСТВ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА В ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ) 13

В.В. Аникина
МЕСТО КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА В ГЕНЕАЛОГНИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ: ЕВРОПЕЙСКИЙ, ВОСТОЧНЫЙ ПОДХОДЫ 17

М.В. Багинская
О ВНУТРЕННЕЙ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ИМЕНИ КАК ЗНАКА (ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИМЕНИ А.Ф. ЛОСЕВА В ТЕРМИНАХ ЛИНГВИСТИКИ) 24

Ван Лэй
АНАЛИЗ ТРАНСЛЯЦИИ ИНТОНАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА НОСИТЕЛЯМИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА 29

О.Ю. Воронина
О ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ЯЗЫКА С ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТЬЮ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ВАН ЛИ) 32

Н.Н. Воропаев
О ПРОБЛЕМАХ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН И ДРУГИХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В КИТАЙСКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ 37

М.А. Гаврилюк
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ 42

Н.П. Гильманшина
ДИАЛЕКТИКА АРГУМЕНТАЦИИ И МАНИПУЛЯЦИИ В ДИСКУРСЕ ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ ПАК ЧОН ХИ) 49

Н.В. Гурьян
К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЕДИНИЦ ОПИСАНИЯ ПЕРВОГО КИТАЙСКОГО СЛОВАРЯ «ЭРЪЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАВ «ШИ ГУ» И «ШИ ЯНЬ») 57

Т.Е. Загибалов

БАЗОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ДЛЯ АВТОМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ОЦЕНКИ В ТЕКСТАХ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ 63

К.А. Кардаш

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ ПОЗДРАВЛЕНИЯ КАК КОМПЛЕКСНАЯ МОДЕЛЬ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА) 69

Е.В. Кремнев

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНА «СОЦИОЛОГИЯ» («社会学») В КИТАЕ 74

Ли Асюе

О РУССКОМ ФОРМАЛИЗМЕ 78

Лю Дибинь

О БАРЬЕРНОМ ЭФФЕКТЕ ПЕРВОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА 82

Ма Чжуанци, Чжан Ин

О СПОСОБАХ ДЛЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОМОНИМОВ И ПОЛИСЕМИИ 85

А.М. Максименкова

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ АЛФАВИТНЫХ СИСТЕМ 87

Н.И. Сосновская

МЕСТО ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ 93

С.В. Стефановская

ВЫЯВЛЕНИЕ ИКОНИЧНОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОГО ОБЛИКА ЗВУКОПОДРАЖАНИЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА 98

Н.В. Терехова

СИМВОЛ-ХРОНТОП «ЧЖУН (中)» В КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ 103

Н.Ю. Тразанова

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ «Я – ДРУГОЙ» (НА МАТЕРИАЛЕ ЯПОНСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ) 109

О.А. Трофименко

ЧТО ТАКОЕ «КОРЕ МАР»? 115

Н.О. Фаризова

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ПЕРЕВОДАХ РАННЕЙ ЛИРИКИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА НА ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК 120

Е.А. Хамаева

КОСМОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ КИТАЙЦЕВ 125

Цзинь Дань

ПСИХОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗНОЙ СФЕРЫ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (АСПЕКТ РКИ В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ) 131

Б.Д. Цыренов

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СЛОВАРЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ 137

Чэн Эньцин

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ВУЗОВ КИТАЯ И РОССИИ 142

Чэнь Юйцай, Фань Вэйцзе

ОСНОВНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИНТЕРЪЯЗЫКА И НЕКОТОРЫЕ СВОЙСТВА ЕГО СИСТЕМЫ (КИТАЙСКО-РУССКИЕ СООТВЕТСТВИЯ) 145

И.В. Шалина

«ЛЕКСИКОН» АНДРЕЯ ТАТАРИНОВА КАК ПАМЯТНИК ЛЕКСИКОГРАФИИ XVIII В. 148

И.В. Шаравьева

МОНАДНО-МОДУСНЫЙ ПОДХОД КАК СПОСОБ РАССМОТРЕНИЯ КИТАЙСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ЗНАКОВ 151

Т.Е. Шишмарева

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КАНОНОВЕДЕНИЯ В КИТАЕ 155

Юй Кайхуа

О ЗАМЕНАХ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО НА КИТАЙСКИЙ 161

ПЕДАГОГИКА. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

С.Ю. Богданова

РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИИ РАБОТЫ С ТАЛАНТЛИВЫМИ ДЕТЬМИ: ОБУЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКЕ..... 167

Н.Н. Казыдуб

АТТРАКТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ 171

А.М. Каплуненко

О ПРЕИМУЩЕСТВАХ СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА К ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ ДИСКУРСУ.....175

Т.А. Жданко

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ВУЗА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА 178

Т.В. Живокоренцева

ВАРИАТИВНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ..... 187

Т.Ф. Ушева

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА СТУДЕНТА ПО КУРСУ «РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ» 194

О.Ф. Чупрова, А.Г. Шумовская

ДИАГНОСТИКА МЕТАПРЕДМЕТНЫХ УМЕНИЙ СТУДЕНТОВ 1 КУРСА: РЕЗУЛЬТАТЫ, ОЦЕНКИ, ВЫВОДЫ..... 198

С.Н. Широбоков

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА 201

ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В.П. Даниленко

БЛЕСК ОСТРОУМИЯ А.С. ПУШКИНА В ПИСЬМАХ К П.А. ВЯЗЕМСКОМУ И Н.Н. ПУШКИНОЙ..... 211

Н.В. Бубнова

«СМОЛЕНСКИЕ» ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СОСТАВЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫХ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ 218

М.Ю. Евтеева

ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ШИРОКОЙ СЕМАНТИКИ MACHEN И TUN 223

Е.Б. Лашина

ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ И НЕПРОТОТИПИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ КОДОВЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ВКЛЮЧЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ 229

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 235

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ 240

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 244

CONTENTS

ORIENTAL LANGUAGES IN LINGVISTIC & METHODOLOGICAL CONTEXTS

A.A. Khamatova

TRENDS OF THE DEVELOPMENT OF THE CNESE VOCABULARY IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY 9

N.L. Adilkhanyan

CONTINUUM OF SUPERNATURAL BEINGS IN THE EMBLEMATIC ASPECT (IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGE CULTURE) 13

V.V. Anikina

THE POSITION OF KOREAN IN THE GENETIC CLASSIFICATION OF LANGUAGES: EUROPEAN vs. EASTERN THEORIES 17

M.V. Baginskaya

ON THE INTERNAL CONTRAVERSY OF NAME AS A SIGN (PHILOSOPHICAL CONCEPTION OF A.F. LOSEV IN A LINGUISTIC CONTEXT) 24

Wang Lei

ANALYSIS OF THE POSITIVE TRANSFER ON RUSSIAN INTONATION 29

O.Y. Voronina

ON WAYS OF ANALYSING THE HISTORY OF LANGUAGE WITH IDEOGRAPHIC WRITING SYSTEM (BASED ON THE WORK OF WANG LI) 32

N.N. Voropaev

APPROPOS A CLASSIFICATION OF THE NAMES-PRECEDENTS AND OTHER PRECEDENT PHENOMENA IN THE CHINESE DISCOURSE 37

M.A. Gavrilyuk

LINGUISTIC MEANS OF GENDER ASYMMETRY IN THE CHINESE LANGUAGE 42

N.P. Gilmanshina

DIALECTICS OF ARGUMENTATION AND MANIPULATION IN A PUBLIC SPEECH: ANALYSING a PARK CHUNG-HEE SPEECH 49

N.V. Gurian

ON UNITS OF INTERPRETING OF THE FIRST CHINESE DICTIONARY «ERYA» (ON THE BASIS OF THE CHAPTERS «SHI GU» AND «SHI YAN») 57

T.E. Zagibalov

FEATURES FOR CHINESE SENTIMENT CLASSIFICATION 63

K.A. Kardash

'CONGRATULATION' AS A COMPLEX MODEL IN THE TRANSLATION of CHINESE LITERARY TEXTS 69

E.V. Kremnyov

SOME ASPECTS OF EVOLUTION OF THE TERM «SOCIOLOGY» («社会学») IN CHINA 74

Li Axue

ANALYSIS OF THE RUSSIAN FORMALISM 78

Liu Jibin

ON FOREIGN LANGUAGE TEACHING AND THE FIRST WORD MEANING BARRIER 82

Ma Zhuangqi, Zhang Ying

TOWARDS AN IDENTIFICATION METHOD OF RUSSIAN HOMONYMY AND POLYSEMY 85

A.M. Maksimenkova

on SOME ASPECTS OF ALPHABETIC SYSTEMS 88

N.I. Sosnovskaya

HIEROGLYPHIC CONCEPTUAL PICTURE OF THE WORLD aNd THE FORMATION OF SOCIOCULTURAL COMPETENCE 93

S.V. Stefanovskaya

DETECTION OF ICONICITY OF PHONETIC IMAGE OF CHINESE ONOMATOPOEIA 98

N.V. Terekhova

SYMBOL-CHRONOTOP ZHONG 中 IN CHINESE PHILOSOPHICAL TRADITION 103

N.Yu. Trazanova

AXIOLOGICAL OPPOSITION «MYSELF – THE OTHERS» (ON THE MATERIAL OF JAPANESE PAREMIOLOGY) 109

O.A. Trofimenko

WHAT is KORYO MAR? 115

N.O. Farizova

ADJECTIVES IN THE JAPANESE TRANSLATIONS OF ALEXANDER BLOK'S EARLY POEMS 121

E.A. Khamaeva

COSMOLOGICAL FACTOR IN CHINESE ANTHROPONYMICAL NOMINATION 125

Jin Dan

PSYCHOLOGICAL BASIS OF THE SPECIFIC SHAPED SPHERE «LINGUISTIC IDENTITY» ASPECT OF THE RAF IN THE CHINESE AUDIENCE 131

B.D. Tsyrenov

ONOMASTIC LEXICON IN DICTIONARY AS A REFLECTION OF CULTURE 137

Jen Entsin

RUSSIAN AND CHINESE UNIVERSITIES IN THE CONTEXT OF GLOBAL HIGHER SCHOOL EDUCATION 142

Chen Yucai, Fan Weijie

GRAMMATICAL ELEMENT OF THE RUSSIAN AND CHINESE INTERLANGUAGE AND THE CHARACTERISTICS OF GRAMMATICAL SYSTEM 145

I.V. Shalina

ANDREY TATARINOV'S «LEXICON» AS A XVIII CENTURY LEXICOGRAPHY MEMORIAL 148

I.V. Sharavieva

MONAD-MODUS APPROACH AS A METHOD OF LINGUISTIC RESEARCH OF CHINESE CHARACTERS 152

T.E. Shishmareva

SOME ASPECTS OF CANONICAL STUDIES IN CHINA 155

Yu Kaihua

ON FUNCTIONAL SYNTACTIC REPLACEMENTS IN TRANSLATION FROM RUSSIAN INTO CHINESE 161

PEDAGOGY AND METHODOLOGY

S.Yu. Bogdanova

DEVELOPMENT OF A STRATEGY OF TEACHING TALENTED PUPILS: EXPLORING FOREIGN LEXICON 167

N.N. Kazydub

ATTRACTIVENESS AS A CLASSROOM ENVIRONMENT MODELLING FACTOR 171

A.M. Kaplunenko

ON ADVANTAGES OF SYSTEMIC ACTION-ORIENTED APPROACH TO PEDAGOGICAL DISCOURSE 175

T.A. Zhdanko

ON DESIGNING AN EFFECTIVE EDUCATIONAL ENVIRONMENT FOR PROMOTION OF THE STUDENTS'PROFESSIONAL COMPETITIVENESS 178

T.V. Zhivokorentseva

VARIABILITY IN EDUCATION: PROBLEMATIC SPHERE OF MODERN INTERPRETATIONS 187

T.F. Usheva

INDIVIDUAL EDUCATION PROGRAM OF STUDENTS IN THE COURSE «REGIONAL CONFLICTOLOGY» 194

O.F. Chuprova, A.G. Shumovskaya

DIAGNOSTICS OF METASUBJECT SKILLS OF THE FRESHMAN YEAR STUDENTS: RESULTS, EVALUATION, CONCLUSIONS 198

S.N. Shirobokov

MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF ACADEMIC MOBILITY OF ACTORS INVOLVED IN EDUCATIONAL PROCESS 202

LANGUAGE IN THE CONTEXT OF NATIONAL CULTURE

V.P. Danilenko

THE BRILLIANCE OF WIT IN A.S.PUSHKIN'S LETTERS TO P.A. VYAZEMSKY AND N.N. PUSHKINA 211

N.V. Bubnova

SMOLENSK ONOMASTIC UNITS AS A PART OF THE NATIONAL BACKGROUND KNOWLEDGE 218

M.J. Evteeva

THE PROTOTYPICAL MEANINGS OF THE BROAD MEANING VERBS MACHEN AND TUN 223

E.B. Lashina

PROTOTYPICAL AND NONPROTOTYPICAL WAYS OF THE CODE INCLUDINGS INTO THE PROSAIC TEXT 229

AUTHORS 238

THE RESEARCH DEPARTMENT INFORMS 240

INFORMATION FOR APPLICANTS 244

ВОСТОЧНЫЕ ЯЗЫКИ: ЛИНГВИСТИКА, МЕТОДИКА

ORIENTAL LANGUAGES IN LINGVISTIC & METHODOLOGICAL CONTEXTS

УДК 811.58
ББК 81.411.2:81.711

А.А. Хаматова

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Последние тридцать лет характеризуются большими изменениями во всех сферах человеческой деятельности в Китае, что моментально отражается на лексике китайского языка. Пути пополнения лексики китайского языка в конце прошлого века изучались отечественными и китайскими лингвистами. В публикуемой статье на материале «Словаря неологизмов китайского языка (2005–2010)», включающего 2000 слов, проводится анализ тенденций в развитии лексики китайского языка в начале нового столетия.

Ключевые слова: *неологизмы; словообразование; иностранные заимствования; буквенные слова; аббревиация; Интернет-лексика*

A.A. Khamatova

TRENDS OF THE DEVELOPMENT OF THE CNESE VOCABULARY IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

The last thirty years have been characterized by remarkable changes in all fields of human activities in China. The response of the vocabulary of the Chinese language has been immediate and sensitive. The ways of the enrichment of the Chinese vocabulary during last twenty years of the XX century were analyzed by Russian and Chinese specialists. The article represents the analysis of trends of the development of the Chinese vocabulary in the beginning of the XXI century on the basis of «Chinese neologism dictionary (2005–2010)» that contains 2000 words.

Key words*: neologisms; word-formation; loan-words; letter-words; abbreviations; internet-words*

Являясь сложной динамической системой, язык находится в постоянном движении. Он непрерывно развивается, имеет свое прошлое, настоящее и будущее. Наиболее ярким подтверждением динамичного характера языка служит его способность обогащать свой словарный состав новыми единицами. В истории любого языка есть периоды наиболее бурного развития словарного состава. Два последних десятилетия прошлого века можно смело назвать неологическим бумом в китайском языке. Для Китая этот период характеризовался большими изменениями во всех сферах человеческой жизни, а лексика чутко, быстро и своевременно реагирует на эти изменения.

Основные тенденции в лексике китайского языка указанного периода были выявлены в ходе исследований неологизмов китайского языка отечественными и китайскими учеными [Жолобова, 2004, с. 103–106; Семенас, 2000; Солнцева, 2002, с. 231–234; Хаматова, 1997, с. 69–72; Хаматова, 2010, с. 106–110]. Ван Дэчунь, Чэнь Юань, Чжао Кэцинь, Н.В. Солнцева, А.Л. Семенас, автор данной статьи и многие другие, анализируя лексику различных словарей китайского языка, обратили внимание на то, что абсолютное большинство неологизмов – это сложные слова, например:

俏销 *qiàoxiāo* – ходовой товар;

开张 *kāizhāng* – открывать свое дело;

少年犯 *shàoniánfàn* – несовершеннолетний преступник;

独苗 *dúmiáo* – единственный ребенок;

中介人 *zhōngjièrén* – посредник.

В китайском языке стал активно распространяться процесс противоположный словосложению – сокращение слов и словосочетаний, морфемная контракция:

立交 *lìjiāo* – сокращение от 立体交通 *lìtǐjiāotōng* – перекресток;

世行 *shìháng* – сокращение от 世界银行 *shìjièyínháng* – Всемирный банк;

三北 *sānběi* – сокращенное общее название для Северо-Востока, Севера и Северо-Запада Китая.

Появилось большое количество неологиз-

© Хаматова А.А., 2012

мов с так называемыми аффиксами и полуаффиксами: 多~ *duō*~, 高~ *gāo*~, 软~ *ruǎn*~, 大~ *dà*~, ~热 ~*rè*, ~户 ~*hù*, ~盲 ~*máng*, ~坛 ~*tán*, ~感 ~*gǎn*. Например:

外语热 *wàiyǔrè* – увлечение иностранными языками;

科技盲 *kējìmáng* – несведущий в науке и технике;

武坛 *wǔtán* – мир спортсменов ушу;

关系户 *guānxihù* – люди или организации, имеющие социальные связи;

高产*gāochǎn* – богатый урожай.

Среди новой лексики конца прошлого века был выделен особый вид – неосемантизмы, т. е. старые слова с новым значением. Например:

第三者 *dìsānzhě* – первоначальное значение: люди или организации, участвующие в решении вопроса помимо двух заинтересованных сторон; новое значение: любовник, любовница.

充电 *chōngdiàn* – первоначальное значение: перезаряжать элементы питания; новое значение: переподготовка кадров.

下课 *xiàkè* – первоначальное значение: конец урока; новое значение: уйти с работы, оставить занимаемую должность.

Политика открытых дверей, всемирные процессы глобализации, интернационализации и информатизации способствовали появлению в китайской лексике большого количества иностранных заимствований, заимствований из Гонконга, Аомыня, Тайваня, а также проникновению в китайский язык так называемых 字母词 zìmǔcí – буквенных слов и Интернет-лексики. Например:

a) заимствования из английского языка:

迷你 *mínǐ* – от *mini* – маленький, малый,

三明治 *sānmíngzhì* – от *sandwich* – сэндвич,

代沟 *dàigōu* – от *generation gap* – конфликт между старшими и младшими в отношении к жизненным ценностям;

b) заимствования из Гонконга, Тайваня:

构想 *gòuxiǎng* – концепция,

认知 *rènzhī* – знать и чувствовать, лучше понимать,

研讨会 *yántǎohuì* – симпозиум;

c) заимствования из диалектов:

砍大山 *kǎndàshān* – пустая болтовня,

倒爷 *dǎoyé* – спекулянт,

炒更 *chǎogēng* – подрабатывать;

d) буквенные слова:

UFO – от *Unidentified Flying Object* – НЛО,

ABC – от *America born Chinese* – китаец, родившийся в Америке,

ECG – от *Electro Cardio-Gramm* – электрокардиограмма;

e) Интернет-лексика:

因特网*yīntèwǎng* – Интернет,

电子邮件 *diànzǐ yóujiàn* – электронная почта,

黑客 *hēikè* – хакер, компьютерный пират.

Закончилось первое десятилетие нового века, и, естественно, встает вопрос, изменились ли выявленные в конце прошлого века тенденции развития лексики китайского языка.

В 2011 г. в Шанхае был издан «Словарь неологизмов китайского языка (2005–2010)», включающий 2000 неологизмов, составителем которого является Ван Цзюньси [Словарь неологизмов китайского языка (2005–2010), 2011] (Далее: Словарь). Ван Цзюньси – опытный лексикограф, составитель многих словарей, в том числе «Краткого словаря новых слов китайского языка» (1997 г.), «Словаря сокращений современного китайского языка» (1998 г.) и некоторых других. Его новый словарь позволяет проследить устойчивость тенденций в развитии лексики китайского языка, обозначившихся к концу XX столетия.

Первое, что подтверждают данные Словаря, новая лексика китайского языка многосложна. Из 2000 неологизмов, только 28 односложных слов, что составляет всего 1,4 % лексики Словаря; 1152 слова – это двуслоги (57,6 %); остальная лексика (41 %) представлена трех- и более сложными словами.

Почти половина односложной лексики Словаря (13 слов из 28) отмечена как лексика, использующаяся в Интернете. Например:

表 *biǎo* – не следует, не надо;

寒 *hán* – не в состоянии получить;

槑 *méi* – дойти до полного отупения, остолбенеть;

切 *qiè* – частица, выражающая презрение;

素*sù* – да, есть (синоним 是).

Среди однослогов выделяется группа слов, отмеченная как сокращения. В том числе:

麦 *mùài* – от麦克风 *màikèfēng* – микрофон;

博 *bó* – от博客 *bókè* – блоггер;

院 *yuàn* – от院长 *yuànzhǎng* – президент, директор;

台 *tái* – от台长 *táizhǎng* – руководитель канала (на телевидении);

社 *shè* – от社长 *shèzhǎng* – заведующий директор.

Причем, в словаре указано, что перед тремя последними однослогами (院, 台, 社) обязательно употребляется фамилия конкретного должностного лица.

Лишь один однослог Словаря имеет указание на диалектное происхождение:

面 *miàn* – слабоват.

Среди однослогов Словаря имеются многозначные слова:

粉 *fěn* – 1. Наркотик. 2. Очень (в Интернете).

晒 *shài* – 1. Предать гласности, разместить в Интернете. 2. Обнаружить, экспонировать.

Встречаются среди односложных неологизмов и синонимичные пары. Например:

1. 撂 *liào* – признаться, сознаться;
2. 喷 *pēn* – полностью признаться, сознаться;
1. 顶 *dǐng* – выдержать, поддержать (в Интернете);
2. 挺 *tǐng* – выдержать, поддержать.

Как видно из вышеприведенных примеров, абсолютное большинство однослогов Словаря – это неосемантизмы, но в одном случае мы имеем дело не просто с новым значением уже имеющихся слов или морфем, но с необходимостью создания нового иероглифического знака: 槑 *méi* – дойти до полного отупения, остолбенеть. Известно, что слово *тупой* записывается в китайском языке иероглифом 呆 *dāi*. В Словаре неологизмов для обозначения высшей степени отупения используется новый иероглиф, представляющий из себя редупликацию уже имеющегося.

Анализ многосложной лексики Словаря свидетельствует о том, что основным способом образования неологизмов является словосложение / основосложение. Это характерно как для двусложных слов, так и более сложных лексических образований. Например:

彩晶 *cǎijīng* – цветной хрусталь;

黑社 *hēishè* – туристическая фирма, незаконно занимающаяся делами;

互联网寡妇 *hùliánwǎng guǎfù* – Интернет-вдова (так обозначают женщин, к которым охладели мужчины, в том числе и муж, увлекшись без оглядки Интернетом);

毒女 *dúnǚ* – наркоманка;

电话家教 *diànhuà jiājiào* – новая форма обучения на дому. Внеся плату за месяц обучения, студент может получать консультации преподавателя по телефону.

Среди многосложных неологизмов выделяется пласт лексики, имеющий помету «网络用语» *wǎngluò yòngyǔ* – Интернет-термин. К таким словам относится, например:

黑人 *hēirén* – действия, связанные с критикой или клеветой на других людей (у этого слова в ранее изданных словарях неологизмов было отмечено другое значение – человек без прописки, не зарегистрироваться по месту жительства);

好康 *hǎokāng* – красивый;

灰常 *huīcháng* – чрезвычайный, необыкновенный;

么么黑 *mòmòhēi* – очень мрачный, очень темный;

杯具 *bēijù* – трагедия (омонимично 悲剧 *bēijù* – трагедия, драма);

茶具*chájù* – отклонение, разница (ср. с 差距 *chājù* – отклонение, разница).

Кстати, в обследуемом Словаре есть неологизм, обозначающий привычку к Интернету:

第五习惯 *dìwǔ xíguàn* – пятая привычка (после книг, газет, радио, телевизора).

Обозначенные в китайской лингвистике как «новые аффиксы» некоторые из китайских морфем входят и в состав неологизмов, включенных в Словарь. Например:

高坛*gāotán* – мир игроков в гольф;

毒坛 *dútán* – наркоманы, мир наркоманов (в данном случае наблюдается семантическое изменение морфемы 坛 *tán* – раньше она употреблялась только для образования слов, имеющих позитивный характер);

乐拍族 *lèpāizū* – любители фотографироваться;

乐活族 *lèhuózū* – люди, предпочитающие веселый образ жизни.

Анализ лексики Словаря подтверждает предположение о том, что морфемная контракция как реакция на увеличение числа многосложной лексики в начале XXI в. продолжает быть продуктивным способом образования неологизмов. Например:

地工 *dìgōng* – от地下工作者 *dìxià gōngzuòzhě* – нелегальный работник;

币市*bìshì* – от钱币市场 *qiánbì shìchǎng* – финансовый рынок;

三险 *sānxiǎn* – 养老保险*yǎnglǎo bǎoxiǎn*，失业保险*shīyè bǎoxiǎn*，医疗保险 *yīliáo bǎoxiǎn* – три вида социального страхования (по старости, по безработице, по болезни).

В особую группу (其他qítā – другое, прочее) выделены 107 новообразований, которые представляют собой, в основном, так называ-

емые буквенные слова (字母词 zìmǔcí), но в этот же список включены новообразования, состоящие из сочетания букв и иероглифов, цифр и букв, а также просто цифр. Большинство из этих неологизмов – заимствованные аббревиатуры, но есть и более сложные образования и даже буквенные слова и междометия (значительная часть этой лексики имеет помету – Интернет-термин):

m – дурак, болван (Интернет);

e – злые замыслы (Интернет);

VC – *venture capital* – венчурный капитал;

PE – *private equity* – частные капиталовложения;

WEF – *World Economic Forum* – Всемирный экономический форум;

WTA – *Women's Tennis Association* – Женская теннисная ассоциация;

WPBA – *Women's Professional Billiard Association* – Женская ассоциация профессионального бильярда;

3F女性 – *sān – nǚxìng* (*3F – fat, fertile, forty* – полная, способная к воспроизведению потомства женщина сорока лет (среднего возраста));

3Q – *thank you* – спасибо (Интернет);

419 – *sìyījiǔ* (*four, one, nine – for one night*) – любовь на одну ночь;

high – весело, радостный (Интернет);

Ha ha – смех (Интернет);

He he – смех (Интернет);

8好意思 *bā hǎoyìsi* (不好意思*bù hǎoyìsi*) – неудобно, неловко (Интернет).

Значительную часть неологизмов, включенных в раздел «другое, прочее», составляют аббревиатуры первых букв фонетической транскрипции «пиньинь» китайских морфем. Например:

BC – báichī – 白痴 – идиот (Интернет);

BH – biāohàn – 彪悍 – аномалии в психике (Интернет);

gx – gōngxǐ – 恭喜 – поздравлять, поздравления (Интернет);

JR – jiànrén – 贱人 – проститутка (Интернет);

JS – jiānshāng – 奸商 – спекулянт (Интернет);

SB – shǎbi – 傻比 – дура, идиотка (Интернет).

Таким образом, анализ лексики Словаря неологизмов позволяет сделать вывод о том, что тенденции в развитии лексики китайского языка, наметившиеся в конце прошлого века, продолжают развиваться и в начале XXI в. К этим тенденциям можно отнести следующие:

– Многосложная лексика составляет абсолютное большинство новых словообразований в китайском языке.

– Основные способы образования неологизмов: словосложение / основосложение, морфемная контракция, аффиксация и лексико-семантический. Конверсия и редупликация не являются продуктивными словообразовательными способами для неологизмов.

– Иностранные заимствования – активные источники пополнения лексики китайского языка. Большинство заимствований – английские слова. Эти заимствования могут быть различных типов: фонетические, семантические, полусемантические, гибридные. Среди неологизмов встречаются диалектические заимствования.

– Растет число буквенных слов. Анализ словаря неологизмов свидетельствует, что увеличивается и число разновидностей таких слов. Часто это уже не просто буквенные слова и слова-гибриды, сочетающие иероглифы и буквы, но и более сложные образования, включающие цифры.

– Активно развивается лексика, используемая в Интернете. В обследуемом словаре такая лексика размещена как в основном корпусе (иероглифическая запись), так и в специальном разделе, обозначенном 其他 qítā – другое, прочее и включающем как буквенные образования, так и сочетания буквенных образований с иероглифическими и цифровыми обозначениями.

Разнообразие Интернет-лексики привело к тому, что авторы и составители словарей неологизмов по-разному размещают ее в своих работах. Так, составители словаря неологизмов, вышедшего в Шанхае в 2009 г., поместили всю новую лексику Интернета в специальное приложение, выделив в нем четыре раздела: 1. Иероглифические неологизмы. 2. Буквенные слова. 3. Цифровые неологизмы. 4. Часто употребляемые знаки [Словарь неологизмов современного китайского языка, 2009, с. 396–419].

Определенные трудности испытывают составители словарей при работе с буквенными словами. Если это не специальный словарь буквенных слов (а такие уже имеются [Сло-

варь буквенных слов, Пекин, 2008]), то часть подобных новообразований помещается в основной корпус, а часть в приложение. Причем, с каждым годом число таких новообразований в приложениях увеличивается.

Каждая из тенденций развития лексики китайского языка требует тщательного изучения и описания. Анализ лексики Словаря неологизмов, подтвердив устойчивость тенденций развития лексики китайского языка, дает повод для дальнейших размышлений о судьбе неологизмов: как происходит адаптация неологизмов; почему одна их часть активно используется в языке и входит в основной словарный состав, а другая исчезает, будучи вытесненной синонимами; оказывают ли буквенные слова влияние на типологию китайского языка и на характер его письменности; что считать нормой в Интернет-лексике и т. д. Бурное развитие Интернет-общения привело к образованию специфической термино-системы, обладающей своей спецификой и своим сленгом, которые также нуждаются в специальном изучении.

Библиографический список

1. *Жолобова, Е.С.* Неологизмы в китайском языке нового периода и сложности их перевода [Текст] / Е.С. Жолобова // Китайское языкознание. Изолирующие языки : материалы XII Междунар. конф. (Москва, 22–23 июня 2004 г.). – М. : Ин-т языкознания РАН, 2004. – С. 103–106.
2. *Семенас, А.Л.* Лексика китайского языка [Текст] / А.Л. Семенас. – М. : Муравей, 2000. – 312 с.
3. *Солнцева, Н.В.* Некоторые вопросы неологизмов [Текст] / Н.В. Солнцева // Китайское языкознание. Изолирующие языки : материалы XI Междунар. конф. (Москва, 25–26 июня 2002 г.). – М. : Институт языкознания РАН, 2002. – С. 231–234.
4. 汉语新词词典: 2005–2010 [Text] / 王均熙编著. – 上海: 学林出版社, 2011.
5. Словарь неологизмов китайского языка (2005–2010) [Текст] / сост. Ван Цзюньси. – Шанхай : Сюэлинь, 2011. – 266 с.
6. 汉语字母词词典[Text] / 刘涌泉编著. – 北京: 外语教学与研究出版社, 2008.
7. Словарь буквенных слов [Текст] / сост. Лю Юнцюань. – Пекин: Преподавание и изучение иностранных языков, 2008. – 273 с.
8. 现代汉语新词语词典 [Text]. – 上海: 上海辞书出版社, 2009.
9. Словарь неологизмов современного китайского языка [Текст] / под ред. Кан Шиюн – Шанхай : Шанхайское издательство словарей, 2009. – 429 с.

УДК 81.00
ББК 81.00

Н.Л. Адилханян

КОНТИНУУМ СУЩЕСТВ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА В ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья выполнена в русле этно-социо-лингвокультурологических исследований. Объектом исследования послужил континуум сверхъестественных существ, полученный в результате анкетирования представителей русской и китайской языковых культур. Сопоставительный аспект описания полученного континуума придает работе актуальность и новизну.

Ключевые слова: *лингвокультурология; культурный код; этнокультурная эмблематика*

N.L. Adilkhanyan

CONTINUUM OF SUPERNATURAL BEINGS IN THE EMBLEMATIC ASPECT
(IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGE CULTURE)

The article is done within the framework of ethno-socio-linguoculturological approach.The object of the research is the continuum of supernatural beings obtained by questioning representatives of the Russian and Chinese language cultures. The comparative aspect of the continuum description gives the research relevance and novelty.

Key words: *cultural linguistics; cultural code; ethnocultural emblems*

© Адилханян Л.Н., 2012

В последние десятилетия возникло и получило активное развитие лингвокультурологическое направление в лингвистических исследованиях. Современное языкознание поставило во главу исследований человека и определение его места в культуре. Одно из основных понятий лингвокультурологии – это культурный код (коды). Культурный код в определении В.В. Красных – это «сетка», которую «культура «набрасывает» на окружающий мир, и таким образом членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [Красных, 2003, с. 297]. М.В. Пименова определяет код культуры как «таксономию элементов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты (биофакты и артефакты), объекты внешнего и внутреннего миров (физические и психические явления)» [Пименова, 2005, с. 214]. Не зная кода культуры, невозможно осознать всю полноту смыслов культурных текстов, эти смыслы, значения остаются закрытыми.

Важную роль в понимании культуры имеет этнокультурная эмблематика. Эмблема включает в себя когнитивную составляющую, этническую обусловленность и эмоциональную оценку. За каждой эмблемой стоит пласт культуры, без ее детального понимания становится невозможным «прочитать», что стоит за той или иной эмблемой этнических, социальных, возрастных и т. д. групп.

Во все времена, начиная с глубокой древности, и по сей день потусторонний мир присутствует в нашей обыденной жизни, даже если мы и не отдаем себе в этом отчета. Жизнь современного человека в его верованиях, поговорках, приметах, действиях по-прежнему наполнена древними мифами и суевериями.

Целью работы стало выделение и попытка анализа континуума потусторонних существ, на материале данных, полученных в ходе анкетирования представителей русской и китайской культур. В качестве исследуемого языкового сообщества были выбраны 60 студентов языковых вузов в возрастной группе от 18 до 24 лет – представители двух языковых культур – русской и китайской. В работе нас, прежде всего, интересовал вопрос о континууме сверхъестественных существ в представлениях молодых, современных людей. Анкета, предложенная информантам, содержала три блока вопросов. Первый блок составили вопросы о том, каких сверхъестественных существ информанты относят к добрым духам, второй блок касался злых духов, третий блок способствовал выявлению существ, которых в их детстве взрослые обозначали, как существ, карающих детей за определенные проступки, а также существ-дарителей, которые должны были наградить и поощрить за хорошие дела и поведение.

К континууму добрых духов китайские информанты отнесли: 佛 (Фо) – Будда Шакьямуни (основатель буддизма, главное божество), 菩萨 (Пуса) – бодисатва, 观音菩萨 (Гуаньинь Пуса) – бодхисатва Гуань-инь, богиня Милосердия, 如来 (Жулай) – Жулай, Татхагата (один из десяти эпитетов Будды), 玉皇大帝 (Юйхуан дади) – Яшмовый владыка (император; верховное божество у даосов), 神仙 (Шэнь сянь) – святой, бессмертный, небожитель (у даосов), 上帝 (Шанди) – верховный владыка Неба, божество, 王母娘娘 (Ван му няннян) – богиня Сиванму (Царица-мать Запада, одна из наиболее почитаемых богинь в даосском пантеоне), 女娲 (Нюйва) – богиня Нюйва (мифическая сестра легендарного императора Фуси), 仙女 (Сянь нюй) – святая дева, небожительница, 土地神 (Ту ди шэнь) – дух (божество) земли, 孙悟空 (Сунь Укун) – Сунь Укун, «Царь Обезьян» (литературный персонаж из роман «Путешествие на Запад» китайского писателя и поэта У Чэнъэня, жившего во времена династии Мин).

Носители русской культуры к континууму добрых духов отнесли: *«что-то летающее, неизвестное», «что-то красивое, с добрыми глазами и улыбающееся», «белое облако с силуэтом человека», ангела-хранителя, ангелов, духов предков, домового* (с пометкой «не всегда»), *Бога, Божью Матерь*.

Среди китайских информантов 56 % опрошенных отнесли к добрым духам 玉皇大帝 (Юйхуан дади) – Яшмового владыку, 53 % – 观音菩萨 (Гуаньинь Пуса, богиню Милосердия), 30 % – 如来 (Жулай) – Жулай, Татхагату, 26 % – 王母娘娘 (Ван му няннян) – богиню Сиванму, 23 % – 孙悟空 (Сунь Укуна). 10 % –上帝 (Шанди), прочие духи отмечены менее чем в 8 % ответов. Источниками происхождения названных духов являются религиозные течения Китая – буддизм, даосизм и мифы Древнего Китая, также литературный источник – один из четырех классических романов

Китая – «Путешествие на Запад». Среди представителей русской культуры духи из религиозных источников занимают: 10 % – ангелы, 2 % (Бог, Божья Матерь, ангел-хранитель); 16 % составили духи неясной этимологии – *«что-то летающее, неизвестное», «белое облако с силуэтом человека»,* 10 % указали *домового*, 5 % – *духов предков*. Ответ на вопрос о добрых духах вызвал у русских респондентов определенные затруднения, что не было отмечено у китайских респондентов.

К континууму злых духов китайские информанты отнесли: 阎罗王 (Янь ло ван) – Яньло-ван, Яма-раджа (мифический владыка ада, верховный судья потустороннего мира), 白骨精 (Байгу цзин) – «демон белой кости» (страшный персонаж из романа «Путешествие на Запад», который оборачивался миловидной девушкой), 猪八戒 (Чжу Бацзе) – Чжу Бацзе (персонаж романа «Путешествие на Запад», воплощение алчности и похотливости), 厉鬼 (Ли гуй) – злые духи, демоны, 吊死鬼 (Дяо сы гуй) – призрак повесившегося, 无常 (У чан) – Учан, посланец царства смерти, 恶鬼 (Э гуй) – в буддизме – злой демон, губящий людей, 妖精 (Яо цзин) – оборотень, нечистая сила.

К злым духам респонденты – носители русской культуры – отнесли: кикимору (дух в облике женщины, обитает в доме, на подворье, в пустых, заброшенных домах), домового (дух – главный в крестьянском доме, во дворе, отношение к нему уважительное, но с некоторым опасением), водяного (дух, живущий в воде; «хозяин» водной стихии), *лешего* (лесной дух, «хозяин» леса), *бабу-ягу* (лесное божество, ведьма), *Кощея (Кащея) Бессмертного* (персонаж с неясной этимологией, возможно, что образ имел отношение к обрядам посвящения, а также различным языческим обрядам), *черта* (обобщающее название нечистых духов), *беса* (нечистый дух; черт), *демонов* (злые духи), *вампира* (оборотень-кровосос), *упыря* (колдун-покойник), *русалку* (дух в женском облике, связан с водоемами, также лесом, полем и т. д.), *приведение* (призрак умершего существа), *полтергейст* (явления неизвестной природы).

Источниками континуума злых духов в ответах китайских информантов так же, как и добрых духов, явились религиозные течения, культы и роман «Путешествие на Запад». 40 % ответов включали 白骨精 (Байгу цзин) – «демона белой кости», 50 % – 猪八戒 (Чжу Бацзе) – Чжу Бацзе (персонажи романа «Путешествие на Запад»), 30% –阎罗王 (Янь ло ван), 厉鬼 (Ли гуй) – злые духи, демоны, 吊死鬼 (Дяо сы гуй) – призрак повесившегося, 无常 (У чан) – Учан, посланец царства смерти, 恶鬼 (Э гуй) – в буддизме – злой демон, губящий людей, 妖精 (Яо цзин) – оборотень, нечистая сила.

Континуум злых духов, указанных русскими информантами, составили персонажи славянской мифологии и фольклора – *кикимора, домовой, леший, Баба-Яга, водяной, упырь, русалка, Кощей бессмертный* присутствуют в 95 % ответов, 10 % составили потусторонние духи, относящиеся к мифологии и фольклору Западной Европы – *вампир, полтергейст, приведение*.

В ответах китайских информантов духов, существ, которые бы поощряли детей за хорошие поступки, приносили им подарки – нет. Китайские информанты в качестве дарителей назвали *маму, папу, дедушек и бабушек*. На праздник Весны (春节 Чунь цзе), Китайский Новый год, детям традиционно дарят красные (красный цвет символизирует счастье и удачу) конверты (红包 хун бао) с деньгами.

В ответах информантов, носителей русской культуры, первое место по числу ответов занимают главные персонажи в праздновании Нового года – *Дед Мороз*, а также *Дед Мороз и Снегурочка*. Восточные славяне в дохристианский период персонифицировали такое природное явление как мороз – это был старец с бородой, который ходил по лесам и полям и вызывал морозы. Образ седого старика с длинной бородой, одетого в шубу красного или синего (реже белого) цвета, сохранился и до настоящего времени. После принятия христианства этот образ сохранился как в народных сказках, так и в авторских (В. Одоевский «Мороз Иванович», В. Даль «Девочка-снегурочка», М. Михайлов «Два мороза», «Морозко»). Сам образ Деда Мороза сложился к началу XX в., но символами празднования Нового года Дед Мороз и Снегурочка становятся только в 1930-е гг. XX в. И, как показал опрос, эти образы остаются неотъемлемыми атрибутами праздника и по сей день.

На вопрос о том, кем пугают в детстве, если дети себя плохо ведут, не выполняют требования взрослых, китайские респонденты назва-

ли: 70 % *волка / большого серого волка (*狼 *лан* / 大灰狼 *да хуй лан)* – 70 % и 40 % – *черта (* 鬼 *гуй)*. В ответах носителей русской культуры первое место (95 %) также занимает *серый волк*, кроме того, в ответах большинства респондентов присутствует *бабай / бабайка*. В большинстве случаев волк персонаж отрицательный как в восточной, так и в европейской культуре. В сказках он, как правило, противостоит добрым героям, и именно с ним идет борьба, но в большей степени это относится к фольклору Западной Европы. В русских сказках волк также может быть отрицательным персонажем («Колобок»), но чаще – это помощник главного героя («Иван-царевич и Серый волк»), либо персонаж, который вызывает скорее жалость и сочувствие, чем страх, так как именно на него сыплются неприятности («Лиса и Волк»). Бабай или бабайка – это «таинственное существо в образе страшного старика, которым пугают детей», «…обозначает нечто таинственное, не вполне определенного облика, нежелательное и опасное» [Власова, 1995, с. 42]. Страх детей вызывают не сказки «о злом волке», а упоминание о «сером волке» и «бабае» в колыбельных, которые поются детям на ночь, что и было отмечено русскими респондентами, примером послужили общеизвестные слова русской народной колыбельной: «Баю-баюшки-баю, / Не ложися на краю: / Придет серенький волчок, / И укусит за бочок». Именно «бабай / бабайка» и «серый волк» указывались как существа, которые «украдут» или «укусят» детей, если они не будут спать.

При проведении анкетирования было выявлено, что русские информанты исследуемого языкового сообщества (студенты), столкнулись с трудностями при ответе на вопросы о добрых духах в русской культуре, малое число информантов (2 %) отнесли к ним религиозные образы – Бога и Божью Матерь, 10 % были названы ангелы, что существенно отличается от данных, полученных от китайских информантов: в их ответах преобладают (от 10 % до 56 %) именно главные образы буддизма, даосизма, мифология. Как отмечает Я.Я.М. де Гроот, «…как только мы обращаемся к религии (Китая), то с удивлением обнаруживаем, что высокоразвитые конфуцианство, даосизм или буддизм занимают довольно скромное место в ее системе, а господствует в ней <…> вполне архаические и в чем-то примитивные представления и культы – культ предков, почитание божеств…» [Де Гроот, 2000, с. 10–11]. Эти слова были написаны о китайской культуре конца XIX – начала XX вв., но не теряют своей актуальности и в наши дни. Интересным в работе стал тот факт, что и представители русской культуры в числе добрых духов назвали духов предков и некие аморфные образы (*«что-то летающее, неизвестное», «белое облако с силуэтом человека»*). Что касается континуума злых духов, то среди указанных представителями русской культуры образов, отмечается высокий процент (95 %) духов славянской мифологии, перешедших в русский народный фольклор. Присутствие этих образов в русских сказках, возможно, объясняет столь высокий процент их упоминаний. Также в ответах (10 %) присутствуют образы потусторонних духов, относящихся к мифологии и фольклору Западной Европы. В силу того, что опрос проводился среди молодых людей, от 18 до 23 лет, можно предположить, что на этот факт повлиял поток хлынувшей из Западной Европы и США мультимедийной продукции (кинофильмы, мультипликационные фильмы), где персонажами и являются указанные образы, чего не было отмечено в ответах китайский информантов. В ответах последних можно отметить большую значимость в культуре Китая одного из классических романов «Путешествие на Запад», персонажи которого были указаны в континууме и добрых, и злых духов. Следует отметить факт упоминая *серого волка* (образ запугивания детей) как в ответах русских информантов, так и китайских. А также отсутствие существа-дарителя в китайской культуре, но наличие и значимость этого образа в русской.

Изучение этнокультурной эмблематики позволяет глубже и шире проникать в культуру разных этнических групп, языковых сообществ, помогает взаимопониманию между представителями этих культур, дает возможность для более детальных исследований как культуры, так и языка разных этносов.

Библиографический список

1. *Адоньева, С.Б.* История современной новогодней традиции [Текст] / С.Б. Адоньева // Мифология и повседневность : сборник. – СПб. : ИРЛИ РАН, 1999. – № 2. – 372 с.
2. *Власова, М.* Новая АБЕВЕГА русских суеверий

[Текст] / М. Власова. – СПб. : Северо-Запад, 1995. – 383 с.
3. *Де Грот, Я.Я.М.* Демонология древнего Китая [Текст] / Я.Я.М. Де Гроот. – СПб. : Евразия, 2000. – С. 10–11.
4. *Душечкина, Е.В.* Три века русской елки [Текст] / Е.В. Душечкина // Наука и жизнь. – 2008. – № 1. – С. 110–116.
5. *Красных, В.В.* «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? [Текст] / В.В. Красных.– М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
6. *Малявин, В.В.* Китайская цивилизация [Текст] / В.В. Малявин. – М. : Астрель, 2001. – 631 с.
7. *Маслова, В.А.* Лингвокультурология [Текст] / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
8. *Пименова, М.В.* Культурные коды и авторская концептуализация сердца (на примере произведений С.А. Есенина) [Текст] / М.В. Пименова // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования : в 2 ч. – Самара : СГУ, 2006. – Ч. 2. – С. 7–14.
9. *Степанов, Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю.С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
10. *Телия, В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

УДК 81-122.2
ББК 81.2

В.В. Аникина

МЕСТО КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА В ГЕНЕАЛОГНИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ: ЕВРОПЕЙСКИЙ, ВОСТОЧНЫЙ ПОДХОДЫ

Статья освещает актуальный вопрос о месте корейского языка в генеалогической классификации языков. Рассматриваются основные характеристики теорий западноевропейских лингвистов, а также учение корейского лингвиста Ли Ги Муна. Определяется общее и отличное в подходах корейского и европейского языкознания к вопросу установления родственных отношений корейского языка с японским, а также с языками алтайской семьи.

Ключевые слова*: алтайская теория; реконструкция; когуреский язык; пэкческий язык; силлаский язык*

V.V. Anikina

THE POSITION OF KOREAN IN THE GENETIC CLASSIFICATION OF LANGUAGES: EUROPEAN VS. EASTERN THEORIES

This article is focused on the position of Korean in the genetic classification of languages and theories proposed by the European and Korean linguists. Besides, the article defines common and distinctive features of European and Korean theories on genetic affinity of Korean with Altaic and Korean with Japanese.

Key words: *Altaic theory; reconstruction; Koguryŏ language; Paekche language; Silla language*

В современной лингвистике вопрос о принадлежности корейского языка к алтайской языковой семье остается спорным. Несмотря на то, что большинство европейских и корейских филологов являются сторонниками теории родства корейского языка с языками алтайской семьи, им противостоят отдельные ученые, которые придерживаются иного мнения. В связи с этим все существующие теории в европейском и корейском языкознании можно свести к двум основным: алтайская и не-алтайская. Анализ этих взглядов мы и рассматриваем как цель нашей статьи.

В российской научной литературе корейский язык традиционно трактуется как язык изолированный, генетические связи которого устанавливаются лишь гипотетически [Ярцева, 1998, с. 240], либо как язык, не относящийся ни к одной языковой семье. Однако относительно недавно в свет вышли фундаментальные работы А.В. Дыбо, С.А. Старостина, в которых приведены веские доказательства в пользу родства корейского языка с языками алтайской семьи. В европейском и корейском

© Аникина В.В., 2012

языкознании так же, как и в российском, приоритет отдается алтайской гипотезе, в рамках которой признается родство корейского языка с маньчжурским и тюркским языками.

Вопрос о месте корейского языка в генеалогической классификации был поднят лингвистами еще в XIX в. Е. Астон и Л. Росни первыми высказали предположение о связи корейского языка с языками алтайской семьи. В начале XX столетия почти одновременно и независимо друг друга финский лингвист Г. Рамстедт и русский ученый Е.Д. Поливанов опубликовали свои работы, в которых корейский язык вслед за лингвистами предшествующего столетия был отнесен к алтайской языковой семье.

Е.Д. Поливанов проводил сопоставление языков на фонетическом и морфологическом уровнях. Суммируя результаты исследования, он пришел к следующим выводам: 1) исключительно суффиксальный характер морфологии – и в алтайских, и в корейском языках; 2) постоянное место и экспираторный характер ударения; 3) приблизительные сходства в типичном количественном составе лексической морфемы; 4) сингармонизм, являющийся характерным для всех групп «алтайского семейства, однако отсутствующий в современном корейском языке»; 5) сходства общего характера в составе фонетической системы (гласных и согласных) [Поливанов, 1928, с. 160].

Г. Рамстедт так же, как и Е.Д. Поливанов, отнес корейский язык к алтайской языковой семье [Ramstedt, 1939, p. 54]. Именно его теория впоследствии легла в основу многих исследований европейских и корейских филологов.

В отличие от Е.Д. Поливанова, Г. Рамстедт уделяет особое внимание исследованию родства корейского и японского языков. Он выделяет четыре основных признака, по которым можно определить родственные связи этих языков: 1) наличие лексических единиц, у которых отсутствуют префиксы или инфиксы; 2) наличие архаичных форм суффиксов; 3) схожее построение слогов; 4) наличие закономерности: в начале слова обязательно присутствует гласный звук или согласный в сочетании с гласным. Два согласных звука не могут быть начальными [Ramstedt, 1939, p. 54].

Самым цитируемым автором в корейской лингвистике, на наш взгляд, является советский, а затем американский монголовед Н. Поппе, который так же, как и его предшественники, исследовал проблему родства корейского языка с языками алтайской семьи. Н. Поппе в своей работе ссылается на труды Г. Рамстедта и корейского филолога Ли Ги Муна. Он отмечает недостаточную изученность корейского языка, что, в свою очередь, не дает возможности считать его в полной мере членом алтайской языковой семьи [Poppe, 1965, p. 163]. Однако Н. Поппе не опровергает выводы Г. Рамстедта, а наоборот призывает искать новые доказательства в пользу теории финского ученого.

Классификация языков, предложенная Н. Поппе, указывает на то, что корейский язык не имел промежуточных стадий, следовательно, не был связан ни с одной из групп алтайской семьи; он отделился непосредственно от праязыка.

Г. Рамстедт, а вслед за ним и Н. Поппе, стал основоположником, так называемой теории о «микро-алтайской» [Johanson, 2006, p. 170] семье, к которой относятся тюркский, монгольский, тунгусский языки и корейский язык в том числе. Последователи Г. Расмтедта и Н. Поппе не ставили задачу опровергнуть теории своих предшественников, а занимались сбором материала, который мог бы служить новым доказательством в пользу их гипотезы.

В конце XX в., наряду с западноевропейскими учеными, российские лингвисты также активно стали заниматься вопросом генеалогии корейского языка. С.А. Старостин, изучая родство японского и корейского языков, рассматривает последний в составе алтайской языковой семьи. На примере сопоставления фонетических и лексических единиц он представляет большое количество доказательств в пользу своей гипотезы. С.А. Старостин говорит о том, что алтайская семья древнее большинства других языковых семей Евразии (в частности, древнее индоевропейской и финно-угорской), а потому современные алтайские языки сохранили меньше общих элементов, а оставшиеся общие элементы в них подверглись большим трансформациям, чем это имело место в истории многих других языковых семей. «Алтайские языки уже после распада продолжали контактировать между собой и изобилуют сравнительно поздними

взаимными заимствованиями» [Старостин, 1991, с. 160]. Такое утверждение позволяет ответить сразу на два вопроса о том: 1) почему же в настоящее время крайне сложно установить общий праязык для языков алтайской семьи; 2) почему практически невозможно восстановить все стадии эволюции корейского языка.

Российский ученый уделяет особое внимание японскому языку, отмечая, что тот равноудален от тюркского, монгольского и тунгусо-маньчжурского, но явно находится ближе к корейскому [Старостин, 1991, с. 169]. Он предлагает так же, как и Р.А. Миллер, выделять полуостровную подгруппу алтайских языков, в составе которой находятся корейский и японский языки.

В ходе сопоставительного анализа фонетических и лексических единиц языков алтайской семьи С.А. Старостин приходит к выводу о родстве между собой всех алтайских языков, включая японский, причем он неоднократно подчеркивает, что японский больше всего сближается с корейским.

Родство японского и корейского языков в лингвистике всегда выделялось как отдельная тема исследования, которую затрагивали многие европейские ученые. Так, С. Мартин в 1966 г. опубликовал результаты сопоставительного анализа лексических единиц японского и корейского языков. Он провел выборку 265 лексических пар японских и корейских слов, которые, по его мнению, были этимологически связаны между собой.

С. Мартин составил взаимные соответствия для каждой фонемы в каждой лексической паре. Полученные пары были разделены им на три категории: 1) с эквивалентным значением, 2) с частичным эквивалентным значением и 3) с расходящимися значениями. Для ровного счета были добавлены еще 55 пар слов, таким образом, общее число пар составило 320.

Однако, несмотря на такой системный анализ, впоследствии работа С. Мартина подверглась критике. Многие из соответствий, которые были включены во вторую и третью категории, были признаны невозможными. Самые сильные возражения были выдвинуты против самих выведенных закономерностей. Оппоненты теории С. Мартина посчитали, что реконструкции были не более чем формулами, отражающими факт механического процесса, не имеющего ничего общего с реальным языком. Тем не менее, несмотря на критику, статья С. Мартина получила признание среди многих языковедов, и легла в основу большей части последующих компаративистских работ японских лингвистов.

Американский лингвист Р.А. Миллер, освещая вопрос об истории развития алтайской гипотезы, дает отрицательную оценку статье С. Мартина [Martin, 1966]. Кроме того, он делает собственные предположения о дальнейшем развитии компаративистского исследования японского и корейского языков в связи с появлением работы С.А. Старостина, А.В. Дыбо и О.А. Мудрака [Dybo, 2003]. Он утверждает, что в настоящее время, благодаря работам европейских ученых, а также выдающимся исследованиям российских лингвистов в области реконструкции алтайской языковой семьи, в научных кругах признан факт принадлежности корейского и японского языков к алтайской семье [Miller, 2008, p. 264]. Наряду с этим, ученый справедливо отмечает, что остаются до сих пор нерешенными вопросы о реконструкции промежуточных стадий этих языков, об их родстве и о существовании общего праязыка. Р.А. Миллер правомерно указывает на то, что некоторые современные исследователи игнорируют фонетическую сторону текстов на староянпонском и старокорейском языках, поскольку именно анализ фонетического уровня создает дополнительные трудности в сопоставительном процессе [Ibid. P. 277].

Изучая эволюцию корейского и японского языков, Р.А. Миллер приходит к выводу о том, что эти языки индивидуальны. Они рассматриваются им в рамках алтайской семьи как отдельные сущности, которые занимают особое место в истории развития языков. Ученый делает предположение о том, что праязыки корейского и японского могли иметь свою собственную историю, которую еще предстоит изучить. Он прав и в том, что его коллеги-современники очень часто ссылаются на работы своих предшественников, не проводя детального анализа представленных в них материалов. А ведь сопоставляемые элементы в таких исследованиях могут и не иметь под собой прочной исторической основы, как следствие, не все умозаключения могут быть вер-

ными. Кроме того, ученый призывает остановить «игру без правил» [Miller, 2008, p. 288] в отношении японского и корейского языков, и прекратить сравнивать только то, что наиболее доступно и очевидно.

Как и корейские филологи, Р.А. Миллер отмечает, что в настоящее время можно найти древние источники на японском языке, которые по временным рамкам сопоставимы с материалами на тюркском языке. Помимо этого, существует достаточно большой объем исторического материала, записанного на корейском языке в китайской транскрипции. Однако в современной науке нередко компаративный анализ проводится без обращения к данным материалам, лишь на примере доступных языковых единиц, которые с большой степенью вероятности можно считать заимствованиями, о них же упоминает и С.А. Старостин. Выводы, сделанные в ходе анализа подобных заимствований, не могут считаться единственно верными доказательствами принадлежности данных языков к алтайской семье.

Работа корейского филолога Ли Ги Муна отвечает всем требованиям, выдвинутым Р.А. Миллером. Ли Ги Мун детально изучил эволюцию корейского языка, высказал свои, отличные от европейских ученых, предположения об истории развития родного языка и о причинах родства корейского и японского языков.

Корейский лингвист изучает историю развития корейского языка, а также занимается его реконструкцией, оставаясь приверженцем алтайской теории. Вслед за Н. Поппе он одним из первых в современной лингвистике признал тот факт, что корейский язык отделился от праалтайского в самом начале своего развития, и имел свои промежуточные стадии в процессе эволюции.

Обращаясь к истории корейского языка, Ли Ги Мун акцентирует внимание на том, что настоящее его развитие началось в XV в., когда был создан корейский алфавит. Современные ученые исследуют языковой пласт до середины XV в., а вот более древние языковые формы сложны для реконструкции и описания, поскольку представляют собой тексты, записанные китайскими иероглифами, адаптированными под корейскую фонетическую систему.

Ли Ги Мун указывает на то, что попытки ученых определить родство корейского языка с тремя основными языковыми группами алтайской семьи естественны, поскольку корейский лексический пласт неоднороден. Подобные суждения встречаются и в работе С.А. Старостина, который отмечает, что языки алтайской семьи сложно подчинить системному анализу, поскольку слишком высока степень взаимопроникновения лексических единиц. Ли Ги Мун пишет, что за весь период исследования было найдено несколько соответствий с тюркскими языками, большее количество внешнего сходства обнаружено с монгольскими языками. Однако наибольшее число соответствий было установлено с языками тунгусо-маньчжурской группы [Lee Ki Moon, 2001, p. 24].

Именно маньчжурский язык оказал сильное влияние на корейский, что подтверждается и историческими фактами. Маньчжуры жили на севере Корейского полуострова и считали эту территорию своей. В корейской культуре периода династии Цинь (246–207 гг. до н. э.) [Курбанов, 2009, с. 28] происходил интенсивный процесс заимствования материальных и духовных ценностей из маньчжурской культуры, а в лексиконе обоих языков появилось много общих просторечий.

По меньшей мере, около 250 лексических единиц маньчжурского языка можно соотнести с корейскими словами на основе поверхностного анализа. Ли Ги Мун приводит следующие примеры: Ма. *cejen «верхняя часть грудной клетки»* К. *Сес* 젖 *«грудь»*; Ма. *fatan «подошва стопы»*, К. *patang* 바당 *«нижняя часть»*; Ма. *gu «дорогой камень»* К. *kwusul* 구슬 *«дорогой камень»*; Ма. *hacin «вид»*, К. *kaci* 가지 *«вид»*; Ма. *mu-ke «вода» mul* 물 *«вода»*; Ма. *na «земля»*, К. *nalah* 나랗 *«земля»* (*-lah* суффикс) [Lee Ki Moon, 2001, p. 24]. Данные примеры указывают на то, что между народами, населявшими Корейский полуостров и земли, прилегающие к нему, происходил достаточно активный процесс обмена культурными ценностями, благодаря которому лексические единицы из одного языка проникали в другой. Например, Ма. *bele «рис»* может быть связано с *pwoli* 보리 *«ячмень»*, а Ма. *mere «гречиха»* с К. *mil* 밀 *«пшеница»*.

Однако часть лексического состава относительно свободна от подобного вида заимствований. При сопоставлении маньчжур-

ского языка с корейским большое количество соответствий обнаруживается в изменяемых формах, а именно в глаголах. Ли Ги Мун находит 70 глагольных форм маньчжурского языка, имеющих соответствия в корейском. Это позволяет сделать предположение о том, что корейский язык мог быть ветвью тунгусо-маньчжурской группы, которая появилась после разделения протоалтайского языка.

Корейский лингвист описывает историю развития языка, начиная с периода появления первых племен на Корейском полуострове и заканчивая современным состоянием. Именно ранний период зарождения и становления корейского языка фрагментарно описан в европейском языкознании, поэтому и представляет наибольший интерес со стороны современных исследователей.

Первое упоминание о Корее зафиксировано в древних китайских письменных источниках, созданных в эпоху правления династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) [Курбанов, 2009, с. 28]. В летописях данного периода содержится информация о названиях населенных пунктов, городов, народностей, населявших Корейский полуостров. Китайские путешественники в своих воспоминаниях упоминали «варварские» названия: Пуе, Когуре, Окчо и Е, а также племена Три Хан: Махан, Чинхан, Пенхан. Кроме того, они описывали этнические характеристики людей полуострова, их обычаи.

В состав языковой группы Пуе входило 4 языка: Пуе, Когуре, Окчо и Е. Согласно китайским летописям, государство Пуе вело мирную политику по отношению к своим соседям, в отличие от Когуре, которое проявляло агрессию и впоследствии подчинило Окчо и Е.

Племена Хан обитали на юго-западе Корейского полуострова и делились на три группы Три Хан: Махан, Чинхан и Пенхан. Махан – самая многочисленная группа занимала юго-западную часть полуострова, Чинхан – юго-восточную, Пенхан располагалась на юго-востоке вдоль реки Нактоган в непосредственной близости от племен Чинхан. Племена Махан находились на территории, которая впоследствии перешла во владения государства Пэкче. Земли племен Чинхан вошли в состав государства Силла, а земли Пенхан – государства Кая. Согласно историческим данным языки племен Пенхан и Чинхан имели общие черты, а вот язык Махан отличался от своих соседей. Несмотря на то, что языки этих племен отличались друг от друга, история развития у них была похожа, все они попали под влияние языков более сильных государств.

Ли Ги Мун использует в качестве основного источника информации, а также материалов для анализа, исторический памятник Самгук саги (История трех государств), созданный Ким Бусиком в 1145 г. В Самгук саги географические названия записывались двумя способами: 1) транскрипцией, передающей звуковую оболочку; 2) транскрипцией, передающей семантику. Например, название города Сувон в фонетической транскрипции состояло из иероглифов 買忽, а для передачи семантики *«водяной город»* использовались иероглифы 水城. Второй вариант применялся только для передачи значения слова без учета его фонетической стороны. Именно такая двойная запись и по сей день вводит в заблуждение многих исследователей, не позволяя им проводить объективный анализ.

В процессе изучения древних текстов Ли Ги Мун приходит к выводу о том, что когуреский и тунгусо-маньчжурский языки родственны, а также отмечает сходство когуреского языка с японским. Например, слово *«вода»* **may* или **mi*, в эвенкийском звучит, как *mu¯ «вода»*, в маньчжурском *muke «вода»*, в среднемонгольском *mo¨ren «озеро, река»*, а в японском *mi(du) «вода»*, в корейском *mul* 물 [Lee Ki Moon, 2001, p. 41]. Он приводит ряд примеров, подтверждающих родство корейского (когуреского) и японского языков.

В работе корейского лингвиста высказывается иная точка зрения в отличие от современных теорий о родстве корейского и японского языков, в которых говорится только либо о том, что когуреский язык родственен современному корейскому, либо о том, что когуреский имел связь с японским. Ли Ги Мун в рамках восточной традиции отходит от аристотелевского принципа исключенного третьего, допуская совместное существование данных теорий. Именно это позволяет ему сделать предположение о том, что именно когуреский язык мог быть промежуточной ступенью в развитии корейского и японского языков [Lee Ki Moon, 2011, p. 44].

Что касается языка Пэкче, то о нем можно судить только по историческим записям высшего сословия. Ли Ги Мун придерживается мнения о том, что основное население государства Пэкче говорило на языке племени Махан, которое проживало на этой территории. Следовательно, язык Пэкче – это язык, в основе которого лежали языки племен Три Хан, но где пуеский выступал как суперстрат, поскольку Пэкче находилось под сильным влиянием Когуре.

Корейский лингвист отмечает три основных источника, где представлена информация о языке Пэкче: 1) Самгук саги, в нем зафиксированы географические названия; 2) японские письменные памятники, датируемые 720 г. н. э., содержащие несколько десятков слов, например, *as kuma* 久麻 *«медведь»*, *nuri «деревня, крепость»*, *sema* 斯麻 *«остров»*, *nirimu* 爾林 *«учитель»*, *mure* 武禮 *«гора»*, *aripisi «юг»*, *sasi «город-крепость»*; 3) среднекорейский текст *Yongbi oˇch'oˇnka,* в котором упоминается название столицы Пэкче 熊津 *«Медвежья крепость»*, звучащая в транскрипции как *kwo`ma´ no`lo`* [Lee Ki Moon, 2001, p. 46]. Некоторые слова языка Пэкче были обнаружены в среднекорейском языке, например, *kwo`m*: 곰 *«медведь»*, а также в японском *kuma «медведь»*.

Еще одним государством Корейского полуострова раннего периода – является Кая. Государство Кая, в исторических записях встречающееся и под такими названиями, как «Кара» или «Мимана», активно сотрудничало с японскими племенами, которые считали эту территорию своей колонией и использовали ее для нападений на Силла [Тихонов, 2011, с. 107]. В Самгук саги найдено только одно слово из каяского языка 梁 *«ворота»* эквивалентное японскому.

Самое сильное государство Силла, подчинившее себе все государства Корейского полуострова, зародилось на территории племен Чинхан, и начало свою историю с небольшого поселения *Soˇraboˇl.* Этот маленький населенный пункт стал постепенно подчинять близлежащие территории и превратился в мощное государство. По словам Ли Ги Муна, информации о языке поселения *Soˇraboˇl* нет, однако можно предположить, что язык народа, проживавшего в нем, мог повлиять на формирование языка государства Силла и ассимилировать с языками завоеванных племен, причем как язык-победитель для остальных он являлся субстратом. Силла было первым государством на Корейском полуострове, которое подчинило себе все соседние племена. Такое объединение стало не только первым шагом на пути формирования единого сильного государства, но и повлекло зарождение общего языка. Силлаский язык стал Лингва Франка [Lee Ki Moon, 2001, p. 47] на Корейском полуострове.

Именно силлаский язык является праязыком среднекорейского языка, в лингвистических кругах его называют старокорейским. Ли Ги Мун отмечает, что пэкческий и когуреский языки близкородственны силласкому.

Обобщая материал, представленный в работе Ли Ги Муна, можно сделать вывод о том, что на территории Корейского полуострова в догосударственный период существовали две языковые группы: Прапуеская и Три Хан. В прапуескую входили языки догосударственных образований Пуе, Когуре, Окчо и Е; в силу исторического развития все эти языки были объединены под началом когуреского языка. Языки группы Три Хан: Махан, Чинхан и Пенхан стали праязыками для языков государств Пэкче, Силла и Кая соответственно и являлись родственными.

В эпоху Трех государств на Корейском полуострове существовало три языка: когуреский, пэкческий и силлаский. После образования государства Объединенное Силла сформировался новый язык, в основе которого лежал силлаский язык. Однако и когуреский язык, как язык государства с высокоразвитой культурой, оказал большое влияние на формирование нового языка на Корейском полуострове. Доказательством могут служить родственные связи когуреского языка с японским и современным корейским языками.

Подводя итог, следует отметить, что в современной науке нередко встречаются противоречивые мнения о месте корейского языка в генеалогической классификации. Возможность выдвигать аргументы против, казалось бы уже вполне доказанной алтайской теории, может быть спровоцирована следующими факторами: отсутствием доступных письменных памятников, которые можно было бы проанализировать; несовершенным владени-

ем корейским и древнекорейским языками; разными целями исследования (одних ученых интересует вопрос родства корейского и японского языков, другие стремятся доказать принадлежность корейского языка к алтайской языковой семье). Общим для большинства работ является то, что их авторы стремятся реконструировать корейский язык, опираясь на работы своих предшественников, не уделяя должного внимания проверке представленных там фактов.

Ли Ги Мун одним из первых отошел от сложившейся в корейской науке традиции, идти вслед за европейским языкознанием. Он рассматривает эволюцию архаичных форм языка, опираясь на древние памятники письменности, чтение которых не всем европейским ученым под силу. Такой подход к исследованию дает все основания считать выводы корейского филолога наиболее обоснованными и убедительными.

Необходимо отметить, что труды таких лингвистов, как Е.Д. Поливанова, Г. Рамстедта, Н. Поппе, С. Мартина, Н.А. Баскакова, С.А. Старостина, А.В. Дыбо, Ли Ги Муна и др., содержат обоснованные доказательства в пользу принадлежности корейского языка к алтайской языковой семье, поэтому ученым, несогласным с этой гипотезой, становится все сложнее опровергать факты алтаистов. В настоящее время на первое место выходит вопрос о реконструкции корейского языка, нежели проблема его местонахождения в генеалогической классификации языков. Кроме того, с выходом работы Ли Ги Муна очевидно обозначались два направления в реконструкции корейского языка: европейский и восточный. Безусловно, корейский ученый осуществляет свое исследование, опираясь на теоретическую базу своих коллег-европейцев, но он, в отличие от них, проводит анализ, допуская одновременное существования нескольких утверждений. Это позволяет ему сделать вывод о том, что когуреский язык мог быть праязыком для современного корейского и японского языков. Данные факты указывают на то, что корейская лингвистика в этом вопросе идет по пути собственного исследования, раскрывая все новые идиоматические элементы родного языка.

Библиографический список

1. *Баскаков, Н.А.* Алтайская семья языков и ее изучение [Текст] / Н.А. Баскаков. – М. : Наука, 1981. – 133 с.
2. *Курбанов, С.О.* История Кореи : с древности на начала XXI века [Текст] / С.О. Курбанов. – СПб. : С.-Петерб. ун-т, 2009. – 680 с.
3. *Маслов, Ю.С.* Введение в языкознание [Текст] / Ю.С. Маслов. – 4-е изд. – М. : Академия, 2005. – 304 с.
4. *Поливанов, Е.Д.* Введение в языкознание для востоковедных вузов [Текст] / Е.Д. Поливанов. – Л. : Ленинградский вост. ин-т, 1928. – 221 с.
5. *Реформатский, А.А.* Введение в языкознание [Текст] : учебник / А.А. Реформатский. – 5-е изд., испр. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 536 с.
6. *Старостин, С.А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка [Текст] / С.А. Старостин. – М. : Наука,1991. – 190 с.
7. *Тихонов, В.М.* История Кореи [Текст] : в 2 т. / В.М. Тихонов. – М. : Наталис, 2011. – Т. 1. – 533 с.
8. *Языкознание.* Большой энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685с.
9. *An* Etymological dictionary of the Altaic languages [Text]. – Dybo A. Leiden, 2003. – 2096 p.
10. *Aston, W.G.* A Comparative study of Japanese and Korean Language [Text] / W.G. Aston // The Journal of Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. – 1879. – Vol. XI. – P. 1–45.
11. *Choi, Han Woo* A comparative study of Korean and Turkic. Is Korean Altaic?. Altaica [Electronic resource] / Han Woo Choi. – URL : http://altaica.ru/LIBRARY/CHOI/choi1996.pdf (дата обращения : 21.12.2011).
12. *Johanson, L.* Altaic Languages. Altaic Linguistic family [Electronic resource] / L. Johanson. – URL : http://s155239215.onlinehome.us/turkic/40_Language/AlataicLanguageFamilyEn.htm (дата обращения 17.11.2011).
13. *Lee, Ki Moon* A history of the Korean language [Text] / Ki Moon Lee. – New York : Cambridge University, 2011. – 348 p.
14. *Martin, S.E.* Lexical evidence relating Korean to Japanese [Text] / S.E. Martin // Linguistic Society of America. Language. – 1966. – № 2 (42). – P. 185–251.
15. *Miller, R.A.* Comparing Japanese and Korean. Docs.google.com [Electronic resouse] / R.A. Miller. – URL : https://docs.google.com/viewer?a=v&q=cache:N-zs_N9NqSsJ:anthro.unige.ch/~sanchez-mazas/phm/ (дата обращения 04.01.2012).
16. *Poppe, N.* Introduction to Altaic linguistic [Text] / N. Poppe. – Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1965. – 221 p.
17. *Ramstedt, G.J.* A Korean Grammar [Text] / G.J. Ramstedt. – Helsinki : Suomalais-Ugrilainen,1939. – IV. – 200 p.
18. *Rosny, L.* Aperçu de la Langue Coréenne [Text] / L. de Rosny // Journal Asiatique 6-ser. – 1864. – Vol. 3. – P. 4–30.

УДК 81’22:1
ББК 87.3

М.В. Багинская

О ВНУТРЕННЕЙ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ИМЕНИ КАК ЗНАКА
(ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИМЕНИ А.Ф. ЛОСЕВА В ТЕРМИНАХ ЛИНГВИСТИКИ)

Статья посвящена рассмотрению философской концепции имени А.Ф. Лосева с точки зрения лингвистики. Проблема изучения имени в рамках антропоцентрической парадигмы – проблема мультидисциплинарная. С этой точки зрения изучение философских оснований представления имени как особой сущности может внести значительный вклад в классическую ономастику.

Ключевые слова: *имя; знак; значение; символ; означающее; означаемое*

M.V. Baginskaya

ON INTERNAL CONTRAVERSY OF THE NAME AS A SIGN
(PHILOSOPHICAL CONCEPTION OF A.F. LOSEV IN A LINGUISTIC CONTEXT)

The article is dedicated to the philosophical conception of the name originated by A.F. Losev and viewed herewith in a linguistic perspective. The essence of the name is a multidisciplinary problem in the anthropocentric paradigm. Therefore, philosophical reasons for scholastic interpretation of the name as a special entity can make a significant contribution to the classical onomastics.

Key words: *name; sign; signifier; symbol; meaning; signified*

Современные лингвистические исследования по преимуществу строятся на междисциплинарной основе. Для полного осмысления многих языковых явлений требуется привлечение данных психологии, философии, социологии, культурологии и других наук. Однако не всегда информация, полученная путем изысканий в смежных научных отраслях, в полной мере применима к решению языковых проблем.

Так, зачастую становится необходимым выполнять своего рода перевод из одной терминологической системы в другую – особенно в тех случаях, когда дело касается философской трактовки некоторых лингвистических вопросов. По словам М. Фуко, «каждая научная дисциплина обладает своим дискурсом, выступающим в виде специфической для данной дисциплины «формы знания – понятийного аппарата с тезаурусными взаимосвязями» [Ильин, 1999, с. 41]. Об этом же в свое время писал Р. Якобсон, выделяя внутриязыковой перевод в отдельную категорию [Якобсон, 1978, с. 16].

Следовательно, обогащение лингвистики новыми фактами, доказанными и успешно используемыми в иных научных отраслях, возможно только в результате их интерпретации в исключительно лингвистическом контексте. «Надо одну категорию объяснить другой категорией так, чтобы видно было, как одна категория порождает другую и все вместе – друг друга» [Лосев, 2009, с. 84].

Философия имени как особая область знания представляет собой ценный источник фактов, которые могут послужить основой для нового, более полного понимания сущности имени. Однако такому пониманию должно предшествовать детальное рассмотрение непосредственно философской основы имени как явления языка и действительности и последующая его интерпретация в сугубо лингвистическом контексте.

Основополагающее понимание имени как слова, а слова как формирующего мысль элемента не противоречит концепции А.Ф. Лосева. Напротив, согласно его рассуждениям, слово, и в частности имя, есть необходимый результат мысли. Только в нем мысль достигает своего высшего напряжения и значения; можно сказать, что без слова и имени нет вообще разумного бытия, разумного проявления бытия, разумной встречи с бытием; слово – могучий деятель мысли и жизни [Там же. С. 97].

 © Багинская М.В., 2012

Рассмотрение сущности имени и проблемы его значения в русле концепции А.Ф. Лосева включает анализ *до*-предметной структуры имени и его предметной структуры. Допредметная структура включает в себя такие элементы, как фонема, семема, ноэма, предметная сущность (рис. 1).

Рис. 1

Каждый из указанных А. Лосевым элементов имеет свой характер и функции, несколько отличные от компонентов значения слова, которыми оперирует лингвистика, но которые, однако, могут быть интерпретированы в ее контексте. Так, фонематическая составляющая имени (или вообще слова), по А. Лосеву,– это «совокупность членораздельных звуков человеческого голоса, характеризуемых особенностями конкретного лица, их произносящего» [Там же. С. 100]. Определение этого компонента более или менее соответствует лингвистическому определению фонемы и не требует особого объяснения с этой точки зрения.

Что касается семемы, то, по определению А. Лосева, это – та сфера слова, которая «обладает характером значения, значимости» [Там же. С. 102]. Определяя таким образом семему, автор в некотором смысле противопоставляет ее фонеме, не обладающей подобными свойствами, что еще раз указывает на ее близость к понятию, используемому в лингвистике: фонема – минимальная единица языка, не имеющая самостоятельного лексического или грамматического значения.

В составе семемы А. Лосев выделяет следующие компоненты: этимон, морфему, синтагму и пойему. В авторской интерпретации термин этимон заменяется термином корень, поэтому кажется целесообразным понимать его именно как корень, т. е. как основу значения слова или имени. Это та элементарная звуковая группа, которая наделена уже определенным значением, выходящим за пределы звукового значения как такового [Там же. С. 102].

Следующий компонент *до*-предметной структуры имени – морфема – служит для связанности одного слова с другим [Там же. С. 103]. В лингвистических терминах такая морфема – это носитель грамматического значения слова: рода, числа, падежа и т. д. Подобное толкование этого компонента связывает его с понятием парадигмы. Действительно, имея некоторое имя в некоторой форме, мы предполагаем наличие какой-то высшей формы этого имени, содержащей in nuce, эту данную форму [Там же. С. 105].

Таким образом, А. Лосев не отказывает имени в возможности иметь закрепленные традицией и правилами связи с другими словами человеческого языка. Напротив, автор, утверждая наличие морфемы в структуре любого из имен, указывает именно на существование парадигматических связей между ними.

Родственные функции в формировании значения слова выполняет синтагма – компонент, сущность которого заключается в том, что каждое слово, входящее в состав предложения, несет на себе энергию всего предложения [Там же. С. 103]. Подобная трактовка функций и свойств несколько затрудняет соотнесение его со схожим понятием, принятым в классической науке о языке. Тем не менее, даже в этом случае можно усмотреть связь с тем, что в лингвистике принято называть синтагматическими связями слова, т. е. связями между единицами языка, обеспечивающими согласование этих единиц. В самом деле, если бы каждое слово значило только то, что оно значит само по себе, невозможно было бы составить никакой фразы из таких слов [Там же. С. 103].

Однако стоит заметить, что соотношение целого и части здесь носит синергийный характер. В интерпретации А. Лосева это соотношение получается совершенно отличным от традиционного. Так, по словам автора, единое и многое есть логически необходимое противоречие, антиномия, ибо одно *не может* быть без многого и *требует* его, а многое само необходимо есть тоже нечто единое, и что это противоречие *необходимо, логически* необходимо примиряется и синтезируется в новой категории, именно в *целом. «Целое»* есть диалектический синтез «одного» и «многого» [Там же. С. 34].

Наконец, пойема – компонент, отвечающий

за смысл слова в зависимости от его расположения внутри фразы, от рифмы и т. д. [Лосев, 2009, с. 104]. Вряд ли этот компонент можно соотнести с каким-либо понятием традиционной структуры слова, однако, очевидно, что значимость его от этого ничуть не уменьшается. Так, пойема имени выходит на первый план в случаях, когда мы имеем дело с молитвами, лозунгами и т. д. Более того, рассмотрение имени в рамках концепции имяславия (а именно ее А. Лосев активно поддерживает и развивает в своих трудах) предполагает наличие в имени этого компонента и его, несомненно, важную роль. Так, пойематический слой в имени выходит на первый план в так называемой Иисусовой молитве, когда молящийся бессчетное число раз повторяет Имя Господа и смысл которой как раз и заключается в том, чтобы через этот повтор постигнуть сущность Бога.

Похожим образом проявляется пойематическая функция имени, когда оно включено в состав лозунгов и даже – «кричалок». Повторение имени, особый ритм всей фразы сближает в этом смысле любой лозунг с молитвой, тем более что цель у двух этих явлений схожа – достижение особого состояния сознания (для себя ли, для толпы), достижение веры в произносимое.

Возможно также, что в составе таких особых речевых произведений, как молитва, заклинание, проклятие, лозунг и т. д., имя приобретает несколько иной смысл, чем во фразах обыденной жизни. Так, повторение имени любимой женщины может отсылать к абстрактному образу любви вообще, имя Господа в молитве становится символом веры в самом широком смысле и т. д. Таким образом, пойематический слой в имени может быть соотнесен с коннотативными значениями, которые могут проявляться в словах (именах) в особых условиях употребления этих слов.

Таким образом, видно, что концепция и терминология А. Лосева хотя и является сугубо философской, авторской, во многом далекой от традиционных постулатов относительно значения имени и слова, все же, так или иначе, содержит в себе указание на грамматическое, предметно-логическое, синтагматическое значение слова.

Кроме того, само рассмотрение указанных элементов в составе именно до-предметной структуры говорит о том, что они суть нечто отвлеченное от конкретных вещей. Все указанные типы семемы суть типы фонетического или, вернее, внешне-словесного характера [Лосев, 2009, с. 104]. Такое определение близко по смыслу к терминам «означающее» или «план выражения».

И даже указанные автором далее символическое единство семемы (первое символическое единство слова) и полное или общее символическое единство семемы (второе символическое единство слова), первое из которых представляет собой объединение всех компонентов семемы в одном слове, а второе – общее значение слова, in potentia содержащее в себе все возможные и мыслимые отдельные значения этого слова, не снижает целесообразности и возможности соотнесения этих компонентов именно с означающим.

Отсутствие на данном этапе какого-либо означаемого не отдаляет исследование А. Лосева от постулатов классической семиологии, напротив, структура его знака, представленная именно в таком виде, являет собой структуру в высшей степени завершенную, лишенную всего наносного и неважного. А. Лосев обобщает все указанные выше элементы под общим названием символа, поскольку, по его мнению, в каждом из них совпадает значение и звук [Там же. С. 104]. Однако подобное утверждение наводит на мысль о том, что здесь имеет место не отсутствие означаемого в общепринятом смысле, а неразличение его как такового. Иными словами, для А. Лосева то означаемое, которое имеет ввиду классическая лингвистика, включено в состав означающего, т. е. оно еще не совсем означаемое, поскольку, так или иначе, соотносится со звуковой оболочкой [Там же. С. 106].

Как позже писал У. Эко, наличие или отсутствие референта, а также его реальность или нереальность *несущественны для изучения символа,* которым пользуется то или иное общество, включая его в те или иные системы отношений. Важно понять, как в том или ином контексте ряд звуков, составляющих слово, включаясь в систему лингвистических конвенций, обретает свойственное ему значение, и какие образы рождает это слово в уме адресата сообщения, человека определенных культурных навыков, сложившихся в определенное время [Эко, 1998, с. 49].

В целом следует отметить, что, несмотря на разведенность во времени, выводы А. Лосева и У. Эко во многом схожи в том, что означаемое есть ни понятие, ни предмет. Сходство обнаруживается и в том, что оба ученых с уверенностью утверждают наличие различных означаемых у каждого пользователя языка. У У. Эко это различие связано с понятием лексикода, согласно которому получатель сообщения соотносит изначальное денотативное значение с другим побочными значениями [Эко, 1998, с. 55]. У А. Лосева находим: «…каждый из них волен вкладывать в произносимые им слова совершенно особое значение»; «…смысловая данность несет на себе отпечатки мелких и крупных, местных и временных отличий, связанных с конкретным произнесением слова. Одно и то же предметное содержание слова разные народы понимают по-разному, в сфере народа – по-разному понимают разные индивидуумы, в сфере индивидуума – понимание разнится по разным временным моментам и условиям» [Лосев, 2009, с. 108, 121].

Следовательно, истинное понимание значения слова (имени) предполагает отказ от всего субъективного и переход к так называемой сфере понимания [Там же. С. 110]. На этом этапе совершается переход к *чистой ноэме* – тому, что мыслится в слове, или означаемому. Чистая ноэма есть как раз то, что в обывательском сознании, т. е. в школьной грамматике и психологии, некритично трактуется как «значение слова» [Там же. С. 112].

Таким образом, знаменитый семантический треугольник – без ущерба для его классического смысла в терминах А. Лосева может быть представлен на рис. 2.

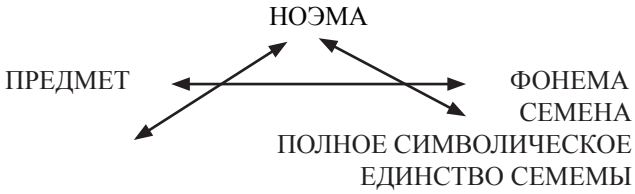


Рис. 2

Можно утверждать, что на определенном этапе в *до*-предметной структуре имени А. Лосева присутствуют все компоненты, обычно включаемые в структуру значения имени, в понятие знака в лингвистике. Действительно, изначально в обоих подходах присутствуют предмет реального мира и его имя. Соответственно, присутствует и мысленный образ в сознании человека, только обозначен он разными терминами. Если в лингвистике это смысл / значение / понятие / концепт, то в концепции А. Лосева это – ноэма. Следовательно, при наличии всех необходимых компонентов возможно даже построение традиционной схемы семантического значения слова.

Понятно также, что для А. Лосева данная схема не дает ответ на вопрос об истинном значении имени. Тем не менее, здесь заложена ценная идея о том, что любое обыденное произнесение слова кем бы то ни было представляет собой лишь комбинацию звуков. Привыкнув ограничиваться теми компонентами значения, которыми оперирует классическая лингвистика, мы никогда не заходим при употреблении языковых единиц дальше ноэмы, в то время как возможность полного понимания имени, следовательно, и полноценного общения остается скрытой.

Эта идея тем более справедлива для имени в парадигме имяславия. Действительно, «имя Бога есть сам Бог» – выражение, отсылающее нас в поисках истинного значения этого имени далеко за пределы того круга понятий, которыми пытается объяснить его язык. В этом снова видно сходство с идеями У. Эко, который весьма критично высказывается по поводу того, что выявление любого означаемого рождает непрерывную цепочку знаков, имеющих этим означаемым каждый предыдущий знак. И, таким образом, языком следовало бы называть систему, которая объясняет сама себя путем последовательного разворачивания все новых и новых конвенциональных систем [Эко, 1998, с. 52].

А. Лосев же предлагает способ прервать этот бесконечный процесс семиозиса, но одновременно все же постичь сущность имени. Способ этот заключается в последовательном исключении уже из ноэмы принципа бесконечного варьирования значения слова, подобно тому, как ранее исключалось из семемы все субъективное и формальное. Исключив же этот принцип, получим идею – арену полного формулирования смысла, и далее – предметную сущность имени [Лосев, 2009, с. 116].

Здесь важно остановиться еще на одном

важном моменте, а именно: А. Лосев указывает на наличие в имени кроме предметной сущности чего-то иного. Более того, по его словам, «сущее» и определяется через это «иное». И обе эти ипостаси присутствуют в идее. Таким образом, идея соотносится с понятием знака, обладающего всеми тремя присущими ему видами связи (рис. 3).

Итак, идея вещи есть сама вещь, но данная в своем максимальном присутствии в инобытии. Даже при максимальном приближении к значению имени не обнаруживается ничего материального, нет никакого предмета, на который можно было бы указать пальцем и разрушить всю логическую цепочку, выстроенную в процессе поиска этого значения. Иными словами, даже истинная сущность имени в своем противопоставлении с *не*-сущим носит характер исключительно символический. Не теряя связи ни с одним из элементов структуры, на вершине ее оказывается все же символ.

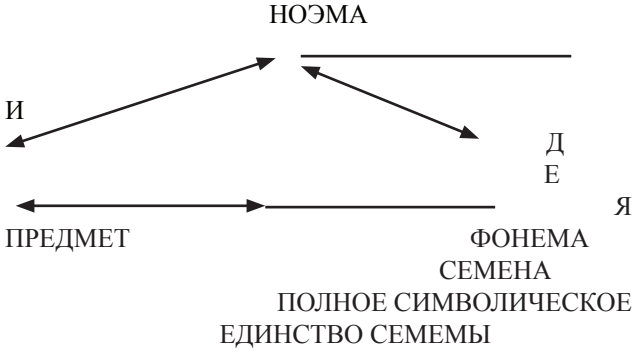


Рис. 3

Таким образом, слово являет собой лишь инструмент, служащий для явления этого символа миру, это своего рода арена встречи предметной сущности с познающим ее субъектом. Такая интерпретация соответствует онтологической (реалистической) концепции языка, согласно которой символ есть не столько «знак отсутствующей реальности», сколько «сама реальность, присутствующая в символе» [Уайбру, 2002, с. 112]. Такое объяснение, однако, не облегчает поисков истинного значения имени. Напротив, подобная таинственность, размытость границ имени предполагает наличие как минимум двух подходов к его изучению. С одной стороны, мы можем низвести имя «до роли конвенционального и ничем, кроме этой конвенциональности не мотивированного знака», а с другой – возвести его на «тот уровень, где оно выступает как носитель высшего смысла и в этом отношении тяготеет к абсолютной мотивированности» [Топоров, 2004, с. 380].

В любом случае, какой бы подход мы ни выбрали, обыденное, повседневное употребление имени приобретает характер незаконченности, поверхностности. Ведь, если мы употребляем имя как «конвенциональный знак», мы априори отказываем ему в наличии высшего смысла. Если же в нем признается этот смысл, то, употребляя имя вне религиозного или поэтического текста, мы сознательно идем на стирание и нивелирование этого смысла.

Библиографический список

1. *Ильин, И.П.* Дискурс. Дискурсивные практики [Текст] / И.П. Ильин // Современное зарубежное литратуроведение : Энциклопедический справочник. – М. : ИНИОН, 1999. – 319 с.
2. *Лосев, А.Ф.* Философия имени [Текст] / А.Ф. Лосев. – М. : Академический Проект, 2009. – 300 с.
3. *Топоров, В.Н.* Исследования по этимологии и семантике [Текст] / В.Н. Топоров // Теория и некоторые частные приложения. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 815 с.
4. *Уайбру, Х* Православная литургия : Развитие евхаристического богослужения византийского обряда [Текст] / Х. Уайбру. – М. : Библейско-богословский институт, 2002. – 226 с.
5. *Эко, У* Отсутствующая структура. Введение в семиологию [Текст] / У. Эко. – М. : Петрополис, 1998. – 432 с.
6. *Якобсон, Р.О.* О лингвистических аспектах перевода [Текст] / Р.О. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М. : Международные отношения, 1978. – С. 16–24.

УДК 81.00
ББК 81.00

Ван Лэй

АНАЛИЗ ТРАНСЛЯЦИИ ИНТОНАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА НОСИТЕЛЯМИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Произношение и интонация является первым барьером в изучении русского языка, поэтому курс по интонации русского языка является важной частью фонетики. Изучение в трансляции родного языка и русского языка играет важную роль в улучшении преподавания интонации. В данной работе представлен краткий обзор и анализ положительной трансляции на интонацию русского языка с тем, чтобы в полной мере использовать ее и избежать отрицательной интерференции.

Ключевые слова*: русский язык; китайский язык; интонация; трансляция*

Wang Lei

ANALYSIS OF THE POSITIVE TRANSFER ON RUSSIAN INTONATION

Pronunciation and intonation make the first language barrier to effective aquisition of Russian. Therefore Russian intonation course is an important part of phonetics acquisition. And the study of transfer of mother tongue (Chinese) plays a vital role in the improvement of the intonation teaching. The paper aims at making a brief summary and analysis of the positive transfer on Russian intonation so as to make full use of it and avoid the negative one.

Key words: *Russian; Chinese; intonation; mother tongue transfer*

浅析汉语语调对俄语语调的迁移

王 蕾*
东北师范大学人文学院，吉林 长春
130117

［摘 要］语音是俄语教学过程中的第一道防线。俄语语调课程是俄语语音教学中的一个重要部分。母语与目的语是相互作用影响学习者的。处理好母语与目的语的关系对提高外语教学的质量意义重大。本文系统地归纳了汉语语调对俄语语调的正负迁移，分析了造成负迁移的原因，从而有效的利用母语语调的正迁移，将负迁移转化为正迁移。

［关键词］俄语；汉语；语调；正、负迁移

俄语语调课程是俄语语音教学中的一个重要部分。对于中国学生而言，总是容易把母语的语调迁移到外语中去，这就是外语学习中的语音迁移现象。学习总是从已知到未知。借助已知的东西逐步掌握未知。这是很正常的。从这个角度讲，所有的“迁移”都有某种积极的意义。然而从学习中“迁移”的直接效果来分析，迁移可以分为正迁移与负迁移。语音学习里借鉴汉语语音的某些发音知识与习惯用来学习掌握俄语的某些语音。这种有益的借鉴就是“正迁移”。相反，在学习俄语发音时误把汉语的某些音错误地代替俄语的不同的音，这种误导则称作“负迁移”。从严格的科学意义上讲，俄汉两国语言的语音没有绝对相等的。相似不等于相等。借鉴决不是代替。所以从这个意义上说：正迁移与负迁移是相对的。借鉴汉语的某个音来发俄语的相近似的音。从某种意义上来说是捷径，即所谓的“正迁移”。但严格说来，又不完全正确，包含着某种错误。这又是“负迁移”。简略地说，在这里“正迁移”中包含着“负迁移”。因此，本文从科学的俄语发音教学中的语调课程来讲，从两种语言的语音中的语调对比分析，分析汉语语调的负迁移现象。

语调问题是个极其复杂的问题。它的复杂性表现在两方面。一是描述的复杂性。因为语调由音高、音强、音长、音色以及音的走向等各种声学要素构成。它又和句子的长短、结构有关。二是功能类型的复杂性。俄罗斯语言学家邦达尔卡对于语调的功能做出如下解释：“在语言中的各项语音层面上，语调是一项极为重要的工具，它在交谈中实践了下列的功能：一、给予叙述或部分叙述

---

*
[作者简介]王蕾（1978 —），女，吉林长春人，东北师范大学人文学院经贸俄语系，讲师，硕士。

© Ван Лэй, 2012

语音上的外形功能；二、将整个相互联系的正文切分为多个部分，而这些部分都具有语音的及语义的外形功能特征；三、传达重要共通上的意义，例如叙述、问题、愿望其其它；四、指出各个叙述的单元与单元之间、叙述与叙述之间特定语义上的关系；五、传达说话者对于叙述内容的态度，或是对付叙述内容的态度；六、带有说话者情态的信息。”由于人们说话的目的不同，说话时的感情不同，话语表述的内容不同、语言结构的复杂性不同，以及说话人对自己所说内容的不同态度，句子的语调的分类原则也是个难题。它多种多样、难以从单一的角度简单描述。

一、俄语语调的结构类型

目前俄语语调理论界普遍认同的是 20 世纪 80 年代莫斯科大学 Е.А. Брызгунова 教授提出的7种语调结构 (Интонационная конструкция)，简称调型（ИК）。这种7调型的语调分类不是如以往的单一功能分类，如：陈述句语调，疑问句语调，列举语调.....而是描述性多功能分类。调型-1，调型-2，调型-3...调型-7。每一个调型承担不同条件下的几种语义功能。如：

调型-1 在陈述句中表示意义的完结。也可以用于文章的标题或书刊作品的名称、题目。又可以在列举结构中表示肯定。如：

1

Я учился в этой школе.

我曾经在这个学校上过学。

1 1 1

Поздняя осень. Лес обнажился. Поля опустели.

深秋时节。林子里树叶已经落光。大地一片空荡荡。

1

《Как закалялась сталь.》

《钢铁是怎样炼成的。》

调型**-2** 用于带疑问词的疑问句。在陈述句里表示强调。还用于呼语，问候语。表示命令、警告、提醒等。如：

2

Где Таня будет ночевать?

丹妮雅在哪儿过夜呀？

2

Володя!

沃洛佳！

2

Будьте осторожны!

你们可要小心啊！

调型**-3** 用于无疑问词的疑问句。还用于答话人的重复性提问。如：

3

– Саша приехал? --- 萨沙来了吗？

1

– Да. ---来了。

2

– Когда он приехал? --- 他什么时候来的？

3 1

– Когда он приехал? Позавчера. --- 什么时候来的？ 前天。

3

– Когда? --- 什么时候？

2

– Позавчера,-- говорю. – 我说了，前天。

调型-3 还在感叹句中强调特征程度很高。如：

3

– Какая чудесная прелесть! 多么美妙的景色呀！。

3

– Сколько народу собралось! 聚了这么多人哪！

调型**-4** 用于询问和对比性提问。如：

4 4 4 4

– Ваше имя? Фамилия? Возраст? Профессия?

您的名字？姓什么？年龄？ 职业？

2

– Петя не может поехать.

别佳不能去。

4

– А Наташа?

那娜塔莎呢？

调型-4 还可以表示诘问性回答。如：

3

– Сказала отцу? 告诉父亲了？

4

– Сказала. 告诉啦！（那又怎么样！）

俄语语调的调型描述在书面上主要不依靠文字而是依靠基音(основной тон)或简称为音调的走向示意图：平稳（¯），上升（′），下降（`），先升后降（∧），先降后升（∨）。更准确的描述手段是录音。在文字描述上，俄语认为，语句可以切分为若干个音义段（синтагма）或称为语段。音义段之间可以有停顿。一个调型里有调心（центр ИК），调心前部（предцентральная часть ИК ）或称调头和调心后部（послецентральная часть ИК）或称调尾。由于句子的长短结构不一，一个调型内部可能只有调心，或有调心和调头，或有调心和调尾，或调心、调头和调尾3者都有。

甚至在一个调型里可能有两个调心。如，调型-5就是具有两个调心的独特调型。如：

_ ' ---------

Какое прекрасное утро!
多么美好的早晨啊！
---- ' ---

У них сколько книг!
他们这儿书真多呀！

二、汉语语调的结构类型

目前高校现代汉语教材对语调的描述一般包括停顿、重音、句调3个部分。句调概括4种形式：升调，降调，平调和曲调。曲调就是指先升后降或先降后升。

升调 主要表示疑问，反问，惊讶。如：

这个播音员是李梓萌吗？（疑问）
难道是我错了？（反问）
天怎么这么冷啊！（惊讶）

降调 主要表示陈述，请求和感叹。如：

他们的做法的确有点过分了。（陈述）
你们再核对一次吧！（请求）
卢山的景色真是太美了！（感叹）

平调 主要表示叙事，冷漠等。如:

8名被告频繁作案，社会危害性大，应依法严惩。（叙事）

这事你自己考虑，愿意怎么办就怎么办吧。（冷漠）

曲调 主要表示讽刺，赞叹等。如：

你的能耐可真不小啊！（讽刺）

当三个女子辗转于枪林弹雨中的时候，这是怎样的一个惊心动魄的伟大啊！

由于汉语字有“四声”，也就是有字调。它会对句调产生影响。例如，汉语疑问句本来是升调，但是如果句尾的字是第四声（降调），那么这个疑问句的句尾就会出现降升调。如：

– 他姓赵？–这个疑问句受句尾“赵”字第四声降调的影响便呈现降升调。同样道理，疑问句“– 你姓王？”便是升升调。

三、汉-俄语调方面的负迁移

俄语语调的基本特征是：调心元音的声调走向和调心前 -- 调心 – 调心后声调高低的相互关系。而汉语语调的基本特征是：高低升降的变化，并且主要表现在句尾上。

鉴于汉俄两种语言语调方面的研究水平描写系统不同，我们很难对两种语言的语调作体系性比较。但是俄汉两种语言的语调在停顿、句重音、语调上扬、下降等方面还是有类似之处可以借鉴，但是也存在很大的差异。基于我们在高校俄语专业语音教学中多年的试验积累以及对俄汉两种语言语音语调的比较研究，在这里对可对比的部分作简要的阐述并对最常见的汉俄语调的负迁移现象做出描述。

（1） 陈述句

俄汉语的陈述句都使用降调。但是降调与降调不同。俄语陈述句表示意义的完结用调型-1，而俄语陈述句表示强调、对比、惊叹、要求则用调型-2。俄语调型-1和调型-2都是降调。汉语陈述句的降调更接近俄语的调型-2。 因此中国学生常常用类似俄语调型-2的汉语陈述句语调代替俄语表示完结的陈述句语调 — 调型-1。 在这个时候，俄国外教常常会说：Кончайте предложение.(结束句子)。在他听来，这个句子没读（说）完。因为没有使用表示句子完结的调型-1来结束句子。

（2 ）疑问句

无论是俄语还是汉语，疑问句都有两类：带疑问词的疑问句和不带疑问词的疑问句。在俄语里不带疑问词的疑问句用调型-3，属于上扬语调。带疑问词的疑问句用调型-2，属于下降语调。在没有疑问词的疑问句里疑问的重心在哪个词上，那个词就是调心，上扬语调也就在这个词的重音音节上。如：

3
Саша приехал？萨沙来了？
3
И Маша приехала？玛莎也来了？

汉语词有四声但是没有重音，无疑问词的疑问句的疑问语气往往落在句尾，或是落在着重疑问的词上。中国学生往往把上扬的疑问语气不放在重音上，而放在词的尾部。在Саша приехал？一句里疑问的最高点应该在приехал一词的重音音节е 上，后面的音节хал语调应该降下来。而中国学生常常把疑问的上扬语调持续到词的最后。听起来怪怪的。而且这种负迁移现象是很顽固的。

中国学生在有疑问词的疑问句里通常按汉语习惯在疑问词上使用上扬语调。如：

– 谁敲门哪？
– 他去哪儿啦？

而俄语带疑问词的疑问句里，在疑问词上用调型-2，是降调。如：

2
– **Кто** стучит в дверь？
2
– **Куда** он уехал？

Кто , куда 两个词都使用降调。

只有反问时才使用上扬语调---调型-3。如：

2
– Куда он уехал？

1
– В Москву.
3
– **Куда**?

四、结语

语调是连贯语言里声音音调变化所造成的旋律模式。汉语是声调语言，俄语是语调语言，这是汉俄两种语言系统的主要区别之一

汉语每个字或音节除了声母，韵母外，还有阴阳上去四个声调和轻声，并且声调具有区分词义的功能，例如：挖，娃，瓦，袜，哇，这五个字的声韵母完全相同，由于不同的声调导致字义完全不同。

俄语是一门语调语言，以其重音和节奏为基础的。俄语单词不像汉字那样有固定的声调，也不会因声调改变其词义。

俄汉两种语言各有其特有的语调规律。对于俄语学习者而言，不可避免地把母语的语调迁移到俄语中。母语对俄语语音的负迁移是学习者获得正确发音的最大障碍。因此，俄语语调的掌握不是一蹴而就的，语调教学的指导应该伴随整个俄语学习的过程中.

参考文献:

1. *Грамматика* русского языка [Текст] : в 2-х т. – М. : Ин-т языкознания, 1960. – 2 т.
2. *Антонова, Д. Н.* Фонетика [Текст] / Д.Н. Антонова, М.И. Щетинина. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1982. – 111 с.
3. *Бондарко, Л.В.* Фонетика современного русского языка [Текст] : учеб. пособие / Л.В. Бондарко. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998. – 250 с.
4. **英**汉语对初学俄语者的正负迁移/ **玄知音**, **麻壮奇**. – **俄**罗斯语言文化研究论文集 **上海外**语教育出版社，2005.
5. 张学曾.语音学的类型与语音对比研究.**中国俄**语教学，1993（03.
6. 汉俄语音对比与语音教学/ **黄玉光**.— 对比语言论文集 **外**语教学与研究出版社，1992.
7. **俄**汉对比与俄语学习/ 赵陵生，**王辛夷著**. — **北京：北京大学出版社**，2006.

УДК 81.00
ББК 81.00

О.Ю. Воронина

О ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ЯЗЫКА С ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТЬЮ
(НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ВАН ЛИ)

В статье освещаются основные моменты работы китайского лингвиста Ван Ли, а также определяется модель описания истории китайского языка.

***Ключевые слова**: история языка; период; грамматика*

O.Y. Voronina

ON WAYS OF ANALYSING THE HISTORY OF LANGUAGE WITH IDEOGRAPHIC WRITING SYSTEM
(BASED ON THE WORK OF WANG LI)

The article deals with the key aspects of the work of the Chinese linguist Wang Li. It also focuses on the defining the pattern of describing the history of the Chinese language.

***Key words:** history of language; period; grammar*

Изучение китайского языка имеет в Китае более чем двухтысячелетнюю историю. До конца XIX в. китайское языкознание развивалось почти самостоятельно, испытав лишь незначительное влияние индийской науки. Однако на рубеже XIX–XX вв. в результате активных контактов с Западом, во все области знания все больше стали проникать идеи, резко отличающиеся от традиционного мировидения. Не исключением стало и языкознание. Вероятно одним из первых западных лингвистов, показавших китайским языковедам, несколько иной взгляд на методологию изучения истории китайского языка, был уже известный шведский ученый Бернхард Карлгрен. Данное обстоятельство, а также и тот факт, что китайское языкознание в конце XIX в. находилось в состоянии «методологического кризиса», побудило китайских ученых обратиться к опыту западных коллег.

Наибольшее влияние на китайских лингвистов оказали современные им тогда труды

 © Воронина О.Ю., 2012

по общему языкознанию, написанные такими крупными представителями европейского традиционного языкознания, как О. Есперсен, Ж. Вандриес, Ф. де Соссюр и др.

Одним из блестящих китаистов, успешно применившим методы западного языкознания при анализе истории развития китайского языка, был王力*Ван Ли* (1900–1986). Ван Ли считается одним из основоположников современного китайского языкознания. Он учился во Франции, в Парижском университете получил степень доктора. Автор большого количества работ по разным областям языкознания. Одной из центральных его работ, в которой комплексно представлена история китайского языка, является книга 汉语史稿 «*Очерк истории китайского языка»*, написанная в 1960-е гг.

Целью данной статьи является анализ модели описания истории китайского языка, предложенной Ван Ли.

Историческое развитие языка – непрерывный процесс без резких скачков или быстрых преобразований. Однако для более детального изучения истории языка невозможно обойтись без деления его на определенные периоды и временные отрезки, так как очевидно, что язык в каждый данный период своего развития обладает особыми качественными признаками, особой структурой, что и дает право говорить об определенном периоде его развития [Серебренников, 1970, с. 198].

В связи с этим мы ставим перед собой следующие задачи: 1) дать определение понятию «периода» в развитии языка; 2) определить критерии, положенные китайским ученым в основу периодизации китайского языка; 3) дать характеристику каждого периода.

В своей работе Ван Ли выделил семь периодов, три из которых являются переходными: 上古期 *древнекитайский* (от первых письменных памятников до III в. н .э.; III–IV вв. – переходный период), 中古期 *среднекитайский* (IV–XII вв.; XII–XIII вв. – переходный период), 近代期 *новокитайский* (XIII–XIX вв.; 1840–1919 гг. – переходный период), 现代期 *современный* (с 1919 г. по наши дни) [王力, 2009, 页 43, 44].

Основой данной периодизации послужили изменения на всех уровнях языковой системы. В терминах синергетики «период» в работе Ван Ли можно определить как пребывание системы в стационарном состоянии, когда не происходит принципиально качественных изменений, что позволяет системе устойчиво сохранять внутреннее равновесие при ее неравновесности с окружающей средой. Однако же рано или поздно под влиянием внешних воздействий, или в результате действия внутренних противоречий, а также в результате накопления количественных изменений стационарное состояние утрачивается, система становится неравновесной, что в итоге приводит к возникновению нового качества. Наличие нового качества дает возможность говорить о наступлении следующего периода в развитии системы [Бутов, 2009, с. 2].

Для описания фонетической системы древнекитайского языка Ван Ли были использованы: 1) 诗经 *Книга песен*, 2) иероглифы фонетической категории. Консонантная система данного периода, по мнению автора, была представлена 32 согласными, которые делились на шесть артикуляционных классов: 喉音 гортанные: [0] (нулевой согласный), [k], [kʰ], [gʱ], [ŋ], [ɣ], [x]; 舌头音 переднеязычные: [t], [tʰ], [d], [dʱ], [n], [l]; 舌上音 верхнеязычные, палатализованные: [ʈ], [ʈʰ], [ɖ], [ɕ], [ʑ], [ɳ]; 齿头音 среднеязычные: [ts], [tsʰ], [dzʱ], [s], [z]; 正齿音 апикально-переднетвердонебные: [tʃ], [tʃʰ], [dʒʱ], [ʃ]; 唇音губные: [p], [pʰ], [bʱ], [m]. В начале слога могли находиться как одиночные согласные, так и их стечения типа [kl], [pl] и т. п. Между согласным и гласным в слоге могли быть медиали [i], [w]. Вокализм был представлен 14 гласными. На конце слогов могли быть глухие шумные согласные [p], [t], [k], звонкие [b], [d], [g] и сонанты [m], [n], [ŋ], [r]. Существовало противопоставление согласных на 清 *глухие* и 浊 *звонкие*. Глухие, в свою очередь, подразделялись на 全清 *непридыхательные* и 次清 *придыхательные*. Звонкие делились на 全浊 *звонкие*, 次浊 *сонорные*. Характеризуя тоны древнекитайского языка, Ван Ли 平 *ровный* и 上 *восходящий* относит к 舒声 *долгому (открытому) тону*, *входящий* же *тон* 入声 был назван ученым 促声, который распадался на 长入 *долгий входящий* и 短入 *краткий входящий*.

Ван Ли был одним из первых, кто показал в своей работе, что ввиду специфики китайского языка изучение его истории и периодизация не может ограничиваться рассмотрением изменений, произошедших только на уровне фонетики. Поскольку в языке с идеографической письменностью фонетика непосредственно

не дана, факт фонетических изменений должен быть подкреплен также наличием изменений на морфологическом и синтаксическом уровнях языка.

При анализе морфологического строя древнекитайского языка Ван Ли обратил внимание на то, что имена собственные, нарицательные, а также местоимения в предложении маркируются. Так, перед именами собственными и нарицательными употреблялась лексема 有. Например: 有夏多罪，天命殛之 *Ся Цзе совершил много преступлений, Небесный владыка непременно покарает его,* 有殷受天命惟有历年 *Царство Инь уже долгое время обладает мандатом Неба.* 摽有梅，其实七兮 *Слива уже опадает в саду, стали плоды ее реже теперь* [王力, 2009, 页 255, 256].

Местоимения маркировались употреблением лексемы 阿. 道逢乡里人，家中有啊谁? *Встретил по дороге ваших родственников. Остался ли кто дома?* В эпоху 汉 *Хань* (II в. до н. э. – II в. н. э.) функции этого префикса расширяются, он начинает употребляться не только с именами собственными 阿恭 *Агун*, 阿连 *Алянь* и названиями родственников 阿翁 *отец*, 阿爷*дедушка*, но и с личными местоимениями 阿侬 *я*.

Начиная с древнекитайского периода, постепенно происходит грамматикализация лексемы 子*сын*, которая становится суффиксом существительного. Например, 童子 *ребенок*, 眸子 *зрачок*.

Отличительной особенностью морфологии древнекитайского было употребление числительного непосредственно перед существительным, без классификатора. 人皆有七竅，以视、听、食、息 *У человека семь «окон» тела: глаза, уши, нос, рот* [王力, 2009，页 272]. Однако наряду с этой моделью существовало еще две: употребление числительного после существительного и употребление числительного со счетным словом после существительного. Например: 越翼日戊午，乃社于新邑，牛一，羊一，豕一 *В благоприятный день у-у, возле его нового жилища принесите в жертву духу земли одну корову, одного барана и одну свинью*. 皆賜玉五瑴，馬三匹 *Всем было пожаловано пять связок яшмы и три лошади* [王力, 2009，页 273]. Активно система классификаторов начинает развиваться после династии 汉*Хань*. Из существительных начинают формироваться именные классификаторы. Так, этимологическое значение классификатора 条 *палочка*. Постепенно это существительное стало употребляться в качестве счетного слова для тонких и длинных предметов. В это же время меняется порядок числительно-предметного комплекса, все более прочное место занимает модель «числительное + классификатор + существительное» [王力, 2009，页 279].

Для древнекитайского языка была характерна достаточно развитая система личных местоимений. К местоимениям первого лица относились 吾, 我, 卬, 余, 予, 台, 朕. Местоимения второго лица – 汝（尔）, 若, 乃, 而, 戎. Местоимения третьего лица – 其, 之, 厥. Такое большое количество местоимений было обусловлено их синтаксическими особенностями. Так, местоимения 朕, 乃 в эпоху Инь могли использоваться в предложении только в качестве определения. 勉出乃力 *Используйте насколько это возможно вашу силу* [王力, 2009，页 304]. Разница между местоимениями 吾 и 我 заключалась в том, что первое употреблялось только в качестве подлежащего и определения, тогда как второе – в качестве подлежащего и дополнения. 吾思夫使我至此机者而弗得也 *Я искал того, кто заставил бы меня понять, что такое жизнь, но так и не нашел* [王力, 2009，页 305]. Местоимения третьего лица употреблялись либо в качестве дополнения, либо определения. Начиная с эпохи 南北朝 *Шести династий* (III–VI вв. н. э.), местоимения третьего лица стали употребляться в качестве подлежащего. 其若见问，当作依违答之 *Если он спросит, ответь, не раскрывая сути* [王力, 2009，页 313]. Показателей множественного числа личные местоимения в древнекитайском не имели.

К собственно притяжательным местоимениям относились 此, 斯, 是. 此无他，与民同乐也 *С тех пор не было другого занятия, кроме как проживать жизнь в развлечениях* [王力, 2009，页 327], 是食言多矣，能无肥乎? *Когда человек много говорит, да мало делает, может ли он стать сытым?* [王力, 2009，页 328]. Вопросительные местоимения в древнекитайском языке делились на три вида: обозначающие человека 谁, 孰, обозначающие предмет 何, 曷, 胡, 奚. 何 и обозначающие место 恶（烏), 安, 焉.

Как и существительные некоторые глаголы в древнекитайском языке маркировались

префиксами 爱, 曰, 言, 聿. Например: 言告师氏, 言告言归 *Старшей над нами я все доложила – она скажет супругу, что еду в родные края* [王力, 2009，页 348]. 匪棘其欲, 聿追来孝 *Желаний своих никак не нарушив, почтительным к предкам он стал* [王力, 2009，页 349].

Начиная с эпохи 汉*Хань,* в языке постепенно формируется средства выражения модальности. Поначалу для этих целей активно употребляется суффикс 得, имеющий значение 获得 *добиться, получить*. К династии 唐*Тан* (VII–X вв. н. э.) данный суффикс все чаще употребляется в значении модального глагола 能. 乱后谁归得？ 他乡胜故乡 *Кто же с поражением возвращается с войны? На чужбине лучше, чем в родных местах* [王力, 2009, 页 350].

Уже в древнекитайском языке были средства выражения отрицания, к ним относились лексемы 不, 毋 (无), 弗, 勿. 子曰：勿欺也, 而犯也 *Учитель (Конфуций) сказал: «Не обманывай его, но противоречь ему»* [王力, 2009，页 378].

Что касается синтаксических отношений в предложении, Ван Ли отмечает, что в китайском языке издревле был фиксированный порядок слов. Преобладающей моделью предложения в древнекитайском языке была следующая: подлежащее + сказуемое + дополнение. Если же дополнение было выражено местоимением оно обычно предшествовало сказуемому. 惟我事, 不貳适；惟尔王家我适 *Вся Поднебесная уже принадлежит нам, и Ваше государство Инь тоже нам принадлежит* [王力, 2009，页 413].

Обстоятельство места занимало преимущественно позицию после сказуемого. Например: 民以为将拯已于水火之中也 *Народ полагал, что он сам сможет справиться с трудностями* [Там же. С. 426]. Орудийное дополнение могло как предшествовать сказуемому, так и употребляться после него.

Уже в период правления династии 汉*Хань* формируются средства выражения каузативного значения: 寒天催日短, 风浪与云平 *С приближением зимы дни становятся короче, на море ветер волны поднимает до небес* [Там же. С. 470]. Оформляется пассивный залог. Поначалу он выражался употреблением лексем 于, 为, 见. 御人以口给, 屡憎与人 *Оценивая людей в речах, можно быстро оказаться в изгоях* [王力, 2009, 页 486], 不为酒困 *Не вином был одурманен*，年四十而见恶焉, 其终也已 *Если и к 40 годам человек не снискал уважения, то жизнь он прожил зря* [王力, 2009, 页 488]. В дальнейшем пассивный залог все чаще передается с помощью конструкции 为 所 и лексемы 被. 无为有国者所羁 *Не позволяй государю взять над собой полную власть*, 王武子被责, 移第北邙下 *Ван Уцзы после сложения полномочий, удалился и стал жить у подножия горы Бэйман* [Там же. С. 493].

На рубеже IV в. происходят значительные изменения в фонетической системе языка. Наблюдается переход от префиксации к суффиксации при образовании именных и глагольных форм. Намечается тенденция к образованию двусложных слов. Данные факты указывали на существенные изменения типологических признаков языка, что дало Ван Ли возможность говорить о начале нового периода, который был назван им среднекитайский.

Фонетический строй среднекитайского языка был представлен в словаре 切韵 *Цеюнь*, который отражал произношение не господствующего диалекта эпохи 随*Суй* (VI–VII вв. н. э.), а, скорее, усредненный вариант диалектных произношений. Он фиксировал норму литературного языка [王力, 2009, 页 60]. Консонантная система состояла из 35 согласных, которые делились на 5 классов. На данном этапе наблюдается значительное расширение группы 齿音 *среднеязычных*, которая теперь представлена 15 согласными: [ts], [tsʰ], [dzʱ], [s], [z], [tʃ], [tʃʰ], [dʒʱ], [ʃ], [tɕ], [tɕʰ], [dʑʱ], [ɕ], [ʑ], [nʑ]. Меняется тональная система. Долгий входящий тон 长入 к этому времени утрачивает конечные согласные [t], [k], что приводит к образованию去声*падающего тона* [王力, 2009, 页 123].

В эпоху Тан расширяется словообразовательная система существительных. Прилагательное 老*старый* приобретает функцию префикса в обращениях. Например, 老姊 *старшая сестра*, 老兄 *младший брат* начинает употребляться перед фамилиями 老王, 老李, а также перед названиями животных 老鼠 *мышь,* 老虎 *тигр*, 老鸦 *ворона* [王力, 2009, 页 260].

Происходит грамматикализация лексемы 兒 *ребенок*, которая становится суффиксом существительного. Например, 红儿 *красави-*

ца, 峰兒 *вершина* [王力, 2009, 页 268].

Появляются притяжательные местоимения 这 *это, этот* и 那 *то, тот*.

В это же время формируются показатели прошедшего времени. Для данной цели используется лексема 了, имеющая значение 终了*заканчивать*. 官事未易了也 *Отойти от дел было не так-то просто* [Там же. С. 354]. Для выражения настоящего продолженного времени из глагола 附着 *прилепиться, пристать* развивается суффикс 着（著） и уже после эпохи 南北朝 *Шести династий* происходит его полная грамматикализация: 雷公若二升椀，放著庭中. Глагольный видовременной суффикс 过 начинает оформляться в эпоху 唐*Тан*, а при династии 宋*Сун* (X–XIII вв.) получает широкое распространение. 看过了后，无时无侯，又把起来思量一徧 *Увидев сам, он мысленно еще не раз возвращался к этой сцене*.

Грамматикализация глагола 把 *схватить, взять* начинается в период правления династии 唐*Тан* и заканчивается при династии宋*Сун*. 莫把杭州刺史欺 *Ревизора из Ханчжоу не следует обманывать* [Там же. С. 477].

После династии 唐*Тан* начинают формироваться глагольные счетные слова. 一柱观头眠几回? *Сколько раз вы бывали в Ичжугуане?* [王力, 2009, 页 286].

Для среднекитайского языка характерно появление глагола-связки 是, который развился из указательного местоимения 是, употреблявшегося после однородных подлежащих для указания на множественное число. 富于贵，是人之所欲也 *Богатство и власть – вот, к чему стремятся все люди* [王力, 2009, 页 403].

Для новокитайского периода характерно сокращение консонантной системы до 20 согласных. Из губных согласных образуются губно-зубные [f], [v]. Происходит оглушение звонких согласных, кроме сонорных согласных [m], [n], [l]. К XIV в. исчезает入声*входящий тон*. Среднекитайский 平 *ровный тон* распадается на 阴平 *первый тон* и 阳平 *второй тон*. Слоги этимологического входящего тона распределяются по остальным тонам, однако большая часть теперь произносится падающим тоном [王力, 2009, 页 231]. Кардинальные изменения фонетики в этот период не могли не оказать влияния на морфологический строй китайского языка. Сокращение консонантной системы и отпадение конечных смычных усиливают тенденции к образованию двусложных слов.

На данном этапе появляется суффикс множественного числа 们（懑，瞒）. 当歌浑冷淡，一任他懑嗔恶 *Веселись, даже если они тебя осудят*.

Примерно в конце эпохи唐 *Тан* начале эпохи宋 *Сун* появляется суффикс 地. 人死后浑如悠悠地逝水 *Человеческая душа после смерти уходит безвозвратно* [Там же. С. 374].

Начало четвертого периода в истории китайского языка связывается Ван Ли с упрощением системы письменности, с активным влиянием грамматики европейских языков на грамматический строй китайского языка, а также с резким увеличением количества двусложных слов.

Как мы видим, внутренняя история китайского языка была представлена Ван Ли, с одной стороны, как история форм и их употреблений, с другой стороны, как история системы языка (и подсистем в языке). Ван Ли наглядно показывает принцип диахронии синхроний Гийома, который, как известно, заключается в рассмотрении системы языка в диахронии. «Язык как система находится под постоянным воздействием двух противоположных сил – организующей (синхрония) и дезорганизующей (диахрония). Частные системы языка в определенный момент своего существования, или истории, представляют собой конечную точку предшествующей системы и отправную точку следующей системы, включаясь в общую систему языка. Внутри языковой системы можно обнаружить процессы, которые начинаются, и процессы, которые заканчиваются. Каждый язык включает в себя старые и новые, а также переходные элементы, в которых можно обнаружить черты старого и нового» [Гийом, 1992, с. 62].

Изучив работу Ван Ли, мы пришли к выводу, что автор описывает историю китайского языка в рамках типологической модели, т. е. на уровне морфологии показан постепенный переход от корневого, изолирующего типа к агглютинативному. Свидетельством тому служат грамматикализация глаголов и существительных, появление видовременных суффиксов 了, 着, 过, суффикса множественного числа 们, суффиксов существительных 子, 儿 и т. д. Поскольку для выявления изменений на

фонетическом уровне языка с идеографической письменностью необходимо проводить двойную реконструкцию, т. е. прибегать к помощи фонетических таблиц и словарей рифм, они (изменения), по мнению автора, играют в периодизации языка лишь второстепенную роль. Именно поэтому в основе периодизации Ван Ли лежит грамматический, а отнюдь не фонетический критерий, как в случае с языками с фонетическим типом письма.

Библиографический список

1. *Бутов, В.Н.* Синергетика и эволюционные процессы в языке [Текст] / В.Н. Бутов // Гуманитарные науки. – 2009. – №3. – С. 1–5.
2. *Гийом, Г.* Принципы теоретической лингвистики [Текст] / Г. Гийом – М. : Прогресс, Культура, 1992. – 232 с.
3. *Серебренников, Б.А.* Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка [Текст] / Б.А. Серебренников. – М. : Наука, 1970. – 597 с.
4. *Яхонтов, С.Е.* История лингвистических учений. Древний мир. История языкознания в Китае (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) [Текст] / С.Е. Яхонтов. – Л. : Наука, 1980. – С. 92–109.
5. 王力，汉语史稿 [Текст] / 王力. – 北京：中华书局. – 2009. – 714页.
6. *Энциклопедический словарь.* Ван Ли [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://baike.baidu.com/view/2032.htm (дата обращения : 08.05.2012).

УДК 811.581
ББК Ш100.3

Н.Н. Воропаев

О ПРОБЛЕМАХ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН И ДРУГИХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В КИТАЙСКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье предлагается система терминов для эффективного анализа и изучения прецедентных феноменов (прецедентных текстов, имен, ситуаций, высказываний) в китайскоязычном дискурсе. В частности, выделено четыре типа прецедентных имен: имена-антропонимы, имена-эвентонимы, имена-хрематонимы и имена-идеонимы.

Ключевые слова: *прецедентные феномены; прецедентные имена; китайскоязычный дискурс; система терминов; дяньгу (классический прецедент)*

N.N. Voropaev

APPROPOS A CLASSIFICATION OF THE NAMES-PRECEDENTS AND OTHER PRECEDENT PHENOMENA IN THE CHINESE DISCOURSE

The paper is focused on a system of terms for the effective analysis of the precedent phenomena (text-precedents, names-precedents, situations-precedents, phrases-precedents) in the Chinese discourse. The author classifies four types' names-precedents: names-anthroponyms, names-eventonyms, names-chrematonyms and names-ideonyms.

Key words: *precedent phenomena; names-precedents; Chinese discourse; system of terms; diangu (classical precedent)*

Проблемам прецедентных феноменов (ПФ) вообще, прецедентных имен (ПИ) в частности, в последние 10–15 лет посвящается большое количество исследований в России [Гудков, 1999, 2003; Красных, 2003; Кушнерук, 2006; Нахимова, 2007 и др.]. В научной литературе на китайском языке нам также удалось обнаружить ряд работ, так или иначе касающихся изучаемой нами проблематики [Chang, 1995; Chen, 1999; Yang, 1999].

Нами были соотнесены термины, которые используются в России, с терминами китайских исследователей, и применена следующая классификация и система терминов для описания и анализа прецедентных имен и других прецедентных феноменов в китайскоязычном дискурсе (КД) на русском и китайском языках:

Прецедентное имя-антропоним *(典型人物 dianxing renwu 'каноническая личность'*

© Воропаев Н.Н., 2012

[термин для обозначения ПИ, которые являются именами людей или человекоподобных существ]). Далее сокращенно **ПИ$_1$**.

Прецедентное имя-эвентоним *(典故 diangu 'классический прецедент; литературный (исторический) намек' [термин для обозначения ПИ, являющихся разного рода фразеологизмами-идиомами и словесными клише, которые в дискурсе вербально представляют (именуют) прецедентные ситуации (широко известные мифические, исторические или вымышленные литературные события)]). Далее сокращенно* **ПИ$_2$**.

Прецедентное имя-хрематоним *(物质文化专名 wuzhi wenhua zhuanming 'хрематонимы и прочие виды онимов – собственные имена предметов материальной культуры' [термин для обозначения широко известных наименований единичных объектов материальной культуры Китая и всего глобального пространства]). Далее сокращенно* **ПИ$_3$**.

Прецедентное имя-идеоним *(精神文化专名 jingshen wenhua zhuanming 'идеонимы и прочие виды онимов – собственные имена предметов духовной культуры' [термин для обозначения широко известных наименований единичных объектов духовной культуры Китая и всего глобального пространства, а также обобщающих прецедентных имен, выраженных фраземами-калькуляциями типа 四大名著 si da ming zhu 'четыре великих шедевра' или 八仙 ba xian 'восемь бессмертных']). Далее сокращенно* **ПИ$_4$**.

Прецедентный текст *(典源 dian yuan 'классический источник'). Сокращенно* **ПТ**.

Прецедентная ситуация *(典型事件 dianxing shijian 'каноническое событие'). Сокращенно* **ПС**.

Прецедентное высказывание-идиома *(典故 diangu 'классический прецедент; литературный (исторический) намек', [термин для обозначения фразеологизмов китайского языка разных типов и словесных клише, в основе которых лежат широко известные культурные, литературные и исторические сюжеты и которые в дискурсе актуализируют прецедентные ситуации, имена и тексты]). Далее сокращенно* **ПВ$_1$**.

Прецедентное высказывание-цитата *(常用引文 chang yong yinwen 'часто употребляемая цитата; ссылка' [термин для обозначения широко известных цитат из произведений литературы и высказываний референтов ПИ]). Далее сокращенно* **ПВ$_2$**.

Прецедентный феномен – обобщающий термин для ПИ, ПС, ПТ и ПВ *(典故 diangu 'литературный (исторический) намек' [термин для обобщенного обозначения в дискурсе как вербальных, так и невербальных проявлений прецедентных ситуаций, имен, высказываний и текстов]).*

Рассмотрим каждый разряд подробнее. Термины на китайском языке 典型人物 dianxing renwu *прецедентный персонаж [имя]* и 典型事件 dianxing shijian *прецедентное событие [ситуация]* заимствуем из словаря [Chen, 1999], а термин 典源 dian yuan ('классический источник') *прецедентный текст* – из словаря [Yu, 2007].

Антропоним – единичное имя собственное или совокупность имен собственных, идентифицирующих человека. В более широком смысле это имя любой персоны: вымышленной или реальной. Однако следует отметить, что в китайскоязычном дискурсе существуют ПИ, референты которых не являются людьми, но в прецедентных текстах представлены к человекоподобные существа. Например, персонажи романа *«Путешествие на Запад» Чжу Бацзе.*[*]

Сунь Укун,[**] *Дух непогребенных костей Байгу-цзин.*[***] Полагаем, что имена этих референтов также вполне допустимо обозначать как *ПИ-антропоним (ПИ$_1$)*.

Среди этих терминов особый интерес представляет разряд *ПИ-эвентонимов (ПИ$_2$)*. Формально эти имена представляют собой прецедентные высказывания, выраженные фразеологизмами-идиомами разных типов или словесными клише. Однако в дискурсе они фактически являются именами (наименованиями) и репрезентантами определенных

---

* Персонаж романа «Путешествие на Запад» выведен автором в образе полусвиньи – получеловека и наделен соответствующей свинской натурой. Чжу Бацзе – тип человека, который имеет уродливую внешность, любит много поесть, боится трудностей, стремится к легкой и праздной жизни.

** Царь обезьян. Именем Сунь Укун современные китайцы обозначают людей, обладающих сверхъестественными способностями и находчивых, бесстрашных людей.

*** Персонаж романа «Путешествие на Запад». Оборотень, который превращается то в прекрасную молодую женщину, то в старуху или старика, а на самом деле представляет собой груду белых костей мертвеца.

прецедентных ситуаций (широко известных и значительных в китайском лингвокультурном сообществе единичных мифологических, исторических или вымышленных событий), поэтому могут быть отнесены к именам собственным – *эвентонимам*, например: 大禹治水 *Da Yu zhi shui 'Да Юй** *обуздал воды потопа'*, 尧舜让位 *Yao Shun rang wei 'Яо*** *уступил власть Шуню'*, 武松打虎 *Wu Song da hu 'У Сун**** *убил тигра'*. Для обозначения этих *ПИ-эвентонимов* на китайском языке мы применили термин традиционной китайской филологии *дяньгу*, так как именно этим термином данные единицы в китайском языке и обозначаются. Примечательно, что китайские словари *дяньгу* часто включают в себя наряду с *ПИ-эвентонимами* и *ПИ-антропонимы* (月下老人 *Yuexia laoren 'Подлунный старец'*****, 南 *Nanguo xiansheng 'господин Наньго'******, 牛郎织女 *Niulang Zhinü 'Пастух и Ткачиха'*******) и *ПИ-хрематонимы / идеонимы* [о соотношении этих терминов см. ниже] (诺亚方舟 *Nuoya fangzhou 'Ноев ковчег'*; 特洛伊木马 *Teluoyi mu ma 'Троянский конь'*; 胯下辱 *kua xia ru 'позор пролезания под чужим задом'* [позор *Хань Синя,******** когда он пролезал под чужим задом; данное выражение означает то, что ради великой цели можно выдержать временные унижения и оскорбления]; 十字架 *Shizi jia 'Крест'*) [Qiu, 2009]. Поэтому термин *дяньгу* также употребляем для обобщенного обозначения в дискурсе любых проявлений прецедентных ситуаций, имен, высказываний и текстов при анализе китайскоязычного дискурса на китайском языке. Заметим, что для таких ПИ-эвентонимов, как 乒乓外交 *pingpang waijiao 'пингпонговая дипломатия'*, 文化大革命 *wenhua da geming 'Великая культурная революция'*, 鸦片战争 *yapian zhanzheng 'опиумные войны'* и т. п., т. е. для имен таких широко известных событий (прецедентных ситуаций), которые исторически отстоят от настоящего времени не так далеко (по сравнению с событиями Древнего Китая), в Китае применяется термин 新典故 xin diangu 'новые дяньгу' ('новые классические прецеденты') [URL : http://baike.baidu.com/view/62877.htm].

Следующий разряд – *ПИ-хрематонимов (ПИ$_3$)* – выделен для обозначения имен таких объектов, как 长城 *Chang Cheng 'Великая китайская стена'*, 故宫 *Gu Gong 'Императорский дворец Гугун'*, 丝绸之路 *si chou zhi lu 'Великий шелковый путь'* и т. п. Термином *ПИ-идеоним (ПИ$_4$)* можно обозначать имена таких явлений и ситуаций, как 三个代表 *san ge daibiao 'тройное представительство',********* 小康 *xiaokang «сяокан» 'малое благоденствие'*, –国两制 *yi guo liang zhi 'одна страна – две системы'* и др.

Данные термины на китайском языке были смоделированы на основе термина 文化专名 wenhua zhuanming (букв. 'имя собственное культуры') *хрематоним*, разграничив две сферы деятельности человека – материальную и духовную, и добавив компоненты 物质 wuzhi 'материальный' и 精神 jingshen 'духовный'. Хотя следует отметить, что многие из этих единиц отнесены нами к разрядам хрематонимов или идеонимов весьма условно, так как, например, некоторые из референтов *ПИ-хрематонимов*, являясь в настоящее время (или в прошлом) материальными и вполне осязаемыми объектами, в современной культуре и языке являются также (или уже только) значимыми объектами духовной культуры

*Великий Юй. В древнекитайской мифологии культурный герой, усмиритель потопа.

** Мудрейшие легендарные вожди, которые объединили племена древнего Китая. Как гласит легенда, когда Яо постарел, он уступил свое место императора Шуню. Они жили до XXI в. до н. э. Китайцы используют имена Яо и Шуня для обозначения мудрых правителей или как символ совершенной мудрости.

*** Персонаж классического романа «Речные заводи». Смельчак, хорошо владеющий боевыми приемами. Символ мужества и непобедимости. Прецедентная ситуация под названием «У Сун убивает тигра» известна каждому китайцу с детства.

**** Легендарный дух, который отвечает за брак между мужчиной и женщиной. Китайцы употребляют его имя для обозначения сватов и свах.

***** Прецедентное имя господин Наньго в китайскоязычном дискурсе является олицетворением человека, который, не имея действительных способностей и знаний, выдает себя за знатока и профессионала.

****** Реальная историческая личность. Жил во времена эпохи Цинь-Хань (III в. до н. э.). Имя Хань Синя часто употребляется для указания на замечательного военного или просто специалиста.

******* Лозунг, выдвинутый Цзян Цзэминем в 2000 г.: 1. КПК представляет требования развития передовых производительных сил китайского общества. 2. КПК представляет самые прогрессивные тенденции китайской культуры. 3. КПК представляет самые коренные интересы китайского народа.

и идеологии, например, *Великая китайская стена*, *Великий шелковый путь*. И, наоборот, референты *ПИ-идеонимов*, которые являются на самом деле (или в прошлом) абстрактными понятиями, оказывающими влияние на настоящую реальную материальную жизнь общества, причем в результате этого влияния возникают вполне материальные объекты, например, благодаря древней концепции 小康 *xiaokang «сяокан» 'малое благоденствие'* в современном Китае было реализовано и реализуется множество экономических проектов, получивших реальное материальное воплощение (построены дома, фабрики; произведена одежда, продукты питания и т. п.). А стратегия Дэн Сяопина – 国两制 *yi guo liang zhi 'одна страна – две системы'* способствовала возвращению под юрисдикцию КНР *Гонконга (Сянгана)* и *Макао (Аомэня)*.

Вообще полагаем, что вопрос соотношения ПИ-хрематонимов с ПИ-идеонимами достаточно сложный и относится больше к сфере философии. На данном этапе размышлений приходим к выводу, что для этих двух разрядов имен возможны взаимные переходы из одного разряда в другой. Следует также заметить, что и ПИ-антропонимы и ПИ-эвентонимы задействованы в этих сложных соотношениях ПИ-идеонимов с ПИ-хрематонимами. Например, ПИ 灶神 *Zao shen 'бог Очага'*. Формально это имя следует относить к антропонимам, но это, скорее всего, ПИ-идеоним (теоним), который в Древнем Китае оказывал, а в некоторых регионах и семьях Китая и сейчас оказывает влияние на реальную материальную жизнь членов китайского лингвокультурного сообщества (имеем в виду торжественные церемонии и обряды проводов бога Очага на небо накануне праздника Весны). ПИ-эвентоним 三顾 *[茅庐] san gu [mao lu] трижды посещать [шалаш]'* (о троекратном посещении *Чжугэ Лян** *Лю Бэем*;** образно в значении: настоятельно просить помощи опытного человека, настоятельно приглашать на службу) в современном дискурсе уже так нагружен идеологическими коннотациями, что вполне соотносим с понятием объекта (как поведенческого стереотипа) духовной культуры Китая.

Термины *прецедентный текст* и *прецедентная ситуация* достаточно понятны. Прецедентный текст – широко известное литературное или публицистическое произведение. Прецедентная ситуация – широко известное историческое или вымышленное событие.

Разряд $ПВ_1$ соотносится с разрядом $ПИ_2$; на китайском языке эти два феномена обозначаем термином традиционной китайской филологии *дяньгу*. Делается это намеренно для того, чтобы показать теснейшую взаимную связь между всеми ПФ китайскоязычного дискурса и подчеркнуть идиоматический характер прецедентных имен всех типов. К тому же это необходимо для сохранения целостности группы исходных терминов на русском языке, и с целью показать всю специфичность термина *дяньгу*. Более четкое разграничение этих единиц также возможно, если еще учитывать их оперативную функцию в дискурсе. Полагаем, что идиомы или словесные клише следует относить к *ПИ-эвентонимам* в статике, т. е. в случаях, когда эти единицы используются в дискурсе обособленно, например, как заголовок какого-либо текста или как резюме, наименование ситуации. К *прецедентным высказываниям* эти единицы следует относить в динамике, т. е. в случаях, когда эти единицы включены в линейный поток других языковых единиц, особенно как обстоятельство образа действия, например: 非常感谢您在百忙之中翻阅我这份普通且又凝聚着我无限梦想的自荐材料，为我开启了一扇希望之门，所以请允许我毛遂自荐. 我叫吴重文，是中国地质大学测绘工程专业*2005*届毕业生。*Feichang ganxie nin zai bai mang zhi zhong fanyue wo zhe fen putong qie you ningjuzhe wo wuxian mengxiang de zijian ziliao, wei wo kaiqile yi shan xiwang zhi men, suoyi qing yunxu wo* ***Mao Sui zi jian****. Wo jiao Wu Zhongwen, shi Zhongguo dizhi daxue cehui gongcheng zhuanye 2005 jie biyesheng. 'Премного благодарен Вам за то, что, несмотря на всю свою занятость, Вы ознакомились с моей простой, но в то же время наполненной мечтами саморекомендацией, и открыли для меня дверь надежды. Поэтому прошу позволить мне,* ***как Мао Сую,******

* Реальная историческая личность, китайский военный и государственный деятель периода Троецарствия (220–280 гг. н. э.), изобретатель. Прецедентное имя Чжугэ Лян означает в китайскоязычном дискурсе человека, который обладает мудростью и незаурядным умом.

** Основатель царства Шу-Хань в период Троецарствия.

*** Мао Суй напросился сопровождать своего хозяина-

***самому предложить свои услуги**. Меня зовут У Чжунвэнь, я выпускник 2005 г. Китайского геологического университета по специальности «топография инженерных сооружений»'* [URL : http://job.imu.edu.cn/company/showResume. asp?id=2715].

Смоделированный нами термин *прецедентное высказывание-цитата* на китайском языке представляет собой обычную лексему со значением «цитата; ссылка» с определением «часто употребляемая».

Примечательно, что некоторые фразеологизмы китайского языка одновременно можно относить к разным разрядам. Например, фразеологизм типа чэнъюй 对酒当歌 *dui jiu dang ge 'радоваться жизни'* (букв. 'выпивая вино громко петь') является фразой из стихотворения знаменитого военачальника, политика и поэта Цао Цао, т. е. фактически цитатой. Но этот фразеологизм уже давно стал единицей словаря, фразеологизмом-идиомой, который может употребляться для описания и именования аналогичных ситуаций. Таким образом, эта единица дискурса может относиться сразу к трем разрядам прецедентных феноменов: ПВ-цитата, ПВ-идиома и ПИ-эвентоним.

Такой тщательный анализ подобных единиц языка с применением данных терминов может способствовать более глубокому пониманию этимологии, семантики и правил функционирования этих единиц в дискурсе.

Проанализировав термин китайской традиционной филологии *дяньгу*, приходим к выводу, что термин *дяньгу* соответствует термину *прецедентный феномен* и его можно применять для обобщенного обозначения в китайскоязычном дискурсе любых проявлений прецедентных ситуаций, имен, высказываний и текстов.

Мы считаем, что для изучения фразеологии китайского языка, чрезвычайно важно определить степень прецедентности фразеологической единицы в реальной коммуникации независимо от вида фразеологизма, ее способность актуализировать важные ПФ КД, и приложить все усилия к овладению ею и связанными с ней фоновыми знаниями исторического и культурного характера. Таким образом, фразеологические единицы, в основе которых лежат историко-культурные сюжеты и которые актуализируют какие-либо ПФ КД, предлагаем относить к особому разделу прецедентной фразеологии и обозначать как $ПВ_1$, $ПВ_2$, $ПИ_2$, $ПИ_3$, $ПИ_4$, в каждом случае тщательно анализируя и выбирая наиболее соответствующие сути фразеологической единицы термины.

Именно такой подход поможет усовершенствовать методику преподавания китайского языка, взглянуть на нее по-новому и систематизировать процесс овладения наиболее коммуникативно и когнитивно ценными единицами.

посла в царство Чу, где выдвинулся на дипломатической работе и оказал услугу своему княжеству. Современные китайцы используют выражение Mao Sui zi jian 'Самому рекомендовать себя высшему руководству на выполнение ответственного задания', 'вызваться на трудное дело' (букв. 'Мао Суй рекомендует сам себя') для обозначения ситуации, при которой кто-либо выдвигает себя сам, а имя Мао Суя стало в Китае символом людей, которые сами вызываются на трудные дела, самовыдвигаются в позитивном значении этого слова.

Библиографический список

1. *Гудков, Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности [Текст] / Д.Б. Гудков. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 152 с.
2. *Гудков, Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации [Текст] / Д.Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.
3. *Красных, В.В.* «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? [Текст] / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
4. *Кушнерук, С.Л.* Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / С.Л. Кушнерук. – Челябинск, 2006. – 213 с.
5. *Нахимова, Е.А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации [Текст] : монография / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2007. – 207 с.
6. *Chang Jingyu.* Hanyu cihui yu wenhua // Chang Jingyu zhu. – Beijing : Beijing daxue chubanshe, 1995 nian. (Лексика китайского языка и культура [Текст] / Чан Цзинъюй. – Пекин, 1995).
7. *Chen Xianchun.* Zhongguo wenhuazhong de dianxing renwu yu shijian // Chen Xianchun bianzhu. – Beijing : Beijing yuyan wenhua daxue chubanshe, 1999 nian. (Прецедентные персонажи и события в культуре Китая [Текст] / сост. Чэнь Сяньчунь. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 1999).
8. *Qiu Caijun.* Xiao xuesheng yiding yao zhidao de 108 ge lishi diangu // Qiu Caijun zhubian. – Huhehaote, 2009 nian (108 исторических дяньгу (прецедентов), которые обязательно должны знать ученики начальной школы [Текст] / сост. Цю Цайцзюнь. – Хух-Хото, 2009).
9. *Yang Defeng.* Hanyu yu wenhua jiaoji / Yang Defeng bianzhu. – Beijing : Beijing daxue chubanshe, 1999 nian. (Китайский язык и межкультурная коммуникация [Текст]/ Ян Дэфэн. – Пекин, 1999).

10. *Yu Shi.* Changyong diangu cidian // Yu Shi deng bian. – xin – ban – Shanghai: Shanghai cishu chubanshe, 2007 nian (Словарь активно употребляемых дяньгу (классических прецедентов) [Текст] / сост. Юй Ши [и др.]. – Шанхай, 2007).
11. URL : http://job.imu.edu.cn/company/showResume.asp?id=2715 (дата обращения : 09.03.2011).
12. URL : http://baike.baidu.com/view/62877.htm (дата обращения : 26.05.2012).

УДК 81.0
ББК 81.00

М.А. Гаврилюк

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей статье предпринята попытка исследования лингвистических особенностей проявления гендерной асимметрии в китайском языке путем выявления гендерно-маркированных языковых средств, закрепленных за обозначениями лиц разного пола.

Ключевые слова: *гендер; гендерные асимметрии; китайский язык*

M.A. Gavrilyuk

LINGUISTIC MEANS OF GENDER ASYMMETRY IN THE CHINESE LANGUAGE

This article pursues the matter of linguistic peculiarities of gender asymmetry in the Chinese language by revealing gender-marked linguistic means addressed to people of different sexes.

Key words: *gender; gender asymmetry; Chinese language*

С развитием современной лингвистической науки доминантой исследовательских парадигм стал принцип антропоцентризма, знаменующий, по выражению Е.С. Кубряковой, «тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках». При этом человек оказывается не просто вовлеченным в анализ тех или иных явлений, но и определяет «перспективы этого анализа и его конечные цели» [Кубрякова, 1995, с. 212]. Особую значимость при исследовании человека в языке приобретают индивидуальные характеристики языковой личности, к важнейшим из которых относится гендер (социокультурный пол), трактуемый одновременно и как процесс, и как результат «встраивания» индивида в социально и культурно обусловленную модель мужественности или женственности, принятую в данном обществе на определенном историческом этапе [Гриценко, 2005, с. 6].

Системное изучение взаимодействия языка и гендера начались с 1970-х гг. XX в. Первоначально работы в данной области возникли на Западе и содержали выполненные на базе языков германской и романской языковых групп первые системные описания особенностей речевого поведения мужчин и женщин, а также зафиксированных в языке стереотипов фемининности и маскулинности. Однако настоящим толчком к развитию и становлению гендерной лингвистики, как самостоятельной отрасли языкознания, послужило возникновение феминистской критики языка (или феминистской лингвистики), продолжающей существовать и по сей день. Выявленные феминистской лингвистикой закономерности доказывают наличие в языковой системе довольно ярко выраженной гендерной асимметрии. Данное заключение основывается на гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа: язык не только продукт развития общества, но и средство формирования его мышления и ментальности. Это позволило представителям феминистской критики утверждать, что все языки, функционирующие в патриархальных культурах, суть мужские языки и строятся на основе мужской картины мира, а образ женщины, отражаемый в языке, снабжен в основном негативными коннотациями и характеристиками [Кирилина, 2000, с. 139]. Следует также отметить, что в течение длительного времени выделение проблемы гендера и гендерной асимметрии в язы-

 © Гаврилюк М.А., 2012

ке в качестве специального предмета исследования было несвойственно российской научной традиции. В числе первых отечественных ученых, обративших внимание на результаты западных исследователей в области лингвистической гендерологии, была А.В. Кирилина. В своих работах она обращает внимание на необходимость исследования не только речевого поведения мужчин и женщин, но и самой системы языка на предмет выявления возможностей, которыми располагает данная языковая система на каждом из своих уровней для выражения фемининности и маскулинности. Еще одним перспективным направлением научных изысканий в области языка могли бы стать сопоставительные исследования на материале двух или нескольких языков с целью выявления степени интенсивности выражения гендерной асимметрии [Кирилина, 2000, с. 140]. На сегодняшний день данная тематика наиболее подробно изучена на материале английского и немецкого языков. Что касается особенностей проявления гендерной асимметрии в других языках, то исследования в этой области начались относительно недавно, а потому не столь многочисленны и не позволяют составить целостной картины.

В настоящей статье предпринята попытка исследования особенностей проявления гендерной асимметрии в китайском языке путем выявления гендерно-маркированных языковых средств, закрепленных за обозначениями лиц разного пола. Материалом для исследования послужили языковык данные, отражающие специфику конструирования социокультурной категории гендера, собранные автором за годы изучения китайского языка. Для достижения поставленной цели использовались методы грамматологического, морфемного и семантического анализа.

В китайском языке в силу особенностей китайской письменности гендерная асимметрия проявляется прежде всего на уровне структуры письменного знака (логограммы). Для обозначения половой принадлежности в китайском языке используются логограммы 女nǚ (женщина) и男nán (мужчина), которые также могут функционировать и в качестве графосемантических компонентов в более сложных знаках. Следует отметить, что логограмма 女nǚ является пиктографическим изображением человека в коленопреклоненной позиции со скрещенными перед собой руками – раба. Закрепление за данным знаком лексического значения «женщина» уже само по себе указывает на подчиненное, бесправное положение женщин в древнем китайском обществе. Что касается логограммы 男nán, то она представляет собой комбинацию двух простых логорамм 田tián (поле) и 力lì (сила). Это объясняется тем, что в Древнем Китае вся ответственность за сельское хозяйство целиком и полностью лежала на плечах мужчин, а потому в языковом сознании древних китайцев «мужчина» 男nán являлся основной «силой» 力lì для работы в «поле» 田tián.

Примечателен тот факт, что логограмма 男nán (мужчина) крайне редко присутствует в качестве графосемантического компонента в составе более сложных знаков (таких знаков насчитывается всего три: 舅jiù, 嬲niǎo, 甥shēng), чего нельзя сказать о логограмме 女 (женщина). Так, в СКЯ существует большое количество знаков, содержащих в своей структуре простую логограмму 女 и при этом зачастую имеющих негативное лексическое значение. Согласно данным исследований китайских ученых У Чанюна и Яо Юньчжу, среди 70 общеупотребительных сложных логограмм, имеющих в своей структуре «ключ» 女nǚ (женщина), найдется более 10 знаков, указывающих: 1) либо на предосудительное, противоречащее нормам морали нравственное поведение / отрицательные черты характера лиц обоего пола: 妒dù – завидовать, ревновать; 妨fáng – причинять вред, приносить несчастье; 奸jiān – коварный, вероломный, предатель; 婪lán – алчный, жадный, алчно домогаться; 媚mèi – льстить, угождать, заискивать; 孬nāo – плохой, трусливый; 嬲niǎo – приставать, флиртовать, надоедать; 妄wàng – нелепый, абсурдный, безрассудный; 妖yāo – зловещий, бесовской, вредный; 2) либо на предосудительную внебрачную связь между мужчиной и женщиной: 奸jiān – развратничать, прелюбодействовать; 姘pīn – иметь, вступать в незаконную связь; 嫖piáo – распутничать, развратничать, ходить по публичным домам; 3) либо на низкий социальный статус женщины: 妓jì – проститутка; 婊biǎo – *бран.* проститутка; 娼chāng – *бран.* певичка, проститутка, публичная женщина; и др. [吴长镛, 2002, p. 39-40].

В словаре «古汉语字典» насчитывается

около 120 знаков с графосемантическим компонентом女nǚ (женщина), большая часть из которых имеют негативное лексическое значение. Следует отметить, что немаловажную роль в формировании подобного гендерного стереотипа сыграли антифеминистические догмы конфуцианства. Восприятие конфуцианскими блюстителями морали женщины как символа зловредства, коварства, злопамятства, легкомыслия и порочности, сопровождаемое чувствами пренебрежения и антипатии, не могло не найти своего отражения и в письменности этого народа.

Следует упомянуть и о том, что указание на низкий социальный статус женщины может быть также закреплено и в самой структуре сложной логограммы идеограммного типа. Так, если рассмотреть знак 妇fù (замужняя женщина, жена, супруга) в его полном написании – 婦, то в левой его части находится «ключ» 女nǚ – «женщина», а в правой – графосемантический компонент 帚zhǒu – «веник, помело, метла». Далее, в словаре «说文解字» мы находим следующее толкование знака 妇（婦）fù: «婦，服也。从女持帚，洒扫也.», откуда следует, что в Древнем Китае от женщины ожидалось беспрекословное повиновение воле мужа, а ее основными занятиями считались уборка, приготовление пищи и прочие безрадостные домашние хлопоты.

Асимметрия по признаку пола проявляется и через те знаки китайского письма, которые служат для фиксирования системы личных местоимений. В современном китайском языке для обозначения лиц мужского и женского пола в 3-м лице используются местоимения 他/他们 (он / они) и她/她们 (она / они), имеющие одинаковое произношение tā/tāmen. При этом местоимения 他/他们tā/tāmen (он / они) могут указывать не только на мужчину, но и на некое лицо, которое говорящий неточно определяет по признаку пола. Например:

1) 从笔迹上看不出来他是男还是女。

2) 一个人要是离开了集体，他将一事无成。

Если речь идет о группе людей, в которой присутствуют как мужчины, так и женщины (или несколько женщин и хотя бы один мужчина), то применительно к ним также следует употреблять местоимение他们tāmen (они). Что касается местоимения她tā (она), то оно было введено в обиход относительно недавно – в 1917 г. китайским литератором и лингвистом Лю Баньнуном. До его появления в китайском языке для записи местоимения, указывающего как на лица мужского, так и женского пола в 3-м лице единственного числа, а также на все неодушевленные существительные в 3-м лице единственного числа использовался знак他tā (он / она / оно). В период Движения 4 мая в этой же функции какое-то время употреблялся знак伊yī (он / она), до сих пор сохраняющийся в некоторых диалектах. В настоящее время местоимения 她 tā (она) и его форма множественного числа她们tāmen (они) употребляются только в том случае, если речь идет исключительно о лицах женского пола. Таким образом, местоимения她/她们tā/tāmen (она / они) обладают определенной смысловой отмеченностью, имеют ограниченную сферу употребления и позволяют выразить гендерную принадлежность только посредством письменной речи.

Аналогичные процессы наблюдаются и в сфере словообразования. При сложении морфем, обозначающих лиц мужского и женского пола, морфема, обозначающая лицо мужского пола, всегда будет предшествовать морфеме, обозначающей лицо женского пола, например: 夫妻 fūqī，夫妇 fūfù，男女 nánnǚ，父母 fùmǔ，爹娘 diēniáng，公婆 gōngpó，叔婶 shūshěn，兄嫂 xiōngsǎo，弟妹 dìmèi，儿女 érnǚ, 子女 zǐnǚ и др. Подобная асимметрия характерна и для словосочетаний: 爷爷奶奶 yéye nǎinai – дедушки и бабушки，叔叔阿姨 shūshu āyí – дяди и тети，兄弟姐妹xiōngdi jiěmèi – братья и сестры, 皇帝与皇后huángdì yǔ huánghòu – император и императрица, 王子和公主 wángzǐ hé gōngzhǔ – принц и принцесса и др. Интересно, что асимметрия отражается и в структуре идиоматических выражений «чэнъюй»: 男耕女织 nán gēng nǚ zhī – мужчины пашут, а женщины ткут (*обр.* о разделении мужского и женского труда); 男尊女卑 nán zūn nǚ bēi – уважение к мужчине и презрение к женщине; 男唱女随/夫唱妇随 nán chàng nǚ suí /fū chàng fù suí – муж запевает, жена подпевает (*обр.* о согласии и мире в семье); 男盗女娼 nán dào nǚ chāng – мужчины – воры, а женщины – проститутки (*обр. в знач.*: полное падение нравов; безнравственное общество); 夫贵妻荣 fū guì qī róng – муж в почете и жена в достатке (*обр.* об удачном браке); 重男轻女 zhòng nán qīng nǚ – ценить мужчин и прези-

рать женщин, лелеять мальчиков (сыновей) и пренебрегать девочками (дочерьми); 善男信女 shàn nán xìn nǚ – благочестивые, набожные люди и др. Подобная тенденция является следствием существующего в сознании носителей китайского языка негласного правила, нашедшего свое отражение в процессах словообразования и словосложения: морфемы или слова, несущие более значимую смысловую и культурную нагрузку, помещаются в начале слова или словосочетания. Так, в китайском языке морфема, выражающая нечто высокое и почитаемое всегда предшествует морфеме, обозначающей нечто низкое и презренное; морфема, обозначающего старшего по возрасту и положению всегда предшествует морфеме, обозначающей младшего по возрасту и положению, а морфема, указывающая на лицо мужского пола, всегда предшествует морфеме, указывающей на лицо женского пола. Очевидно, что в рассматриваемом случае порядок следования морфем / слов определяется существующей в китайском сознании культурно-нравственной оппозицией «男尊女卑» nán zūn nǚ bēi – уважение к мужчине и презрительное отношение к женщине.

В китайском языке большинство наименований профессий, должностей и званий, как правило, не предполагает разграничение людей по признаку пола, т. е. являются гендерно-нейтральными, например: 厨师 chúshī, 理发员 lǐfàyuán, 律师 lǜshī, 司机 sījī, 医生 yīshēng, 市长 shìzhǎng, 总统 zǒngtǒng, 教授 jiàoshòu, 主席 zhǔxí и др. Однако в современных условиях, когда женщина начинает занимать равное положение с мужчиной во многих сферах жизни и ее роль в обществе постепенно возрастает, все больше наименований, характерных для мужского пола, начинает употребляться по отношению и к женщинам. Это порождает необходимость идентифицировать пол. Идентификация пола осуществляется посредством добавочных лексем. Так, в современном китайском языке перед наименованием должности, профессии или звания, относящегося к женщине, как правило, используется добавочная лексема 女 nǚ (женщина): 女博士nǚ bóshì – женщина-доктор наук, 女演员 nǚ yǎnyuán – актриса, 女作家 nǚ zuòjiā – писательница, 女英雄 nǚ yīngxióng – женщина-герой, 女科学家 nǚ kēxuéjiā – женщина-ученый, 女医生 nǚ yīshēng – женщина-врач и др. Необходимость обозначить пол может возникнуть и тогда, когда нарушаются гендерные стереотипы в профессиях. Например, за лицами женского пола закреплены профессии медсестры или няни, мужчина же, как правило, не является наиболее вероятным представителем данных профессий. По этой причине у наименований таких типично женских профессий появляется добавочная лексема 男 nán (мужчина), например: 男护士 nán hùshi – медбрат, 男保姆 nán bǎomǔ– мужчина-воспитатель, гувернер, 男妓 nán jì – жигало.

Кроме этого, в китайском языке обнаруживается группа коррелятивных наименований лиц, имеющих разную коннотативную окрашенность в зависимости от того, к какому полу они относятся. Например, немолодую незамужнюю девушку обычно называют 老姑娘lǎogūniang, 老处女 lǎochǔnǚ или 剩女 shèngnǚ. Как видно, эти лексемы имеют ярко выраженную отрицательную коннотацию, поскольку в своем значении они содержат указание на скверный характер, плохую уживчивость и отрицание факта наличия потенциальных кандидатов в мужья. Совершенно противоположная картина наблюдается с лексемой 单身汉 dānshēnhàn – холостяк, немолодой неженатый мужчина. Здесь нет и намека на отрицательную коннотацию, содержится лишь указание на наличие полной свободы и отсутствие забот и проблем, связанных с содержанием семьи. Если холостой мужчина еще и состоятелен, то о нем можно сказать 钻石王老五 zuànshí wáng lǎo wǔ – *букв.* бриллиантовый холостяк (богатый, пожилой, годный для женитьбы мужчина). Аналогичная ситуация характерна и для лексической пары鳏夫/寡妇 guānfū / guǎfu (вдовец / вдова). Если первый компонент данной пары нейтрален и обычно встречается крайне редко, то последний употребляется достаточно часто и имеет явную негативную окраску с указанием на сексуальный подтекст (小寡妇 xiǎo guǎfu – маленькая вдова，风流寡妇 fēngliú guǎfu – веселая вдова), что еще раз свидетельствует о повышенном интересе общественности к семейному положению женщины и стремлении осудить ее поведение и образ жизни.

Гендерная асимметрия отражается и в обращениях. Наиболее ярко она проявляется в группе обращений, которые были приняты между супругами в Древнем Китае, так как

именно они отражали различия в социальном статусе мужчины и женщины в семье и обществе того времени. Здесь, прежде всего, стоит упомянуть о том, что в Древнем Китае женщины были абсолютно бесправны и должны были безропотно повиноваться воле мужа. Они признавались и ценились обществом лишь постольку, поскольку были необходимы для функционирования семьи и ведения хозяйства. Отсюда две совершенно противоположные тенденции: подчеркнутая почтительность при обращении жены к мужу и намеренное уничижение при обращении мужа к жене, либо самоуничижение женщины при самонаименовании. Так, обращаясь к мужу, жена употребляла высокопарные выражения, часто указывающие на высокий социальный статус супруга: 夫君 fūjūn – (мой) супруг, муж; 郎君 lángjūn – Вы, сударь, милостивый государь, муж, муженек; 官人 guānrén – Вы, сударь, мой супруг; 相公 xiānggōng – Вы, 先生 xiānsheng – муж; супруг и др. Муж же мог обратиться к жене, используя одно из уничижительных обращений «моя жена», не выходивших при этом за рамки культурных приличий: 敝房 bìfáng, 房下 fángxià, 寒荆 hánjīng, 贱房jiànfáng, 贱累 jiànlèi, 贱室 jiànshì, 荆妇 jīngfù, 荆室 jīngshì, 内人 nèiren, 内子 nèizǐ, 山荆 shānjīng («терновая колючка» *обр. в знач.* жена), 山妻 shānqì (выросшая в глуши женщина, деревенская баба), 糟糠 zāokāng (жена, делящая с мужем невзгоды) и др. В сельской местности в качестве обращений к жене в ходу были 堂客 tángke, 老婆 lǎopó, 我那口子wǒ nà kǒuzi, 家里的 jiāli de, 烧火的 shāohuǒde, 屋里的 wūlide, 做饭的 zuòfànde, 孩儿他娘 hái'ér tāniáng и др. При самонаименовании женщины называли себя 奴 nú (раб, рабский; *уничижит.* я, мой), 女家nǚjia, 妾 qiè (служанка, прислужница, рабыня; *уничижит.* я, ничтожная), 贱妾 jiànqiè (*уничижит.* я, твоя жена), 卑妾 bēi qiè и др. Посторонние лица при обращении к женщине, не имеющей ребенка, с целью привлечения ее внимания могли использовать междометия 喂 wèi (эй) или 嗳 ài (ай), а к женщине, имеющей ребенка – обращения 孩子他妈 háizi tā mā, 他/她娘 tā/tā niáng. В разговоре с посторонними, муж, упоминая о жене, мог назвать ее 屋里的 wūlide или 我那口子 wǒ nà kǒuzi, либо использовать для наименования жены имя их общего ребенка.

Конечно, с тех времен произошли существенные изменения: изменился общественный строй, изменилась структура семьи, у современного поколения появились новые взгляды на семью, а также положение и роль женщины в семье и обществе. Такого рода перемены не могли не отразиться и в системе обращений. Так, современные китайские супруги при обращении, как правило, теперь именуют друг друга 老公 lǎogong (муж) и 老婆 lǎopó (жена). По мнению современных китайцев, данные обращения являются выражением особой заботы, нежности и теплоты чувств, которые супруги испытывают друг к другу, а также могут использоваться при подшучивании, иронизировании друг над другом. До наших дней сохранилось и обращение к мужу 先生 xiānsheng (господин; муж; супруг), также используемое и для наименования мужа в третьем лице в разговоре с другими людьми (например, 我先生，我家先生). Данное обращение пользуется особой популярностью у китайских эмигрантов и жителей Гонконга, Тайваня и Макао, поскольку является почтительным и выражает чувство гордости за своего супруга, в то время как не менее почтительное 太太 tàitai (жена; супруга) крайне редко употребляется мужьями в качестве обращения к своим женам. Современные китайские супруги также обращаются друг другу по имени и фамилии, используют ласковые обращения (например, 亲爱的，宝贝儿) и прозвища.

Гендерная асимметрия находит свое отражение и в формах китайских имен и фамилий. В древней китайской культуре социальный статус женщины был настолько принижен, что женщины даже считались недостойными иметь собственное имя, поэтому в семье их часто именовали 大丫头 dàyātou – старшая дочь, 老二 lǎoèr – вторая дочь, 老三 lǎosān – третья дочь. Посторонние обращались к ним по фамилии отца, добавляя лексему 氏 shì (урожденная), например: 张氏 zhāngshì – урожденная Чжан, 李氏 lǐshì – урожденная Ли, 王氏 wángshì – урожденная Ван. После вступления в брак и перехода женщины в подчинение семье мужа, в официальной обстановке она именовалась сочетанием фамилии мужа и фамилии отца с лексемой 氏 shì (урожденная): 张王氏 zhāng wáng shì – Чжан, урожденная Ван; 赵李氏 zhào lǐ shì – Чжао, урожденная Ли; 唐刘氏 táng liú shì – Тан,

урожденная Лю и пр., а в неофициальной обстановке – по фамилии мужа с добавлением лексемы 家的 jiāde (жена): 朱家的 zhū jiāde – жена Чжу, 吴家的 wú jiāde – жена У, 赵家的 zhào jiāde – жена Чжао, фамилия отца при этом опускалась. Таким образом, обращение по формуле «某某家的» mǒumǒu jiāde (жена такого-то) становилось аналогом имени женщины. Однако эта традиция ушла далеко в прошлое, и на сегодняшний день у каждой китайской женщины, независимо от того замужем она или нет, есть свое имя.

Что касается значений женских и мужских имен, то здесь также наблюдается некоторая асимметрия. Так, в китайском языке мужские имена часто имеют значения «храбрость», «мужество», «воля», «стойкость», «сила», «ум»: 勇 yǒng – храбрый, 志 zhì – стремление, 刚 gāng – твердый, 强 qiáng – сильный, 雄 xióng – сильнейший, 伟 wěi – великий, 文华 wénhuá – просвещенный, 文明 wénmíng – культурный, 龙 lóng – дракон, 虎 hǔ – тигр и др. Женские же имена обозначают нежность, слабость, мягкость, привлекательность, изящество, а также зачастую содержат названия цветов, символизирующих женскую красоту и очарование: 丽 lì – красивый, 婷 tíng – изящный, 秀 xiù – прелестный, 怜lián – сочувствие, 婵 chán – грациозный, 姣 jiāo – прекрасный, 梅 méi – слива, 兰 lán – орхидея, 菊 jú – хризантема, 英 yīng – цветок, 蕊 ruǐ – бутон.

Исследуя различные проявления гендера и гендерной асимметрии в языке, целесообразно также обратиться и к паремиологии, поскольку она находится на пересечении фразеологии и фольклора и является весьма показательной с точки зрения культурных стереотипов, зафиксированных в языке [Кирилина, 1999, с. 85]. Так, анализ паремий китайского языка, обладающих гендерной спецификой, позволил установить, что в пословицах и поговорках китайского языка доминирует андроцентрический взгляд, т. е. преимущественно отражена мужская картина мира, главенствующее положение в которой занимает мужчина:

男人是天，女人是地。 – Мужчина – небо, женщина – земля (земля не может быть выше неба, так и женщина не может быть главнее мужчины).

女人是绑在男人要带上的。– Место женщины – быть пристегнутой к поясу мужчины (Жена должна во всем подчиняться и слушаться мужа).

女人是枝花，灶门口烧粑粑. – Женщина – это цветок, который жарит на печке кукурузные пампушки (*В значении* «женщина должна сидеть дома»).

女子无才便是德。– Женщина, не имеющая талантов, целомудренна (Бесталанная женщина сидит дома и повинуется воле мужа, а потому целомудренна).

В рамках мужского пространства-реальности женщина, как правило, выступает в качестве объекта:

兄弟如手足，妻子如衣服，衣服破尚可缝，手足断安可续。– Братья подобны рукам и ногам, жена подобна одежде. Порвавшуюся одежду можно заштопать. Переломав руки-ноги, как можно двигаться дальше?

娶来的媳妇买来的马，愿骑就骑愿打就打. – Невестка – все равно, что купленная лошадь, хочешь ездить верхом – езди, хочешь побить – бей.

嫁出去的女，泼出去的水。– Вышедшая замуж дочь – все равно что пролитая вода.

养儿防老，养女赔钱。– Вырастишь сына – получишь опору в старости, вырастишь дочь – [только] убытки понесешь.

Женщины и женская деятельность противопоставлены мужчинам и мужской деятельности как важное / значимое и неважное / незначительное. Как правило присутствует такая модель: мужчина / муж совершает действие А, женщина / жена совершает действие Б, где А – важное, значимое дело, Б – пустое, обыденное занятие.

男当家，女插花。– Мужчина – управляет хозяйством, а женщина делает украшения из цветов.

男子走州又进县，女子围着锅台转。 – Мужчина разъезжает по округам и уездам, женщина хлопочет у кухонного очага.

Андроцентрический взгляд на мир приводит к наделению женщин рядом прототипических черт, создающих негативный стереотип:

1. Недалекий ум и отсутствие логики мышления:

女人头发长见识短。– У бабы волос длинный, да ум короткий.

2. Болтливость:

两个婆娘一面锣，三个婆娘一台戏。– Две женщины, собравшиеся вместе, подобны звукам гонга, а три женщины – уже [целый] спектакль.

三个老太婆，赛过敲锣鼓。– Три старухи соревнуются в ударах по гонгу и барабанам.

3. Вздорный, тяжелый нрав:

唯女子和小人难养。– Трудно иметь дело с женщинами и слугами. (Восходит к известному изречению Конфуция: 唯女子和小人难养也，近之则不逊，远之则怨。«В доме труднее всего иметь дело с женщинами и слугами. Если их приблизить, они становятся дерзкими, а если отдалить – озлобляются»).

4. Опасность, коварство:

青竹蛇儿口，黄蜂尾上针，最毒妇人心。– Укус бамбуковой гадюки, жало осы, самое ядовитое – женское сердце.

铜锣不打上乌青，妇女不打变妖精/菜刀不磨成死铁，女人不打成妖孽。– Если не бить в гонг, он станет черно-синим, если не бить женщину, она превратится в нечистую силу.

红颜祸水。– Краснощекое лицо, вредоносная вода («Краснощекое» *в знач.* «красивое»; «вредоносная вода» *в знач.* «женская стихия, которая зальет мужскую – огонь») – *образно в знач.:* женщина-губительница; женщина как источник зла.

В китайской паремиологии также можно выделить пословицы и поговорки, отражающие женский взгляд на важность замужества в жизни женщины и нормы ее поведения в браке:

男怕入错行，女怕嫁错郎。– Мужчина боится ошибиться в выборе профессии, женщина боится ошибиться в выборе жениха.

嫁汉嫁汉，穿衣吃饭。– Выходить замуж, чтоб иметь одежду и еду (Быть на содержании у мужа).

嫁鸡随鸡，嫁狗随狗。– Если вышла замуж за курицу, следуй за курицей, если вышла замуж за собаку, следуй за собакой (Жена всегда следует за мужем; за кого замуж выдадут, с тем и живи).

Примечательно, что в проявляющемся в подобных паремиях «женском голосе» преобладают вынужденная покорность, зависимость и беспомощность, что лишний раз подчеркивает всю горечь судьбы женщины, вынужденной вести замкнутый образ жизни, подчиняясь многочисленным социальным рестрикциям.

Таким образом, рассмотрев и проанализировав некоторые лингвистические средства выражения категории гендера в китайском языке, можно с уверенностью утверждать, что в китайском языковом сознании доминирует андроцентрический взгляд на гендерные отношения. Наблюдается достаточно четко выраженная гендерная асимметрия: женщины в языковой картине мира китайцев представлены с точки зрения их полезности в жизни мужчин. Женщины и их деятельность имеют значимость лишь постольку, поскольку они являются необходимым условием комфортного существования мужчин. Подобная субъективность в восприятии привела к тому, что в языковом сознании носителей китайского языка на определенном этапе исторического развития китайского общества женщина стала восприниматься главным образом как объект собственности. При этом положительно оценивались женская привлекательность, покорность, хозяйственность, а также способность женщины к материнству. Что касается таких типично женских качеств, как недалекий ум, болтливость, вздорный нрав и т. д., то они всегда оценивались отрицательно.

Поскольку в современном китайском обществе социальный статус женщины и ее роль во многих сферах жизни постепенно возрастают, в китайском языке намечается тенденция к замене гендерно окрашенных слов и выражений на гендерно нейтральные. Как было показано, гендерная асимметрия наиболее ярко проявляется в таких консервативных, медленно изменяющихся аспектах языка, как письменность и фразеология.

В заключение отметим, что изучению с позиций категории гендера поддаются практически все феномены языка. Поэтому в рамках одного исследования описать все имеющиеся в языке гендерно-маркированные языковые средства не представляется возможным. В связи с этим свою работу мы рассматриваем как некий начальный этап исследования в данном направлении.

Библиографический список

1. *Гриценко, Е.С.* Язык как средство конструирования гендера [Текст] : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е.С. Гриценко. – Н. Новгород, 2005. – 405 с.
2. *Кирилина, А.В.* Гендер : Лингвистические аспекты [Текст] / А. В. Кириллина. – М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999. – 189 с.
3. *Кирилина, А.В.* Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (философский и методологический аспекты) [Текст] / А.В. Кириллина // Общественные науки и современность. – 2000. – № 4. – С. 138–143.
4. *Кубрякова, Е.С.* Эволюция лингвистических идей

во второй половине XX в.(опыт парадигмального анализа) [Текст] / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX в. / под ред. Ю.С.Степанова. – М. : Российский гос. ун-т, 1995. – С. 149–238.
5. *Сунь, Хуэйцзе* Гендерная асимметрия в русском и китайском языках [Электронный ресурс] : электронный научно-образовательный журнал ВГПУ / Хуэйцзе Сунь. // Грани познания – 2011. – № 4. – Режим доступа : http://grani.vspu.ru/jurnal/19 (дата обращения: 28.08.2012).
6. 包小丽. 英汉语言中的性别歧视现象及变革. 内蒙古民族大学学报，2009 年，第3期：第51–52页.
7. 崔玲，马志刚. 语言中的性别歧视. 社会纵横，2004 年，第1期：第133–135页.
8. 古代汉语字典 / 古代汉语编写组编. 北京：商务印书馆，1998 年.
9. 吴长镛，姚竹云. 汉语中的性别歧视. 修辞学习, 2002 年, 第6 期：第 39–40 页.
10. 杨维琴. 英汉语言中的性别歧视. 贵州文史丛刊，2006 年，第2期：第 71–73 页.

УДК 81.00
ББК 81.00

Н.П. Гильманшина

ДИАЛЕКТИКА АРГУМЕНТАЦИИ И МАНИПУЛЯЦИИ В ДИСКУРСЕ ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ ПАК ЧОН ХИ)

В статье рассматриваются особенности диалектического взаимодействия аргументации и манипуляции в дискурсе публичного выступления Пак Чон Хи, анализируются особенности аргументативной стратегии оратора и способы языковой репрезентации аргументов, исследуется проявление социального дейксиса как отличительной черты корейского политического дискурса, вводится понятие дискурса «сверху вниз».

Ключевые слова*: аргументация; манипуляция; продуктивная манипуляция; «белая» манипуляция, политический дискурс; аргументативная стратегия; социальный дейксис; дискурс «сверху вниз»*

N.P. Gilmanshina

DIALECTICS OF ARGUMENTATION AND MANIPULATION IN A PUBLIC SPEECH: ANALYSING A PARK CHUNG-HEE SPEECH

The article deals with the dialectical correlation of argumentation and manipulation in the discourse of public speech and is based on a study of a Park Chung-hee speech. Peculiarities of author's argumentative strategy and ways of arguments' representation are analyzed in the article. Social deixis is investigated as a main feature of Korean political discourse. The new term 'up-to-down' discourse' has been introduced and explained.

Key words*: argumentation; manipulation; productive manipulation; 'white' manipulation; political discourse; argumentative strategy; social deixis; 'up-to-down' discourse*

Аргументирование представляет собой форму деятельности человека, в которой он реализует себя как языковая личность. При этом в системном взаимодействии оказываются его знания и представления, система ценностей и здравый смысл, коммуникативные навыки и логическая культура, его эпистемическое и эмоциональное состояния, социальные параметры аргументативной ситуации. Поэтому естественно-языковая (не формально-логическая) аргументация может изучаться только в единстве с невербальным контекстом, с учетом социальных факторов, моделей меняющегося поведения коммуникантов [Ван Дэйк , 1989, с. 7].

В прагма-диалектической теории аргументации под аргументацией понимают вербальную социальную и разумную деятельность, направленную на убеждение рационального судьи в (не)приемлемости выраженного мнения с помощью выдвижения определенных сочетаний пропозиций (аргументов), рассчитанных на доказательство (опровержение) выраженного мнения [Еемерен, ван, Гроотендорст, 1984]. Аргументативный дискурс – языковое пространство социального взаи-

© Гильманшина Н.П., 2012

модействия, включающее систему языка, т. е. код, участников дискурса и предметно событийную сущность спора. Подобная концептуализация пространства дискурса предложена М.А.К. Хэллидеем и заключается в выделении его поля, участников и модуса [Мордовин, 2004, с. 7].

Предметом исследования данной статьи является диалектическое взаимодействие аргументации и манипуляции в рамках аргументативного дискурса публичного выступления. Материалом исследования послужил транскрипт речи бывшего президента Республики Корея Пак Чон Хи (период правления: 1961–1979 гг.) на официальной церемонии открытия завода Джинхе 2 мая 1965 г. Основную массу целевой аудитории составили студенты, вышедшие на митинг в знак протеста против политики правительства в отношении Японии.

На начальном этапе исследования предположим, что в целях создания у адресата ощущения собственной свободы принятия решений оратор сначала будет строить выступление в режиме аргументации, чтобы убедить адресата в своей рациональности, после чего на определенном этапе прибегнет к использованию манипулятивных технологий.

Перед интерпретативно-аналитическим исследованием текста обратимся к особенностям контекста ситуации и попытаемся реконструировать интенциональное состояние участников дискурса. Для этого необходимо также учесть и поле дискурса по М.А.К. Хэллидею, т. е. описать функцию языка в контексте взаимодействия индивидов.

В транскрипте выступления неоднократно упоминаются события 19 апреля 1960 г. В этот день в знак протеста против произвола властей на улицы Сеула вышли около 100 тыс. человек, преимущественно преподаватели и студенты. При разгоне демонстрантов 186 человек погибло, 6026 человек были ранены. День 19 апреля, впоследствии получивший название «кровавого вторника» или «Апрельской революции», определил дальнейшее развитие страны. Как пишет историк С.О. Курбанов: «Именно с событий апреля 1960 г. начинается особый этап истории борьбы за демократию и свободу в Южной Корее» [Курбанов, 2009, с. 303].

Анализ текста производится путем вычленения его значимых фрагментов, в которых содержатся вокабулы, поддерживающие основное семантическое ядро аргументации, которое, в свою очередь, строится вокруг тезиса о том, что студенты должны заниматься не политикой, а учебой.

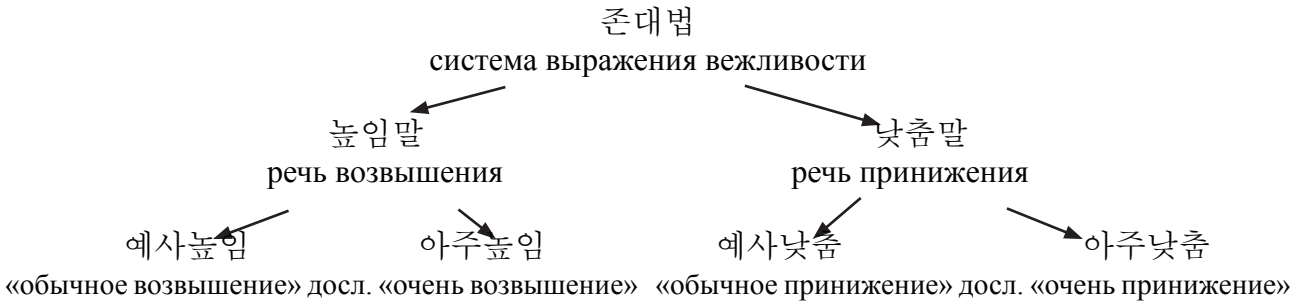
Уже в первом предложении оратор обозначает своего антагониста: 오늘 이 자리에 학생들도 좀 얼굴이 보이기 때문에 이야기를 하려고 합니다. *Сегодня в этом месте видны лица* ***студентов,*** *поэтому я собираюсь говорить.* Далее президент дает обещание говорить откровенно, для чего использует особый стиль речи в корейском языке, предназначенный для неформального, дружеского общения между близкими людьми (полуречь 반말). Очевидно, что говорящий намеренно прибегает к этому стилю, чтобы расположить к себе аудиторию и смягчить остроту ситуации.

Примечательно, что по ходу выступления Пак Чон Хи несколько раз меняет стиль вежливости. Основная часть выступления строится на использовании официально-вежливого стиля, а при описании событий в Германии употребляется письменно-книжный стиль –다, нехарактерный для устного общения. Использование различных стилей вежливости неслучайно и имеет цель задействовать различные механизмы воздействия на адресата.

Несмотря на стремление оратора создать ощущение неформальности общения, он с помощью языковых средств четко указывает на социальную иерархичность участников дискуссии. Обращением 학생들! в начале абзаца говорящий разводит себя и адресата по социальным полюсам. В корейском обществе школьники и студенты относятся к одной социальной категории и могут быть обозначены одним обобщающим словом 학생. Существует также слово 대학생 – *студент, тот, кто обучается в высшем учебном заведении*, однако оно не имеет оттенка социальной дифференциации, традиционной для восточной культуры. Поэтому президент намеренно использует для обращения к студентам слово학생, относящееся к социально-маркированной лексике.

По всему тексту выступления используется форма나личного местоимения «я», относящаяся к депрециативной форме гоноратива. Корейский язык имеет упорядоченную систему выражения вежливости (존대법), одной из форм которой является употребление вежливых эквивалентов слов. Так для обозначения

местоимения «я» используются формы 나 и 저. Исходя из понятия отношений «сверху вниз» в этой системе выделяются 높임말 (досл. речь возвышения) и 낮춤말 (досл. речь принижения). И в первом, и во втором типах речи для личных местоимений выделяются соответственно예사높임 (досл. обычное возвышение), 아주높임 (досл. «очень возвышение», «самые возвышающие слова»*) и예사낮춤 (досл. обычное принижение, употребляется при обращении к тому, кто младше или ниже по социальному статусу, в кругу хорошо знакомых людей в неформальной обстановке), 아주낮춤 (досл. «очень принижение», «самые принижающие слова» (국어 사전Kum Sung New)Ace Korean Language Dictionary)), используется при обращении к равным, старшим, или незнакомым людям при первой встрече). Схематично описанную структуру можно изобразить следующим образом:



В соответствии с этим в системе местоимений в общем виде выделяются 높이 부르는 존칭 (досл. «вежливые выражения, именующие возвышенно») и 낮추어 부르는 비칭 (досл. «уничижительные наименования, именующие приниженно»), причем согласно толковому словарю корейского языка, эти понятия находятся в отношениях антонимии. Личные местоимения первого лица не имеют эквивалентов в «возвышающей речи», что связано с логической невозможностью выражения вежливости к собеседнику путем возвеличивания собственной персоны.

Форма 나 для местоимения «я», употребление которой мы наблюдаем в аргументативном дискурсе Пак Чон Хи, относится к виду «обычное принижение». Отсутствующая же в употреблении Пак Чон Хи форма 저, соответствующая самоуничижительному типу лексики, относится к виду «очень принижение». Исходя из толкования функций данного вида речи, можно вывести основную пропозицию выступления президента: «Я – опытный, умудренный жизнью, а вы – молодые, несмышленые». Использованием местоимений, относящихся к разным типам выражения вежливости, оратор тонко, не категорично подчеркивает социальную дистанцию между собой и аудиторией. Употребление оратором определенной формы личного местоимения в зависимости от контекста ситуации дает основание рассматривать социальный дейксис как характерную особенность корейского политического дискурса.

Обращаясь к аудитории, президент также использует обращение 제군, что означает *Вы* при обращении к нижестоящему и традиционно используется при обращении к ученикам. Оно относится к типу речи «обычное принижение», им подчеркивается иерархичность социального положения оратора и аудитории. Следует отметить, что это обращение фигурирует только в первом абзаце и употребляется в нем целых 4 раза. Далее по тексту президент использует для обращения к адресату слово 여러분 (употребляется 8 раз), которое также имеет смысл *вы*, но относится к типу «очень возвышение». Оно является более вежливым и не содержит в себе указания на социальную принадлежность. Таким образом, в первом абзаце выступающий с помощью языковых средств очерчивает социальные роли участников коммуникации, формируя дискурсивное поле коммуникации – оратор, тот, кто социально выше аудитории, и адресат, тот, кто социально ниже оратора.

В следующем высказывании оратор использует argumentum ad lenocinium или аргумент к лести, апеллируя к будущему статусу адресата: 제군들이 앞으로 이 나라의 주인들이 되자면 적어도 10년~20년 후에라야만 제군들이 이 나라의 주인공이 되는 것입니다. 제군들의 시대가 오는 것입니다. *Когда вы в будущем станете хозяевами этой страны, всего через каких-то 10–20 лет, в последую-*

щей эре вы становитесь героями этой страны. Наступает ваша эпоха. При этом действие в будущем выражается через использование настоящего времени в значении «будущее начинается сейчас», чем подчеркивается значимость общего контекста выступления.

Одной из ключевых номинаций во втором абзаце является기성세대 *зрелое поколение*, которое в восточное культуре a priori требует уважения. Подобная психологическая установка – зрелый, тот, кто старше, и требует уважения – в менталитете восточного человека срабатывает на подсознательном уровне.

В своем выступлении президент избегает ссылки на конкретные факты, в первую очередь, события и имена. Несмотря на заявленную в первом абзаце искренность речевого акта, следующее высказывание содержит нечеткие референции, которые скрывают подлинный смысл, допуская тем самым множественность интерпретации: 오 늘 이 시대에는 우리들 기성세대가 모든 것을 책임을 지고 여러분들 못지 않게 나라에 대한 것을 걱정을 하고 근심을 하고 노력을 하고 있다는 것을 여러분들은 잊어서는 안 되는 것입니다. *Сегодня в эту эпоху наше зрелое поколение несет за* ***все*** *ответственность, так же, как и вас, нас беспокоит и вызывает тревогу* ***то, что касается страны****, мы прилагаем свои усилия - вам нельзя забывать об этом.*

Во втором абзаце большой интерес представляет окказиональное употребление слова 훈양하다. Слово отсутствует в толковом словаре корейского языка и вызвает значительные трудности в переводе. По морфологическим и синтаксическим признакам было установлено, что это глагол. В процессе поиска значения удалось обнаружить всего два примера словоупотребления: в статьях газеты Тонаильбо от 1922 г. и 1938 г. Обращение к носителям языка также не дало результатов. Информанты утверждают, что это слово им незнакомо. В итоге значение слова было выведено в результате поморфемного анализа. Так как оно относится к синокорейской лексике, то может быть записано с помощью китайских иероглифов: 訓 가르칠 훈*преподавать* и 養 기를 양 *растить, откармливать (животных), выращивать, культивировать (растения)*. Учитывая общий контекст, мы остановились на переводе *развивать (себя), развиваться*.

Примечательно также, что в некоторых других транскриптах исследуемого выступления вместо훈양하다 употреблялись следующие варианты: 수영하다 *заниматься самовоспитанием*, 훈련하다 *обучаться, тренироваться*, 생각하다 *думать*, которые контекстуально близки по значению к 훈양하다. По нашему предположению, это решение редакторов транскриптов с целью облегчить носителям корейского языка восприятие текста.

В рассмотренном выше высказывании говорящий усиливает ключевой смысл при помощи семантического дублирования, употребляя друг за другом синонимичные выражения 걱정을 하다*беспокоиться* и 근심을 하다, *тревожиться*. К этому же приему он прибегает далее: 나는 다소 창피스럽기도 하고 부끄럽기도 해서 *Я,* ***испытав сильное смущение и стыд***... Необходимо также отметить использование метафорических выражений 배양하다, 훈양하다*культивировать, выращивать (животных, растения)*. С их помощью говорящий вводит сценарий, активизирующий психосемантический кластер* – кормить, содержать (животных) → фермерство, кропотливый труд.

Рассмотрим пример рациональной аргументации, к которой прибегает протагонист в своем выступлении. Речевой акт, который выдвигается в качестве главной точки зрения S, выраженной имплицитно, расположен в конце второго абзаца, в то время как часть аргументов к нему находится в первых строках текста. Такое позднее введение точки зрения оратора, по нашему убеждению, является не случайным и представляет собой часть аргументативной стратегии Пак Чон Хи. В переводе высказывания отражена структура аргументации:

오 늘 이 시대에는 우리들 기성세대가 모든 것을 책임을 지 고 여러분들 못지 않게 나라에 대한 것을 걱정을 하고 근심을 하고 노력을 하고 있다는 것을 여러분들은 잊어서는 안 되는 것입니다. 내가 학생 여러분들을 절대 무시하는 것이 아니라 나도 여러분들과 같이 한 20대 젊은 시절의 학생시절을 생각좀 해보는데 (S) 여러분들은 아직까지도 공부를 하고 배워야 되고 모든 것을 훈양을 해야 되고 자기의 실력을 배양할 시절입니다. 여러분들이 정부가 하는 일, 정치적인 문제, 사회적인 문제에 낱낱이 직접 간섭하거나 참

* Петренко, В.Ф. Психосемантика сознания [Текст] / В.Ф Петренко. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1988.

여하거나 직접 행동해온 길, 그런 시기도 아니고 또 그런 것이 여러분들의 책임도 아니라는 것을 확실히 알아야 합니다.

1.1. Сегодня в эту эпоху наше зрелое поколение несет за все ответственность.

1.2. Так же, как и вас, нас беспокоит и вызывает тревогу то, что касается страны.

1.3. Мы прилагаем свои усилия – вам нельзя забывать об этом.

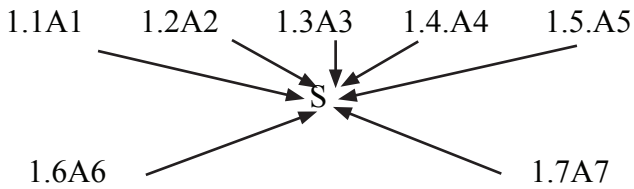
1.4. Я вовсе не игнорирую вас.

1.5. Я также вместе с вами вспоминаю молодые студенческие годы в 20 лет. До сих пор (S) ***это время, когда нужно заниматься учебой и учиться, все развивать в себе, «взращивать» свои способности.***

1.6. Путь, когда вы сами действуете или сами принимаете участие или напрямую вмешиваетесь в дела, которыми занимается правительство, в политические проблемы, в социальные проблемы – сейчас не то время.

1.7. Более того, все это – не ваша ответственность – вы должны это твердо знать.

Структуру аргументации данного фрагмента выступления можно представить следующим образом, где S – точка зрения, A – единичная аргументация:



Распределение речевых актов по категориям в тексте: ассертив – 33 %, директив 29 %, экспрессив – 25 %, комиссив – 13 %. Мы видим, что в публичном выступлении корейского политика наряду с ассертивами (которые согласно ПДТА являются прототипической формой аргументации) широко используются директивы и экспрессивы. Это объясняется этнокультурными особенностями аудитории и особой логикой аргументации, присущей восточному сознанию.

Протагонист может апеллировать не только к разуму читателей или слушателей с помощью средств логики (универсальная или рациональная аргументация), но и воздействовать на их чувства через апелляцию к ценностям, особую роль которых в процессе аргументации отмечал еще Х. Перельман, ставивший их в один ряд с фактами, истинами и основаниями [Perelman, 1969, с. 74]. В дискурсе анализируемого публичного выступления оратор апеллирует к ценности 학생 시절 «*период ученичества*»: 나도 여러분들과 같이 한 20대 젊은 시절의 학생시절을 생각 좀 해보는데 여러분들은 아직까지도 공부를 하고 배워야 되고 모든 것을 훈양을 해야 되고 자기의 실력을 배양할 시절입니다. *Я также вместе с вами вспоминаю молодые студенческие годы в 20 лет; до сих пор это время, когда нужно заниматься учебой и учиться, все развивать в себе, развивать свои способности.* Стремление к знанию в восточной культуре традиционно считается одной из добродетелей.

Пак Чон Хи в своем выступлении обращается также еще к одной ценностной доминанте восточной культуры – иерархии, отношениям «снизу вверх» (선후배 관계) [Веленев, 2011, с. 34], или отношениям между младшими и старшими*: 여러분들의 선배가 4.19 당시에 거리에 나와서 한국의 민주주의를 같이 지키기 위해서 뛰어나온 그 정신은 그야말로 백년에 한번, 수백 년에 한번 있을까 말까한 이런 숭고한 정신인 것입니다. *Тот дух, когда ваши* ***старшекурсники*** *вышли на улицы во время революции 19 апреля, чтобы вместе поддержать демократию в Корее, проявляется ли он один раз в сто лет или один раз в несколько сотен лет – такой благородный этот дух.*

Понятие 선배 относится к тем ключевым лексемам, которые передают специфику соответствующей культуры и концентрированно выражают ее уникальность. Это больше, чем просто слово, как пишет М. Агар: «Это соответствующее мировидение, со всеми его сложными компонентами, вмещено в одноединственное слово, и этот богатый [по семантике] лексический элемент, в свою очередь, используется, как *знак самоидентификации*» [цит. по: Веленев, 2011, с. 27; курсив наш. – Н.Г.]. Лексика такого рода вызывает значительные трудности в переводе. 선배 дословно означает *тот, кто лучше или выше в*

* О категориях «младший» и «старший» в традиционной корейской культуре см.: *Никитина, М.И.* Миф о женщине-солнце и ее родителях и его спутники в ритуальной традиции древней Кореи и соседних стран. – СПб., 2001; *Курбанов С.О.* Конфуцианский классический «Канон сыновей почтительности» в корейской трактовке. Корейской восприятие универсальной категории «почтительности к родителям». – СПб., 2007.

науке, добродетели, по опыту, возрасту и др., в корейском языке часто используется в функции обращения.

Отношения «снизу вверх» в японском и корейском языках передаются через специальные глагольные показатели: например, суффиксом – 시 – *ихехетта понял* («сверху вниз») и *ихехащессымнида* («снизу вверх» или нейтрально вежливо).

Рассмотренные аргументативные приемы относятся к контекстуальным способам аргументирования, эффективным лишь в определенной аудитории, так как основываются на этнокультурных характеристиках адресата [Ивин, 1997]. Апелляция к ценностям ученичества, являясь семантическим ядром аргументации, дает основание классифицировать данный дискурс как аргументативный. Однако в тексте присутствуют манипулятивные вкрапления.

Под манипуляцией или манипуляционным дискурсом, вслед за А.М. Каплуненко, понимаем макроречевой акт, иллокутивная цель и пропозициональные условия которого в Мире Действия (МД) не согласуются с иллокутивной целью и пропозициональными условиями, приписанными аналогичному макроречевому акту в Мире Ценностей (МЦ). Конечная цель манипуляции сознанием – изменение картины мира манипулируемого [Каплуненко, 2007, с. 5].

Анализируя текст публичного выступления в терминах, предложенных А.М. Каплуненко в статье «О технологической сущности манипуляции сознанием и ее лингвистических признаках», отметим, что уже на начальной стадии воздействия носитель ДЭС* (в роли ДЭС выступает сам оратор) представляет последний как дискурс власти – дискурс обращения старшего к младшему, дискурс «сверху вниз». Первую часть своего выступления, которой соответствует дискурс различий (ДР), манипулятор строит в режиме аргументации, чем задается видимость дискурса согласования (ДС). Этому способствует наблюдаемая в первой части выступления интенция «мы с тобой в одной лодке» (использование выражения 여러분 멋지 않게 *так же, как и вы*), которая задает горизонт сближения коммуникантов [Там же. С. 9].

Убедившись, что адресат не склонен анализировать понятия на уровне дискурса различий, оратор производит резкую смену дискурса. В тексте эта смена обозначена переходом от рациональной аргументации к комплексу приемов, воздействующих на эмоциональное состояние адресата.

Одним из таких приемов является ссылка на прецедентный феномен – в контексте данного выступления прецедентное событие (по классификации В.В. Красных**) – 4.19 (революция 19 апреля 1960 г.). Основной характеристикой прецедентной ситуации является ее широкая известность среди носителей определенного ментально-лингвального комплекса и наличие инварианта восприятия, в который входят национально-детерменированные знания.

Анализ следующего абзаца показывает, что этот фрагмент текста также не является рациональным аргументом в поддержку исходного тезиса, а представляет собой пример иллокутивного воздействия с помощью argumentum ad verecundiam, или аргумента к мнению авторитетного лица (президента Германии). Обращение к мнению влиятельного политика относится к сильным аргументам и является стратегическим приемом упрочнения авторской позиции.

По мнению Д.А. Бокмельдера, данный тип аргументов убедителен лишь в том случае, если лицо, на которое ссылается говорящий, действительно является экспертом в данной области. Однако ни один эксперт не является хранителем абсолютной истины, и у него могут быть свои причины придерживаться данного мнения [Бокмельдер, 2008, с. 85]. Поэтому апелляция к мнению авторитетного лица не может рассматриваться как рациональный и достаточный аргумент и является нарушением правил аргументации [Ли, 2011, с. 82].

Пак Чон Хи также прибегает к таким улов-

* ДЭС (дискурсивное экспертное сообщество) – закрытая субкультура, носители которой вырабатывают правила поведения термина как знака, т. е. во всей полноте его прагматики, семантики и синтактики. Под дискурсивным сообществом Дж. Суэлз понимает любые объединения вокруг общей коммуникативной цели [Каплуненко, 2007, с. 7].

** *Когнитивная* база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации [Текст] / В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захарченко [и др.] // Вестник Московского университета Сер.9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 21–29; С. 34–46.

кам, как повышение психологической значимости сказанного благодаря апелляции к собственному авторитету (나도 여러분들과 같이 한 20대 젊은 시절의 학생시절을 생각 좀 해 보는데… *Я вместе с вами вспоминаю молодые студенческие годы в 20 лет…*; 학생들이 거리에 떠든다고 해서 난 절대 그 사람들이 애국주의 학생이라고 보지 않습니다. *Когда студенты кричат на улицах, я совсем не вижу в тех людях патриотичных студентов*), акцент на доверительность (솔직히 이 자리에서 이야기해두겠네 *Буду говорить откровенно.;* 확실히 *точно,* 그야말로 *на самом деле*). Видимость доказанности достигается путем использования не по назначению индикаторов достоверности (절대 *абсолютно,* 확실히 알아야 한다*нужно твердо знать*) [Веленев, 2011, с. 130].

Протагонист также использует прием повторения в расчете на привыкание аудитории к нужной мысли. Последняя неоднократно повторяется через определенные промежутки времени и под разным углом зрения. Так, Пак Чон Хи два раза повторяет тезис о значимости времени студенчества: во втором абзаце – 여러분들은 아직까지도 공부를 하고 배워야 되고 모든 것을 훈양을 해야 되고 자기의 실력을 배양할 시절입니다. *До сих пор это время, когда нужно заниматься учебой и учиться, развивать себя, взращивать («культивировать») свои способности*, и в предпоследнем абзаце практически в неизменной форме с той лишь разницей, что говорит это про немецких студентов – 이 시기에는 공부를 해야 되고 배우는 시간이고 실력을 양성해야 하는 시간인데… *Они (немецкие студенты) твердо знают, что в такой период это время, когда они должны заниматься учебой и учиться, время, когда они должны развивать свои способности…* Во втором случае также отсутствует окказиональное употребление глагола 훈양하다.

Если в первой части текста аргументация строится в форме убеждения и выглядит как наставление: «Вы ученики, вы должны учиться» – то на определенном этапе, когда происходит резкая смена типов дискурса, убеждение переходит во внушение, что достигается благодаря особой подаче основной концептуальной информации и созданию необходимого эмоционального подтекста высказывания. Последний абзац текста представляет собой контраргументацию и носит явно манипулятивный характер. Президент, стремясь создать дискурс согласования, осуществляет конструирование интенции студентов – солидарность со всеми. В предпоследнем абзаце он задает прямой контр-вопрос аудитории (왜 한국의 학생들은 거리에 나오기 좋아합니까? *Почему корейским студентам нравится выходить на улицы?*), ответ на который выдвигает сам же в последнем абзаце в заключение своего выступления, производя тем самым генерализацию общей интенции.

Пак Чон Хи с помощью языковых средств также конструирует образ адресата: он делит студентов на «*надежных*» (건실하다) и «*глупых несмышленых корейских студентов, которые выскакивают на улицы, чтобы проветриться*» (우리 한국의 일부 철부지한 학생들, 기분을 풀기 위해서…, 뛰어나옵니다), неоднократно подчеркивая, что они составляют всего лишь некоторую часть (слово 일부 *часть* повторяется 5 раз).

Структуру данного выступления можно изобразить следующим образом:

ДР (видимость ДС)	Акцент на доверительность Аргумент к лести – апелляция к будущему статусу
	Рациональные аргументы А1-А5 Основная точка зрения S Рациональные аргументы А6-А7
ДС (генерализация общей интенции)	Ссылка на прецедентный феномен Прототипическая оценка Аргумент к авторитету Вопрос адресату Ответ на вопрос адресату

Оценивая манипуляционный дискурс выступления, отнесем его к так называемой продуктивной манипуляции (термин К.Ф. Седова), которая противопоставляется манипуляции конфликтной. Целью такой манипуляции является расположение к себе коммуникативного партнера, используя его слабости, не вызывая синдрома фрустрации [Седов, 2003, с. 23]. К данному типу манипулятивного воздействия также применима метафорическая номинация «белая» манипуляция.

Использование различных приемов политиками рассматривается как попытка скрытого воздействия на сознание адресата с целью достижения необходимого перлокутивного эффекта, т. е. побуждения адресата к совершению некоторых действий в интересах протагониста. Подобные приемы иррациональной аргументации можно было бы отнести к манипулятивному воздействию. Однако, по утверждению Т. Ван Дейка, «граница между запрещенной манипуляцией и разрешенным убеждением очень размыта и зависима от контекста» [цит. по: Ли, 2011, с. 78]. Поэтому однозначно выделить критерии разграничения аргументации и манипуляции довольно сложно. Предпочтительней говорить о преобладании того или иного способа убеждения в каждом конкретном виде дискурса, нежели характеризовать его весь как аргументативный или манипулятивный [Там же. С. 79].

Соотношение аргументации-манипуляции в аргументативном дискурсе определяется целью общения, составом участников и временными рамками. Отсутствие ограничений во времени, экспертный состав аудитории и поиск консенсуса подразумевают использование аргументации. По мере сокращения количества экспертов в составе участников и временных рамок возрастают частота и эффективность применения манипутятивных технологий.

Пак Чон Хи умело использует потенциал темы, адаптируя свои высказывания к требованиям аудитории, применяя эффективные способы языковой репрезентации аргументов. Дискурс данного публичного выступления можно охарактеризовать как дискурс «сверху вниз», т. е. такой тип институционального дискурса, в котором социальные ценности транслируются сверху вниз по ступеням традиционной социальной иерархии. Особенности формирования такого дискурса задаются социальными ролями участников коммуникации, принадлежащих иерархическому, вертикально структурированному обществу. Анализируемый дискурс изначально «отягощен» отношениями строгой иерархии, традицией, канонами сыновней почтительности; в нем прослеживается апелляция к авторитету высшей ступени социальной иерархии.

Характерной особенностью политического дискурса Южной Кореи является социальный дейксис, проявляющийся в сознательном использовании функционально равнозначных обозначений местоимений, относящихся к различным степеням вежливости, в зависимости от типа социальной иерархии.

Библиографический список

1. *Белова, А.Д.* Лингвистические аспекты аргументации [Текст] / А.Д. Белова. – Киев : КГУ, 1997. - 311 с.
2. *Бокмельдер, Д. А.* Логика. Риторика. Диалектика [Текст] : учеб. пособие для студентов гуманитарных вузов / Д.А. Бокмельдер. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2008. – 112 с.
3. *Ван Дэйк, Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. Ван Дэйк. - М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
4. *Веленев, Е.И.* Введение в востоковедение. Общий курс [Текст] / Е.И. Веленев, Е.И. Зеленев, В.Б. Касевич. – М. : КАРО, 2011. - 584 с.
5. *Герасимова*, *И.А.* Введение в теорию и практику аргументации [Текст] / И.А. Герасимова. – М. : ИФРАН, 2001. – 37 с.
6. *Еемерен Франс Х. в ан*. Аргументация, коммуникация и ошибки [Текст] / Франс Х. ванн Еемерен, Р. Гроотендорст. – СПб. : Васильевский о–ов, 1992. – 207 с.
7. *Ивин, А.А.* Основы теории аргументации [Текст] / А.А. Ивин. – М. : Высш. шк., 1997. – 320 с.
8. *Каплуненко, А.М.* О Технологической сущности манипуляции сознанием и ее лингвистических признаках [Текст] : сб. Аргументация vs манипуляция. Вестник ИГЛУ. Сер. : Коммуникативистика и коммуникациология / отв. ред. А.М. Каплуненко. – Иркутск : ИГЛУ, 2007. – № 5. – 213 с.
9. *Копнина, Г.А.* Речевое манипулирование [Текст] : учеб. пособие / Г.А. Копнина. – М. : Флинта, 2007. – 176 с.
10. *Курбанов, С.О.* История Кореи : с древности до начала XXI в. [Текст] / С.О. Курбанов. – СПб. : Изд-во С.Петерб. ун-та, 2009. – 680 с.
11. *Ли, Е.В.* Диалектическое взаимодействие универсальных и этнокультурных стратегий аргументации в политическом дискурсе (на материале русского и корейского языков) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.В. Ли. - Иркутск : ИГЛУ, 2011. – 198 с.

12. *Мордовин, А.Ю.* Аргументативные стратегии языковой личности североамериканского политика (на материале дискурса Г. Киссинджера) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.Ю. Мордовин. – Иркутск : ИГЛУ, 2004. - 239 с.
13. *Седов, К.Ф.* О манипуляции и актуализации в речевом воздействии [Текст] / К.Ф. Седов // Проблемы речевой коммуникации : сб. науч. ст. – Саратов, 2003. – Вып. 2. – С. 20–27.
14. *Хенсик, Син* История Кореи. Краткий популярный очерк [Текст] / Син Хенсик; пер. с корейск. – М. : ИКАР, 2001. – 134 с.
15. *Eemeren, F.H.V.* Speech acts in argumentative discussions : A theoretical model for the analysis of discussions directed towards solving conflicts of opinion [Text] / F.H.V. Eemeren. – D.; Cinnaminson : Foris, 1984. – 117 p.

УДК 81(091); 81’374; 811.581
ББК 81.2

Н.В. Гурьян

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЕДИНИЦ ОПИСАНИЯ ПЕРВОГО КИТАЙСКОГО СЛОВАРЯ «ЭРЪЯ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАВ «ШИ ГУ» И «ШИ ЯНЬ»)

В статье анализируются особенности единиц описания первого китайского словаря «Эръя» через призму отношений «знак – слово» в системе толкований словаря.

Ключевые слова: *древнекитайский словарь «Эръя»; древнекитайское письмо; единицы описания; отношения «знак – слово»; заимствованные иероглифы*

N.V. Gurian

ON UNITS OF INTERPRETING OF THE FIRST CHINESE DICTIONARY «ERYA»
(ON THE BASIS OF THE CHAPTERS «SHI GU» AND «SHI YAN»)

This article is focused on the distinctive features of units of interpreting in the first Chinese dictionary «Erya» are examined through the prism of «sign – word» relations.

Key words: *ancient Chinese dictionary «Erya»; ancient Chinese writing system; units of interpreting; «sign – word» relations; loan characters*

«Исследования последних лет все в большей степени свидетельствуют о том, что Китай – это самостоятельный культурный очаг, альтернативный Средиземноморью. … В Китае уникальным является и средство фиксации культуры – иероглифическое письмо, предполагающее совпадение по границам основной единицы письма – иероглифического знака и основной единицы языка – слова, что практически означает одноуровневую организацию языка и принципиально иное представление о слове как таковом». … Письмо в Китае возникло автохтонно* в середине II тыс. до н. э. и с момента своего появления вполне отвечает характеристика идеографического письма. … Знак этого письма обозначает скорее не слово, а понятие, которому в общем случае соответствовала совокупность слов, сближаемых по тому или иному принципу» [Карапетьянц, 2010, с. 74–75].

Традиция создания словарей в Китае, как известно, тесно связана с историей китайского письма, идеографический характер которого во многом обусловил тот факт, что из двух главных видов описания языка (грамматики и словаря) для китайской филологической традиции характерен был именно словарь. Словари наряду с развитой школьной традицией требовались для успешного функционирования иероглифической письменности.

Ранние образцы китайской лексикографии – списки иероглифов (прописи) и словари-тезаурусы появляются одновременно с формированием феномена китайского письма [Карапетьянц, 1996]. Словарь «Эръя» 爾雅, по сути, представляет собой сведение ранних

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ (Первый китайский словарь «Эръя»: опыт историко-филологического исследования), проект № 12-04-00023/а

© Гурьян Н.В., 2012

несистемных глосс воедино, и таким образом является одним из наиболее древних нормативных источников [Карапетьянц, 2010]. В этой связи он представляет значительный исследовательский интерес. С появлением этого словаря связывают начало великой китайской словарной традиции, ставшей важной частью лингвистической науки и системы образования в Китае. На сегодняшний день наиболее авторитетные мнения относительно датировки памятника сводятся к тому, что «Эръя» в своем первоначальном виде появился в конце эпохи Чжаньго (III в. до н. э.), а окончательно оформился во времена династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), возможно и позднее (подробнее об этом см. [Гурьян, 2009]).

В данной статье свое внимание мы фокусируем на особенностях единиц описания «Эръя», рассматривая их сквозь призму отношений «(иероглифический) знак – слово» (материалом для исследования послужили глоссы двух начальных глав с неспециальной лексикой «Ши гу» и «Ши янь»).

Как отмечает А.М. Карапетьянц, китайское письмо приобрело привычный вид только к рубежу н. э., когда сформировалось, и было осознано равенство письменного знака и односложного звучащего слова, их единство как слогоморфемы (далее – СГМ). Графическая нормализация началась в III в. до н. э. и практически завершилась к рубежу III–IV вв. н. э. с появлением уставного письма *кайшу*. Примерно одновременно имела место и лексическая стандартизация: сформировался набор СГМ, расклассифицированных по графическому принципу – в словаре «Шовэнь» (I в. н. э.), а чуть позднее был выделен круг распространенных, семантически классифицируемых СГМ – в словаре «Шимин» (начало III в. н. э.) [Карапетьянц, 1996, с. 171–190].

Если говорить о соотношении слов и иероглифов, то следует заметить, что количество первых во все эпохи значительно превышало количество вторых, поэтому многие разные лексемы имели одинаковую графическую форму [Wilkinson, 2000, p. 37]. Другими словами, один и тот же иероглифический знак часто использовался для записи двух и более слов с тождественным (омофонов) или близким звуковым составом (сходство по звучанию инициали или финали). К примеру, иероглиф 蚤 zǎo *блоха* (здесь и далее указаны современные чтения) записывал слово *утро* вместо основного знака 早 zǎo [劉家齊, 2007, с. 136]. Подобные знаки, называемые фонетическими заимствованиями 通假字, не относились к категории ошибочных иероглифов (别字, 白字), так как осознавались как альтернативные. Подобные иероглифы широко представлены на чжоуской бронзе, а во времена Чжаньго, Цинь и Хань их число еще больше возросло. Они могли использоваться для записи слов любого типа, включая антропонимы и топонимы [Wilkinson, 2000, p. 417–423]. Кроме того, один и тот же иероглиф зачастую имел несколько вариантов написания, в числе которых были разнописи 异体字; старые и новые знаки 古今字; «вульгарные иероглифы» 俗字, диалектные знаки 方言字, специфичные для той или иной области и др.

Что касается фонетических заимствований, в китайской письменной традиции принято разграничивать 假借字 *цзяцзецзы* и 通假字 *тунцзяцзы*. В общих чертах различие между ними сводится к тому, что к первой разновидности 假借 *цзяцзе* относят знаки, которые стали записывать слова, не имевшие изначально собственного иероглифа (本無其字而借), ко второй 通假 *тунцзя* – изначально имевшие собственные знаки (本有其字而借). Согласно определению «Большого китайского словаря иероглифов», *тунцзя* – это общепринятая в древнекитайском письменном языке практика использования иероглифов, с тождественным или близким звуковым составом, значения которых не связанны между собой. Итак, непременными условиями заимствования (*тунцзя*) являются [漢語大字典]:

1) иероглифы 甲 и 乙 функционируют в системе письма одновременно;

2) иероглифы 甲 и 乙 имеют тождественный или близкий звуковой состав;

3) значения иероглифов 甲 и 乙 не связаны между собой.

В связи с существованием заимствованных иероглифов в китайской филологической традиции было выработано понятие «заимствованное значение» 假借義 (借義) [陳春風,

2008]. Наряду с основным (本義) и расширенными значениями (引申義), заимствованные значения иероглифов фиксируются современными китайскими словарями – как правило, с пометой «通», а толкования «Эръя» при этом часто цитируются в качестве иллюстраций.

Если обратиться непосредственно к словнику «Эръя», в нем можно найти немало случаев, когда иероглифические знаки демонстрируют свои заимствованные значения. Так, знак 來 lái является классическим примером иероглифа категории *цзяцзе*, так как изначально был создан для записи слова *пшеница*, а затем заимствован для омонимичного глагола *приходить*. В эпоху, когда был составлен «Эръя», это заимствованное значение для 來 уже стало основным, и в этом значении он включен в глоссу с поясняющей единицей 至 zhì:

«釋詁»: 迄、臻、極、到、赴、來、弔、艐、格、戾、懷、摧、詹，至也。*достигать, приходить.*

В ходе дальнейшего развития у 來 появилось другое заимствованное значение, иллюстрацией которого служит следующий пример: «釋詁»: 勞、來、強、事、謂、翦、簪，勤也。*стараться, напрягать силы.*

В состав глоссы с поясняющей единицей 勤 qín иероглиф 來 входит в качестве фонетического заимствования в значении 勤勞、勤勉 *усердный, трудолюбивый* вместо иероглифа 勑 lài [爾雅今註, 1989, с. 40; 爾雅譯註, 1999, с. 51], и в этом случае он является *тунцзяцзы*. Данное значение у 來 зафиксировано и в Большом китайско-русском словаре (далее – БКРС).

Для дальнейшей оценки единиц описания «Эръя» необходимо проанализировать их с учетом соотношения слов и иероглифических знаков в составе глосс «Эръя». Цзян Жэньтао обозначает четыре возможных типа соотношений [姜仁濤, 2006], а именно:

- «цепочка иероглифов = одно слово» – для многосложных лексических единиц (далее – ЛЕ);
- «один знак = одно слово»;
- «один знак = несколько разных слов»;
- «несколько разных знаков = одно и то же слово».

Далее остановимся на последних двух типах, которые представляются нам наиболее показательными для характеристики особенностей единиц словарного описания «Эръя».

I. «Один знак = несколько слов» (один и тот же знак записывает несколько разных слов).

Подобное соотношение обусловлено наличием в системе китайского письма упомянутых выше фонетических заимствований, а также омографов. В качестве иллюстраций с омографами приведем глоссы терминологических глав словаря:

«釋地»: 燕曰幽州。*[Территориальное владение царства]* ***Янь*** *называют Ючжоу.*

«釋鳥»: 燕，白脰烏(鳥). ***Янь*** *[по-другому называется] байдоуу [букв. белогрудая ворона (птица)].*

«釋魚»: 鰝，大鰕。*Хао – [это] крупная* ***ся*** *[креветка].*

«釋魚»: 鯢大者謂之鰕。*[Что касается] ни [японский скрытожаберник], крупный называется* ***ся****.*

Для заимствованных знаков возможны варианты, в частности:

1. ***Один и тот же знак в качестве основного записывает значения слова А, в качестве заимствованного – одно из значений слова В***. Например:

«釋詁上»: 靖、惟、漠、圖、詢、度、咨、諏、究、如、慮、謨、猷、肇、基、訪，谋也。*строить планы, рассчитывать, обдумывать.*

«釋詁上»: 允、孚、亶、展、諶、誠、亮、詢，信也。*правдивый, действительный.*

В первой глоссе иероглиф 詢 xún записывает одно из своих основных значений *обдумывать, продумывать* [БКРС. Режим доступа : http://bkrs.info]; во второй, согласно комментариям [爾雅今註, 1989; 爾雅譯註, 1999; 姜仁濤, 2006], – заимствованное значение знака 恂 xún – 誠信、確實 *верный; действительно, поистине*.

«釋詁下»: 珍、享，獻也。

«釋言»: 獻，聖也。

В данной паре глосс иероглиф 獻 xiàn в первом случае выступает в качестве поясняющей единицы в своем основном значении – 奉

獻 *преподносить, дарить*; во втором – уже в качестве поясняемой единицы в заимствованном значении 聖賢 *мудрец, талантливый (мудрый) человек* вместо знака 賢 xián [爾雅今註, 1989].

2. Один и тот же знак является заимствованным и для слова А, и для слова В. Например:

«釋詁上»: 爰、粤、於、那、都、繇, 於也。

«釋詁下»: 恙、寫、悝、盱、繇、慘、恤、罹, 憂也。

«釋詁下»: 迪、繇、訓, 道也。

«釋詁下»: 郁陶、繇, 喜也。

Во всех четырех приведенных глоссах главы «Ши гу» актуализированы заимствованные значения иероглифа 繇 yóu / yáo. В первой глоссе помещены служебные слова, однако комментаторы расходятся в своих оценках. Так, Ху Цигуан и Фан Хуаньхай приписывают 繇 yóu заимствованное значение предлога 由 yóu *из, от* [爾雅譯註, 1999, 頁. 20]. Цзян Жэньтао трактует 繇 в данном случае как соответствие междометию 猷 yóu [姜仁涛, 2006, 頁. 17]. Во второй глоссе у знака 繇 заимствованное значение иероглифа 愮 yáo *беспокойство; печаль* [爾雅譯註, 1999, 頁. 50]. В последней глоссе 繇 выступает в значении *радоваться, веселиться* – это заимствование вместо 嗂 [姜仁涛, 2006, 頁. 17]. Что касается третьей глоссы, Сюй Чаохуа [爾雅今註, 1989, 頁. 64], Ху Цигуан и Фан Хуаньхай [爾雅譯註, 1999, 頁. 79] отождествляют 繇 с заимствованием 猷 yóu в значении 道、道法、道理、道術 *путь, учение*. Цзян Жэньтао считает, что 繇 здесь – это заимствование вместо 猶 с тем же значением 道 [姜仁涛, 2006, 頁. 18]. В БКРС упомянутые заимствованные значения знаков 猷, 猶 не зафиксированы. У иероглифа 繇 из заимствованных указано значение *путь, учение*, а также значение глагола-предлога *из, от* [БКРС. Режим доступа : http://bkrs.info].

Рассмотренный пример показателен в том плане, что один и тот же иероглиф мог заимствоваться вместо нескольких омонимичных знаков, записывая при этом совершенно разные лексемы. Некоторые же случаи и вовсе допускают неоднозначную интерпретацию.

II. «Несколько разных знаков = одно слово» (для записи одного и того же слова используется несколько разных знаков).

Данный тип также обусловлен существованием в системе письма альтернативных иероглифических знаков для записи одной и той же лексемы.

1. Одно и то же слово записано с помощью основного и одного или нескольких заимствованных иероглифов, при этом возможны варианты:

а) ***основной и заимствованный знаки помещены в разных частях глоссы: один выступает в качестве поясняющего, другой – поясняемого***. Например:

«釋詁下»: 時、寔, 是也。*это, этот.*

Все три иероглифа близки по звучанию: 時 shí — 鮮母之部 ; 寔 shí — 鮮母錫部 ; 是 shì — 鮮母支部 [姜仁濤, 2006, 頁. 25]. Исходные значения знаков зафиксированы в «Шовэне» [漢字源流字典, 2003]:

«說文»: 時, 四時也。→ 時令季節、時節 *сезон, время;*

«說文»: 寔, 止也。→ 居止 *останавливаться; проживать;*

«說文»: 是, 直也。→ 端直 *прямой, правильный.*

Судя по этим толкованиям, значения знаков 時 и 寔 никак не связаны со значениями толкующего иероглифа 是, оба знака фигурируют здесь в заимствованных значениях. Таким образом, в приведенной глоссе три знака письма (основной и два заимствованных) записывают одно и то же слово – указательное местоимение *это, этот*.

«釋詁下»: 肅、駿、肅、亟、遄, 速也。*скорый, быстрый, торопливый.*

Первоначальное значение знака 肅 sù – 恭敬 *почтительный; благоговейный; с уважением*. В данную глоссу 肅 вошел в своем заимствованном значении 急速, 迅速 *быстрый, стремительный*, и толкуется посредством основного знака 速 sù.

В главе «Ши янь» также обнаруживается ряд подобных примеров с фонетическими заимствованиями *тунцзя* в составе поясняемых частей глосс [爾雅今註, 1989; 爾雅譯註, 1999; 姜仁濤, 2006] (таблица).

Глосса №	Поясняемое слово	Поясняющее слово	Значение
15	豫yù	敘xù	порядок; располагать по порядку
	臚lú		
19	敖áo	傲ào	заносчивый, высокомерный
46	流liú	求qiú	искать, стремиться, добиваться
95	矢shǐ	誓shì	приносить клятву
127	葵kuí	揆kuí	рассчитывать, прикидывать, вымерять
151	務 wù	侮wǔ	оскорблять, обижать
155	甲jiǎ	狎xiá	сближаться, быть в близких отношениях
157	粲càn	餐cān	еда, пища, яства
164	俴jiàn	淺qiǎn	мелкий, неглубокий
184	畛zhěn	殄tiǎn	истреблять, уничтожать
216	諗shěn	念niàn	думать, помнить
224	對duì	遂suì	по желанию, по душе; по вкусу

Не все знаки из этого списка отмечены как заимствованные в комментариях Сюй Чаохуа [爾雅今註, 1989], Фан Хуаньхая и Хуцигуана [爾雅譯註, 1999], часть из них определяется в качестве таковых в работе Цзян Жэньтао [姜仁濤, 2006].

б) ***основной и заимствованные знаки входят в поясняемую часть глоссы***. Например: «釋詁下»: 肅、齊、遄、速、亟、屢、數、迅，疾也。*быстрый, стремительный, срочный.*

Словари и комментарии фиксируют у знаков 肃 и 数 заимствованное значение иероглифа 速 *скорый, быстрый*, и в этом заимствованном значении, будучи синонимичными поясняющему иероглифу 疾, они включены в состав данной глоссы наряду с основным иероглифом 速.

«釋詁下»: 惇、亶、祜、篤、掔、仍、朏、埤、竺、腹，厚也。*обильный; богатый (чем-л.); щедрый.*

Согласно «Шовэню», иероглиф 竺 zhú; dǔ имел первоначальное значение 厚 *толстый, плотный*, а знак 篤 dǔ – 馬行 頓遲也 *медленно идти (о лошади)*. Очевидно, что исходные значения 笃 и 竺 не связаны между собой. С течением времени значение 竺 специализировалось: иероглиф стал использоваться в качестве топонима (отдельно и в составе бинома天竺 tiānzhú – как древнекитайское наименование Индии), а для передачи значения 厚 был заимствован знак 篤 [漢字源流字典, 2003]. (Ср. БКРС: 竺 dú *вм.* 笃 *искренний, щедрый*).

Приведем еще ряд иллюстраций на материале глав «Ши гу» и «Ши янь»:

«釋詁下»: 訖、徽、妥、懷、安、按、替、戾、底、廢、尼、定、曷、遏，止也。*останавливать, задерживать*

曷 è заимствовался вместо遏 è.

«釋詁下»: 允、任、壬，佞也。*вкрадчивый, льстивый*

任rèn заимствовался вместо壬rén.

«釋言»: 試、式，用也。*потреблять, применять*

式 shì заимствовался вместо試 shì.

«釋言»: 皇、匡，正也。*выправлять, исправлять*

皇 huáng заимствовался вместо 匡 kuāng.

2. Одно и то же слово записано посредством исходного и «дифференцированного» («уточненного») знаков.

В процессе развития иероглифики для разграничения значений многозначных иероглифов некоторые исходные знаки подвергались видоизменению – графической дифференциации. В результате чего в системе письма по-

являлись пары иероглифов, различаемых как первоначальные / исходные знаки 本原字 и те, которые получались в результате модификации исходных (в частности, за счет добавления уточняющего детерминатива / ключа) – «дифференцированные» 區別字 (в терминологии Ван Ли – 分別字).

В словнике «Эръя» имеются примеры, когда исходный и «дифференцированный» знаки включены в состав одной глоссы, и таким образом записывают одну и ту же лексему, в частности:

«釋詁下》: 供、共，具也。*давать, предоставлять, обеспечивать*

Исходное значение иероглифа 共 gòng/gōng – 供奉 *преподносить, дарить*; 供給 *давать* [漢字源流字典, 2003]; впоследствии для передачи этого значения был специально создан новый знак путем добавления ключа «человек» – 供gōng. В приведенной глоссе оба иероглифа записывают одну и ту же лексему.

Примечателен вывод китайских исследователей, на который обращает внимание А.М. Карапетьянц. В результате анализа фонетических заимствований хронологически близкого «Эръя» «Списка Цан Цзе» 倉頡篇 (II в. до н. э.), записанные на дощечках фрагменты которого были найдены в конце XX в., ученые пришли к выводу: в то время для некоторых иероглифов связи между формой, звучанием и значением еще полностью не определились или, по крайней мере, не были настолько «стандартизованы», как в «Шовэне» [Карапетьянц, 2008, с. 680]. Аналогичный вывод напрашивается и в отношении определенной части иероглифов «Эръя» (степень их представленности в тексте словаря должна стать предметом специального исследования).

Итак, очевидно, что в словнике первого китайского словаря «Эръя» нашла отражение специфика древнекитайского письма, состоявшая в том, что в системе одновременно функционировало несколько альтернативных вариантов знаков для записи одного и того же слова (в том числе фонетические заимствования *тунцзя*), что обусловило неоднородность единиц словарного описания. Эта неоднородность проявляется в следующем: объектом толкования в глоссах с абстрактной лексикой (главы «Ши гу», «Ши янь») выступает не только лексические единицы, связанные семантическими корреляциями (синонимы), но и альтернативные варианты иероглифов. Таким образом, главной единицей словарного описания (толкования) следует признать иероглиф, который в поясняемых частях глосс подается как возможное средство выражения (на письме) того или иного понятия, нормативное же средство выражения этого понятия заявлено в виде толкующей единицы.

Библиографический список

1. БКРС [Электронный ресурс] : сайт для профессионалов и любителей китайского языка. – Режим доступа : http://bkrs.info (дата обращения : 15.02.2011).
2. *Гурьян, Н.В.* Проблемы авторства и датировки древнейшего китайского словаря «Эръя» [Текст] / Н.В. Гурьян // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2009. – № 1. – С. 86–97.
3. *Карапетьянц, А.М.* Формирование нормативного письменного языка в Китае [Текст] / А.М. Карапетьянц // Языковая норма. Типология нормализационных процессов. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 168–191.
4. *Карапетьянц, А.М.* Формирование нормативного письменного языка в Китае [Текст] / А.М. Карапетьянц // У истоков китайской словесности : собрание трудов / А.М. Карапетьянц; Ин-т стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. – М. : Вост. лит., 2010. – С. 74–103.
5. *Карапетьянц, А.М.* Знак, текст и звучащее слово в древнем Китае [Текст] / А.М. Карапетьянц // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. – М. : Вост. лит., 2008. – Т. 3. Литература. Язык и письменность.– С. 672–684.
6. *Wilkinson, E.P.* Chinese History : A Manual [Text] / E.P. Wilkinson. – Cambridge (Massachusetts), London : Harvard University Asia Center, 2000. – 1181 p.
7. 陳春風，張濤。淺探《爾雅》對普通語詞借義的訓釋 [Текст] / 陳春風，張濤 // 保定學院學報。– 2008。– 第21 卷第3冊。– 頁 72–73.
8. 爾雅今註 [Текст] / 徐朝華註。 – 天津 ：南開大學出版社，1989。 – 352 頁。
9. 爾雅譯註 [Текст] / 胡奇光，方環海撰. –上海 ：上海古籍出版社，1999。– 459 頁。
10. 漢字源流字典 [Текст] / 谷衍奎編。– 北京 ：華夏出版社，2003。‐ 863 頁。
11. 漢語大字典 [Текст] / 徐中舒主編；漢語大字典編輯委員會編纂。– 武漢 ：湖北辭書出版社，1986. – 220 頁。
12. 姜仁濤。《爾雅》同義詞研究 [Текст] / 姜仁濤。– 北京 ：中國文史出版社，2006。– 213 頁.
13. 劉家齊。六書方法初探 [Текст] / 劉家齊 // 澳門研究。– 2007。– 第39期。– 133–137 頁。

УДК 81.00
ББК 81.00

Т.Е. Загибалов

БАЗОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ДЛЯ АВТОМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ОЦЕНКИ В ТЕКСТАХ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются базовые единицы автоматической обработки неструктурированной текстовой информации на китайском языке на примере автоматической классификации оценочной информации (тональности). На основе экспериментальных данных автор заключает, что: 1) предварительная сегментация текста на слова приводит к ухудшению результатов и 2) ни слова, ни идеограммы сами по себе не являются наиболее подходящими единицами обработки информации в китайском языке.

Ключевые слова: *китайский язык; автоматическая обработка текста; анализ оценки; базовая единица обработки*

T.E. Zagibalov

FEATURES FOR CHINESE SENTIMENT CLASSIFICATION

The paper considers basic processing units for Chinese natural language processing applied to automatic sentiment classification. Experimental results suggest that 1) preliminary word segmentation does not improve performance and 2) neither words nor characters on their own are good units of processing for NLP tasks in the Chinese language.

Key words: *Chinese language; natural language processing; sentiment analysis; basic processing unit*

There are some distinctive characteristics of the Chinese language that are known to affect language processing. This paper presents an investigation of these in connection with sentiment classification. The paper first outlines problems with conceptualising Chinese text as comprising a sequence of `words'. In particular, the problem of automatically segmenting text into words is discussed and tested in an experiment. The difficulty of splitting Chinese text into words raises the issue of what kind of basic unit of processing to use in sentiment analysis. Then the paper describes kinds of units to be experimented on and the data for the experiments as well as basic concepts, algorithms and evaluation metrics. The paper reports experiments in sentiment classification and discusses the results.

The Word' in Chinese Language Processing

One of the central problems in Chinese NLP in general and in Chinese sentiment analysis in particular is what the basic unit of processing should be. The problem is caused by a distinctive feature of the Chinese language: the absence of orthographically marked word boundaries, while it is widely assumed that a word is of extreme importance for computational language processing. The absence of word delimiters cannot be solved by simply using dictionary lookup (or any other method) to segment a text into words, because the language has a rather specific structure: a single vocabulary word (e.g. 吃饭 *to eat)* can include a part with no separate meaning as in examples (1-a) and (1-b). but the same `meaningless' part may be a separate word in other cases (see examples (2-a) and (2-b)).

1-a
他 吃饭
he eat (food)
He is eating.

1-b
他 吃 半个 小时 的 饭
he eat half hour DE food
He has been eating for half an hour.

2-a
他吃 好 饭
he eat good food
He is eating good food.

2-b

© Загибалов Т.Е., 2012

饭 他 应该 吃
food he must eat
He must eat food.

Example (1-a) demonstrates that the character sequence吃饭 (to eat, lit. eat food) is one unit and is a vocabulary word which is not to be segmented into smaller units. The same word is split in (1-b). but the second part still does not have a separate meaning and is used as a way of introduction of an adverbial phrase. However in example (2-a) the second character is not only separated from the first one, but also becomes a word in its own right: a noun with a preceding adjective. In the last example (2-b) the word 饭 *(food)* is used as a topicalized object and is clearly used as a separate word.

The example above is not an exception, but a representative of a very frequent morphological phenomenon in Chinese. One of the characteristics of the morphology of the Chinese language is that in many cases words are built in the same way as phrases, which results in words having the same structure as phrases. One of the most widely used patterns is VERB + OBJECT as in the example above which is also used for phrases consisting of separate words. Such patterns are very productive which results in a potentially endless number of phrase-like words.

This characteristic of the language makes it difficult even for human beings to segment texts into separate `words' [Tsai, 2001] and [Hoosain, 1999] show that segmentation is not a part of human understanding of written texts by native speakers of Chinese. They found that a segmented text was more difficult to read for native Chinese speakers as evidenced by a significant slowdown of reading. Tsai also described an experiment where the Chinese had to break a text into words. The results showed substantial disagreement on where to divide the characters into words.

Preliminary Word Segmentation of Chinese Texts

Even in cases where words can be segmented quite easily by a human, these cases might be very difficult for a computer. A major problem is caused by segmentation ambiguity. There are two types of segmentation ambiguity ([Guo, 1997; Liang, 1987]): overlapping ambiguity: e.g. 大学生活(*university life) vs.* 大学生活*((a) student lives)* as shown in examples (3-a) and (3-b); and hidden ambiguity: 个人 vs. 个人 A , as shown in examples (4-a) and (4-b).

3-a
大学 生活 很 有趣
university life very interesting
University life is very interesting.

3-b
大学生 活 不 下去 了
student life not continue LE (sentence-final particle LE)
University students can no longer make a living.

4-a
个人 的 力量
individual DE power
the power of an individual

4-b
三 个 人 的 力量
three GE person DE power
the power of three persons

These examples show that automatic segmentation needs understanding of context even in such `easy' cases, which makes complete segmentation a very difficult task. However, many researchers report good results for segmenters they have developed. This can be explained by the fact that in word segmentation experiments in many cases researchers have adopted their subjective understanding of what a word is in Chinese, such that training and test corpora are tagged not according to objective criteria but to ones that the research community have agreed [Xue, 2003] comments: «In practice, noting the difficulty in defining wordhood, researchers in automatic word segmentation of Chinese text generally adapt their own working definitions of what a word is, or simply rely on native speakers' subjective judgements. The problem with native speakers' subjective judgements is that native speakers generally show great inconsistency in their judgements of wordhood, as should perhaps be expected given the difficulty of defining what a word is in Chinese».

This problem is also crucial for sentiment analysis since some sort of basic unit needs to be defined in order for sentiment information to be associated with it. In many cases, NLP researchers working with Chinese use an initial

segmentation module that is intended to break a text into `words' before it is subjected to further processing. Although this can facilitate the use of subsequent computational techniques, there is no a clear definition of what a `word' is in the Chinese language, so the use of such segmenters is of dubious theoretical status; indeed, good results have been reported from systems which do not carry out such pre-processing [Xu et al., 2004; Foo and Li, 2001].

Preliminary Segmentation Experiment

To measure the impact that preliminary segmentation has on sentiment classification of Chinese documents, I compared the performance of two supervised classifiers: Naive Bayes multinomial (NBm) and Support Vector Machine (SVM). I used the entries in a sentiment dictionary. In the first series of experiments the corpus was split into words (segmented), whereas in the second the features were extracted directly from the text without preliminary segmentation. All the experiments used 10-fold cross-validation.

Sentiment dictionary

For this and all subsequent experiments I used the NTU sentiment dictionary (NTUSD) [Ku et al., 2005]. The dictionary has 2809 items in the `positive' part and 8273 items in the `negative'. For these experiments, the dictionary was converted from Traditional Chinese encoding (Big5) into Simplified Chinese encoding (UTF8) and all duplicate entries removed, which resulted in 2,598 items in the `positive' part and 7,692 items in the `negative' part.

Test Corpus

All experiments were carried out on a corpus comprised of product reviews downloaded from the web-site IT 168. All the reviews were tagged by their authors as either positive or negative. Most reviews consist of two or three parts: positive opinion, negative opinion and comments (`other'), though some reviews have only one part. After all duplicate reviews were removed the final version of the corpus comprised 29,531 reviews of which 23,122 were positive (78 %) and 6,409 were negative (22 %). The total number of different products in the corpus totalled 10,631, the number of product categories was 255, and most of the reviewed products are items of either software or consumer electronics.

From manual inspection it seemed that some users misused the sentiment tagging facility on the web-site and quite a lot of reviews were tagged erroneously. However, the parts of the reviews were tagged much more accurately so I used only relevant (negative or positive) review parts as the documents in the corpus. The final version of the corpus included only the first 10,000 reviews, whose parts were extracted to make a balanced test corpus. As the corpus consisted of 10 thematic domains (mostly electrical appliances such as digital cameras, mobile phones and computers), I also balanced each of these domains. The resulting corpus contains 8,140 reviews, of which 4,073 are positive and 4,067 are negative.

Segmenter

To split the corpus into words I used a publicly available segmenter implemented by [Peterson, 1999]. The segmenter uses a 138,000 word vocabulary and works with a version of the maximal matching algorithm. Thus when looking for words, it attempts to match the longest word possible. This simple algorithm is surprisingly effective, given a large and diverse lexicon: its segmentation accuracy can be expected to lie around 95 % [Wong and Chan, 1996], although one should note the methodological and language-specific issues discussed above.

Table 1

Results of sentiment classification of product reviews from the web-site IT 168, with and without segmentation. The features are NTU sentiment dictionary items

	Accuracy	Precision	Recall	F-Measure
NBm (Segmented)	83.59	0.84	0.84	0.84
NBm (Not segmented)	85.61	0.86	0.86	0.86
SVM (Segmented)	81.67	0.83	0.82	0.82
SVM (Not segmented)	85.50	0.86	0.86	0.86

The results presented in Table 1 show that segmenting the corpus into words affected the performance in a negative way. This suggests that using preliminary segmentation may negatively affect performance of a sentiment classifier.

Words and Characters as Features for Sentiment Classification

In the absence of preliminary word segmentation, there are two possible types of feature that could be used in Chinese sentiment classification: (vocabulary) words and characters. This section reports experiments into these two types. The experiments evaluate various techniques that can facilitate classification including a simple negation check, as there is no a general agreement as to whether this feature is useful for sentiment classification. This section also describes and tests an approach which divides the text into zones.

Processing based on words and characters are tested separately and in combination. The latter approach is inspired by results published by [Nie et al. 2000] who found that for Chinese processing (IR in particular) the most effective kinds of features were a combination of dictionary look up (using the longest-match algorithm) together with single-character unigrams [Yuen et al. 2004] showed that Chinese characters constitute a distinct sub-lexical unit which, though having a smaller number of distinct types, has greater linguistic significance than words. Their experiments on sentiment classification of words by means of characters proved to be effective, achieving a precision of 80.23 % and a recall of 85.03 % with only 20 characters.

Basic Concepts.

Frequency. The sentiment score (see below) is based on a basic unit's relative (normalised) frequency:

$$F_a = \frac{N_a}{N}, \tag{1}$$

where N_a is the number of times a occurred in a collection of documents and N is the total number of basic units (lexical units or characters, as appropriate) in the collection of documents.

Sentiment Score

Each word (dictionary item) occurring in the positive side of the dictionary is assigned a positive sentiment score of 1 and negative sentiment score 0, and vice versa for words in the negative side.

- **Word Score** All the words had a score 1 for the class (sentiment) they present and 0 for the class they are not present.
- **Character Scores** The characters for the experiments are extracted from the NTU sentiment dictionary. Most of the characters occur in both sides of the dictionary: positive and negative. The score for a character with respect to sentiment i (positive or negative) is:

$$Sa_i = \frac{F_i}{F_j}, \tag{2}$$

where F_i is the unit's frequency in a document collection of sentiment, i, F_j is the character's relative frequency in the opposite side of the dictionary.

- **Document Score** The score of a document is calculated as the sum of the scores of the units it contains.

Experimental Data and Classification Algorithm

The experiments in the remainder of this chapter use the same sentiment dictionary and test corpus as in the previous segmentation experiments (see 1.2).

Basic Classification Algorithm

Classification is done by summing up the sentiment scores of all the classification units found in a document. Since there are two classes (positive and negative) the algorithm does this twice to obtain positive and negative scores for a document, which are then compared to make a decision about its sentiment (see Algorithm 1).

Algorithm 1 Basic Sentiment Classifier

Require: List of basic units a each with sentiment scores Sa_{pos} and Sa_{neg}

Require: Collection of documents D

for each d in D **do**

$$Sd_{pos} = \sum_{a \in d} Sa_{pos}$$

$$Sd_{neg} = \sum_{a \in d} Sa_{neg}$$

end for

for each d in D **do**

  if $Sd_{pos} > Sd_{neg}$ **then**

    tag d as POS

  end if

  if $Sd_{neg} > Sd_{pos}$ **then**

    tag d as NEG

  end if

  if $Sd_{pos} == Sd_{neg}$ **then**

    do not tag

  end if

end for

return Sentiment tags for all classified documents in D

Evaluation Metrics and Statistical Significance Test

Accuracy

Since the product review test corpus is balanced with respect to positive and negative documents, I chose accuracy as evaluation metric for all the experiments. I present accuracy for the whole corpus as well as for each class. Accuracy is calculated as

$$\frac{number\ of\ documents\ classified\ correctly}{total\ number\ of\ documents}.$$

Coverage

To measure what proportion of the test data was classified (regardless of correctness), I use coverage:

$$\frac{umber\ of\ documents\ classified}{total\ number\ of\ documents}$$

Classification Skew

Sentiment classification in the experiments presented here can be split into two subtasks: finding positive documents and finding negative documents. Both of the subtasks can be evaluated by accuracy. It is very important to consider both positive and negative classification accuracy as the overall accuracy does not reflect the subtask performance: for example a classifier may have accuracies 0.50 and 1.00 for the two classes and overall accuracy of 0.75, while another classifier may have 0.76 and 0.74 with the same overall accuracy. Obviously, despite equal overall accuracy the second classifier is performing much better.

Precision

$$\frac{number\ of\ documents\ classified\ correctly}{total\ number\ of\ documents\ classified}.$$

I also use precision for evaluation of classification performance:

Statistical Significance

I use the paired t-test to test if the results of any two experiments are significantly different at the 95 % level.

Unigram-Based Classification

Unigram-based classification is based on computing the sum of all the sentiment scores of the basic unit instances found in a document. In the experiments presented here I test the performance of characters, words and combination of words and characters for sentiment classification.

Table 2

Results of unigram-based sentiment classification using different types of features Accuracy

Basic Unit Kinds	Overall	Positive	Negative	Precision	Coverage
Chars	0.68	0.82	0.54	0.68	1.00
Words	0.68	0.71	0.66	0.87	0.79
Words and Chars	0.72	0.84	0.59	0.72	1.00

Character-Based Classification Performance

Table 2 shows that the character-based classifiers performed reasonably well. However the results are highly unbalanced and tend to be more accurate in classification of positive documents. The results are skewed to the positive class because all characters have scores based on their normalised frequency in the appropriate side of the sentiment dictionary. Thus the sum of the scores of all characters in the positive side is 1,803.05 and 2,016.16 for the negative side, which makes 1:1.12 ratio. Bearing in mind that the number of negative characters is twice as many as the number if the positive ones, on average an item in the positive part of the list has a score almost twice as big as the score of an average item in the negative part.

Word-Based Classification Performance

The word-based classifier performed at the same level as the character-based classifier: although the word-based classifier produced a more balanced classification, the t-test showed no significant difference between these two classifiers. But it should be noted that the word-based classifier used only binary scores. However, a particular disadvantage of the word-based classifier is its low.

coverage: 21 % of all documents were omitted by the classifier. But in terms of precision the word-based classier performed much better than any other classifier.

Word and Character Combination Performance

The best result in this test was achieved by combining words and characters: the combination of words with the characters achieved an accuracy of 0.73, which is significantly better than the character-only classifier. On the other hand, the combination of characters with the word-based classifier still inherited the degree of skew of the character-based classifier.

Discussion

The experiments described above tested two kinds of basic units for sentiment classification, characters and words, applying them separately and in combination. The main purpose of the experiments was to find the best kind of basic units.

The character-based classifier achieved accuracy of 0.68. The main reason for this is that characters do not usually form semantically independent units (unlike words and phrases) and often have rather vague and ambiguous meanings. This was reflected in their distribution across the sentiment classes: the most frequent characters were present in both classes and so the presence-based score could not contribute to classification.

The performance of the word-based classifier was also relatively high (about 0.68). The drawback of the word-based classifier is its relatively low coverage: up to 23 % of documents were not classified in the classification experiments. The low coverage might be a result of the more domain-dependent nature of words: although the list of sentiment words is quite large, it does not include all the words used in the corpus to express attitude since many of these words have sentiment-related meaning only in the context of a particular topic. However, the high precision (up to 0.88) indicates the importance of capturing a bigger context: words are longer than characters and cover bigger portions of text. Indeed, many of the `words' are actually sentiment-bearing phrases which cover all relevant context.

Although the coverage of the word-based classifier was not high, it achieved a very high precision, compared to the other classifiers (see Table 2). This can be attributed to the more context-dependent nature of the word as compared to the character.

Words and characters when combined together performed relatively well, showing the best features of both: accuracy was never too bad, and coverage was fairly good. The combination of characters and words was able to classify many more documents than the word-based classifier. It is also worth noting that all character-based classifiers benefited from combination with words and performed better in all the tests.

The results obtained from the experiments indicate that the best classifier is one based on the combination of words and characters applied to non-segmented text. This, in turn, suggests that neither words nor characters on their own can be considered as the most suitable units for Chinese NLP (or at least for sentiment classification).

References

1. *Chih-Hao, Tsai* Word identification and eye movements in reading Chinese: A modeling approach. PhD thesis, University of Illinois at Urbana [Text] / Tsai Chih-Hao. – Champaign, 2001.

2. *Rumjahn Hoosain* Psycholinguistic implications for linguistic relativity : A case study of Chinese [Text] / Hoosain Rumjahn. – Lawrence Erlbaum Associates Inc, Mahwah, NJ, 1991.

3. *Nanyuan, Liang* A written Chinese automatic word segmentation system [Text] / Liang Nanyuan // lournal of Chinese Information Processing. – 1987. – l(2). – P. 44–52.

4. *Jin, Guo* Chinese Language Modeling for Speech Recognition. PhD thesis [Text] / Guo Jin. – National University of Singapore, 1997.

5. *Nianwen, Xue* Chinese word segmentation as character tagging [Text] / Xue Nianwen // Computational Linguistics and Chinese Language Processing. – 2003. – 8(1). – P. 29–48.

6. *Schubert, Foo* Chinese word segmentation accuracy and its effects on information retrieval [Text] / Foo Schubert, Li Hui // TEXT Technology. – 2001. – P. 1–11.

7. *Jia, Xu* Do we need Chinese word segmentation for statistical machine translation [Text] / Xu Jia, Zens Richard, and Ney Hermann // In Proceedings of the Third SIGHAN Workshop on Chinese Language Processing. – Boston, MA, 2004. – P. 257–264.

8. *Lun-Wei, Ku* Construction of an evaluation corpus for opinion extraction [Text] / Ku Lun-Wei, Wu Tung-Ho, Lee Li-Ying, and Chen Hsin-Hsi // In Proceedings of the Fifth NTCIR Workshop Meeting on Evaluation of Information Access Technologies: Information Retrieval, Question Answering and Cross-Lingual Information Access. – Tokyo, Japan, 2005.

9. *Peterson, Erik* A Chinese Named Entity Extraction System. In Proceedings of the 8th Annual Conference of the International Association of Chinese Linguistics [Text] / Erik Peterson. – Melbourne, Australia, 1999.

10. *Pak-kwong Wong and Chorkin Chan.* Chinese word segmentation based on maximum matching and word binding force [Text] / Wong Pak-kwong and Chan Chorkin // In Proceedings of the 16th International Conference on Computational linguistics. – Copenhagen, Denmark, 1996. –P. 200–203.

11. *Jian-Yun, Nie* On the use of words and n-grams for Chinese information retrieval [Text] / Nie Jian-Yun, Gao Jiangfeng, Zhan Jian g, and Zhou Ming // In Proceedings of the fifth international work-shop on Information retrieval with Asian languages. – 2000. – P. 148–156.

12. *Raymond, W.M. Yuen* Morpheme-based derivation of bipolar semantic orientation of Chinese words [Text] / W.M. Yuen Raymond, Y.W. Chan Terence, B.Y. Lai Tom, O.Y. Kwong, and K.Y. T'sou Benjamin // In Proceedings of the 20th International Conference on Computational Linguistics. – Geneva, Switzerland, 2004. – P. 1008–1016.

УДК 811.581
ББК 81.71

К.А. Кардаш

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ ПОЗДРАВЛЕНИЯ КАК КОМПЛЕКСНАЯ МОДЕЛЬ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА)

В данной статье рассматривается комплексная модель семантической ситуации поздравления в аспекте перевода. Материалом для нашего исследования послужили поздравления из текстов китайской художественной литературы начала XX в. и их перевод на русский язык. Изучение семантической ситуации как комплексной модели в аспекте перевода актуальна и дает возможность восприятия другой культуры и традиций. Особой задачей является определение составляющих семантической ситуации поздравления в тексте оригинале и тексте перевода.

Ключевые слова: *китайский язык; поздравление; перевод*

K.A. Kardash

'CONGRATULATION' AS A COMPLEX MODEL IN THE TRANSLATION OF CHINESE LITERARY TEXTS

The article is devoted to the problem of translating Chinese congratulations. The study of the congratulations from the Chinese literary texts of XX century and their translation into Russian appoaches the relevant semantic situation as a complex model in the translational aspect. The study of the components of the complex semantic situation is new to the theory of translation and offers the opportunity to discover and understand the other culture and traditions.

Key words: *semantic situation; literary text; translation; proposition; complex model; the Chinese language; situation of congratulation*

Современный синтаксис, выйдя из учения о форме предложения, сегодня ориентирован на смысловые и коммуникативно-прагматические компоненты высказывания, захватывая при этом области в формальном отношении, не вызывающие особых трудностей, но интересные с точки зрения семантики и прагматики.

Дискуссионность существующих представлений синтаксической системы связана с различными взглядами и подходами к проблемам синтаксиса. Таким многообразием подходов характеризуется, например, современное учение о семантике предложения в отечественной науке. Широко представлены исследования, авторы которых идут в своих теоретических рассуждениях от формальной организации предложения к его смыслу (Н.Ю. Шведова, Н.Д. Арутюнова). Другое направление объединяет исследователей, ориентированных на структуру события, ситуацию как денотат предложения. Данное направление представлено многочисленными исследованиями, проведенными на материале разных языков (Т.Б. Алисова, О.И. Москальская, В.Г. Гак, И.П. Сусов, В.В. Богданов,

© Кардаш К.А., 2012

Т.П. Ломтев, Т.А. Колосова, А.Ф. Прияткина, Т.В. Шмелева и др.). Объектом исследования ученых является отображаемая в предложении ситуация и ее семантическая модель – пропозиция. Перечисленные выше подходы характерны также при описании любой другой структуры предложения, включая предикационную, актуализационную во всех ее частных разновидностях: референциальную, коммуникативную, интенциональную (прагматическую).

Центральным понятием, синтезирующим все аспекты семантики высказывания, объявляется понятие семантического типа высказывания, в котором обязательно соединены объективные и субъективные элементы смысла. Ш. Балли предложил, а многие лингвисты включили в пропозицию две составляющие – диктум и модус, или объективный и субъективный смыслы, которые выделяются в значении предложения. Диктум происходит от латинского dictum – слово, выражение, модус – от латинского modus – способ [Балли, 2001]. Существо этой идеи заключается в следующем: высказывание, каким бы элементарным оно ни было, состоится в том случае, если в нем информация о мире, объективной действительности, соединяется с информацией субъективной, идущей от говорящего и момента общения [Балли, 2001; Арутюнова, 1972; Кацнельсон, 1986; Кубрякова, 1985; Шкуропацкая, 2008]. Такое разложение единой семантической структуры предложения представляется удобным способом описания языкового материала, отражающим реальную сложность содержания информации, передаваемой в высказывании.

При изучении диктума исследователи обращались к разным аспектам предложения: актантная структура события (Л. Теньер), глубинные падежи (Ч. Филлмор), изоморфизм структуры ситуации и структуры предложения (Т.П. Ломтев, В.Г. Гак), пропозиция как основа диктумного содержания предложения. Многообразие подходов к идее двухчастности содержания предложения с разных сторон и в русле разных традиций отражено во множестве синонимичных терминов: наряду с диктумом и модусом, лингвисты употребляют дихотомии «пропозиция» и «модальная рамка», «дескриптивная» и «квалификативная» структуры и некоторые другие [Золотова, 1998; Всеволодова, 2000; Мустайоки, 2006].

Чтобы создать из разнообразных имеющихся и вновь добываемых сведений картину диктумного содержания предложения, необходим инструмент изучения диктума, своеобразный общий знаменатель различных смысловых элементов, позволяющих их упорядочить и дифференцировать [Левицкий, 2002; Brown, 1958]. Т.В. Шмелева предлагает в качестве основного инструмента такого изучения диктума пользоваться понятием пропозиция, понимаемой как «языковое воплощение некоего положения дел в действительности, ситуации» [Шмелева, 1994, с. 9]. По мнению А.М. Ломова – автора «Словаря-справочника по синтаксису современного русского языка», «пропозиция – константное номинативное ядро, ‹…› являющееся независимым от всякого рода переменных, прежде всего актуализационных модификаций бытийного компонента сказуемого или главного члена односоставных предложений» [Ломов, 2007, с. 273].

Понятие пропозиции, активно используемое в лингвистике уже несколько десятилетий, стоит в ряду с терминами: «языковое событие», «положение дел», «ситуация». Термин «пропозиция» впервые появился в работах по семантическому синтаксису как обозначение объективного содержания предложения, рассматриваемое в отвлечении от всех его субъективных значений [Белошапкова, 1989, с. 686], вошел в лингвистику из логики, так как в области изучения предложения интересы лингвистики и логики во многом пересекаются, поэтому понятийный аппарат логики был взят на вооружение и лингвистами. Т.П. Ломтев определял пропозицию как «интеллектуальную модель события» [Ломтев, 1976, с. 78]. По определению В.Г. Гака, пропозиция – это «совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности в момент высказывания и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания» [Гак, 1972, с. 358], поэтому каждое высказывание предполагает интеллектуальное, а затем и языковое моделирование.

Понятие пропозиции позволяет выделить в диктуме несколько смысловых слоев: собственно пропозитивный, внутрипропозитивный (отражает структуру пропозиции) и припропозитивный (обслуживающие смыслы,

прикрепленные к пропозиции, но внешние по отношению к ней) [Шмелева, 1994, с. 38], это положение можно проиллюстрировать: *Праздник (Веселятся)* собственно пропозитивный смысл; *Начался праздник (Веселье в разгаре)* – припропозитивный смысл фазисности, а в предложении *Гости веселятся (Зазвенели стаканы)* – собственно пропозитивный смысл (*Веселятся; зазвенели)* и внутрипропозитивный (актантный) компонент (*гости, стаканы*) и припропозитивный смысл фазисности.

Кроме того, тип пропозиции определяется определенным набором актантов и сирконстантов [Шмелева, 1994, с. 38]. Как мы уже сказали выше, предикат занимает центральное место в пропозиции, определяющий ее структуру и указывающий на определенный тип отношений между объектами, а именно: определяет характер этих отношений, количество членов их роли. В русском языке пропозиция может быть репрезентирована не только глаголом, но и словами предикативной и непредикативной семантики: *Весело*; *веселье.*

Количество актантных мест и способ их заполнения в предикате могут послужить основаниями для типологии пропозиций [Шкуропацкая, 2008, с. 86]. По количеству актантных мест пропозиции могут от одно- и до n-местной, например: *Директор поздравляет* (одноместная пропозиция); *Директор поздравляет работников* (двухместная пропозиция); *Директор поздравляет своих работников за успешную сделку* (четырехместная пропозиция). Такие пропозиции состояния, как *Снег*; *Не спится,* вообще не имеют актантов.

Язык располагает имеющимся репертуаром актантов и сирконстантов, дифференцированных в такой мере, в какой позволяет лексика и морфология. Актант – элемент событийной пропозиции, соответствующий действующему лицу или предмету в ситуации. Сирконстант – обстоятельство действия. Система актантов опирается на падежную систему, которая обеспечивает понятия субъекта, объекта, адресата, инструмента, а также сирконстантов – локатива и темпоратива. С основой типологии актантов мы уже имеем дело уже в теории членов предложения, где выработаны понятия субъекта, объекта, косвенного объекта и адресата [Филлмор, 1981*а*; 1981*б*].

Вслед за Т.В. Шмелевой в настоящем исследовании будет использован термин «семантическая ситуация» как полный синоним термина «пропозиция». Выбор термина «семантическая ситуация» обусловлен тем, что он наиболее точно определяет объект нашего исследования. Семантическая ситуация по теории А. Мустайоки [Мустайоки, 2006, с. 414] состоит из следующих актантов: агенс, адресат, бенефициенс, инструмент, каузатор, объект, объектив, орудие, партитив, пациенс, результатив, субъект. Представим составляющие модели семантической ситуации поздравления.

Агенс – актант субъективного типа, лицо, активно осуществляющее ситуацию «в одиночку» или главным из нескольких субъектов, активный деятель, часто инициатор (например: *«я поздравляю маму», «Они веселились»*).

Адресат – тип актанта, лицо, как правило, третье после субъекта и объекта, в отношении к которому направлено речевое действие (например: *«Ректор поздравил студентов и преподавателей»*).

Бенефициенс – адресатный тип актанта, лицо или коллектив, заинтересованное в осуществлении ситуации и имеющее в результате ее осуществления выгоду или ущерб (например: *«Руководитель, поздравляя своих коллег с Днем торговли, подарил всем маленькие сувенирчики»*).

Инструмент – тип актанта, предмет, использование которого способствует осуществлению ситуации (например: *«поздравить открыткой», «поздравили цветами и аплодисментами»*).

Каузатор – актант субъективного типа, лицо, не единственное в ситуации, состоящее с другим, иногда основным субъектом в отношениях совместной деятельности; субъект, вызывающий действие другого субъекта (например: «*я прошу вас поздравить его от моего имени*»).

Объект – тип актанта, характеризующийся неединственностью в ситуации, зависящий от субъекта (например: *«У моего одноклассника сегодня день рождения, надо обязательно позвонить и поздравить»*).

Объектив – актант объективного типа, предмет, подвергается воздействию субъекта (например: «*Наталья была поздравлена не только генеральным директором»*).

Орудие – актант инструментального типа, специально предназначенный для совершения какого-либо действия (например: *«Школьники побежали за цветами, конфетами и открытками, всем этим они поздравляли своих учителей на 8 марта»*).

Партитив – часть любого актанта, его составляющая (например: *«когда праздник был в полном разгаре, вдруг заглянул его друг и поздравил всех своим стихотворением»*).

Пациенс – актант объектного типа, подвергающийся воздействию субъекта или пассивный субъект (например: *«мне весело», «она покраснела»*).

Результатив – актант объектного типа, предмет, который появляется в результате осуществления ситуации (например: *«Получив благодарность от руководства за поздравительные выступления, она быстро вышла из кабинета*»).

Субъект – тип актанта, характеризующийся признаками: единственный участник; активно участвующий в осуществлении событий (например: *«Он как всегда первый выкрикнул слова поздравления с новым годом и подбежал за подарками»*).

Материалом для нашего исследования послужили тексты китайской художественной литературы начала XX в. и их переводы на русский язык. Роман Цзэн Пу «Цветы в море зла» (1905) и перевод, выполненный В. Семановым и изданный в 1990 г. и роман Гу Хуа «В Долине лотосов», русский перевод В. Семанова (1986):

«我还带了份薄礼来。» 谷燕山打开纸盒，从中取出四块布料来，还有一辆小汽车，一架小飞机，一个洋娃娃。«不要嫌弃。这些年来，镇上人家收亲嫁女，我都是送的这么一份礼……你们也不例外。我是恭贺你们早生贵子……既是成了夫妻，不管是红是黑，孽根孽种，总是要有后的。»

«Я тут принес небольшие **подарки**, – он открыл картонную коробку и вытащил оттуда кусок материала, куклу, игрушечный автомобиль и самолетик, – не побрезгуйте! Когда соседи зовут меня на свадьбы, я всегда дарю именно такие подарки, и вы не исключение… Это означает, что **я желаю вам поскорее родить наследника**… Красные вы супруги или черные, а потомство еще никому не мешало».

В данном примере ситуация поздравления представлена глазами участника, который ее и описывает, т. е. автор текста, а не участники ситуации общения. Именно он дает оценку действиям: «я всегда дарю именно такие подарки», «и вы не исключение». Также в этом примере подробно описано свадебное поздравление и подарки: «поскорее родить наследника», «кукла, игрушечный автомобиль, самолетик». Значит, на свадьбу в Китае принято желать «родить сына», при этом дарятся игрушки, тем более, имплицитно представлена информация о беременности героини. Описание денотативной ситуации и ее представление в языке зависит от носителя языка.

В ситуации поздравления, как и в любой другой деятельности, наиболее значимой является фигура субъекта, без которого реализация данного процесса становится невозможной. Для его обозначения в литературном русском языке нет специального номинатива, мы в своей работе будем называть его агенс, т. е. автор поздравлений. «Агенс – производитель действия» [Золотова, 1988, с. 430]. Соучастниками или коагенсам в данной ситуации могут быть *друзья, приятели, товарищи, коллеги, родственники, случайные,* например:

«首先，敬祝我们最最敬爱 的伟大领袖、伟大导师、伟大统帅、伟大舵手，我们心中最红最红的红 太阳，万寿无疆!万寿无疆！万寿无疆!敬祝林副统帅 身体健康!永远健康! 永远健康!»

«Прежде всего, **желаем** нашему самому любимому великому вождю, великому руководителю, великому командующему, великому кормчему, нашему самому, самому Красному солнцу **безграничного долголетия! Безграничного долголетия**! **Желаем здоровья** заместителю главнокомандующего Линю! **Вечного здоровья! Вечного здоровья**!»

«Коагенс – актант субъектного типа, лицо, не единственное, состоящее с другими, иногда основным субъектом в отношениях совместной деятельности, кооперации» [Шмелева, 1994, с. 40]. В данном примере мы видим, что агенсом (автором поздравления) выступили «我们» («мы»), т. е. группа людей, которая могла хором произнести поздравление, но от лица всей группы поздравления и пожелания произнес один участник.

Второй обязательный участник ситуации – адресат поздравлений. «Адресат – компонент, обозначающий лицо или реже предмет, к которому обращено информативное, донатив-

ное или эмотивное действие» [Золотова, 1988, с. 430]. Например:

«恭喜你，玉音，恭喜你，老天 爷保佑你母子平安……» 谷燕山这 个在战争年代出生入死过来的人，竟讲出一句带迷信色彩的话来。»

«Поздравляю тебя, **Юйинь**, поздравляю! **Небо убережет и тебя, и младенца**!» – откликнулся Гу Яньшань и тут же устыдился: как это он, человек, прошедший войну, способен молоть такую чепуху?

В этом примере адресат представлен именем в единственном числе, а именно: агенс называет женское имя Юйинь, которой направлено поздравление.

Рассмотрим пример, где адресат представлен количественно:

«你们这是红糖水。你们两口子喝了 和睦甜亲。我可是要喝我的二锅头，过瘾，得劲!»

«**Вы** пейте эту сладкую водичку, чтоб у вас жизнь слаще была, а я лучше хвачу своего самогона, он мне привычнее, да и покрепче!»

Здесь мы видим, что поздравление адресовано двум молодоженам, о чем свидетельствует обращение в виде местоимения «你们两» (вы двое).

Т.В. Шмелева предлагает адресатный тип актанта, заинтересованного в осуществлении ситуации и имеющего в результате ее осуществления выгоду или ущерб, называть бенефициенсом [Шмелева, 1994, с. 40], поэтому в дальнейшем мы будем называть второго участника ситуации поздравления бенефициенсом:

«恭喜恭喜，看上芙蓉镇上的小西 施了。» 杨民高书记不动声色，半

躺半仰在睡椅里，二郎腿架起和脑 壳一样高，正好成个虾公形。»

«А, так ты присмотрел знаменитую красотку из Лотосов? **Поздравляю, поздравляю!»** – невозмутимо промолвил Ян Миньгао, возлежа в мягком кресле и растопырив ноги как краб.

В данном примере, бенефициенс выражен имплицитно, так как представлен диалог двух лиц, где из контекста понятно, кому адресовано данное поздравление.

Изучение семантической ситуации в аспектах перевода представляет наибольший интерес, особенно, если мы касаемся перевода художественного текста, где необходимо соблюдать не только правила грамматики, но и учитывать культурные особенности иностранного языка, чтобы передача смысла на переводном языке семантически максимально была приближена к тексту оригинала. Поздравления, являясь частью культуры народа, отражают традиции празднования и речевого воплощения. В художественных текстах, где подробно описаны ритуалы празднования того или иного события, могут послужить фактическим материалом для исследования семантической ситуации поздравления. Для нас необходимо определить, соответствует ли текст перевода тексту оригинала и выявить, какими составляющими представлена семантическая ситуация поздравления в речевой коммуникации главных героев.

Существует целый ряд параметров, влияющих на взаимоотношения и речевые действия автора и адресата как участников ситуации поздравления: возраст, пол, социальный статус, степень знакомства, межличностные взаимоотношения, эмоциональное состояние, способность правильно оценить ситуацию. Рассматривая вопрос о передаче данных отношений в языке перевода, мы считаем, что необходимость изучения семантической ситуации как комплексной модели в аспекте перевода актуальна и дает возможность восприятия другой культуры и традиций, речевого взаимодействия разных лингвокультур именно так, как данная ситуация представлена в языке оригинале.

Библиографический список

1. *Арутюнова, Н.Д.* Синтаксис [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Общее языкознание : Внутренняя структура языка. – М. : Наука, 1972. – 354 с.
2. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и общие вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли. – М. : УРСС, 2001. – 416 с.
3. *Белошапкова, В.А.* Синтаксис [Текст] / В.А. Белошапкова // Современный русский язык : учеб. для филол. спец. ун-тов / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова. Е.А. Земская [и др.]; под. ред. В.А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1989. – С. 532–792.
4. *Всеволодова, М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса : Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка : учебник. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.
5. *Гак, В.Г.* Высказывание и ситуация [Текст] / В.Г. Гак. // Проблемы структурной лингвистики. – М. : Наука, 1973. – С. 349–372.
6. *Гу Хуа* В Долине лотосов [Текст] : Роман / пер. с кит. : В. Семанова; стихи в переводе Ю. Сорокина и В. Семанова. – М. : Радуга, 1986. – 267 с.
7. *Золотова, Г.А.* Синтаксический словарь : Репер-

туар элементарных единиц русского синтаксиса [Текст] / Г.А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 440 с.

8. Золотова, Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка [Текст] / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М. : Наука, 1998. – 544 с.

9. Кацнельсон, С.Д. Общее и типологическое языкознание [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1986. – 454 с.

10. Кубрякова, Е.С. Падежная грамматика [Текст] / Е.С. Кубрякова, Ю.Г. Панкрац // Современные зарубежные грамматические теории : сб. научно-аналитических обзоров. – М. : ИНИОН, 1985. – С. 37–54.

11. Левицкий, Ю.А. Основы теории синтаксиса [Текст] : учеб. пособие по спецкурсу / Ю.А. Левицкий. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 236 с.

12. Ломов, А.М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка [Текст] / А.М. Ломов. – М.: АСТ : Восток – Запад, 2007. – 416 с.

13. Ломтев, Т.П. Общее и русское языкознание [Текст] / Т.П. Ломтев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 198 с.

14. Мустайоки, А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам [Текст] /А. Мустайоки. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.

15. Филлмор, Ч. Дело о падеже [Текст] /Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. – М. : Прогресс, 1981*а*. – С. 369–495.

16. Филлмор, Ч. Дело о падеже открывается вновь [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.X. – М., 1981*б*. – С. 369–495.

17. Шкуропацкая, М.Г. Аспекты семантики предложения [Текст] : учеб. пособие по спецкурсу / М.Г. Шкуропацкая. – Бийск : БПГУ им. В.М. Шукшина, 2008. – 186 с.

18. Шмелева, Т.В. Семантический синтаксис [Текст] / Т.В. Шмелева // Современный русский язык : Текст лекций из курса. – Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1994. – 2-е изд. – 47 с.

19. Цзэн Пу Цветы в море зла : Роман / Пер. с кит. В. Семанова; редкол.: Г. Гоц, Л. Делюсин, Д. Мамлеев [и др.]; вступ. статья и примеч. В. Семанова; стихи в пер. И. Голубева.– М. : Худож. лит., 1990. – 480 с.

20. Brown, D.W. Form in modern English [Text] / D.W. Brown, W.C. Brown, D. Bailey. – New York : Oxford University Press, 1958. – 338 p.

21. 曾朴 «┌海花» [Электронный ресурс]. – 1905. – Режим доступа: http://www.5156edu.com/html/10554/2.html (дата обращения : 15.03.2012).

22. 古华 «芙蓉┌» [Эле ктронный ресурс]. – 1986. – Режим доступа: http://www.my285.com/ddmj/guhua/frz/index.htm (дата обращения : 15.03.2012).

УДК 811.58
ББК 81.00

Е.В. Кремнев

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНА «СОЦИОЛОГИЯ» («社会学») В КИТАЕ

В статье излагается эволюция термина «социология» на начальном этапе развития социологии в Китае, а также анализируются языковые и социально-политические причины смены одного термина (群学) другим (社会学).

Ключевые слова: *социология; общество; термин; перевод*

E.V. Kremnyov

SOME ASPECTS OF EVOLUTION OF THE TERM «SOCIOLOGY» («社会学») IN CHINA

The article describes the evolution of the term «sociology» in the initial stage of development of sociology in China and analyzes the linguistic and socio-political reasons for the replacement of one term (群学) by another (社会学).

Key words: *sociology; society; term, translation*

Конец XIX в. ознаменовался для Китая значительными переменами в политической, социальной и культурной жизни. Социально-экономический кризис, вызванный правлением династии Цин, и результаты китайско-японской войны 1894–1895 гг. показали необходимость поисков новых концепций развития страны. Возможность заимствования таковых прогрессивно настроенные китайские ученые увидели на Западе, в том числе в набирающей силу новой науке – социологии. В данной статье автор попытался охарактеризовать отдельные аспекты формирования термина «социология» («社会学») в конце XIX – начале

© Кремнев Е.В., 2012

XX вв., а также проанализировать причины изменений, которые данный термин претерпел в означенный период.

Упоминания о социологии в научной и общественной литературе начинаются в 1895–1896 гг. В своих статьях Лян Цичао (梁启超), Янь Фу (严复), Чжан Тайянь (章太炎) и другие общественные деятели знакомят Китай с общими основами социологии, при этом именуют ее «群学» (цюньсюэ: 群 – «группы людей», 学 – «наука»), а не привычным для нас термином «社会学» (шэхуэйсюэ: 社会 – «общество», 学 – «наука»). Период использования слова «群学» был относительно недолгим, наиболее употребительным оно было в 1903 г., затем его достаточно быстро вытеснил термин «社会学». Причины такой «победы» одного термина над другим кроются в особенностях общественного и политического развития Китая конца XIX – начала XX вв., а также в особенностях эволюции значений слов, лежащих в основе и того, и другого варианта: «群» и «社会».

Предпочтение учеными слова «群» на первоначальном этапе изучения социологии в Китае неразрывно связано с попыткой реформирования страны, основанной на сочетании модернизации и сохранения императорского режима. Для такой концепции наиболее эффективным представлялось заимствование терминов из традиционной культуры. Поскольку аналогов слову «society» в его западном понимании в классических текстах не было по причине в корне иного подхода к осмыслению китайского общества, первоначальный выбор пал на знак «群», достаточно далекий от смысла исходного термина.

Согласно словарям «汉语大字典» и «辞源» знак «群» в древнекитайском имел следующие основные значения:

1) 三个以上的兽畜相聚而成的集体 (стадо, табун, отара, стая, рой, косяк (о животных));
2) 朋辈 (друзья одного поколения; товарищи, единомышленники);
3) 种类 (вид, род, категория);
4) 会合 (соединиться; соединение);
5) 集团 (группа; клика; круги);
6) 和好(восстановить дружбу; сладиться (об отношениях));
7) 随俗 (следуя общей традиции (всеобщей моде, манере), согласно с существующими обычаями);
8) 泛指多数 (большинство, большая часть);
9) 众多 (многочисленный; множество; многие);
10) 亲戚 (родственник; родные; родня; члены одной семьи) [汉语大字典，2010，页3134-3135；词源，1982，页2263].

Анализ содержания классической китайской литературы, приводимый в «观念史研究» («Исследования истории концепций»), показывает, что слово 群 в подавляющем большинстве использовалось в значении «泛指多数» [观念史研究，2010，页181], тогда как к значению слова «общество» наиболее близки значения «会合» (会 – «собрание, сходка; собираться, встречаться»; 合 – «соединяться, объединяться») и «集团» (集 – «собираться, скапливаться; собрание, скопление»; 团 – «коллектив, группа; собираться, объединяться»).

Частое употребление самого слова в классической литературе, особенно конфуцианской, и стало причиной того, что именно «群» первоначально легло в основу термина «群学». Для ученых-реформаторов процинского круга это имело первостепенное значение: заимствование основ западной науки должно было протекать таким образом, чтобы удачно лечь на традиционные ценности, способствовавшие сохранению монархии.

Кроме того, по сравнению с «社会», значение и употребление которого больше относилось к социальной сфере, «群» имело политическую окрашенность. «群» в своей структуре содержит знак 君 (государь), что монархически настроенными учеными вслед за Лян Цичао и Оу Цзюйцзя (欧矩甲) трактовалось как неотъемлемость государя от общества [梁启超， 页3；欧矩甲， 1898，页1]. Таким образом, судьба китайской «социологии», казалось, была определена: «群学» за короткий промежуток времени закрепило за собой статус термина, обозначающего «социологию» по-китайски. В частности, именно так впервые именует ее в своей статье Лян Цичао, этот же вариант наименования использует Янь Фу в переводе книги Г. Спенсера «Study of Sociology», работа над которым началась в 1898 г., и именно в таком переводе книга увидела свет в 1903 г. [Пан Давэй, 2009, с. 131].

Тем не менее, параллельно с термином «群学» менее активно, но достаточно регулярно употреблялось слово «社会学», вкупе

с сопутствующими «社会主义» (социализм), «社会党» (социалистические партии) и «社会伦理» (общественная мораль) и другими производными от «社会».

Исходное значение слова «社会» – «春秋社日迎赛土神的集会» («собрание [сельской] общины, посвященное жертвоприношению духу земли в периоды начала весны и начала осени»). В «旧唐书» («Старая книга истории эпохи Тан») слово «社会» употребляется в значении «сельская община»: «礼部秦请千秋节休假三日，及村闾社会» («*Министерство церемоний, начиная с циньской династии, велело населению в Праздник Долголетия отдыхать три дня, что распространялось и на жителей сельской общины*») [中国大百科全书，1991，页272]. Постепенно его значение эволюционировало до «коллектива; группы людей с общими интересами» [辞源]. К примеру, Чэн И (程颐) в «明道先生行状» («Изложение деяний учителя светлого пути (Чэн Хао)» писал: «乡民为社会，为立科条，旌别善恶，使有劝有耻» («*Сельские жители объединяются в коллектив, чтобы выработать общие установления, прославить добродетель и отказаться от порока и [тем самым] дать возможность поощрять [хорошее] и стыдиться [дурного]*») [程颐，1997，页98].

К концу XIX в. слово «社会» вытесняет «私会» (сыхуэй: 私 – «личный, частный; тайный, секретный»; 会 – «общество, группа, собрание»), которое некоторое время использовалось для обозначения тайных обществ. Стоит упомянуть, что «社会» в китайском языке уже употреблялось в таком значении ранее, это подтверждает цитата из «宋会要辑本» («Свод сведений о важнейших событиях династии Сун»): «近又有奸猾， 改易名称，结集社会» («*В последнее время снова властвуют хитрость и коварство, меняются имена, собираются тайные общества*») [宋会要辑本，1964，页6551]. Таким образом, в указанный период наиболее часто это слово употребляется именно в этом значении.

Новое значение «社会» приобретает благодаря его «импорту» из Японии, где в то время использовали это слово для перевода английского «society». Китайские общественные деятели, воодушевленные достижениями Японии, выезжали в «страну восходящего солнца» в поисках рецептов как заимствовать передовой опыт западных стран и вслед за Японией сделать Китай богатой и могущественной державой. После возвращения на родину они активно занимались распространением приобретенных знаний. Таким образом, первоначально перекочевав в Японию из китайского языка, слово «社会» вернулось в Китай в обновленном значении. С 1900 г. оно используется некоторыми учеными в переводах японских трудов и студентами, вернувшимися из Японии. В 1902 г. «新民丛报» пишет: «社会者，日人翻译英文 *society* 之语。中国或译之为群。此外所谓社会，即人群之义耳。此字近日译日本书者多用之» («*[Слово] «шэхуэй» используется в Японии для перевода английского «society». В Китае в этом значении употребляют знак «цюнь». Кроме того, так называемое «шэхуэй» обозначает «общество, группы людей». Это слово в последнее время часто используют переводчики японской литературы*») [问答，1902，页2].

Тем не менее, наиболее активно слово «社会» продолжали употреблять в значениях «общества», «тайные общества», «группы людей со сходными интересами». В значении «society» оно иногда употребляется в некоторых переводах с японского и английского языка, чаще всего по соседству со словами «社会学(социология)» и «社会主义(социализм)». В 1897 г. «时条报» (газета «Шитяобао») напечатала ряд статей японского автора, в которых «社会» использовалось в современном значении, одна из статей носила заголовок «论社会» («Рассуждения об обществе»») [观念史研究，2010，页187]. Примером ссылки на западную науку может служить цитата из книги Тань Сытуна «仁学» («Учение о гуманности»), датируемая 1898 г. В ней он упоминает социологию: «于西书当通“新约”及算学、格致、社会学之书» («*В западной литературе хорошо разбирался в «Новом Завете», книгах по математике, естественным наукам, социологии*») [谭嗣同，1898，页293].

Следует отметить, что до некоторого времени употребление слов «社会» и производных от него слов было настолько слабо нормированным, что часто происходила подмена одного термина другим. К примеру, в 1898 г. Лян Цичао в своей статье использует слово «社会» в значении «社会学». В «说国民» («Рассуждения о нации») оно использовалось в значении «社会主义» (социализм): «若者外国工人，有立会，演说，开报馆，倡社会

之说者， 我国有之乎？» («*И если среди рабочих за рубежом есть те, кто учреждает общества, выступает в качестве оратора, открывает издательства, выступает за социализм, есть ли [подобное] в нашей стране?*») [观念史研究，2010，页183].

Тем не менее, в первые годы XX в. слово «社会» понемногу получает распространение в научной терминологии. Даже Лян Цичао, которому приписывается авторство термина «群学», в своих публикациях 1901 г. в «清议报» (газета «Цин'ибао», «Общественное мнение») по данным, приведенным в «Исследованиях истории концепций», 5 раз употребляет слово «社会»: 1 раз – «他社会» в значении «другие страны», 2 раза – в производных словах «社会进化论» (теория социальной эволюции) и «社会党人» (социалисты)，2 раза – в значении «society». В серии статей «新民说» («Рассуждения о новой нации») (1902–1906 гг.) слово «群» в значении «society» употребляется им около 200 раз, при этом около 60 раз он употребляет в том же значении слово «社会» [观念史研究，2010，页183].

Общественно-политические причины замены «群» на «社会», как указывалось выше, кроются в особенностях развития китайского общества на рубеже веков. «Неудачное» завершение «движения за реформы 1898 г.» и «ста дней реформ» поставило точку на попытках поиска компромисса между модернизацией и сохранением императорского режима. После такого поворота многим общественным деятелям стала все более импонировать идея радикальной модернизации, вплоть до устранения монархии и отказа от конфуцианских ценностей. Даже те, кто не поддерживал в то время революционные идеи, а по-прежнему стоял на позициях эволюционных преобразований, постепенно стали отказываться от употребления «устаревших» слов, стараясь соответствовать времени.

Еще одним толчком стало увеличение числа «тайных обществ», количество которых при Цинах по разным оценкам выросло до 300–400, и большая часть из них была образована в конце XIX в. Гражданская активность, которую население Китая осуществляло именно через деятельность различных обществ, создаваемых как по сфере занятости, так и на основе общих культурных, образовательных, научных и политических интересов, стала показателем роста китайского общественного сознания, что не могло не усилить значение термина «社会» в научных кругах. Важную роль в популяризации «обществ» и активизации их деятельности стали шэньши (绅士) – сословие местных управленцев, получавших право административной деятельности по результатам государственных экзаменов. Они долгое время служили своего рода связующим звеном между государственной властью (国) и местными родовыми кланами (家), составляя основу управления страной (国家) [观念史研究，2010，页187]. Эта особая роль в административной системе вкупе с высоким уровнем образования заставила шэньши в рассматриваемый период стать активным участником общественно-политической жизни. Они становятся руководителями и участниками сообществ, в основе которых лежат не родственно-клановые отношения, а профессиональные, научные и другие интересы. Изучая западную культуру, научный опыт западных стран, в частности в области взаимодействия общественно-политических институтов, шэньши, по сути, начинают формирование нового общества, в котором на смену традиционным конфуцианским ценностям приходят мораль и ценности, которые западной культурой трактуются как «общечеловеческие». Средством популяризации ценностей нового общества становятся те самые многочисленные «тайные общества», обозначавшиеся как «社会» («шэхуэй»).

К 1904 г. «群» и «群学» в близких современным значениям «общество» и «социология» почти полностью уступают место терминам «社会» и «社会学». Старые термины вплоть до 1915 г. иногда упоминаются в отдельных источниках, но в терминологическом аппарате социологии уже окончательно закрепляются привычные нам сегодня наименования.

Библиографический список

1. *Пан Давэй*. К истории социологии в Китае [Текст] / Пан Давэй // Социс. – 2009. – № 4. – С. 130–136.
2. 程颐，明道先生行状［文章］/ 程颐 // 近思录. – 卷九，治法. – 台北：金枫出版有限公司，1997. – 页98.
3. 辞源修订本 ［文章］. – 第三分册. – 香港：商务印书馆，1982. – 页2263.
4. 观念史研究：中国现代重要政治术语的形成［文章］ / 金观涛著. –北京：法律出版社，2010. 1.–653页.

5. 汉语大字典［文章］. – 2010. – 页3134-3135.
6. 梁启超，说群序［文章］/ 梁启超 //饮冰室文集之二，第二册. – 1989. – 页3.
7. 欧矩甲，论大地各国变法皆由民起［文章］/ 欧矩甲 // 时条报，第五十册. – 1998年1月3日. – 页1
8. 宋会要辑本［文章］/ 杨家骆主编，第一百六十五册. – 台北：世界书局，1964. – 页6551.
9. 谭嗣同，仁学・自叙［文章］/ 谭嗣同. – 1898. – 页293。
10. 问答［文章］// 新民丛报，第十一号. – 1902年7月5日. – 页2.
11. 中国大百科全书［文章］. – 社会学. – 北京：中国大百科全书出版社，1991. – 570页.

УДК 81.00
ББК 81.00

Ли Асюе

О РУССКОМ ФОРМАЛИЗМЕ

Русский формализм как литературное явление, имеет разносторонние сложности. В этой статье рассмотрены возникновение и развитие русского формализма, характеристики теории остранения.

Ключевые слова: *русский формализм; теории остранения*

Li Axue

ANALYSIS OF THE RUSSIAN FORMALISM

Russian formalism as a literary phenomenon is remarkable for its complexity. The article focuses on the emergence and development of the Russian formalism and discusses characteristics of the defamiliarization theory.

Key words: *Russian formalism; Defamiliarization theory*

浅析俄国形式主义

东北师范大学人文学院 李阿雪

(摘要)俄国形式主义作为一种文学现象，具有多方面的复杂性。它既是一种文艺理论和美学诗学体系；又是一种独特的审美批评。本文主要讨论俄国形式主义的产生和发展过程，讨论俄国形式主义的核心概念：陌生化理论，在理论和实践方面的特点。

(关键词)俄国形式主义 陌生化理论

引言

19世纪末20世纪初，现代西方社会哲学思潮的冲击促进了俄罗斯民族现代意识的觉醒，俄国文化蓬勃发展，呈现出一派繁荣景象。尤其在文学领域，诗歌与批评理论繁荣，小说成就显著，散文和戏剧获得长足发展，后来这一时期被称为俄罗斯文学的“白银时代”。俄国形式主义正是诞生在这一时代，成为20世纪最有影响、极富活力的重要文艺美学派别之一。

1.俄国形式主义的产生和发展过程

俄国形式主义是十月革命前形成的一个文学理论与批评流派。这一流派最初主要由莫斯科语言学小组、彼得堡诗歌语言研究会两部分人组成。彼得堡诗歌语言研究会主席维・什克洛夫斯基在1914年发表的纲领性宣言《语词的复活》(1914年)一书是这一流派最早的论著。俄国形式主义运动是在第一次世界大战前夕，在俄国学院派文艺学和语言学两大堡垒：莫斯科和圣彼得堡大学里，从学生自发或半自发组成的讨论小组发展而成，是以反叛封闭僵化的学院派文艺学和语言学的姿态出现的。由于他们把研究的重点放在语言和词语的形式上，因而被对手冠以“形式主义”的贬称。后人则沿用这一名称并去掉其褒贬色彩，将他们的批评理论统称为“俄国形式主义”。

作为一个影响广及世界各国的文艺学美学批评运动，俄国形式主义是俄国现代主义文学及诗学在20世纪发展的必然结果，是对其实践和学说在理论上的一个历史总结。

这一时期，俄国现代主义文学开始了由象征主义、阿克梅主义与未来主义这三大流派所构成的发展历程。俄国象征派诗人试图通过审美方式逃避现实矛盾，表现了贵族知识分子的世纪末情绪。他们重视诗歌的创作和研究，讲究创作技巧，注意诗歌语言、节奏等的使用，在象征派诗歌中，表现了一种普遍的悲剧意识和宿命感。阿克梅派是一个有意革新象征派的诗人团体，他们主张摈除“象征森林的迷雾”，还语言以世俗的面目，表现物体的质感，表现日常生活的闲散、恬

© Ли Асюе, 2012

适等。而未来派作为象征派的革命者出现，他们具有那种“与过去彻底决裂”的空前激进的“革命”激情。与阿克梅派不同，未来派诗人不满足于只对象征派美学原则的改革，而是主张彻底摒弃。他们不但反对象征主义美学，而且连一切现实主义美学原则和传统都一概反对。

然而，俄国现代主义的这三大流派有一个共同的美学倾向，即重视文学语言与文学技巧。从象征主义开始，一切有关诗和诗学的问题，都围绕着语言问题展开。语言成为一个新的战场，各个流派都企图从这里，为自己赢得一个桂冠。象征主义语言观的核心是把语言当作一种神秘力量的载体，它在艺术活动中处于中心地位，符号不仅与客体同一，而且客体也与符号同一。他们论证了语言的本体地位，揭示了语言特别是诗语的形而上超验本质。阿克梅派第一次不是为了语言的指涉物、而是为了语言自身而关注语言。他们密切关注语言或者语词本身的特点，把语言从象征主义的天国拉回到人间，还其以世俗的面目。未来派在语言问题上的革新是诗语的自由创造。将诗语从其对意义的传统从属地位中解脱出来，而根据词形及词的语音特征自创新词，就是他们这一主张的具体实践之一，并由此产生了“无意义语”。

可以说，俄国现代主义的三大流派在诗与语言、诗学和语言学方面的理论为俄国形式主义的产生奠定了基础。另外，索绪尔的《普通语言学教程》、莫斯科语言学派和彼得堡学派的语言学研究成果也为其提供了理论依据。而俄国现代主义文学和诗学的实践活动也为俄国形式主义的产生提供了丰富的实践经验。

俄国象征派是俄国现代派文学的第一个文学流派，深受法国象征派诗人的作品的影响，试图通过艺术新的审美形式表现出世纪末的悲观情绪。为此，他们在诗歌的表现形式上尤其是诗歌语言的形式上投入了极大的精力，使俄国的诗艺达到了前所未有的水平。俄国形式主义正是在反对象征主义的宗教神秘色彩、哲学工具论的基础上，通过对象征派诗歌形式和诗歌原理的重视，才逐渐形成了形式主义的艺术本体论。

总的说来，俄国形式主义运动是俄国现代派文学及诗学发展的必然结果。俄国形式主义的美学诗学理论体系，是在总结和发展俄国现代派此前所取得的成果的基础上，通过将其系统化而发展起来的。

俄国形式主义运动的发展过程分为三个阶段：从1915年到1920年为发生或早期阶段。该阶段的特点与俄国未来派基本相同，即方法论上具有一定的片面性，立论时带有一定好战、夸张、哗众取宠和偏激的特点；从1921年到1925年为中期阶段。该阶段的特点是其“狂飙突进”阶段，即鼎盛阶段；从1926年到1930年为晚期阶段。该阶段是其“偃旗息鼓”阶段，即解体阶段。在这一阶段，俄国形式主义在苏联受到第一轮批判。1936年，在苏联文艺界清算“异端美学”的运动中，这一流派再遭批判，从此一蹶不振。

然而，俄国形式主义对文学作品的形式、文学的特质和规律的关注，却打开了文学研究的新天地，并随着形式主义理论家们自身向国外的迁移，带动了西方文艺理论的革命性变革。俄国形式主义的出现对20世纪西方文艺学理论的发展产生了巨大的影响。20世纪西方文艺学中先后继起的几乎所有流派——英、美新批评、接受美学和接受理论、读者反应批评、阐释学、结构主义、解构主义……等等，都以俄国形式主义为其理论的源头。

从俄国形式主义的出现开始到二十世纪20年代中期，俄国形式主义的理论家们创作了一系列著作，逐步建立了系统的理论体系。其中，什克洛夫斯基提出的“艺术的目的是提供对陌生事物的感觉”、“艺术的手法是使事物‘陌生化’”的观点，对于艺术的本质问题做出了重新回答；雅各布逊关于文学研究的对象是作品的“文学性”的见解，更新了传统的文艺学观念，开创了倡导文学的“内部研究”之先河。正是这两个观点，成为俄国形式主义的两块理论基石。以此为基础，形成了什克洛夫斯基对小说的结构模式的分析，艾亨鲍姆对悲剧、散文理论及句法和语调的研究，迪尼亚诺夫对语义批评流派的研究，日尔蒙斯基对诗歌结构和诗韵学的研究等等理论。

2.陌生化理论

2.1陌生化理论的内涵

“陌生化”（остранение）是俄国形式主义的核心概念。它是什克洛夫斯基按照俄文构词法生造的一个新词，中文也有把它翻译为“间离化”、“奇异化”等等。“陌生化”的产生本身就是早期俄国形式主义和未来派崇尚言语创造、把诗当作一种语言创造活动本身的文艺观的体现。“陌生化”由什克洛夫斯基提出后，逐渐获得俄国形式主义所有主要成员的认可和赞同，他们不但从诗的体验和接受角度论证它，而且也从现代语言学和符号学角度来论证“陌生化”的必要性和主体性，“陌生化”成为了

俄国形式主义最核心、最重要的概念之一。

所谓“陌生化”是相对于习惯、经验和无意识而言的，它产生于变形和扭曲，产生于差异和独特。其基本意义在于：诗歌或文学作品中的一切表现形式，都不是对现实的严格模仿、正确反映或再现，相反，它是一种有意识的偏离、背反或变形、异化。陌生化是艺术的一般手法。俄国形式主义者认为，文学的功能就是使人们已经习惯化、自动化了的感觉回复到新奇状态。文学语言不仅制造陌生感，而且它本身也是陌生的。在文学作品中，“陌生化”所欲使之“陌生”的，首先是艺术表现客体，说到表现客体，就离不开其赖以呈现的介质——语言。因此，“陌生化”所欲使之“陌生”的，除表现客体外，还有语言或语词，而语言的陌生化归根到底也是表现客体的陌生化。

什克洛夫斯基在其著作《散文理论》中对陌生化做了具体的解释。它与自动化相对立，具有以下三层含义：

其一，陌生化是俄国形式主义阐释艺术的总原则。俄国形式主义以陌生化为基础，对艺术的目的、艺术的程序、艺术的本质等一系列问题进行了新的阐释，突破了传统的艺术理论观，开启了现代诗学理论的先河。什克洛夫斯基认为，艺术的目的是为了恢复对生活的体验，感觉到事物的存在。艺术的手法是将事物“陌生化”，是要加大接受者与表现客体之间的距离——即变认识为不认识。

其二，在艺术审美接受中，陌生化是艺术审美接受的必要手段。陌生化的一个最突出的效果，是能够打破人们的接受定式，还人们以对艺术表现方式的新鲜感，让人们充分地感受和体验作品的每一个细节。俄国形式主义者认为，人们对日常事物的感觉已经处于习惯化、自动化的状态，为了唤起人们对事物的审美感觉，就必须打破人们的自动化感觉而代之以艺术的感受，为此提出了“陌生化”概念。

其三，在艺术史中，陌生化是艺术形式的断裂和不断更迭的动力和源泉。陌生化打破了现存的艺术形式，为新的艺术形式的产生开辟了道路。

什克罗夫斯基在阐述“陌生化”时，喜欢援引比喻为例。所谓比喻，就是从事物的“不相似中的相似性”出发来表现事物，这正是一切“比喻”的原理。艺术本身就是“比喻”性的，就是一个“大的比喻”。比喻的无所不在，恰恰也就是陌生化无所不在的一个证据。

2.2陌生化理论的实践

俄国形式主义者用陌生化理论对诗语进行了细致的研究，并把它运用于对叙事文体、文学史的分析，形成了形式主义独有的文艺学诗学体系。

2.2.1陌生化与诗语

陌生化在诗歌中表现得最为明显，文学作品中以诗歌的陌生化语言最多。诗语问题是俄国形式主义者早期最为关注的问题之一，诗语研究也是形式主义者对俄国乃至现代西方文论贡献最大的一个领域。

俄国形式主义认为，诗语是一种开放的系统，它欢迎异质要素的被纳入，以此作为自身的生命力的源泉。诗语是一种“组织化语言”，即诗语是按语词的形式化特征(语音)“组合而成”，在这一系统中，节奏是主导要素。因此，诗中可以没有别的特征，但却不能没有节奏。任何音响效果都是构成节奏的素材，而节奏一旦形成，就会使诗中其它一切附属要素产生相应的变化。俄国形式主义者从音位学，尤其是根据俄语特有的重音、语音界限和音位结构等提出了足以打破诗语的平淡、机械、惯常模式，引起有意注意，增强艺术感受的方法。比如提出了语音重复、交叠、韵脚、拟声、双关、顶真等等方式，同时特别强调了诗语的节奏性和音乐性对于陌生化的必要性。

陌生化理论还热衷于探索诗歌的文学性，提倡从语言学角度探讨诗歌语言的陌生化，研究诗歌语言的内部构造及构成方式。俄国形式主义者认为，诗歌的文学性主要体现在日常语言与诗歌语言的差异上。日常语言服从于交际功能，重在指称事物、传递信息；诗歌语言讲究音响、节奏、韵律、重复、比喻、夸张、对称等技巧，对传统的语词构成方式进行偏离和破坏，从而割裂传统诗歌给予我们的期待视野，使我们永远处于新颖奇特的感受当中。陌生化的目的就是要突破日常语言的樊篱，用文学的各种修辞技巧对其强化、凝聚、伸缩、错位，使语言受到“陌生化”。文学迫使我们对语言产生强烈的意识，而使对象更加具有可感性。这种由陌生化手法带来的艺术感受就是文学性。

2.2.**2**陌生化与小说诗学

作为艺术最一般特征的陌生化，既决定着文学的创造、也制约着文学体裁和风格的演变和发展过程；同时，更加重要的是，它还规定着小说或诗的“制作”方式本身，成为小说诗学研究不可回避的一个主要因素。

为加大作品的文学性，增强作品的可感性，俄国形式主义者也将陌生化理论运用到这一文体的分析中。什克洛夫斯基把陌生化理论运用到小说研究中，提出了两个影响广泛的概念：“本事”和“情节”。“情节”

一词在形式主义眼中，是一个具有特定内涵的诗学术语，它表示“事件在小说中被实际呈现和展开的时序”。与之相对的概念“本事”则表示小说中事件本身的时间顺序。“本事”的含义相当于“故事”，指小说中的事件本身，它可以采用转叙的手法复述。而“情节”则是叙事中事件被安排措置的时序，它表明故事在小说中被实际展开的“方式”。在小说诗学中，“本事”是小说中所处理的“原材料”本身，而“情节”则是作者对原材料的加工或操作。

俄国形式主义者认为，叙事作品的文学性不在于故事本身所传达的思想，而在情节、在对故事的各种材料的构造方式上，即如何将素材通过陌生化的方法使其变异，成为新颖的、引人入胜的叙事话语，即如何将“故事”或“本事”转化为“情节”。情节在对原始材料进行组合时，将故事创造性地扭曲并使之面目皆非，这自然会产生陌生化效果。在叙事作品中，情节可以通过对整个故事进行组合变形，也可以通过对故事的细节进行加工，还可以改变和强化叙述语言，甚至可以通过转换叙述视角等方式来显现陌生化效果。这种情节结构的加工使得叙述结构变新，从而唤起人们对艺术作品的审美感受。

2.2.3 陌生化与文学史观

任何文艺学流派所必然会面对的最后一个问题是文学史，俄国形式主义也不例外。形式主义的文学史观被认为是其理论的三大实际贡献之一。俄国形式主义文学史家认为传统文学史多数都沦为了社会发展史的附庸，对揭示文学本身的发展规律几乎毫无益处。俄国形式主义是文学史上第一个本体论文学史观体系。陌生化理论应用于文学史观，就使得形式主义的文学史观有其自身特点。

形式主义的文学史观可分为前后两期，前期的理论主要侧重于一种共时的研究，后期的理论则侧重于历时的研究，即从独立地、静止地研究语言形式转向对语言形式的动态的、开放的历史研究。前、后期理论之间具有一定的连续性，即从语言形式的角度来探讨文学发展演变的规律。按照俄国形式主义文学史家的观点，文学史研究应以语词和语词的用法即文体和风格为对象，而不宜把社会历史发展脉络，作为文学是断代的依据，因为文学的发展，有其自身的规律和特点。

俄国形式主义以语言形式作为逻辑起点来研究文学的发展变化，这是他们的文学史观与其它文学史观的本质区别。为了摆脱文学史的附庸地位，重新确立其失落的独立风格，俄国形式主义将文学史研究的逻辑起点确定为文本形式，特别是文本的语言形式，企图让文学史作本体论回归。俄国形式主义认为，文学发展就在于形式上的创新，是形式内部因素决定了文学类型、文学体裁的发展变化，而社会生活、政治等外部因素对其影响微乎其微。在确定了文学史研究的逻辑起点是文本形式之后，俄国形式主义还认为，文学演变的历史过程，说到底是不断地将无意识化的形式进行陌生化处理 （如超越、变形、重新发现等）并使之产生可感性的过程，即是新旧形式频繁更替的过程。具体地说，当一种文学形式反复使用被人们熟悉之后，它就因不能再引起人们的注意而丧失审美特点，这时候新的形式就起来代替自动化了的旧形式，从而推动了文学的演化。

3．结语

俄国形式主义是一个前后延续了大约十五年的、有组织的批评运动。它的突出贡献在于开启了作品中心研究的先河，建立了科学的语言诗学观及规范的批评模式，并从根本上实现了文学观念的转变。俄国形式主义者确立了一种崭新的理论批评，他们对陌生化手法的探索,在很大程度上标志着20世纪文艺和美学思想革命性的转折。俄国形式主义者冲破传统文学史的樊篱，以语言形式的发展轨迹为逻辑起点确立了形式主义的文学史观。特别是“陌生化”概念，“陌生化”是俄国形式主义诗学体系中一个引人注目的美学概念。在文学研究中，陌生化理论第一次以文本为中心，第一次确立了文学语言的本体地位，将文学文本看成是语言的产物。形式主义将陌生化不但作为文学的特征之一，而且作为文学的本质特征，并建立了一种作品本体论文艺学体系，对20世纪西方文论具有重要的意义。这一理论为以后的西方文论提供了新思路，以陌生化理论为核心的俄国形式主义成了西方诸多文艺理论的源头。结构主义、解构主义、符号现象学、接受美学和接受理论等，都从这里找到了理论根据。陌生化是文学艺术的本质特征，艺术存在的目的，就是要让表现客体“陌生，作为一条有着坚固而广泛心理学基础的普遍的艺术原则，陌生化形成了自己独特的审美特征，具备了深刻的审美价值。俄国形式主义者用这一理论对诗语进行了研究，并把它运用于对叙事文体、文学史的分析，形成了这一流派独有的文论体系。

当然，俄国形式主义由于过分重视形式，忽视内容，认为文学的本质在于形式，而形式的关键在于语言，文学性就体现在单纯的语言的陌生化效果之中，因而其“形式主义”倾向也是非常严重的。

参考文献

1．张冰著. 陌生化诗学[M]. 北京：北京师范大学出版社，2000年.

2. 高玉萍. 俄国形式主义诗学及其陌生化理论[J]. 重庆交通学院学报，2006年.

3. 刘万勇. 论俄国形式主义诗学的“文学性”与“陌生化”[J]. 山西大学学报，1997年. 马生龙. 俄国形式主义“文学性”概念之反思[J]. 晋阳学刊，2005年.

4. 李阿雪. 浅论俄国形式主义及陌生化理论[J]. 青年文学家，2012年.

УДК 81.00
ББК 81.00

Лю Дибинь

О БАРЬЕРНОМ ЭФФЕКТЕ ПЕРВОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Данная статья посвящена анализу барьерных явлений первого значения при усвоении других значений, структур и т. д. с позиции межъязыкового и внутриязыкового переноса. На этой основе автором указаны и причины такого явлени. а также и некоторые способы преодоления подобных барьеров.

***Ключевые слова**: барьеры; межъязычный; внутриязычный*

Liu Jibin

ON FOREIGN LANGUAGE TEACHING AND THE FIRST WORD MEANING BARRIER

The paper is focused on a study of the first word meaning barrier that hinders vocabulary acquisition by foreign language students. Interlingual interference as well as interlingual transfer have been considered to this end. I suggest some ways of overcoming the first word meaning barrier by foreign language learners.

***Key words:** first word meaning barrier; obstacle; interlingual interference; intralingual transfer; vocabulary*

谈外语教学中的先义障碍问题

Китай 长春大学光华学院 刘继斌

摘要：本文把外语学习过程中学生已有知识影响、阻碍新知识学习的现象称为先义障碍。论文从语间干扰、语内转移及教学过程的分析出发阐释了中国学生学习俄语时在词汇、结构、表达习惯等方面的种种先义障碍现象。在此基础上，论文指出了先义障碍的原因，提出了几点教学对策。

关键词：先义 障碍 语间 语内 词汇 结构

1、外语教学中的先义障碍现象

所谓先义障碍是指学生在外语学习过程中出现的已有知识对进一步学习，如言语理解与表达产生障碍的现象，比如学生已知жить的意义是“生活”，一般指人，受此已有知识的影响，就不会、不敢说 «Молоток и до сих пор живет у меня» 之类的句子，因为无论汉语表达习惯还是俄语已有知识（Мы живем в городе. Люди живут хорошо）都不允许有这种 жить 与非动物名词搭配现象的存在，故形成言语表达障碍。心理语言学认为，«影响学习的最重要的唯一因素是学习者已知的东西»（王宗炎 1985：6）学生的已有知识主要有两大方面：母语知识与学过的目的语知识。实践证明，这两种知识都会对学生的外语学习构成障碍，致使学生或是用错，或是不会用，或是用同义、近义形式替代，造成言语的不地道现象。本文拟从先义障碍着眼，从语间原因（母语干扰）与语内原因（语内转移）两个方面对学生的已有知识的先义障碍现象作点分析，并探讨先义障碍的原因与教学对策.

2、外语教学中先义障碍现象的类别

先义障碍从大处看，有语间先义障碍与语内先义障碍两种，每种又可分为词汇与结构两个方面，现分述如下。

2、**1** 语间先义障碍与类别

语间干扰指母语与目的语不同的地方对外语学习造成的负面影响，语间先义障碍指某些已知的汉语知识，如词的某一意义及用法影响、障碍对其他意义的理解与使用。

2、1、1 不知词的多义及用法致障

汉语的“桌子”和俄语的 **стол** 意义大体是对应的，但汉语的“桌子”无“宴会”之义，而俄语却有 — праздничный стол, 学生受母语影响多用近义的 ужин, банкет代替，形成障碍。类似的例子如：

© Лю Дибинь, 2012

（1） В этом человеке ***живет*** уверенность. — 中国学生多用есть代替живет，造成障碍。

（2） , мы наварили ***молодой*** картошки, поставили самовар.— 中国学生对划线词的已知意义是“年轻的”，而汉语不说“年轻的土豆”，故常用маленькой 和свежей替代。

（3）У меня денег на эту ***нехитрую*** пищу хватает. — 中国学生对划线词的已知意义是“不狡滑的”，但汉语不说“不狡猾的饭菜”，故常用 недорогую, простую 替代。

（4）Юноша ***полез*** в карман и достал пятьдесят рублей. — 中国学生对划线词的已知意义是“开始爬”，汉语不说“小伙子爬到衣兜里”，故常用потянул руку, взял之类的词语替代。

2、1、2 不知同义词及用法致障

汉语的“许多人”由两个词组成，因此中国学生也多习用俄语的两个词表达，为много народу，但俄语有同义词，可以说“На этой улице всегда многолюдно.”，中国学生多因不知同义词语，沿袭母语习惯导致先义障碍。类似例子再如：

（1）К вечеру была ***готова*** новая соната. Так написана «Лунная соната». — 汉语习惯说«譜写好了»，«譜好了»，故多用Написана 代替 готова

（2）Кое-что, правда, еще ***сыровато***, мало было времени, но зрелище великолепно.— 俄语的不充分意义可用后缀表示，汉语是用词汇手段，故中国学生多习用 Немножко сыро 表达，障碍了句中的划线词形式。

（3）Юмошев прильнул к окулярам микроскопа. Ждет ***шестой час*** операции. — 划线词组汉语中不用对应的顺序数词表示，故中国学生多用Больше пяти часов替代。

（4）В этом сосуде находится соль. — 汉语不说“盐位于这个容器里”，故中国学生多用есть替代划线词。

2、1、3 不知同义结构及用法导致障碍

俄语常有一个意义用几种同义结构表示的现象，不同的结构会有语体差别。色彩差别，中国学生常只习用与汉语结构类似的形式，导致表达单调，有时不确切、不地道。例如：

（1）这衣服你穿很合适。— 俄语常见的表达方式有两种：а) Этот костюм тебе очень подходит . б) Костюм хорошо сидит на вас. 中国学生多习用第一种形式，因为它与汉语表达结构相近，第二种就不会或不习用了.

（2）安德列已卧病多日。— 俄语可表达为：а) Андрей несколько дней лежал больной. б) Андрей заболел и несколько дней лежал в постели. 中国学生多习用与汉语类似的第二种表达方式，障碍了更为地道、简洁的第一种形式。

（3）他坚持领导干部要关心工人的利益和疾苦。— 俄语可表达为：а) Он стоит за то, чтобы руководитель заботился о интересах и нуждах рабочих. б) Он стоит за то, чтобы руководитель жил интересами и нуждами рабочих. 汉语不习用 Жить чьими интересами 的结构，故多用上面的 а），而不是б)

（4）八千多大学生。俄语可表达为：а) больше восьми тысяч студентов, б) больше чем восьми студентов. 第一种结构与汉语类同，多数中国学生习用，导致第二种形式缺无

2、1、4 不知汉俄语的搭配差异导致障碍

汉俄语中词与词的搭配，即组合联系有差别，这种差别与汉俄语言意识、表达习惯有关。中国学生因受母语影响，多以与汉语类同的结构表达，障碍了俄语某些特有的搭配结构。例如：

（1）她没出一个错。 — 俄语表达为：Она не ***сделала*** ни одной ошибки.汉语不说“作了一个错”，导致对上面形式不会或不敢说，形成障碍。

（2）这种玻璃辉映着彩虹般的颜色。— 俄语可表达为：Такое стекло ***играло*** радугой. 汉语不说“玩彩虹”，故导致上面的形式缺无。

（3）阿列克塞一直有种感觉 — 俄语可表达为：Но ***жило*** в Алексее все время ощущение возможности позвонить и встретиться.汉语“居住”不和“感觉”搭配，故导致障碍.

(4)办公室里一片令人压抑的寂静。 — 俄语常表达为В кабинете повисла гнетущая тишина.：汉语不说“挂着寂静”，导致障碍。

2、2 语内先义障碍及类别

语内干扰（语内转移），指已知的目的语知识对外语学习形成的负面影响。比如，已知搭配 урок русского языка, учитель русского языка，又类推 экзамен русского языка，导致错误。语内先义障碍也主要表现在同义词、多义词、习惯搭配等方面。现分述如下：

2、2、1 已知词障碍其他同义词。例如：

（1）已知полюбить障碍同义词влюбленный, 如“爱上自己的工作”，俄语也可以说: Но он был влюблен в свой предмет со всей страстью первой любви.

（2）已知“建房子”为 построить дом, 阻碍同义词组 поставить дом 等，如俄语也说：Иди в путь и всюду, где тебе нравится, поставь по одному дому, в котором ты сможешь укрыться.

（3）已知“传开”为 распространиться，阻碍同义词 ходить 等. 比如俄语可以说：Когда-то об этом хозяйстве в Каменско-Бугском районе *ходила* худая слава.

（4）已知 исчезнуть 障碍 уходить.比如“消失在地平线上”，俄语可以说：Очередь большая: на улице начинается, потом по лестнице вверх и *уходит*, как говоротся, за горизонт.

对上例中国学生多用已知的与汉语对应的词替代句中划线词，形成障碍。

2、2、2 已知某些多义词的一个意义或一个用法，障碍其他意义的使用。例如：

（1）只知 география 为“地理”、“地理学”，不知它还有“地方”、“地点”的意义，故形成障碍，不会说下面的句子： За пять последних лет значительно расширилась география отдыха работниц. В анкетах перечислены многие города и республики.

（2）只知 сделать 有“作”的意义，不知有”划”的意义，故不会说下面的句子：*Сделав* над ним *круг*, самолет полетел дальше.

（3）只知 думать о чем-либо，认为别的接格关系都是错误的，故不会说下面的句子：Может быть, каждый человек будет думать на своего товарища, на соседа по парте.

2、2、3 已知某结构，障碍其他同义结构的使用。例如：

（1）会用句子表示年龄，不会用во сколько лет, скольких лет 的结构。比如不会或极少说下面的句子：*В десять лет (или: десяти лет)* Пушкин читал Плутарха и Гомера.

（2）已知у кого есть что-либо或 иметь что-либо的结构，不会下面的书面语形式：Ей *присущи уникальные способности*, и в том числе невероятное упорство.

（3）已知常见的кому что-либо нужно 结构，障碍下面句子里的划线结构:Однажды Ленин работал в своем кремлевском кабинете. И *ему понадобился список* всех членов комиссии Наркомзема.

2、2、4 已知某习惯搭配，障碍其他搭配。例如：

（1）副词сейчас，теперь等词常与动词现在时搭配，这似乎已成规则，因而障碍其他动词形式，如： Скажи, с кем ты сейчас разговаривал? (сейчас也可和动词过去时搭配)。

（2）давно, уже 等词常和动词过去时形式搭配，这种想法障碍它们可能的与动词现在时形式的搭配。例如：а) Я работаю здесь уже сорок один год.. б) Мы с ним *давно знакомы*.

（3）已知 полны чего 为常见搭配，意思是“充满”，这阻碍了可能的其他搭配形式。如：Я видел, как у ней разгорелось лицо, и в глазах *играла радость*.

（4）已知副词скоро加动词完成体将来时形式可表示“很快就……”，如：Скоро наступит весна. Они скоро окончат университет.不知有些动词可以用未完成形式表示汉语“即将”的意义。如不会说：Старик умирает. Семестр кончается等。

3、先义障碍的原因与对策

原因主要有以下几点：

（1）语间干扰，即母语干扰。学习者习惯用与母语相同或类似的词语、结构形式表达，而对与母语有差异的形式不会或不敢使用，形成先义障碍。

（2）语内干扰，即对已学到的目的语知识，包括词义、句子结构、搭配规则等，形成习惯，视其为正确的、可靠的表达形式，而对其他的形式和用法不知道、不清楚，故不会或不敢用，形成障碍。

（3）教学原因。俄语里有许多与汉语有差异的表达形式，这些差异是中国学生学习的难点。这些差异如教师讲不到或学生没有意识到，就易出现语间先义障碍。俄语中存在大量的同义词、多义词和同义结构，若学生只知一点，就易对其他方面的意义及用法形成障碍。

（4）学习力度不够。学生如学习时间短，接触目的语材料少，知识面不够，或满足于知其一，以一概全，一叶障目，也易形成先义障碍。

教学对策则应对症下药：1、教师在教学过程中应对易造成语间先义障碍的现象进行适当的对比分析，讲清差异，避免障碍发生。也可进行一些重点操练，以求克服. 2、教师讲解词语意义及用法时应尽力避免片面性，克服学生以一概全的毛病。3、教师应引导学生阅读大量的目的语材料，以接触词语、结构更多的意义及用法，并作归纳总结，通过量的变化达到质的提高。

外语教学中的先义障碍现象是个较普遍的现象，它障碍了学生外语水平的提高，因此，为提高教学质量计，认真探讨并克服先义障碍现象无疑是必要的，也是有益的。

参考文献

1. Костомаров, В.Г. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам / В.Г. Костомаров, О.Д. Митрофанова. – М. : Рус. яз., 1988. – 155 с.

2. 王初明，应用心理语言学. –[M]. 湖南教育出版社，1991年.

3. 王宗炎，语言问题探索. –[M]. 上海外语教育出版社，1985年.

УДК 81.00
ББК 81.00

Ма Чжуанци, Чжан Ин

О СПОСОБАХ ДЛЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОМОНИМОВ И ПОЛИСЕМИИ

В настоящей статье на основе разработки разниц между омонимами и полисемией по их лексике, форме структуры, семантическому анализу, сочетанию и прохождению слова предпринята попытка обобщать простые и подходящие способы для разграничения омонимов и полисемии. Надеюсь, что данные способы содействуют изучению русского языка, а также оказывают помощь на преподавание русского языка.

Ключевые слова: *омонимы; полисемия; различение; способы разграничения*

Ma Zhuangqi, Zhang Ying

TOWARDS AN IDENTIFICATION METHOD OF RUSSIAN HOMONYMY AND POLYSEMY

Based on the study and analysis of the differences between homonymy and polysemy, this article summerizes several comprehensive identification methods of the two through the exploration of the vocabulary, morphology, semantic analysis, collocation, and etymology. We hope that the results hereto can contribute to effective learning and teaching of Russian.

Key words: *homophone; polysemy; differences; identification method*

俄语同音词与多义词鉴别方法的探析

Китай 东北师范大学人文学院　麻壮绮
Китай东北师范大学外语学院　张 英

摘要：本文在研究和分析同音词和多义词区别的基础上,通过对同音词和多义词在词汇、形态结构、语义分析、搭配、词源等层面的探究，总结、归纳出几种简单的鉴别同音词和多义词的方法，希望此研究有助于俄语学习和俄语教学。

关键词：同音词，多义词，区别，鉴别方法

同音词（**омонимы**）指的是两个或两个以上发音相同，意义截然不同的词。例如，**свет**$_1$（世界）– **свет**$_2$（黎明），**ключ**$_1$（钥匙）– **ключ2**（泉源）– **ключ**$_3$（谱号）等等。词的音义之间没有必然的联系，因此词既可能表示相互联系的几个意义，也可能表示截然不同的意义，形成了同音现象。

多义词（**многозначное слово** 或 **полисемия**） 指的是一个词具有两个或两个以上意义的词。例如，**стол** 有4个意义，**идти** 有40个意义等等。词的各个词义之间有这样或那样的联系，通常以词的基本意义为核心，既非派生意义，在此基础上通过各种转移方式产生派生意义。例如，在**стол**的4个意义中，它的基础意义，也就是非派生意义为“桌子”，其余的3个意义“进餐”“饭食”和“问事处”都属于派生意义。

通过上述的分析比较，可以看出，同音词是两个或两个以上不同的词，它们各有自己的直义和转义；而多义词是一个词，但有两个或两个以上的意义：直义和转义，转义是直义引申出来的，它们之间具有内在的联系。

同音词和多义词之间有着千丝万缕的联系，在学习俄语过程中学习者常常把两者混淆在一起。其原因主要有：

1、这两类词常常在语音结构、形态结构上相同，区分起来十分困难；

2、一些同音词是由于多义词词义衰退而形成的，两者之间的界限不十分清晰。

值得注意的是，同音词产生的途径有多种，例如，借用外来词，语音变化，词的词性变化等等，但多义词的词义分裂是其产生的重要途径之一。多义词的某个或某些词义经过分裂，完全失去了与该多义词在词义之间的联系，独立出来，与该多义词构成了同音现象。然而由于多义词的分裂需要一个长期的衍变过程，多义词和同音词的界线尚未十分明确，因此在对两者之间进行鉴别分析时常常使人感到困惑，并且在认识上产生分歧。

本文主要在俄语语言教学和实践运用的基础上,通过对同音词和多义词之间区别的研究和分析,总结并归纳出以下几种简单的鉴别同音词和多义词的方法，希望这些方法能给俄语学习者带来一定的帮助。

© Ма Чжуанци, Чжан Ин, 2012

1．词汇分析鉴别方法。此种方法主要是通过同音词和多义词之间所出现的同义性联系对两者进行词汇分析。如果把所鉴别的几个同音单位放在一组同义词列里，它们的词义之间仍然还保留着词义上的联系，那么它们属于多义词。例如，

коренной$_1$词义为“коренной житель”（本地人）时同义词为—исконный，основной；

而**коренной**$_2$词义为“коренной вопрос”（根本问题）时，其同义词为 — главный。

其中**коренной**$_1$的同义词основной与**коренной**$_2$的同义词главный仍可看作为一对同义词。可见**коренной**$_1$和**коренной**$_2$是一个词的两个词义，也就是说这是一个多义词。

如果把所鉴别的几个同音单位放在一组同义词列里，它们的词义之间不具有同义性，那么它们就属于同音词。例如，

худой$_1$词义为“не упитанный”（瘦瘦的）时可与形容词тощий, щуплый, сухопарый, сухой构成一组同义词列；

худой$_2$的词义为 «лишенный положительных качеств» （不好的），可进入由形容词плохой, скверный, дурной 组成的同义词列里。

可见，**худой**$_1$的同义词 тощий , щуплый, сухопарый, сухой与 **худой**$_2$ 的同义词 плохой, скверный, дурной 等之间不存在同义性，因此是两个意义完全不同、独立的词汇，它们是一对同音词。

2．形态结构鉴别方法。同音词和多义词具有不同的词汇结构特征。具有多义性的词汇单位可借助同样一些后缀派生出一些新的词汇。例如，

1) 名词 **хлеб**$_1$ 词义为 «хлебный злак» （粮食，谷物） 与**хлеб**$_2$ 词义为 «пищевой продукт, выпекаемый из муки»（面包）都可以借助后缀 -н- 派生出形容词 хлебный（谷物的，粮食的，面包的）。例如，хлебные всходы（谷物的幼芽）和 хлебный запах（面包的香味）, 可见，**хлеб**$_1$ 与**хлеб**$_2$ 是具有一词多义的多义词。

2) 前面我们举的例子中形容词 **худой**$_1$ 和 **худой**$_2$ 都具有另外 一 种词汇结构特征：

худой$_1$ 的派生词为“худоба, похудеть, худущий”；

худой$_2$ 的派生词则为“ухудшить, ухудшение”。

两组派生词的词义都具有各自完全的独立性，词义上无任何联系，因此**худой**$_1$和**худой**$_2$是一对同音词。

除此之外，同音词与多义词还有不同形态结构。例如，**худой**$_1$ 的比较级为худее，**худой**$_2$ 的比较级为 хуже。

3) 再如，名词 **мир1** 词义为 «земной шар, Земля, а также люди, население земного шара» (世界；世界上的人们，人类); **мир2** 词义为 «совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве, Вселенная» (宇宙); **мир3** 词义为 «согласные отношения» (和平；和睦); **мир4** 词 义为 «спокойствие» (宁静；安定，安宁)：

从词义派生角度分析，上述四个词：**мир1** ，**мир2**借助后缀 -в- 派生出的形容词是 мировой (世界的; 宇宙的) 。例如，мировой рекорд (世界的纪录) ，мировое пространство (宇宙的空间) ；**мир3**，**мир4**借助后缀 -н-派生出的形容词是 мирный （和平的，和睦的；宁静的，心平气和的）： мирное время (和平的时候), мирная жизнь (安宁的生活). 可见， **мир1**和 **мир2**是一词多义的多义词；**мир3**和**мир4**也是一词多义的多义词；而**мир1**， **мир2**和**мир3**，**мир4**这两组词在词源上和语义上都无任何联系，并分别借助不同的后缀，派生出意义不同的形容词，因此，可以认定这是一对同音异义的同音词。

3．语义分析鉴别方法。主要是分析被鉴别词的词义之间是否存在派生关系。如果被鉴别的词义之间没有派生关系，在词源上也彼此不相干，那么它就是同音词。例如，

клуб$_1$ «俱乐部» （借自英语）与**клуб**$_2$»烟团，气团» （俄语固有词）；

лейка$_1$»喷壶»（俄语固有词）与**лейка**$_2$ « 莱卡照像机» （借自英语）；

бой$_1$ «战斗»（俄语固有词）与**бой**$_2$ «仆役» （借自英语）。

如果被鉴别的词与词之间有派生关系，就要进一步从现代俄语的角度来分析这种关系的疏密程度。例如，

хлеб$_1$（粮食，谷物）和**хлеб**$_2$（面包）之间有派生关系，而从现代俄语角度上看，这种关系仍然很明显，两词之间仍保持着密切的内在联系，因此这是一个词的两个意义，既多义词；

而**лавка**$_1$（板凳）和**лавка**$_2$（店铺）之间虽然也有派生关系，但从现代俄语角度来分析这种关系已相当薄弱，它们之间原有的中介意义“摆商品的台子”已经消失，可见，它们不再是一词多义，而是同音词。由此可以看出，中介意义的消逝与否是确定同音词和多义词界限的一个重要标志。

4．词义搭配鉴别方法。除了上述几种鉴

别的方法外，还可运用词义搭配方法和句法搭配方法来区分同音词和多义词。

1）词义搭配方法：

例如，**вал**$_1$ «насыпь» （围墙）；**вал**$_2$ «волна» （大浪）； **вал**$_3$ «вращающийся цилиндр машины»（轴）；**вал**$_4$«цилиндр с зубцами в механическом музыкальном инструменте»（机械乐器中带齿的圆筒）的搭配情况如下：

вал$_1$ ----可与крепостной, городской, насыпать, укрепить等词搭配；

вал$_2$ ---- 可与высокий, девятый, бежит等词搭配；

вал$_3$ ----可与металлический, механический, вращающийся, вращать 等词搭配；

вал$_4$ ---- 可与механический, вращающийся, вращать 等词搭配；

从上述四组搭配的情况可以看出：在前三组中**вал**$_1$, **вал**$_2$, **вал**$_3$ 由于各自的词义不同，其各自的搭配对象也不同；第三组和第四组中 **вал**$_3$, **вал**$_4$ 的搭配对象有部分相同。显然，**вал**$_1$, **вал**$_2$, **вал**$_3$是同音词，而**вал**$_3$ 和**вал**$_4$ 属于多义词。

2）句法搭配方法：

动词 **мешать1** « Создавать препятствия в чем-н., служить помехой» (打搅;妨碍) ---要求后面接第三格的补语或接动词不定式形式 / кому–чему или с инфинитивом / 例如，Ребенок мешает мне работать (小孩打搅我工作)

动词 **мешать2** «Переворачивать, взбалтывать круговым движением с помощью чего-н.; соединять что-н. с чем-н.» (搅拌, 掺和；混同) – 要求后面接第四格的补语 /что / 例如，Мы мешаем чай ложкой (我们用勺子搅拌茶)

从这两个动词不同的词义和不同的句法搭配关系分析可以认定，这是两个同音词。

5．词源探究鉴别方法。从词源上探究同音词和多义词也是一个好方法。例如，

тик 1–<植>柚木；

тик 2––吉克布<斜纹>；

тик 3 – <医>抽搐；

тик 4 – <拟声>滴答的响声（如钟声）。

上述这些词虽然词形一样，但是它们之间在词义上毫无派生关系, 在词源上彼此不相干，因此它们不是一词多义的多义词，而是发音相同，意义不同的同音词。

结语

根据本文的研究和分析可以看出， 词的词源关系, 语义关系和派生关系是鉴别同音词和多义词的基本依据。本文只是对同音词和多义词进行了粗浅地探讨，总结、归纳出了几种简单的鉴别同音词和多义词的方法，希望能为俄语学习者提供一些启示和借鉴。

但是需要指出的是，同音词和多义词的鉴别是一个相当复杂问题，至今语言学家们对此问题的认识也各有不同，还未能制定出一个统一、标准的界线。因此，就出现了同一个词在一部词典里被看作是同音词，而在另一部词典里被看作是多义词的现象。我们认为，同音词和多义词的鉴别无论是对于研究词汇语义的发展规律，词典的编馔，还是对于俄语学习以及俄语教学都具有重要的理论意义和实践意义, 值得我们进一步更深入、更系统、更科学地研究和探讨。

参考文献

1. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. – М. : Рус. язык, 1982. – 750 с.

2. 刘泽荣，俄汉大辞典，商务印书社，北京，1961.

3. 王超尘，黄树南，信德麟等编，现代俄语通论，商务印书馆，北京，1982.

УДК 81.00
ББК 81.00

А.М. Максименкова

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ АЛФАВИТНЫХ СИСТЕМ

В статье рассматриваются основные этапы эволюции алфавитных систем, виды алфавитных систем, а также основные характеристики алфавитных систем. Кроме того, производится попытка провести анализ букв современных алфавитных систем с точки зрения наличия или отсутствия у них такой характеристики букв древних алфавитов как идиографичность.

Ключевые слова*: алфавит; алфавитная система; идиографичность; буква*

© Максименкова А.М., 2012

A.M. Maksimenkova

ON SOME ASPECTS OF ALPHABETIC SYSTEMS

The article describes the main stages of evolution of the alphabetic systems, the main types and the main characteristics of the alphabetic systems. Furthermore there is an attempt to analyze the modern alphabetic systems from the ideographic point of view.

Key words: *alphabet; the alphabetic system; ideography; the letter*

Алфавит – система письма, основанная на принципе однозначного соответствия между письменным символом и фонемой.

Письменность можно рассматривать как целостную семиотическую систему, в которой есть «план содержания», «план выражения», «синтагматика» и «парадигматика» [Степанов, 1993, с. 30]. План содержания письменности как семиотической системы – это единство единиц различного уровня языка (звуковых, слоговых, словесных, числовых и т. п.), обозначаемых в различных письменных системах соответствующими графическими символами, конкретная совокупность которых и есть «план выражения» определенной письменной системы. К плану выражения также относятся и специфические наименования графических символов конкретной системы. Кроме того, к плану содержания относят семантические ассоциации между самими знаками (буквами) и их именами, с одной стороны, и различными явлениями культуры – верованиями, обрядами, мифами – с другой. Синтагматикой письма является последовательность знаков в тексте, парадигматикой – соотношение графических знаков в системе, их расположение в системе относительно друг друга.

Рассмотрение письменности как семиотической системы, имеющей «план содержания» и «план выражения», дает основания для возможности типологической классификации письма [Гамкрелидзе, 1989, с. 9]. Если в основе классификации рассматривать «план содержания» письменности, то можно выделить два основных типа письменности: семасиографию (или идеографию) и фонографию. Для семасиографических систем письменности характерно обозначение конкретного понятия, а не звуковой стороны языка. Значит, в письменных системах данного типа «план содержания» языка, который выражается словами и словосочетаниями, отображается непосредственно в письменных знаках, которые помимо того, что являются письменными знаками, обозначают какие-либо универсальные понятийные категории. Если говорить о «плане выражения» данного типа письменных систем, то необходимо отметить, что письменные знаки этих систем графически могут быть похожими на те объекты реального мира, которые они обозначают. Такие системы так же характеризуются, как «пиктографические». Если же связь между «означающим» знаком идеографической системы и соответствующей понятийной категорией условна, то такой тип системы является «конвенциональным» или «условным» [Там же. С. 10].

К фонографическим типам письменности относятся такие типы, в которых «означающие» знаков соотносятся со звуковой стороной определенного языка, а не с универсальными понятийными категориями. «Означаемыми» в таких типах письменности являются не понятия, а слова, или языковые единицы более низкого уровня – отдельные слоги или звуки [Там же. С. 11]. В фонографических системах письменность соотносится с речью. В таких системах «планом содержания» является звуковая форма языка, т. е. слово, слог или отдельный звук рассматриваются в качестве «означаемых» графических знаков письменной системы.

Фонографическая система, в которой письменные знаки выражают отдельные звуки, называется «алфавитной системой» или «алфавитом» [Там же].

Алфавитная система делится на фонологическую и фонетическую. Фонологическая алфавитная система – такая система, в которой графически фиксируются лишь фонемные единицы языка. При этом звуковые варианты фонем не рассматриваются. В фонетической системе письма выражаются отдельные звуки языка, независимо от их фонемного статуса в языковой системе [Там же]. Исторически созданные алфавитные системы относятся к фонетическим.

Система алфавитов (от протосемитского до древнегреческого и далее) имеет в своей основе одну систему-прототип. В разных алфавитах этой системы знаки, по происхождению соответствующие друг другу, располагаются в одном и том же, в основном неизменном, линейном порядке (например, в русском языке *а*, *б* и т. д., в греческом *альфа*, *бета*, в семитском *алеф*, *бет*, и т. д.). Этот порядок, определяющий внутреннюю системность алфавита, составляет, прежде всего, его парадигматику [Степанов, 1993, с. 30].

Алфавит является одновременно кодом и текстом, излагающим этот код. В первом качестве (как код), алфавит принадлежит парадигматике, во втором (как текст) представляет собой некоторую синтагматику. Разъяснить имена букв можно, только если их рассматривать одновременно на этих двух осях – синтагматике и парадигматике алфавита [Там же. С. 40].

Каждая отдельная буква алфавита является «некоторым пучком признаков» (звуковое значение, числовое значение, начертание) [Там же]. Одновременно с этим, каждая буква является элементом в системе алфавита, т. е. в системе координат парадигматики и синтагматики, – т. е. некоторым местом в алфавите. Исторически отдельные буквы могут предшествовать появлению конкретного алфавита, следовательно, быть заимствованными в него из других систем письменности или иных знаковых систем. Попадая в данный алфавит, такие буквы моделируются в нем соответственно своему месту, их признаки по-новому устанавливаются в координатах данного алфавита. Можно сказать, что алфавит – это матрица, которая адаптирует собственные признаки букв, – в частности имена букв – в новую систему [Там же. С. 41].

Основные семиотические принципы данной реконструкции были сформулированы Б.Л. Ульманом, который исследовал вопрос происхождения латинской алфавитной системы. Принципы Б.Л. Ульманома устанавливают, что:

1. Если алфавит заимствуется одним народом у другого, то он заимствуется как некое целое, с неизменным порядком букв и их именами, даже если эти буквы редко используются или вовсе не используются в заимствующем языке.

2. Записи (надписи) на заимствующем языке не могут служить основой для реконструкции алфавита как целого.

3. В заимствованном таким образом алфавите сохраняются имена букв, даже если тот звук, который кодирован именем буквы (точнее, первым слогом имени), не существует в заимствующем языке; буквы, приобретшие одинаковое звучание, «совпавшие» в звучании, продолжают различаться их именами (например, русские *е* и *ять* в дореволюционном русском алфавите).

4. Если в алфавит добавляются новые буквы, то они ставятся в конце алфавита, чтобы не разрушать «матрицу» [Там же. С. 45].

Появлению алфавитной системы предшествовало несколько этапов в развитии способов письменной фиксации речи. Среди письменных систем, которые существовали до алфавитной системы, традиционно выделялись пиктографические и идеографические письменные системы. Пиктографическая письменность – это письменность, знаки которой изображают и обозначают конкретные объекты. Идеографическая письменность – это вид письменности, в котором знаки передают некие смыслы через изображения ассоциированных с этими смыслами конкретных объектов. Идеографическая письменность также называлась иероглифической – по названию египетской письменности, впервые употребленному древнегреческим ученым Климентом Александрийским. Значит, в основе всех алфавитных систем, существующих на сегодняшний день, лежит идеографическая письменность – вид письменности, знаки которой передают смысл. За каждым знаком этого вида письменности закреплено определенное значение. Сохранилось ли это свойство в алфавитных системах? Имеют ли буквы современных алфавитных систем какую-либо смысловую нагрузку? И если имеют, то в какой степени?

Элементы фонетической записи, которые предшествовали появлению алфавита, впервые появляются в письменностях Междуречья (аккадская силлабическая клинопись) и Египта. В египетской иероглифике уже во времена Среднего царства (XXI – XVIII вв. до н. э.) была распространена система одно-, двух- и трехсогласных фонограмм. Египетское фонетическое письмо того периода явля-

лось сочетанием иероглифических и фонетических знаков с преобладанием последних.

Свидетельства первых случаев употребления алфавитных линейных (неклинописных) систем были обнаружены в протоханаанейских и протосинайских надписях (XIX в. до н. э.). Буквы протоханаанейского алфавита сохраняли пиктографическое начертание, однако использовались они только фонетически. Связь пиктографии и фонетики в этом алфавите была акрофонической, т. е. для записи некоего звука использовалось упрощенное изображение предмета, название которого начиналось с этой буквы. Происхождение букв-пиктограмм остается пока неясным. Возможно, произошло заимствование египетских односогласных фонограмм со сменой их фонетического значения для адаптации протоханаанейской акрофонии. По одной из версий происхождения алфавитной системы, дальнейшее упрощение протоханаанейского письма привело к появлению финикийского алфавита. Финикийский алфавит являлся консонантным, он состоял только из согласных букв. Финикийский алфавит стал основой для создания большинства алфавитных систем, известных на сегодняшний день: малоазийских алфавитов (на сегодняшний день эта ветвь считается исчезнувшей), древнеливийской письменности, арамейской письменности, от которой произошли такие алфавиты, как самаритянское письмо, еврейский алфавит, арабская письменность, сирийская письменность, уйгурское письмо, армянский алфавит и грузинский алфавит. Кроме того, финикийский алфавит стал основой для греческого алфавита, от которого впоследствии произошли латинский алфавит (через этрусский алфавит) и кириллица.

Необходимо отметить, что буквы, составлявшие первые алфавитные системы, несли в себе определенную семантику и имели «имена», «названия». Например, за каждой из 22 букв, которые включал в себя финикийский алфавит, было закреплено значение и название: первоначальным значением первой буквы финикийского алфавита было значение «бык». Первоначальное название «’aleph», в качестве фонетического значения она являлась «гортанной смычкой». Значение второй буквы финикийского алфавита – «дом», первоначальное название «beth», фонетическое значение – «b» и т. д. Одновременно с этим необходимо отметить, что в греческом алфавите, основой для которого является финикийский алфавит, упоминания о наличии семантики у букв отсутствует. Греки, взяв за основу своего алфавита финикийский, заимствовали с некоторыми изменениями имена и фонетическое звучание букв и добавили в его состав гласные. Например, первая буква финикийского алфавита «’aleph» в греческом алфавите имеет название «альфа», вторая буква «beth» в греческом алфавите называется «бета».

Третья буква финикийского алфавита имеет название «gimel» в греческом алфавите называется «гамма», но при этом значение в греческом алфавите у этой буквы отсутствует, в то время как в финикийском алфавите она имела значение «верблюд».

При рассмотрении вопроса о наличии имен у букв интерес также представляют кельтская и германская алфавитные традиции. При рассмотрении кельтской алфавитной системы можно увидеть, что древнеирландский огамический алфавит, истоки которого восходят предположительно к первым векам нашей эры, имеет много общего с алфавитом друидов Галлии [Степанов, 1993, с. 46]. Это была какая-то тайная система знаков, возможно даже не письменных, а тактильных. Позднее древнеирландский алфавит – уже иная система, огамическое письмо, и, наконец, алфавит латинского типа. При этом можно достаточно отчетливо увидеть наличие имен у букв: буква называется *fid* – буквально «дерево», а имя каждой отдельной буквы – это имя какого-либо дерева. Так, первые три согласные *B, L, N* называются соответственно *Береза – Рябина – Ясень, Beith – Luis – Nin,* и это словосочетание используется как название всего ирландского алфавита (огамического). Приведенное название встречается в древних трактатах чаще всего. Были и другие названия, в соответствии с другими согласными. В то же время, здесь необходимо подчеркнуть следующее обстоятельство: имя буквы соответствует названию какого-либо дерева, однако большинство таких названий деревьев в качестве обычных лексем не встречается в текстах и известно лишь из глоссариев. Кроме того, даже как названия деревьев эти слова или настолько архаичны, или настолько ис-

кажены, что – несмотря на явные ассоциации с деревьями – фактически выступают в качестве особых лексем – именно названий букв. Итак, можно предположить, что наличие у букв имен не всегда означало наличие у буквы семантической нагрузки. Такую же особенность можно проследить в готском алфавите, и, в несколько меньшей степени, в славянских алфавитах. По-видимому, это является устойчивой типологической чертой древних европейских алфавитов.

Германская алфавитная традиция по связи между готскими и славянскими алфавитами также представляет интерес при рассмотрении вопроса о наличии собственных имен у букв. В германской традиции сосуществуют, тесно взаимодействуют, а иногда и переплетаются две линии – руническая и алфавитная (последнюю можно также, хотя и несколько условно, назвать общеевропейской алфавитной).

Руны – наиболее старая из этих двух линий. Древнейшая из известных в настоящее время рунических надписей датируется приблизительно периодом между 350–475 гг. Возникновение рун относят приблизительно к периоду между 50 г. до н. э. и 150 г. н. э.

Выделяют старшие (общегерманские), руны (использовались до IX в.), 24-членный рунический ряд, англосаксонские руны (употреблялись в Англии в VII – X в.), 33-членный рунический ряд и младшие руны, рунический ряд которых был 16-членным (эти руны также называют скандинавскими). Некоторые ученые [Степанов, 1993] считают, что руны нужно рассматривать как оригинальное германское письмо, которое возникло под влиянием латинского письма, но одновременно с этим в оппозиции с ним. Но существует мнение (Э.Х. Антонсен), что руны могли возникнуть не от латинского письма, а от греческого, а если точнее, от группы архаических греческих алфавитов. Антонсен строит свое предположение на основании фонетических значений рун.

Руны являются самобытным алфавитом, это система своеобразных знаков со столь же своеобразным порядком следования (так называемый по первым 6 рунам порядок футарк или «futhark») и со своеобразными «собственными» именами каждого знака. При этом и начертание знака, и его имя сохраняют тесную связь с языческими культовыми представлениями. В отличие от «обычных» европейских алфавитов, каждая руна может передавать одновременно звуковое значение и смысловое значение. Эти две функции могли использоваться либо по отдельности, либо вместе.

Руны – это общегерманское «наддиалектное» явление – прежде всего, «древнейший футарк». Далее руны развивались по нескольким направлениям: древнейшее готское, скандинавское (или северное), фризское, англосаксонское. В англосаксонском направлении руны как эпиграфическое письмо достаточно тесно смыкаются с рукописным письмом на пергаменте и испытывают сильное влияние латинского и греческого алфавитов.

Классический рунический алфавит, или «старший футарк», получил свое название по произношению первых 6 рун, что подчеркивает фонологическую природу рунического алфавита. Старший футарк содержит в себе 24 знака. На некоторых изображениях футарка этот ряд представлен в виде трех частей, каждая из которых содержит 8 знаков – 6 знаков для согласных звуков и 2 знака для гласных.

Как уже было сказано выше, с рунами тесно связан готский алфавит. Готский алфавит был создан в IV в. Сам алфавит, как целое, с именами букв, описывается в трактате «Orthographia brevis» («Краткое правописание») в Зальцбургско-Венской рукописи Алкуина. Данная рукопись включает в себя три готских алфавита, греческий силлабарий и греческий алфавит с именами букв. В двух первых готских алфавитах буквы расположены в порядке греческого алфавита с соответствующими числовыми значениями (из них первый алфавит является неполным и дает более старое написание букв). В третьем готском алфавите готские буквы расположены в порядке латинского алфавита, в то же время имея некоторые черты порядка футарка. Именно в этом алфавите содержатся имена готских букв. Названия готских букв являются именами германских рун, которые по звуковому значению соотнесены с готскими буквами и стали для них названиями. В самом готском языке эти слова являются особыми словами, собственными именами рун и букв. И эти слова лишь частично ассоциируются с реальными, полнозначными словами готского языка. В готском алфавите имя буквы предшествует каким-ли-

бо ассоциациям со словами готского языка, а не является производным от них.

Если говорить о синтагматических и парадигматических отношениях в готском алфавите, то необходимо отметить следующее: парадигматикой данного алфавита является семантический фон, который образуется вследствие того, что имена рун, до того как они стали названиями готских букв, уже имели определенные семантические коннотации. Синтагматические отношения реализуются через значимые синтагмы-словосочетания. Так как алфавит, являясь кодом, выступает как некоторый текст, то имена букв, предшествующие тексту, образуют значимые синтагмы-словосочетания. В качестве примера можно рассмотреть синтагму, которую составляют имена трех первых букв:

Aza bercna geuua – Аза – «березовая ветвь», *береза* – «дар»;

*Aza *bairkan *giba* – «Аза березовую ветвь (березу) даровал» [Степанов, 1993, с. 61].

Имя первой буквы готского алфавита *aza* и соответствующей руны во всех германских рунических алфавитах несет смысл «бог». Современные исследования показали, что германские слова этой группы родственны древнеиндийскому слову *asuras* – «бог». Вторая буква называет материал письма, в данном случае березу (береста, кора березы), третья выражает предикат – передачи или дарования людям.

Что касается черт, сближающих готский алфавит с рунами, то они, главным образом, следующие:

1. Все знаки готского алфавита имеют «собственные имена», в значительной степени совпадающие с именами рун; здесь необходимо подчеркнуть одно очень важное обстоятельство: в германской традиции имена знаков (от рун к готскому алфавиту) устойчивее, чем сами знаки (их письменная форма и звуковое значение).

2. Порядок готского алфавита – хотя в основном это последовательность латинского алфавита, или так называемый «ABC – порядок» в некоторых частях отступает от латинского и является руническим, т. е. «порядком futhark'a».

Кроме того, интересен тот факт, что имя буквы готского алфавита предшествует каким-либо ассоциациям со словами готского языка, а не является производным от них [Степанов, 1993, с. 56].

Возвращаясь к вопросу о наличии у букв современных алфавитов идеографичности, необходимо отметить, что, как было указано выше, у букв раннегреческого алфавита, который был создан на основе финикийского, уже наблюдается отсутствие семантики. При попытке перевода названий букв раннегреческого алфавита на современный греческий было выявлено, что в современном греческом языке отсутствуют слова со значениями, которые несли в себе буквы финикийского алфавита. Исходя из этого, можно предположить, что буквы современного греческого алфавита не несут в себе семантической нагрузки, т. е. не обладают идеографичностью.

Итак, буквы древних алфавитов, кроме фонетического звучания, имели собственные имена и, кроме того, обозначали понятия, что может свидетельствовать о наличии у букв определенной степени идеографичности. При этом необходимо отметить, что последующие алфавиты, образованные от первых, сохраняя имена и фонетическое звучание, утрачивают функцию обозначения предметов, следовательно, идеографичность.

Библиографический список

1. *Гамкрелидзе, Т.В.* Алфавитное письмо и древнегрузинская письменность (Типология и происхождение алфавитных систем письма) [Текст] / Т.В. Гамкрелидзе. – Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1989. – 349 с.

2. *Гамкрелидзе, Т.В.* Лингвистическая типология и праязыковая реконструкция (Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции) [Текст] / Т.В. Гамкрелидзе. – М. : Просвещение, 1988. – С. 145–157.

3. *Гамкрелидзе, Т.В.* Системы раннехристианских письменностей [Текст] / Т.В. Гамкрелидзе // Вопросы языкознания. – 1987. – № 6. – С. 76–85.

4. *Гельб, И.Э.* Опыт изучения письма (основы грамматологии) [Текст] / И.Э. Гельб. – М. : Радуга, 1982. – 366 с.

5. *Гельб, И.Э.* Изучение систем письменности у древних славян [Текст] / И.Э. Гельб. – М. : Радуга, 1993. – 315 с.

6. *Зиндер, Л.Р.* Очерк общей теории письма [Текст] / Л.Р. Зиндер. – М. : Наука, 1987. – 380 с.

7. *Степанов, Ю.С.* Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия [Текст] / Ю.С. Степанов, С.Г. Проскурин. – М. : Наука, 1993. – 147 с.

8. *Фридрих, И.* История письма [Текст] / И. Фридрих. – М. : Наука, 1979. – 463 с.

УДК 37.014.15
ББК 74.261.7

Н.И. Сосновская

МЕСТО ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Глубокое понимание китайского языка неотделимо от понимания соответствующих каждому иероглифическому знаку аналоговых образов и ассоциативных комплексов, детерминирующих полисемантичность иероглифа и его концепосферу. Включение социокультурного анализа китайской иероглифики на основе грамматологического подхода позволит обучающимся приобрести знания о китайской иероглифической концептосфере, национально-культурной специфике, культурных реалиях как в историческом, так и в современном аспекте.

Ключевые слова: *идеографическое письмо; концепт; социокультурная компетенция; межкультурная коммуникативная компетенция; концептуальная картина мира; структурно-семантический анализ; семиотический подход; грамматология; символограмма, пиктограмма; логорамма; языковая картина мира; концептосфера*

N.I. Sosnovskaya

HIEROGLYPHIC CONCEPTUAL PICTURE OF THE WORLD AND THE FORMATION OF SOCIOCULTURAL COMPETENCE

To master interpretation of the Chinese language one needs to develop understanding of analogous images and associative complexes corresponding to each hieroglyphic sign, which determine the polysemanticism and the concept sphere of a hieroglyph. The implication of sociocultural analysis of Chinese hieroglyphics on the basis of the grammatological approach will allow language learners to acquire knowledge about the Chinese hieroglyphic concept sphere, cultural identity, cultural realia both in historical and contemporary contexts.

Key words: *ideographic letter; sociocultural competence; intercultural communicative competence; concept; conceptual picture of the world; structural-semantic analysis; semiotics approach; grammatology; symbolgram, pictogram; logogram; language picture of the world; concept sphere*

Современный этап развития мирового сообщества ознаменован серьезными социокультурными изменениями, большинство из них связано с расширением межгосударственных связей, ростом мобильности населения, расширением сферы занятости, увеличением миграционных потоков, развитием туризма, усилением процессов глобализации, интернационализации, межкультурного диалога. Мировое образование постепенно начинает развиваться в контексте диалога культур. В этом контексте обучение иностранным языкам приобретает особое государственное значение, иностранный язык является не только средством коммуникации, возможностью личностного культурного обогащения обучаемого, его профессиональной самореализацией, успешное межкультурное коммуникативное общение отдельных членов общества способствует социально- экономическому развитию и политической стабильности как отдельных государств, так и межгосударственных союзов.

Методическая наука преподавания иностранных языков в данных условиях также получила новый импульс к развитию, произошло обращение к межкультурной парадигме исследования процессов преподавания и изучения языков и культур, компетентностному и личностно-ориентированному подходам обучения, повлекшим за собой масштабное переосмысление понятийно-категориального аппарата методической науки, сущности современных приемов, способов и средств обучения языкам и функциональной нагрузки учителя.

Определение межкультурной коммуникативной компетенции как цели подготовки

© Сосновская Н.И., 2012

лингвистов приобретает в настоящее время аксиоматическое значение, обоснованное широким рядом исследователей (Е.Г. Тарева, Г.В. Елизарова, Н.Д. Гальскова, В.П. Фурманова, Н.И. Гез, И.Л. Плужник, С.Г. Тер-Минасова), данное явление также широко изучается зарубежными учеными (M. Byram, A.E. Fantini, Y. Kim, J. Koester, J. Stier, R.L. Wiseman). Данная компетенция была образована на основе иноязычной коммуникативной компетенции, предложенной Ван Эком, который в свою очередь выделял в ее составе следующие субкомпетенции: лингвистическую, социолингвистическую, компетенцию дискурса, стратегическую, социокультурную и социальную. В исследовании Г.В. Елизаровой обосновывается необходимость введения термина межкультурная компетенция, автор вычленяет межкультурный аспект в составе каждой субкомпетенции, входящей в ее состав, модифицируя таким образом часть содержания последних и добавляя к ним межкультурное измерение [Елизарова, 2005, с. 276]. На основе данных исследований последние годы появилась и интенсивно изучается межкультурная коммуникативная компетенция, представляющее интеграцию двух компетенций: иноязычной коммуникативной компетенции и межкультурной компетенции (Т.В. Ларина, В.А. Брылева, И.А. Пугачева, А.Н. Анненкова, Е.С. Дикова).

В современных исследованиях, посвященных формированию межкультурной коммуникативной компетенции, устоялась дефиниция данного понятия как способности и готовности профессионала осознавать, понимать и интерпретировать родную и иную картины мира в их взаимодействии и строить на этой основе иноязычное общение с представителями иного социума [Анненкова, 2010, с.122]. Данная способность приобретается студентами в процессе присвоения ими иной картины мира в ее тесном взаимодействии с родной картиной мира. В результате такого взаимодействия в сознании обучающихся образуется комплексное межкультурное знание (особая когнитивная структура), которое актуализируется в процессе межкультурного общения с целью достижения взаимопонимания. Именно данная компетенция присуща вторичной языковой личности (термин И.И. Халеевой), на формирование которой нацелен процесс обучения в языковом вузе. В современных исследованиях в структуре межкультурной коммуникативной компетенции как интеграционного образования иноязычной коммуникативной компетенции и межкультурной компетенции выделяются следующие компетенции:

- Лингвистическая – готовность и способность производить и интерпретировать значимые высказывания изучаемого языка с учетом знаний о способах выражения ценностных ориентаций в соотношении с родным языком;
- Социолингвистическая – осведомленность о выборе и использовании языковых средств с учетом уместности социального контекста общения на иностранном языке.
- Стратегическая – способность и готовность преодолевать языковые и психологические трудности с помощью вербальных и невербальных коммуникативных стратегий в процессе межкультурного общения.
- Социальная – способность и готовность взаимодействовать с носителями изучаемого языка, управлять социальными ситуациями для достижения коммуникативных целей.
- Дискурсивная – способность использовать и выбирать при межкультурном общении подходящие стратегии при конструировании и интерпретации текстов.
- Социокультурная – знание универсальных и культурно-специфических ценностей культуры изучаемого языка, форм и способов их воплощения в вербальную и невербальную картины мира.

Компоненты межкультурной коммуникативной компетенции находятся в отношениях взаимовлияния: дискурсивная компетенция, как компетенция построения речевых актов, неотделима от лингвистической, социальной и других компетенций, которые находятся с ней в отношениях взаимопроникновения. Межкультурная компетенция также является составляющей, воздействующей на все звенья коммуникативной компетенции. С течением времени некоторым языковым явлениям может придаваться дополнительное культурные коннотации. Так, в качестве примера, можно привести появление на автомобильном рынке России е-мобиля , в котором создатели бренды, видимо, хотели дать ответ всему мировому рынку, выбрав для этого букву русского

алфавита, не встречающуюся в других языках мира и имеющую достаточно яркое коннотативное значение. Однако на новостных сайтах Китая, посвященных открытию строительства завода е-мобиля, данный бренд был переведен переводчиком как «автомобиль модели Е» [圣彼得堡两家俄国新汽车工厂开工兴建, 2011. Режим доступа : http://chinese.ruvr.ru/2011/06/09/51511807.html], стоит ли сказать, что в данном случае социокультурные коннотации данного понятия были совершенно утеряны.

Умение вычленить культурные ценности посредством наблюдения за носителями других культур и взаимодействия с ними без обращения к ним с прямыми вопросами, поскольку в большинстве случаев они не способны дать адекватный ответ в силу бессознательного характера приверженности ценностям родной культуры также является частью содержания социокультурной компетенции обучаемого, посредством формирования которой можно бы было избежать подобной интерференции [Елизарова, 2005, с. 188].

Основываясь на анализе различных толкований понятия СКК, можно выделить следующие ее составляющие:

- знание системы универсальных культурных ценностей;
- знание системы ценностей родной культуры, форм и способов их проявления в общественных институтах, языковой картине мира, моделях поведения людей, вербальном и невербальном общении и т. п.;
- знание принципов взаимодействия культурных представлений, норм и стереотипов при столкновении представителей различных культур;
- знание системы ценностей культуры изучаемого языка, форм и способов их проявления в общественных институтах, языковой картине мира, моделях поведения людей, вербальном и невербальном общении и т. п.;
- признание прав разных культурных моделей на существование;
- способность с эмпатией воспринимать проявления других культурных моделей;
- умение вычленять общее и специфическое в культурном самосознании различных моделях информацию;
- готовности конструктивно отстаивать собственные позиции, не унижая других и не попадая в прямую зависимость от чужих приоритетов (Е.Н. Соловова, Л.Г. Кузьмина, Т.Н. Ярмина, Е.В. Компанцева, И.Э. Риске, Л.А. Милованова, Г.В. Елизарова и т. д.).

Социокультурная составляющая китайского иероглифического письма зафиксирована на «уровне зрительно выраженных смыслов, синтетически объединенных в самой форме написания иероглифического знака» [Сафронов, 2007, с. 456]. Китайская иероглифика является сложным кодовым образованием, позволяющим индивиду абстрактно и внеситуативно анализировать познаваемые объекты и выражать их признаки, свойства и отношения, при этом, проводя не только определенную категоризацию, но также и определяя значимость в пространственно-временном континууме. В языке отражаются системы культурных ценностей и наоборот, все проявления и продукты культуры находят свое отражение в когнитивных структурах индивида и передаются с помощью знаков и символов. Владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке [Байрамова, 2006, с. 16]. Китайское письмо, насчитывающее более четырех тысяч лет, эксплицировало некоторые «скрытые» механизмы вербализации мыслительных структур в процессе познания мира, создав таким образом китайскую иероглифическую концептуальную картину мира, рассмотрение которой возможно через призму когнитивного подхода в основу которого составляет изучение природы и сущности человека, его языкового сознания и коммуникативного поведения. В этом контексте также вполне логичным будет введение понятия концетпа, как «ментального образования, которое представляет собой хранящиеся в памяти значимые осознаваемые фрагменты опыта» [Карасик, 2004, с. 64]. Концепт – многомерное образование, в котором прежде всего особенно культурно значим ценностный компонент, затем метафорический образ и способы языкового закрепления.

До недавнего времени в российской синологии поддерживалось структурное деление китайских иероглифов на пиктографические, идеографические и фонетические. В основе пиктографических иероглифов лежит пиктограмма – символический рисунок реального объекта. Этот тип иероглифов наиболее древний, составляющие его пиктограммы

легли в основу следующего, типа иероглифов идеографического – в качестве его составных частей, или ключей. Что касается фонетических иероглифов, то в них один из знаков играл роль фонетика, т. е. определителя фонетического звучания. В лингвистической традиции долго считалось, что между знаками фонетических иероглифов нет смысловой связи, однако, последние исследования в области китайской иероглифики утверждают противоположное, так наметилась тенденция изучения китайского письма с точки зрения структурно-семантического (А.А. Пруцких) и семиотического подходов (О.М. Готлиб, Н.П. Мартыненко). В работах, построенных на основе структурно-семантического анализа, отмечается, что фонетик «исконно обладает собственным значением», вопрос лишь в том, насколько сохранилось данное значение или же десемантизировалось с течением времени [Пруцких, 2003, с. 10].

На основе данных исследований можно проследить тенденцию к изучению внутренней структуры иероглифического знака, его графической структуры, лексических и этимологических значений в культурно-историческом контексте для реконструкции архетипического образа иероглифа, являющегося частью концептосферы как древнего, так и современного Китая.

В методике преподавания китайского письма устоялась традиция, при которой на первом этапе обучения заучиваются простейшие графические элементы, обладающие семантическим значением. Первоначально графемы представляли собой рисуночное изображение отдельных предметов или их сочетаний. В процессе своего развития китайский этнос претерпевал изменения, которые также влияли и на систему письма, упрощая ее и унифицируя, внешний вид графем при этом сильно изменился и сегодня порой трудно определить, к изображению какого предмета восходит тот или иной знак. Для лучшего запоминания графем китайские методисты советуют обращаться к их этимологии.

Язык является хранилищем коллективного опыта человечества, воплощенным в лексике, ритуалах, мифах, религии, определяющих принадлежность людей к той или иной культуре. Символ, позволяет передать в сжатой форме наиболее важные для социума ценности и идеи, в самом символе (от греч. simbolon – «знак», «опознавательная примета») заложена идея связи, коммуникации.

Китайская иероглифика представляет собой уникальную языковую систему, в которой знания закрепляются в сознании человека не только звуковым, визуальным и семантическим кодом, а также и символическим. Данная символическая система представляет собой знаковое осуществление внутреннего мира человека, окрашенного познавательной составляющей, изучение которой позволит лучше понять ценности, представления, приоритеты, культурную среду китайского этноса. Китайская письменность зародилась более четырех тысячелетий тому назад, несмотря на изменения в начертании иероглифов, происходившие на протяжении многих веков, в ней до сих пор сохранились атрибуты архитипического, мифопоэтического мышления древних китайцев, жизнь которых была строго регламентирована сотнями обрядов и ритуалов, отражающими онтологические представления китайцев.

Вскрытие и описание внутризнаковых отношений иероглифического знака помогут глубже понять культуру китайцев, их «особенный» взгляд на положение вещей в окружающем мире, ценностную парадигму, зарождение которой произошло более четырех тысячелетий тому назад. Китайские письменные знаки «являются базовыми номинативными единицами этносознания китайцев, они формируют тот самый «панцирь», который во многом определяет и всю типологическую специфику китайского языка, и китайское мировоззрение» [Готлиб, 2007, с. 25].

В человеческом сознании и культуре существуют основополагающие категории, универсальные понятия, отражающие объективную действительность, входящие в концептуальную картину мира. Пространственное восприятие действительности, выраженное через иероглифические понятия, относятся к числу важнейших понятий китайской концептосферы. Н.Д. Арутюнова указывает, что «бытие определяется тремя основными параметрами: онтологическим, пространственным и временным. Первый касается природы бытующих предметов, второй – области их бытования, третий – темпоральных границ бытия» [Арутюнова, 1997, с. 36].

Прежде чем окинуть взглядом и мыслью бесконечное пространство, древний человек изучал и осваивал место своего пребывания – стойбище, жилище, а прежде всего самого себя. Пространственное деление мира относится к абстрактному типу мышления, присущему поздним ступеням развития первобытного общества. Прадеды современных китайцев уже в древности создали богатый тезаурус абстрактных понятий, связанных с пространственным ориентированием в мире, так появились понятия: 前后左右，东西南北，乾坤阴阳. Данные понятия рождались в ассоциативной связи с миром вещей, окружающим древнего человека. В иероглифах, обозначающих в китайском языке стороны света, сокрыты артефакты бытия древних китайцев. В обозначении востока в китайском языке употребляется иероглиф 东（дун）, являемый в классификации Сюй Шэшя указательным знаком (指事字), на гадательных костях его написание представляло собой схематическое изображение сети, обвязанной вокруг длинного шеста. В древности для переноски вещей китайцы расстилали на земле шкуру животного, складывали на нее вещи, предварительно вложив длинный шест, после того как все это завязывалось образовывался своеобразный вещмешок, который было удобно нести на плече. При переходах на новые места его часто использовали как спальный мешок. Пробуждение наступало, когда всходило солнце, шкуру собирали и шли дальше. Постепенно данный иероглиф приобрел значение по смежности действия, поскольку солнце вставало со стороны востока.

Иероглиф 西 (си) представлял собой пиктограмму сосуда для воды. При заходе солнца люди возвращались домой после охоты, земледельческих работ, собирательства, наполнение сосудов водой было последним большим делом, которое проделывали перед отходом ко сну, поэтому изображение сосуда стало метафорическим воплощением запада, стороны захода солнца.

Иероглиф 南 (нань) представлял изображение бронзового музыкального инструмента в форме колокольчика. В древности данный инструмент был распространен в племенах, живущих в бассейне реки Янцзы. Иероглифы 南и 暖 (нуань) были омофонами, солнце жарче всего пекло находясь на юге, в том направлении, где селились племена, изготавливавшие колокола, поэтому пиктограмма 南 стала символом самой жаркой стороны света – юга.

В иероглифе 北 (бэй) отразилась не только метафорическая, но и научная картина мира, этот знак на гадательных костях представлял собой изображение двух людей, сидящих друг к другу спиной. Конечно, это можно рассматривать так же, как изображение сидящего человека с отбрасываемой им тенью. В древности люди обнаружили, что в обеденное время, как бы ни стоял человек, его тень направлена на север, особенно явственно это прослеживалось в зимний период, когда тени становились длиннее, поэтому сторона, на которую падала тень человека, стала олицетворять собой эту сторону света.

Глубокое понимание китайского текста неотделимо от понимания соответствующих каждому иероглифическому знаку аналоговых образов и ассоциативных комплексов, детерминирующих полисемантичность иероглифа и его концептуальное единство. Иероглифический знак есть субъект и объект познания китайской концептуальной картины мира, дающий уникальную возможность заглянуть вглубь тысячелетий.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что включение социокультурного анализа китайской иероглифики на основе грамматологического подхода позволит обучающимся не только приобрести знания о китайской иероглифической концептосфере, национально-культурной специфике, культурных реалиях как в историческом, так и в современном аспекте, но также научит правильно использовать данную когнитивную базу при дальнейшем самостоятельном изучении языка, будет эффективным механизмом запоминания, способствующим активизации усвоения иероглифических знаков за счет сравнительно легкой возможности реконструировать образ, лежащий в основе социокультурного анализа, а кроме того будет способствовать формированию устойчивого мотивационного компонента обучения.

Библиографический список

1. *Анненкова, А.В.* Условия эффективности учебного перевода как средства формирования межкультурной коммуникативной компетенции [Текст] / А.В. Анненкова // Инновационные векторы методики обучения иностранным языкам и культурам (Лемпертовские чте-

ния – XII) : материалы международного науч.-метод. симпозиума (Пятигорск, 27–28 мая 2010 г.). – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2010. – С. 121–127.

2. *Арутюнова, Н.Д.* О новом, первом и последнем [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка : язык и время : сб. статей. – М. : Индрик, 1997. – С. 48–57.

3. *Байрамова, С.И.* Учет когнитивных репрезентативных схем при формировании базовой переводческой компетенции [Текст] / С.И. Байрамова // Лингводидактические аспекты перевода в процессе подготовки переводчиков : материалы международного научно-практического семинара (Иркутск, 15 ноября 2005 г.). – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2006. – С. 15–25.

4. *Готлиб, О.М.* Основы грамматологии китайской письменности [Текст] / О.М. Готлиб. – М. : Восток-Запад, 2007. – 284 с.

5. *Гельб, И.Е.* Опыт изучения письма. Основы грамматологии [Текст] / И.Е. Гельб. – М. : Изд-во УРСС, 2004. – 368 с.

6. *Елизарова, Г.В.* Культура и обучение иностранным языкам [Текст] / Г.В. Елизарова. – СПб. : Изд-во КАРО, 2005. – 352 с.

7. *Карасик, В.И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.

8. *Мартыненко, Н.П.* Специфика семиотического изучения древнекитайских текстов философия науки и техники [Текст] : дис. … д-ра филос. наук : 09.00.08 / Н.П. Мартыненко. – М., 2007. – 495 с.

9. *Пруцких, А.А.* Структурно-семантический анализ иероглифа с ключом «женщина» [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.22 / А.А. Пруцких. – М., 2003. – 45 с.

10. *Резаненко, В.Ф.* Семантическая структура иероглифической письменности (Базовые структурные элементы) [Текст] / В.Ф. Резаненко. – Киев : Изд-во КГУ, 1985. – 386 с.

11. *Софронов, М.В.* Китайский язык и китайская письменность [Текст] / М.В. Софронов. – М. : АСТ; Восток-Запад, 2007. – 638 с.

12. 李乐毅, 汉子演变五百列 [Текст] /李乐毅. –北京: 北京语言学院出版社, 1993. – 500 页.

13. 唐汉, 汉字密码 [Текст] / 唐汉. – : 西安陕西师范大学出版社, 2008. – 787 页.

14. 孙实明, 汉字原来这么有趣 [Текст] / 孙实明. – 宁夏: 宁夏人民出版社, 2008. – 264 页.

15. 许慎, 说文解字 [Текст] / 许慎. – 北京: 中华书局出版社, 1996. – 432 页.

16. 俄罗斯之声. 圣彼得堡两家俄国新汽车工厂开工兴建 [Электронное издание]. – 2011. – Режим доступа : http://chinese.ruvr.ru/2011/06/09/51511807.html (дата обращения : 05.05.2012).

УДК 811.581
ББК 81.7

С.В. Стефановская

ВЫЯВЛЕНИЕ ИКОНИЧНОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОГО ОБЛИКА ЗВУКОПОДРАЖАНИЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются особенности фонетического состава звукоподражаний китайского языка, носящего слоговый характер и обладающего идеографической системой письма; устанавливается общее количество и тип слогов, участвующих в семиотизации звуков мира. В рамках фоносемантики предпрининимается попытка выявления иконичности фонетического облика звукоподражаний китайского языка.

Ключевые слова: *фоносемантика; звукоизобразительность; иконизм; идеографическая система письма; слоговый язык; звукоподражания; инициаль; финаль*

S.V. Stefanovskaya

DETECTION OF ICONICITY OF PHONETIC IMAGE OF CHINESE ONOMATOPOEIA

The article deals with peculiarities of phonetic structure of Chinese onomatopoeia as a language with ideographic writing system with syllabic nature. The overall number and types of syllables which take part in semiotization of sounds of the world have been quoted. The article presents an attempt to reveal iconicity of the phonetic image of Chinese onomatopoeia within the framework of phonosemantics.

Key words: *phonosemantics; sound imagery; iconicity; ideographic writing system; syllabic language; initial; final*

© Стефановская С.В., 2012

Проблема отношений между звуком и значением всегда была и остается одной из спорных проблем философии языка. Поскольку невозможно признать однозначно мотивированной связь между звуком и «беззвучным объектом» (тем более абстрактным), то постулирование звукоизобразительности, или связи между звуком и значением, ведет к рассмотрению слов, где звук наиболее непосредственно и ощутимо проявлен – к словам, обладающим фонетической мотивированностью (т. е. к словам либо звукосимволическим, либо звукоподражательным).

Под звукоизобразительностью в рамках фоносемантики понимается свойство слова, заключающееся в наличии необходимой, существенной, повторяющейся и относительно устойчивой *не*-произвольной связи между фонемами (непроизводного) слова и полагаемым в основу номинации признаком объекта-денотата (мотивом). Если фонетика и фонология изучают звук, а семантика – значение, то фоносемантика занимается тем, что в традиционных терминах называется «связью между звуком и значением».

В лингвистической литературе звукоподражательные слова принято определять как «условную имитацию звучаний окружающей действительности фонетическими средствами языка» [ЛЭС, 1990]. Однако изучение звукоизобразительной системы языка, в которую звукоподражательная подсистема входит наряду со звукосимволической подсистемой, приводит к выводу, что нет оснований подчеркивать *условный* характер имитации при звукоподражании.

Звукоподражания выступают одним из объектов пристального изучения фоносемантики, так как именно они становятся главным иллюстративным материалом концепции данной науки.

Определяя звукоподражания как словесную имитацию звучаний окружающей действительности средствами данного языка, важно иметь в виду, что, с одной стороны, звукоподражания должны обладать прямым сходством со звуками внешнего мира, с другой стороны, они являются единицами языка, используют звуковой состав данного конкретного языка, поэтому не могут быть полностью идентичны естественным звукам мира.

Гумбольдт, говоря о непосредственно звукоподражательном обозначении понятий, отмечал, что «здесь звук, издаваемый предметом, изображается настолько, насколько нечленораздельный звук может быть передан членораздельным. Это как-бы живописное обозначение, подобно тому, как живопись изображает предмет, как он представляется глазу (т.е. дает только цветное пространство известных очертаний, которое зритель дополняет сам); так язык представляет предмет, как он слышится уху» [цит. по: Потебня, 1999, с. 77]. По мнению А.А. Потебни, «не всем языкам свойственны все звуки, как не всем инструментам – все тоны; в каждом языке есть своя система звуков, более или менее богатая и определенная по отдельным составляющим ее звукам, но всегда строго последовательная, потому что предшествующее дает в ней направление последующему» [Там же. С. 78]. А.А. Потебня утверждает, что, конечно, в нечленораздельных звуках мы можем встретить отдельные согласные (напр. *р* – в ворчании собаки, губные в мычании коровы, гортанные в ржании лошади), однако следует сознаться, что мы находим их в животных криках только потому, что привыкли слышать в человеческой речи. «Лай или вой собаки, разделенный на бесконечно малые частицы, заполнил бы каждую из этих частиц чистой гласной или согласной; но органы собаки при этом не остаются ни на одно ощутимое мгновение в одном положении, и звук, только появляясь, уже переходит в другой, отчего для одного наблюдателя он приближается к одному членораздельному звуку, в глазах другого – к другому» [Там же. С. 79]. Так как в животном звуке нет такой единицы, как в человеческом языке – звук, слог, слово (в фонетическом смысле), он будет по-разному выражаться средствами человеческих азбук, предполагающих такие единицы.

Попытки связать звуковой (фонетический) облик звукоподражательного слова с характером звукового денотата можно найти у многих лингвистов. По мнению С.В. Воронина, проблема состоит не в том, «чтобы установить связь между звучанием ономатопа и его денотата, а в том, чтобы проследить, какими в первую очередь акустическими характеристиками звучания-денотата обусловливается выбор фонем, входящих в состав ономатопа, при учете того, каково психоакустическое пре-

ломление этих параметров» [Воронин, 2006, с. 39].

Однако в нашем случае данная проблема получает иное преломление, так как речь идет о языке с идеографической системой письма, занимающем особое положение, связанное со своеобразием строения его фонетической системы, имеющей целый ряд отличий, касающихся как звукового состава, так и структуры слога.

Одна из основных особенностей китайского языка состоит в его слоговом характере. В неслоговых языках функциональная значимость слога незначительна. Функциональные приоритеты непосредственно участвуют в «строительстве» и изменении морфем. План выражения морфемы конституируется или видоизменяется путем замен, опущений, приращений фонем, различного их комбинирования. В языках неслогового строя трудно определить конечный инвентарь слогов, поэтому в неслоговых языках слог относят к синтагматическим единицам. В ином положении находятся слоговые языки, где слог выступает как парадигматическая единица. Конститутивную функцию в этих языках выполняет не фонема, а слог, следовательно, именно он и выступает в роли основой фонологической единицы.

Китайский язык является одним из представителей слоговых языков, минимально значимой единицей которого выступает не отдельный звук (фонема), а тонированный слог, состоящий из двух основных структурных элементов: инициали – согласной части в начале слога и финали – гласной части в конце слога. Согласная часть, или инициаль, может быть выражена только одним согласным звуком, всего в китайском языке 21 инициаль, из них шесть аффрикат, придающих китайской речи специфичную окраску [Задоенко, 1993].

Для выявления иконичности фонетического облика звукоподражаний китайского языка считаем целесообразным установить количество слогов, используемых для формирования данных единиц, и их отношение к общему числу слогов китайского языка.

Исследование структуры слогов в языке с идеографической системой письма, которое преимущественно проводилось на материале путунхуа, в лингвистике уже имеет определенную историю. Однако фонологическое описание звукового состава слогов во многих случаях противоречиво. Целый ряд фонологических проблем продолжает оставаться предметом научной дискуссии.

Слог исследуемого языка привлекает к себе внимание строгой последовательностью звуков. Фиксированную структуру слогов китайского языка на примере пекинского диалекта описал Е.Д. Поливанов. Он назвал представление определенного состава слога из согласных и гласных звуков без включения тональных различий термином «силлабема» и предложил описывать варианты силлабем цифровыми формулами. Как уже говорилось выше, в слоге максимального состава может быть не более четырех звуков, следовательно, такой слог описывается формулой 1234, в которой 1 – согласный, 2 – неслогообразующий узкий гласный, 3 – слогообразующий гласный или сонант, 4 – неслогообразующий сонант, т. е. конечный элемент дифтонга. По Е.Д. Поливанову, любой из четырех элементов полной силлабемы, за исключением третьего элемента – слогообразующего гласного – может отсутствовать. Нужно отметить, что Е.Д. Поливанов различал понятие слога и силлабемы, считая, что в понятие силлабемы не входят ни признак «тона», ни признак «силового ударения», которые, дополняя силлабему, составляют вместе с нею полную характеристику китайского слога [Поливанов, 2004].

В отличие от Е.Д. Поливанова, А.А. и Е.Н. Драгуновы отождествляли тонированный слог и силлабему. «В китайском языке минимальной фонетической величиной, которая может иметь то или иное значение, т. е. функционировать в качестве слова или части слова (морфемы), является не отдельный звук речи (фонема), а тонированный слог, силлабема (термин «силлабема» заимствуем у Е.Д. Поливанова)» [Драгунов, 1954, с. 62].

В работах современных китайских лингвистов звуковые образования из согласных и гласных звуков без учета и с учетом тональных различий обозначаются термином 音节 – слог. Согласно этой точке зрения, двадцать одна согласная путунхуа в сочетании с гласными (монофтонгами и полифтонгами) образуют чуть более 400 слогов без учета тональных различий.

В китайской языковой традиции неоднократно проводился подсчет слогов, и авторы приходили к различным результатам. Мини-

мальное число данных единиц без учета тональных различий, полученное в этих подсчетах, составляет 397, максимальное – 420 [Gong Shi, 1958]. По другим данным, в национальном языке представлено 419 слогов, из которых 406 имеют соответствующие письменные знаки, а для 13 письменные знаки отсутствуют [Чжан Цзюньсян, 2002].

Причиной расхождения в результатах подсчета является, как уже говорилось ранее, разное определение слога, которого придерживаются авторы. Если считать слог некоторой самостоятельной значимой единицей, обозначенной на письме особым знаком, то в национальном языке таких слогов чуть более четырехсот. Если же рассматривать слог как любую встречающуюся в национальном языке последовательность фонем, их число оказывается большим, так как в число объектов подсчета включаются позиционные варианты слогов, а также особые звукоподражания и специфические междометия, отличающиеся по фонемной структуре от слогов, свойственных национальному языку. Так, в путунхуа насчитывается 441 слог без учета тональных различий [Liu Zexian, 1957]. Для нашего исследования за основу было принято количество слогов, полученное при подсчете, учитывающем как звукоподражания, так и пекинский диалект, т. е. 441 слог.

В процессе анализа звукоподражательные единицы, отобранные в пяти словарях современного китайского языка ([БКРС, 1983; БКРС, 2006] 现代汉语词典; 汉俄词典; 现代语言学词典), согласно источникам их происхождения были разбиты на следующие восемь групп:

1) ***звуки человека как биологического существа*** (*скрип зубов, чмоканье губ, щелканье языком, сопение и фырканье носом* и т. д.);

2) ***звуки работающего человека,*** возникающие в связи с использованием человеком различных орудий труда – *стук топора, визг пилы, шипение утюга* и др.;

3) ***звуки человека как чувствующего и говорящего существа*** (передающие различные чувства и эмоциональные состояния – *плач; смех, крик* и т. п.);

4) ***звуки человека творческого*** (издаваемые музыкальными инструментами, звуки пения и т. п.);

5) ***звуки животного мира*** (*лай собаки, блеянье овцы, курлыканье журавля, топот копыт, хлопанье крыльев, скрежет когтей* и т. п.);

6) ***звуки растительного мира*** (*шелест травы, шорох листьев*);

7) ***звуки неживой природы*** (*шум ветра, грохот грома, журчание воды, треск огня, стук камней* и т. п.);

8) ***иные звуки окружающего мира*** (*скрип, стук, звон, треск, свист, грохот* и т. п. – звуки, установить источник происхождения которых не представляется возможным).

Общее число звукоподражаний, проанализированных в работе, составило 462 единицы (учитывались слоги с инициалью и без нее), однако количество слогов, участвующих в семиотизации данных единиц, оказалось значительно меньше.

Условимся обозначать слоги с разной фонетической оболочкой слогами разного типа. Исследование показало, что из слогов с инициалью – 48 слогов разного типа (наибольшее количество) отражают ***звуки неживой природы*** (*hong* – зп раскатам грома [轰]; *sha* – зп шуму дождя [霎]; *xiao* – зп вою ветра [萧]; *sa* – зп свисту ветра [飒]; *zhuo* – зп шуму бурлящей воды [灼]; *keng* – зп звону камней [硜]). На ***звуки животного мира*** приходится 37 типов слога (*jiu* – зп реву обезьян [啾]; *gua* – зп кваканью [呱]; *wang* – зп лаю [汪]; *mie* – зп блеянию овец [咩]; *mou* – зп мычанию коровы [哞]; *zi* – зп писку мышей [吱]). 34 типа слога отражают ***иные звуки окружающего мира*** (*dang* – зп неясному отзвуку [宕]; *sha* – зп шуршанию [沙]; *pi* – зп треску [噼]. 29 типов слога – это ***звуки человека чувствующего и говорящего*** (*ceng* – зп шуму голосов [噌]; *zhou* – зп гомону [啁]; *wu* – зп всхлипыванию, плачу[呜]; *hu* – зп смеху [噜]).

В остальных разделах количество слогов распределилось следующим образом: 22 типа слога – ***звуки человека как биологического существа***, 19 типов слогов – ***звуки человека творческого***, 11 типов слогов – ***звуки работающего человека***, и только 3 типа слога отражают ***звуки растительного мира***.

Из слогов без инициали – 13 типов слога семиотизируют ***звуки животного мира*** (*e* – зп крику фазана [呃]; *a* – зп карканью [啊]; *yao* – зп писку [要]; *yi* – зп жужжанию насекомых [咿]; *ya* – зп щебету птиц [哑]).

На подражание ***звукам человека чувствующего и говорящего*** приходится 9 типов слогов (*wu* – зп всхлипыванию, плачу [呜], *wo* – зп угодливому смеху [喔]; *ai* – зп хихиканью [嗌]). Звукоподражания ***иным звукам окружающего мира*** фиксируются шестью типами слога, по пять слогов в группах ***звуков человека как биологического существа и работающего человека. Звуки человека творческого*** отражают только два типа слога. Мы не нашли ни одного слога без инициали, отражающего ***звуки неживой природы.***

Анализ фонетической оболочки звукоподражаний показал, что из всего арсенала слогов китайского языка (441 слог) в формировании звукоподражаний участвуют 135 типов слога (117 слогов с инициалью и 18 слогов без инициали), т. е. чуть меньше одной трети всех слогов. Данный факт позволяет считать, что именно эти типы слога являются наиболее коррелятивными звукам окружающего мира, с одной стороны, и адаптивными фонетической системе китайского языка, с другой стороны.

Полученный результат, на наш взгляд, можно пояснить следующим образом. Когда окружающий человека звучащий мир отражается в языке, он представляет собой мир, опосредованный языковым сознанием, в котором к ограничениям, налагаемым восприятием, добавляются ограничения, обусловленные закономерностями языка. Тот факт, что звук сложнее воспринимать, чем цвет, поскольку он чаще характеризуется моментальностью, обусловливает относительную субъективность слуховых ощущений. Это находит отражение в использовании слов-звукоподражаний, являющихся одновременно и знаками звучащих реалий, и единицами языка. Данные семантические единицы служат примером того, что система значений отдельно взятого языка дает то познание, которое необходимо для нужд человеческого общества. В отношении же китайского языка к ограничениям, налагаемым восприятием, следует добавить и особенности фонетического строя языка, а именно: строго фиксированную структуру слогов.

Наблюдения показывают, что ономатопеический словарь каждой традиции и, соответственно, каждого языка основан, прежде всего, на его фонетическом арсенале, определяется его возможностями. Особенности фонетического строения языка с жесткой синтагматикой слога оказывают влияние на фонетическую оболочку звукоподражаний, и это позволяет нам сделать вывод о специфическом видении китайцами звуковой картины мира, с учетом универсального и уникального в ней.

Библиографический список

1. *БКРС* – Большой китайско-русский словарь [Текст] : в 4 т. / под ред. И. М. Ошанина. – М. : Наука, 1983. – 4 т.

2. *БКРС* – Большой китайско-русский словарь [Текст] / под ред. Б.Г. Мудрова. – М. : Живой звук, 2006. – 526 с.

3. *Воронин, С.В.* Основы фоносемантики [Текст] / С.В. Воронин. – М. : ЛЕНАНД, 2006. – 248 с.

4. *Драгунов, А.А.* Исследования по грамматике современного китайского языка [Текст] / А.А. Драгунов. – М. : Наука, 1954. – 180 с.

5. *Задоенко, Т.П.* Основы китайского языка. Вводный курс [Текст] / Т.П. Задоенко, Хуан Шуин. – 2-е изд. – М. : Наука, 1993. – 272 с.

6. *ЛЭС* – Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / под ред. В.Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

7. *Поливанов, Е.Д.* Лекции по введению в языкознание и общей фонетике [Текст] / Е.Д. Поливанов. – М. : УРСС, 2004. – 110 с.

8. *Потебня, А.А.* Мысль и язык [Текст] / А.А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 192 с.

9. *Чжан Цзюньсян* О понятиях «реальное языковое явление» и «потенциальное языковое явление» в китайском языке [Текст] / Чжан Цзюньсян // Китайское языкознание, изолирующие языки : материалы XI Междунар. конф. (Москва, ноябрь 2002 г.). – М. : Восток, 2002. – С. 37–40.

10. *Gong Shi.* 北京话里究竟有多少音节？中国语文, 1958. – № 4. – 页. 22–24.

11. *Liu Zexian*. 北京话里究竟有多少音节？中国语文, 1957. – № 2–3. – 页. 43–48.

12. 现代汉语词典. – 北京：商务印书馆，2001年. – 1538 页.

13. 汉俄词典. – 上海：商务印书馆出版社，2000年. – 1250 页

14. 现代语言学词典/(英)克里斯特尔编； 沈家煊译. – 北京：商务印书馆, 2000年. – 453 页.

УДК 1(51)
ББК 87 (5 Кит)

Н.В. Терехова

СИМВОЛ-ХРОНТОП «ЧЖУН (中)» В КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

В данной статье на примере китайского канона «Чжун юн» с помощью метода хронотопа М.М. Бахтина проанализирована философско-культурологическая семантика категории чжун中 «срединность» и ее историко-генетические связи с первичным и вторичными значениями, представленными в древнекитайских словарях.

Ключевые слова: *символ-хронотоп чжун中; первичная; вторичная (метафорическая) и философско-культурологическая семантика*

N.V. Terekhova

SYMBOL-CHRONOTOP ZHONG 中 IN CHINESE PHILOSOPHICAL TRADITION

The article is focused on philosophical-cultural meaning of concept zhong中 (the Middle). The Chinese canon «Zhong Yong» (The Middle-in-Action) has been pur under scrutiny. The historical-and-genetic relations of the concept with its etymological, secondary meanings presented in ancient Chinese dictionaries are also revealed hereto.

Key words: *symbol-chronotop zhong 中 (the Mean); etymological; secondary (metaphorical) and philosophical-cultural meanings*

Одним из подходов исследования единиц национальной культуры может быть описание функционирования той или иной категории в философском тексте. Философско-литературная синтетичность китайского традиционного канона «Чжун юн» 中庸 позволяет применить для его анализа логику пространственно-временного континуума, используя метод М.М. Бахтина, рассмотреть понятие *чжун* 中 в качестве символа-хронотопа. Описание его первичного и вторичных значений, закрепленных в древнекитайских словарях, а также анализ внутритекстовых отношений лексических единиц, представляющих пространственно-временную семантику *чжун* 中 позволит: 1) рассмотреть генетические семантические связи данной категории, 2) выявить средства пространственно-временной объективации понятия «срединности» *чжун* 中в китайской философской культуре.

Интенсиональность категорий философского текста указывает на необходимость рассматривать философский язык как метаязык символов, осмыслить значение которых мы можем через описание системы их взаимоотношений друг с другом. Опираясь на определение символа, предложенное А.Ф. Лосевым, мы рассматриваем философский символ как некую идею, и как ее структуру, которая существует одновременно как возможность выделения многих единичных, и как нечто целостное, как бы предельная форма для единичных идей, их общий горизонт развертывания; как знак, фиксирующий эту целостность и упорядоченность [Лосев, 1976, с. 65–66]. Философский символ указывает на способ развертывания (раскрытия) стоящей за ним идеи в семиотическом пространстве-времени философского текста, где он согласует символы и их значения, определяет направления их трактовки, функционирования в языке и культуре.

Китайская философия считала именно символы *сян* 象, а не слова и писания способными исчерпывающе выражать высшие идеи *и* 意 («Си цы чжуань», I, 12《繫辭傳》«Комментарий привязанных афоризмов»). Категория традиционной китайской культуры – наиболее общее понятие, как правило, состоит из одного иероглифа, находящееся в системной (классификационной) связи с понятиями, традиционно считающимися основными в китайской философии, и обладающее символическими коррелятами на всех уровнях духовной и культурной деятельности, т. е. в науке, искусстве, обыденном сознании, традиционных формах быта и т. д. Отсюда следует, что отправной точкой в исследовании китайских категорий должны быть не идеальные сущности (понятия), которые часто являются

© Терехова Н.В., 2012

продуктом априорной заданности со стороны нашей собственной культуры, а материальные объекты – иероглифические термины [Кобзев, 2006, с. 71–72].

В памятниках цзягувэнь 甲骨文 и цзиньвэнь 金文 знак 中 похож на развивающийся на ветру флаг [Готлиб, 2007, с. 219–220]. Два изначальных значения знака чжун 中 – «флаг, знамя» 旗帜 и «солнечный столб» 日表, по мнению китайского мифолога, фольклориста, профессора Цзюй Сяо Бина, 据萧兵 можно, объединив, интерпретировать как «священное древко» 神圣中杆. Данный «священный столб» 神杆 можно толковать как «тотемный столб» 图腾柱, «флагшток, древко знамени» 旗杆, «шест покойного духа» 鬼竿, «деревья вокруг храма» 社木, «камень предков» 祖石, «вышка, высокий столб» 亭表, «священное знамя» 神圣旗帜, «измерительный солнечный столб» 测日赶, 日表, «центральная стойка в помещении» 屋室中柱, «нанизанные верх и низ, Небо и Земля» 上下贯串, «связывать Неба и человека» 交通天人, «Небесная лестница, соединяющая духов предков и простых людей» 交际神民 «天梯», «столб, держащий небосвод» 擎天柱.

В толковом словаре Сюй Шэня *«Шо вэнь цзе цзы»* 许慎 «说文解字» «Изъяснение письмен и толкование иероглифов» дается следующее определение чжун 中:内也。从口，丨，上下通. Чжун 中относится к указательной категории знаков, означает «внутри», внешняя часть восходит к ключу «границы» 口, а не «ротику» 口，означает «определенные границы», знак 丨 передает значение «внутри»; спереди, сзади, слева, справа, ничего не выходит за границы; связь верха и низа. [说文解字译述， 2000， 37 页]

Согласно древнекитайскому толковому словарю «尔雅» знак 中определяется следующим набором семантических отношений, в которые он вступает в разных рубриках словаря:

«釋 言» *«Ши янь»* «Истолкование имен»: 殷, 齊, 中也。Абстрактное понятие中 (середина) толкуется с позиции географического расположения. 殷 – *расположенное в середине (государство, река и т. п.)*; 齊 – *расположен в центральной части государства.*[*]

«釋宫» *«Ши гун»* «Истолкования жилища»: 中 庭 之 左 右 謂 之 位。(*Две стороны гостиной дворца назывались* «位». По традиции в симметричном китайском строении посредине располагалась большая гостиная (или тронный зал), в которую входили прямо со двора). 中 выступает в значении «срединный – центральный – главный». 宫 中 衖 謂 之 壶。廟 中 路 謂 之 唐。*Дорога внутри дворца (комнат) называлась* «壶», *соединяющая разные здания дворца* «唐». В древние времена дорога, расположенная внутри главного двора дома (дворца) или ведущая к храму предков, именовалась «唐». Знак 中 в данном разделе выступает в значении «внутри, между, соединяя части».

«釋器» *«Ши ци»* «Комментарии о бытовой утвари»: 革 中 絕 謂 之 辨, 革 中 辨 謂 之 鞏。*Кусок кожи, разрезанный пополам, называли* «辨», *если его еще разрезали на две равные части, то такой кусок называли* «鞏». Знак 中 выступает в значении «середины – центра». 卣, 中 尊 也。*Бронзовый сосуд для вина называли* «卣». 中 в значении «находящийся внутри, наполненный»

«释樂» *«Ши юэ»* «Истолкование музыки»: 大 鐘 謂 之 鏞, 其 中 謂 之 剽, 小 者 謂 之 棧。*Большой колокол назывался* «鏞», *средний* «剽», *маленький* «棧». Самым естественным и приятным на слух является средний регистр / тембр звучания музыкального инструмента, который соответствует среднему по размеру инструменту. В «Люй-ши чунь цю» 吕氏春秋, «Весны и осени господина Люя», (III в. до н. э. (V, 4)) указывается, что наиболее благоприятны для слуха «срединные звуки» *чжун ин* 中音, поскольку «срединность» *чжун* 中 является выражением «упорядоченности» *ши*. *Чжун*中 означает «средний по размеру» и метафорически – «наиболее благозвучный, гармоничный».

«釋 地» *«Шиди »* «Истолкование географии»: 中 有 岱 岳, <…>。*В центре находится гора Тайшань*. Горы Тайшань泰山вместе с горами Хуашань 华山, Хэншань 恒山, Хэншань 衡山 и Суншань 嵩山 называют «пятью великими горами Китая», среди них Тайшань занимает главное место. Горы Тайшань – объект поклонения китайских правителей, духовный источник китайских деятелей искусства и ученых, символ древнекитайской цивилизации и религии. 中 – священный центр Китая.

中 有 枳 首 蛇 焉。*В середине живут двух-*

[*] Здесь и далее по тексту курсивом представлен перевод речений толкового словаря Эр'я 尔雅, выполненный Т.Е. Шишмаревой [Шишмарева, 2008, с. 185, 262, 263, 271, 273, 288, 289, 293, 307–308].

головые змеи. В древнекитайском памятнике мифологии «Книге гор и морей» *«Шань хай цзин»* «山海经» встречается описание двухглавого змея: «有神焉, 人首蛇身, 長如轅, 左右有首, 衣紫衣, 冠旃冠, 名曰延維, 人主得而饗食之, 伯天下。» «Есть божество, лицо у него человечье, тело змеи. Туловище его раздвоенное подобно оглоблям, справа и слева – головы. Оно носит фиолетовую одежду и красные шапки. Имя его – Яньвэй. Тот, кто поймает ее или отведает ее мяса станет могущественным правителем Поднебесной ». 中 – источник высшей власти.

此四方中國之異氣也。*В этих четырех сторонах Древнего Китая, где обитают диковинные существа.* С одной стороны, словосочетание «четыре стороны» *сы фан* 四方 традиционно является синонимом Поднебесной 天下. Поднебесная представляет собой как бы вертикальную проекцию, сферу расселения людей, увиденную сверху, с точки зрения наблюдающего за людьми Верховного владыки, тогда как «четыре стороны» представляет собой ту же самую сферу, но, увиденную с земли, правда, с центральной точки на земле. 中 – центр универсального политического пространства, срединная империя, современный Китай.

Глава «釋丘» *«Ши цю»*: 澤中有丘, 都丘。*Холм посреди озера.* Согласно даосским космолого-религиозным представлениям, остров посредине водоема – обитель бессмертных,中 – посредине, среди (воды), обитель бессмертных.

Тринадцатая глава «釋草» *«Шицао»*. «Истолкование растений». 荷, 芙渠。<…> 其中的。(Лотос называли «荷» или «芙渠». Семена лотоса называли «的»). Лотос согласно религиозно-мифологическим и фольклорно-поэтическим представлениям воплощает наивысший расцвет жизненных сил и плодоносность природы. 中 – сердцевина, источник жизни.

Анализ толкований знака *чжун* 中, произведенный на основе древнекитайских словарей, показывает, что данный знак демонстрирует свои хронотопические характеристики во всех представленных словарных статьях. Следует отметить, что уже первичные значения данного знака «флаг, знамя» и «солнечный столб» современные китайские ученые предлагают трактовать в мифолого-религиозно-философском ключе. Представленные в древнекитайских толковых словарях метафорические значения *чжун* 中, развиваясь от основной семы знака «центр, середина, внутри», включают следующие значения: «главный», «священный», «духовный», «обитель бессмертных», «благозвучный, гармоничный», «источник высшей власти», «центр универсального политического пространства», «срединная империя», «сердцевина, источник жизни». Перечисленные значения развивают гуманитарную универсальность трактовок первичной семантики *чжун*中, подчеркивают тесную связь социального и сакрального пространств, дополнительно *чжун* 中получает значения «некоего источника, начала», «материального проявления гармоничности». Метафорическая развитость знака наряду с присутствующей в каждом примере пространственно-временной семой «срединности» позволяет нам рассматривать его как символ-хронотоп, который в семиотическом пространстве канона «Чжун юн» создает определенную «систему координат».

Первая глава «Чжун юн» кратко описывает сюжетную архитектонику всего канона. В конце обозначена цель движения благородного мужа, где находятся высшие духовные ценности мира. *Небесная судьба называется природой. Неуклонное следование природе называется Дао. <…> Дао! Его нельзя покинуть и на миг, а что покинуть можно – то не Дао.*[*] 天命之謂性, 率性之謂道, <…>。道也者, 不可須臾離也, 可離非道也。

Здесь пространство развернуто от «внешнего» (трансцендентного) – Неба *тянь*天, небесной судьбы *тянь мин* 天命 к «внутреннему» – природе человека *син* 性. Неслучайно, что традиционным символом Неба в Китае считался круг, который не имеет ни начала, ни конца. Небо *тянь* понималось в пространственном значении «пространство над головой» и временном «день, сезон, время года». Временное значение Неба отдельно определялось в философии. В «Шу цзин» 書經: «Времена» *ши* 時 – это небесный Путь-Дао». «Ли цзи» «禮記»: «Небо рождает времена». «Небесная судьба» *тянь мин* 天命 предполагает

[*] Здесь и далее по тексту курсивом представлены отрывки из «Чжун юн» в переводе отечественного китаиста профессора, А.Е. Лукъянова [Лукъянов, 2003, с. 48–67].

живущего во времени и пространстве человека (вещи 物). В «Чжун юн» пространственное значение Неба, а вслед за ним – природы *син* 性 и пути *Дао* 道 – также тесно связана с временным («нельзя покидать ни на миг» 不可須臾離也, «неуклонное следование» 率), которое выступают критерием истинности Дао.

Этимология природы син 性 (знаки «сердце, центр», «жизнь, рождение») обнаруживают идею витального центра или психосоматической основы живого организма. Благородный муж 君子с особым вниманием относится к своему внутреннему миру: *Муж благородный так осторожен, когда он ничего не видит, так боязлив, когда он ничего не слышит*. 君子戒慎乎其所不睹, 恐惧乎其所不闻。*Благородный муж серьезен в самостоянии (чжан 1)*. 君子慎其独也. Пространство и время – «здесь-и-сейчас бытие» человеческого «я», внутренний мир благородного мужа. Взаимосвязанность индивидуального мира и внешнего трансцендентного мира является одной из главных характеристик канона.

Дао 道 этимологически восходит к идее «главенства» *шоу*首 в «движении / поведении» *син* 行. В современном китайском языке бином *дао-дэ* 道德 означает «мораль, нравственность». В «Шу цзине» «書經» термин 道 *дао* имеет абстрактные значения: «поведение», «продвижение», «путь государя и Неба». В «Чжун юн» хронотоп *дао* 道 реализует идею пути совершенствования человека *сю шень* 修身, следующего своей природе *син* 性.

Когда веселье, гнев, печаль и радость еще не разошлись, зовется это серединой. Когда ж расходятся они по ритмам пульса середины, гармонией зовется это (чжан 1). 喜怒哀乐之未发, 谓之中。发而皆中节, 谓之和。*Веселье – гнев, печаль – радость* 喜怒哀乐 – противоположные по смыслу понятия, одновременное сосуществование которых определяют середину *чжун* 中, а их выражение, соразмерное середине, где ритм регулируется также данными противоположными категориями, определяется как гармония *хэ* 和. Категория гармонии *хэ* 和означает динамическую «уравновешенность» *пин*平 всех противоположностей. *Великий корень Поднебесной – середина. Гармония – всепроникающее Дао Поднебесной. Вот пробудилась середина, она дала гармонии начало, установились Небо и Земля, и вещи стали нарождаться* (*чжан 1*). 中也者, 天下之大本也;和也者, 天下之達道也。致中和。天地位焉, 萬物育焉。Середина – основа Поднебесной, а ее ритм (гармония) – вездесущее и всеобъемлющее начало, которое дает стимул для развития универсума.

Итак, перед нами выстроилась кольцевая композиция: Небо – природа – Дао – середина – всеобщая гармония – рождение вещей – Небо (вновь рожденные вещи Небо также наделяет Небесной судьбой). Данная схема определяет целостность и цикличность жизненного процесса и шире – бытия китайской культуры. Хронотопичность *чжун*中определяется не только его собственной семантикой, но и другими хронотопами – *тянь*天, *тянь мин*天命, *син* 性, *дао*道, *хэ* 和, *тянь ди* 天地, формирующими значение *чжун*中и его пространственно-временные характеристики: 1) *чжун* 中 – центр (воплощенный в человеке 天命/性), стоящий между Небом и Землей 天一中一地, 2) *чжун*中 – направление движения 中道, 3) *чжун*中 – точка равновесия, согласованности разнородных элементов 中和.

Время представлено в каноне, в основном, как абсолютная категория, в значении «всегда» 時. Сопоставление абсолютных категорий и обыденного опыта человека создает смысловые напряженности в тексте канона: *Следование середине – вот совершеннейшее! Однако мало кто из людей способен на это в течение долгого времени! (чжан 3)* 中庸其至矣乎！民鲜能久矣! *Дао непостижимо* 有所不知焉, *дао неосуществимо (чжан 12)* 有所不能焉. Еще один вид напряженности проявляется в трудности обретения пространственно-временного равновесия, под которым мы и понимаем обретение «срединности» *чжун* 中: *умный выходит за, невежа не доходит (чжан 4)* 知者过之, 愚者不及也. В такой же логике осмыслена геополитическая стратегия середины (равновесие противоположных категорий), которая представлена осевой линией географической и политической вертикали Север – Центр – Юг: *Учить великодушию и мягкости, не преследовать за отсутствие Дао – в этом состоит могущество Юга. Спать в латах, не выпуская из рук оружия, идти на смерть, не испытывая трепета, – в этом состоит могущество Севера. Благородный муж хранит гармонию и ни к кому не примыкает. Вот могучая непреклонность! (чжан 10)* (〈…〉宽柔以教, 不报无道, 南方之强也。〈…〉衽金革, 死而不厌, 北方之强也。〈…〉故君子和而不流, 强哉矫！)

Реализация символа-хронотопа *чжун* 中 включает идею исторической преемственности. В «Чжун юн» представлены ссылки на идеи совершенномудрых мужей или письменные памятники прошлого (*Шунь* 舜, *«Ши цзин»* «詩經» *чжаны 6, 12 и др.*), что указывает, с одной стороны, на стремление вписать данный текст в контекст традиции, с другой – ориентированность китайской культуры в прошлое.

Наряду с имманентно-трансцендентным расположением *чжун* 中 представлен в метафизической системе «верх – середина – низ»: *Дао благородного мужа берет начало среди простого народа, но что касается его (дао) вершин-глубин, то их ищи в пределах Неба и Земли (чжан 12).* 君子之道, 造端乎夫妇, 及其至也, 察乎天地. Более того, «верх» определяет положение вещей: *«рождая вещи, Небо непременно щедро к каждой в соответствии с ее качествами. Вот почему то, что растет – оно лелеет, то, что никнет, – оно выпалывает» (чжан 17).* 故天之生物, 必因其材而笃焉。故栽者培之, 倾者覆之. Указанная дихотомия «верх – низ» также реализована и в социальном пространстве, которое тесно связано с метафизическим пространством: *«Вверху не сетует на Небо, внизу он не винит людей» (чжан 14*). 上不怨天, 下不尤人. А «внутреннее» определяет «внешнее»: *Обладающий великой добродетелью непременно займет подобающее ему место, непременно преуспеет на службе, непременно станет знаменитым, ему непременно суждена долгая жизнь (чжан 17).* 故大德必得其位, 必得其禄, 必得其名, 必得其寿. Два указанных организующих, направляющих начала представлены в дихотомии: Небо и природа человека: *Благородный муж ведет себя скромно и ждет веления Неба* 君子居易以俟命 и *в стрельбе из лука есть нечто такое, что характеризует благородного мужа: не попав в центр мишени, спрашивает с самого себя (чжан 14).* 射有似乎君子, 失诸正鵠, 反求诸其身. Здесь *чжун*中 – цель и срединное равновесие между велением Неба и опорой на себя.

Каждый шаг на пути *дао* 道 (осуществления своей природы) соотносится с перспективой повсеместного установления *чжун* 中 описанного в категориях «далеко-близко»: *Дао благородного мужа подобно далекому пути, который всегда начинается с первого шага (чжан 15).* 君子之道, 辟如行远, 必自迩.

В каноне выстраивается горизонтальное («Я» – «другие») и вертикальное социальные пространства реализации *чжун* 中 со значением «мера, «соответствие»: *чего себе не желаешь, того не делай другим (чжан 13)* (施诸己而不愿, 亦勿施于人); реализация пяти видов отношений *(чжан 13),* соответствующее поведение среди богатых и знатных, бедных и худородных, варваров, страждущих и бедствующих и др. *(чжаны 14, 20).*

Система социальных отношений формируется с помощью ритуала *ли* 禮, который является частью хронотопа *чжун* 中. Взятые со стороны своей формы, ритуальные действия – значимые размещения людей и предметов в семиотизированном пространстве-времени, которые регулируют внутренние связи между ними или их внешние отношения с естественными и сверхъестественными силами: *О, как повсюду изобилующее Дэ, содеянное душами и духами! Их не видишь, не слышишь, не можешь найти их следов. [Они] побуждают людей Поднебесной готовить жертвенное просо и надевать праздничные одежды, чтобы совершать воздаяния предкам (чжан 16).* 鬼神之 德, 其盛矣乎！〈…〉 弗见, 〈…〉弗闻, 〈…〉不可遗。 使天下之人, 齐明盛服, 以承祭祀。Правила поведения при трауре, порядок проведения ритуала в Храме предков описаны в 18–19 чжанах. *Знание ритуала <...> позволяет управлять страной так, как будто держат ее на ладони (чжан 19).* 明乎 〈…〉禮、治國其如示諸掌乎！ Изменять ритуал может только управляющий страной (т. е. совершенномудрый центр) *(чжан 28).*

Государственное управление также ориентировано на реализацию «срединности» *чжун* 中в тех же параметрах, что и для становления благородного мужа: «внутреннее – внешнее», «верх – низ», «прошлое – настоящее» *(чжан 20).*

Искренность (подлинность) *чэн* 誠 – категория, которая объединяет все проявления хронотопа *чжун* 中 на индивидуальном, социальном и метафизическом уровнях. Она так же, как и категория природы человека *син* 性 обладает имманентно-трансцендентной природой и является хронотопом: *Искренность – это дао Неба (чжан 20).* 诚者, 天之道也。*Дао совершенной искренности дает возможность узнать грядущее (чжан 24).* 至誠之道, 可以前知。*Искренность – начало и конец вещей* (чжан 25). 誠者物之終始。*Совершенная*

искренность не истощается (вечная) *(чжан 26).* 誠無息。*Совершенная искренность подобна духу (чжан 24).*至誠如神。*[Она] не проявляется, но упорядочивает, не движется, но вызывает изменения, не деяет, но созидает (чжан 26).*不見而章, 不動而變, 無為而成。Только совершенная искренность Поднебесной дает возможность исчерпать свою природу, природу людей, вещей, что в итоге позволит содействовать преобразующим и питающим силам Неба и Земли и составить с ними триединство *(чжан 22).* Человек, обретя искренность, становится центром *чжун* 中 который способен преобразовать и изменить мир (в пространстве-времени).

Идея универсальной упорядоченности разнородной множественности (гармонии) непосредственно связана с идеей совершенствования благородного мужа. *Чжун Ни <…> верху брал в пример небесный круг времен, внизу перенимал (естество) рек и почв. [Он] подобен Небу и Земле, для которых нет ничего, чего бы не поддерживали и не несли, нет ничего, чего бы не обнимали и не покрывали. [Он] подобен временам года, которые проходят своей чередой, подобен Солнцу и Луне, которые попеременно светят (чжан 30).* 仲尼〈…〉上律天時, 下襲水土。辟如天地之無不持載, 無不覆幬, 辟如四時之錯行, 如日月之代明。

Его действия, поведение, слово являются Дао, нормой и образцом для Поднебесной *(чжан 29). Благородный муж, даже не двигаясь, вызывает почтение, даже не вымолвив слова, вызывает доверие (чжан 33).* 君子不動而敬, 不言而信. Совершенномудрый муж становится абсолютным воплощением и источником *чжун* 中.

Используя метод хронотопа, сопоставительный анализ словарных значений *чжун* 中 и его философско-культурной трактовки мы установили, что в каноне: 1) использованы все значения, представленные в древних словарях; 2) развита структурно-семантическая многослойность, коррелятивность *чжун* 中; 3) выпукло и системно продемонстрированы взаимосвязь социального и метафизического значений категории; 4) координатная плоскость хронотопа *чжун* 中 приобретает дополнительное измерение: внутреннее-имманентное (развитая субъективность), прибывающее в тесной связи с трансцендентным (Небо и Земля), социальным пространствами, прошлым, настоящим и будущим временем. *Чжун* 中 представлена как универсальная этическая категория, сформулированная в оптимистическом ключе: на Небе и как следствие в каждом человеке имманентно заложен потенциал «следования середине». Пространство канона выступает как локально-этическая метафора, где символ-хронотоп *чжун* 中 является некой шкалой оценки внутренней эволюции человека. Дао благородного мужа бесконечно расширяясь, углубляясь, переходит в Дао общества и всего универсума. Ч*жун* 中 организует вокруг себя мировое пространство-время, определяя в нем место человека. «Срединность» становится критерием и целью как индивидуального, социального, так и универсального процесса упорядоченного созидания, который сопровождает неотъемлемое качество – трудность постижения и осуществления. Все описанные в каноне уровни целостно организованного бытия подчинены хронотопу *чжун*中, чье семантическое триединство «срединность – цель – мера» в процессе воплощения структурно регулируется ритуалом *ли* 禮, психически (и метафизически) определяется категориями искренности *чэн* 誠 и добродетельности *дэ* 德.

Библиографический список

1. *Готлиб, О.М.* Основы грамматологии китайской письменности [Текст] / О.М. Готлиб. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 284 с.
2. *Кобзев, А.И.* Категории и основные понятия китайской философии и культуры [Текст] / А.И. Кобзев // Духовная культура Китая : энциклопедия [Текст] : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. – М. : Вост. лит., 2006. – 727 с.
3. *Лосев, А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство [Текст] / А.Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1976. – 320 с.
4. *Лукъянов, А.Е.* Конфуцианский трактат «Чжун юн»: Переводы и исследования [Текст] / сост. А.Е. Лукъянов; отв. ред. М.Л. Титаренко. – М. : Вост. лит., 2003. – 247 с.
5. *Шишмарева, Т.Е.* Опыт реконструкции языковой картины мира на основе древнего лексикографического источника [Текст] : дис. канд. филос. наук : 10.02.19 / Т.Е. Шишмарева. – Иркутск, 2008. – 342 с.
6. 说文解字译述（全本）• 李恩江、贾玉民主编。– 郑州：中原农民出版社2000年10月版。
7. 山海經 (全文 注释 译文)[Электронный ресурс].– Режим доступа : http://www.doc88.com/p-472112659217.html (дата обращения : 01.10.2012).
8. 中庸 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.doc88.com/p-368144315812.html (дата обращения : 01.10.2012).

УДК 811.521
ББК 81.001.2 + 81.754.42-3

Н.Ю. Тразанова

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ «Я – ДРУГОЙ» (НА МАТЕРИАЛЕ ЯПОНСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ)

Данная статья посвящена проблеме установления кодовых аксиологем в отношении по вектору осознания себя самого и другого человека как в личной, так и в социальной сфере. Паремиология, содержащая культурные коды, сформировавшиеся в процессе векового опыта народа, потому функционирующая в качестве регулятива в определенном лингвокультурном сообществе, дает возможность выявить специфику отношения к себе и Другому в личном и социальном пространстве человека.

Ключевые слова: *аксиологема; личность; личное и социальное пространство; аксиологическое отношение «Я – Другой»*

N.Yu. Trazanova

AXIOLOGICAL OPPOSITION «MYSELF – THE OTHERS» (ON THE MATERIAL OF JAPANESE PAREMIOLOGY)

The following article is devoted to the problem of setting code axiologemes in axiological attitude to the self and towards the others both in private and social spheres. Paremiology, containing the cultural codes, which have been formed in the process of collecting experience of the people, and therefore functioning as a regulative in a certain society, provides an opportunity to reveal the specific attitude to the self and the others in private and social spaces of human being.

Key words: *axiologeme; personality; private and social spheres; axiological attitude «Myself – the Others»*

Проблема понимания сущности «личности» человека «восточного», *Homo orientalis,* поставлена давно и не потеряла актуальности на настоящий момент. Западные мыслители, основываясь на европейских критериях, нередко полагают, что понятие «личность» на Востоке отсутствует. Однако проблема человека, его сознания, его «пути» всегда была в центре внимания восточной мысли [Штейнер, 1990, с. 164].

Целью данной статьи является установление закономерностей аксиологического отношения «Я – Другой» на материале паремиологии. В связи с этим поставлены задачи определения характеристик понятия «личность» в японской лингвокультуре, а также выведение кодовых паремий-аксиологем, характеризующих отношение человека к самому себе и к другому.

Объектом нашего исследования являются паремиологические выражения, которые кодируют наиболее сущностные культурные смыслы, направленные на коррекцию поведения людей во взаимоотношениях друг с другом.

В ходе работы был проанализирован корпус паремий из таких источников, как «Словарь древних пословиц» [故事ことわざ辞典, 2004], «Новый словарь пословиц и поговорок» [ことわざ新辞典, 2003], «Толковый словарь японского языка» [広辞苑, 1998], «Японско-русский словарь» [研究社和露辞典, 2000].

Анализ языкового материала позволяет определить сущность понятия 人 *хито* «человек» по иероглифическим сочетаниям, комбинирующим различные спектры человеческих и личностных качеств, а также отражающим взаимоотношения с социумом: 人間 *нингэн* «человек», «люди», «человечество»; 人々 *хитобито* «люди», «народ»; 人格 *дзинкаку* «личность», «индивидуальность»; 個人 *кодзин* «частное лицо», «индивидуум»; 自分 *дзибун* «я», «сам»; 人物 *дзинбуцу* «человек», «лицо», «фигура», «особа»; 身分 *мибун* «личность», «класс», «сословие» и т. д.

Слово人間 *нингэн* «человек», записывается двумя иероглифами – собственно «человек» *нин-* и *-гэн* - «промежуток», «интервал», «среди», «между». В семантическом поле данно-

© Тразанова Н.Ю., 2012

го иероглифического сочетания можно выделить, по меньшей мере, три значения. Первое – «человеческое существо, находящееся в пространстве ма – в мире вещей и других людей» [Сюмпэй Кумон, цит. по: Штейнер, 1990, с. 167]. Второе значение – группа людей, находящихся в социальном поле айдагара, т. е. в социальном контексте. Третье – «само социальное поле – человечество как форма и возможность взаимодействия человека с человеком» [Там же].

Показательна для рассмотрения в этом плане комбинация иероглифов 自分 *дзибун* «я», «сам», которая в буквальном переводе обозначает «своя часть», что подразумевает восприятие индивида как доли, части целостного общества, зависимость от него, принадлежность к нему.

В соответствии с другим иероглифическим сочетанием 人格 *дзинкаку* со значением «личность», «индивидуальность», где знак 格 *-каку* изначально толковался как «рама», «решетка», «клетка», «графа», и затем приобрел значение «норма», «форма», «тип» человек мыслится в контексте «быть в рамках», «ограничиваться», «подходить по норме» [Штейнер, 1990, с.167].

Таким образом, в отличие от западных языков, маркирующих человека как отдельную поведенческую личность («индивидуум», «person», «man»), японский язык фиксирует образ человека, «живущего среди людей», по правилам строго иерархизированного социума. Обращение к паремиям подчеркивает эту идею: 人は人中田は田中 *Хито ва хитонака, та ва танака* «Человек среди людей, поле – среди полей»; 人のふり見て我がふりなおせ *Хито но фури митэ вага фури наосэ* «Глядя на людей, исправляйся сам»; 花は山人は田舎 *Хана ва яма хито ва инака* «Цветок в лесу, человек – в деревне».

Основным понятием, формирующим и структурирующим японское общество, является четкое разграничение на «свое» и «чужое», которое в японском языке реализуется в оппозиции «внутри – снаружи», 内 – 外 *ути – сото* [Алпатов, 2008, с.79], поскольку японская культура сложилась как культура «групповая».

Итак, учитывая значимость отношения «Я – Другой» в зависимости от дихотомии «внутри» – «снаружи» группы, рассмотрим данное аксиологическое отношение на материале паремиологии.

Понятие «Я» понимается как физическое и духовное бытие человека в социуме. Специфика аксиологического отношения к самому себе в японской культуре заключается в том, что, будучи обязанным подавлять личное во взаимодействии с социумом, в диалоге с самим собой, в интроспекции он позволяет себе «дать выход эмоциям», расслабиться полностью, почувствовать себя вне рамок. Поэтому в Японии ведение личных дневников является довольно распространенным явлением, а в художественной литературе уделяется большое внимание тщательному описанию чувств, эмоций и состояний персонажей.

Анализ материала показывает, что внутреннее состояние человека в паремиях фиксируется с помощью таких ключевых понятий японской лингвокультуры, как 心 *кокоро* «сердце», «душа», «чувство», «мысль»; 腹 *хара* «живот», «душа»; 気 *ки* «воздух», «атмосфера», «дыхание», «дух», «душа», «сердце».

Аксиологическое содержание понятия 心 *кокоро* в составе паремий отражает внутренние чувства и эмоции человека, его ментальную деятельность: 心ほどの世を経る *Кокоро ходо но е о хэру* «Сужать мир до своих представлений»; 心に描く *Кокоро ни эгаку* «Представлять себе, воображать»; 心に残る *Кокоро ни нокору* «Оставаться в памяти»; ぼろ着ても心は錦 *Боро китэ мо кокоро ва нисики* «Хоть сам в лохмотьях, да сердце в парче»; 人は見目よりただ心 *Хито ва мимэ ери тада кокоро* «Человек – это его сердце, а не черты лица»; 心広く体ゆたかなり *Кокоро хироку тай ютака нари* «Если сердце великодушно, то и тело здорово» [故事ことわざ辞典, 2004].

В данных примерах обнаруживается представление о том, что душевные качества человека оцениваются выше, чем внешность; внутренний мир противопоставляется внешнему облику, часто поверхностному, показному. Вместе с тем, указывается на то, что гармоничное душевное состояние оказывает благотворное влияние на телесное здоровье, и наоборот, дисгармония провоцирует дисбаланс на телесном уровне.

Отдельная группа паремий японского языка указывает на то, что природа こころ *кокоро* маркируется как *тайное, непредсказуемое,*

неведомое во внутреннем мире человека: 財布の底と心の底は人に見せるな *Сайфу но соко то кокоро но соко ва хито ни мисэру на* «Не показывай людям содержимого кошелька и того, что на сердце»; 分からぬは夏の日和と人の心 *Вакарану ва нацу но хиери то хито но кокоро* «Трудно понять погоду в летний день и человеческое сердце» [故事ことわざ辞典, 2004].

Значительная часть японских паремий посвящена идее о том, что こころ *кокоро* «сердце / душа» выступает в роли *контактоустанавливающего* фактора: 以心伝心 *Исиндэнсин* «От сердца к сердцу»; こころざし合えば胡越も昆弟たり *Кокородзаси аэба коэцу мо контэй ари* «Если совпадают намерения (цели), то и чужие становятся близкими, как братья»; 心合わざれば肝胆も楚越の如し *Кокоро авадзарэба кантан мо соэцу но готоси* «Если не ладишь с родными, они становятся как чужие» [広辞苑, 1998; 故事ことわざ辞典, 2004].

Устойчивое выражение 以心伝心 *Исиндэнсин* «От сердца к сердцу» иллюстрирует идеальный тип истинного взаимодействия между людьми, характеризующийся чувством принадлежности друг к другу, единством, преобладанием «молчаливой» коммуникации (когда взаимные вибрации улавливаются собеседниками без лишних слов). Такой тип общения типичен для членов «своей» группы или тех, кто может в данной ситуации считаться «своим», в зависимости от того, кто признается близким по «духу». В этом плане в паремиях наблюдается неоднозначность в плане того, что при определенных условиях «свои» могут стать «чужими» и наоборот.

В японской культуре ценится умение «разговаривать сердцем», создавая тем самым атмосферу единодушия с собеседником. В этом плане, в поговорках часто противопоставляется рот как «источник всех бед» и «молчаливое», но «сострадательное» сердце: 口は災いの門 *Кути ва вадзаваи но мон* «Уста – несчастий врата»; 口でけなして心で褒める *Кути дэ кэнаситэ кокоро дэ хомэру* «Рот ругает, а сердце хвалит»; 口は持って食うべし、もって言うべからず *Кути ва моттэ куу бэси, моттэ иу бэкарадзу* «Рот для того, чтобы есть, а не говорить».

Ключевое понятие 腹 *хара* «живот», «душа» означает, что живот считается не только витальным центром тела, а также вместилищем души. Поэтому, когда совершалось самоубийство с помощью разрезания живота – харакири или сэппуку – считалось, что человек тем самым открывает перед всеми чистоту своих помыслов, либо приносит извинения за неверное действие. Кроме того, вскрывая живот, он освобождает свою душу.

В составе паремиологических единиц понятие 腹 *хара* встречается довольно часто в контексте описания близкого контакта с другим человеком: 腹と腹を合わせる *Хара то хара о авасэру* (букв. «соединять животы») «соглашаться»; 腹を探る *Хара о сагуру* «узнавать, спрашивать»; 腹を見せる *Хара о мисэру* (букв. «показывать живот»), 腹を割る *Хара о вару* «быть откровенным».

Что касается понятия 気 *ки* с основными значениями «дух», «воздух», «дыхание», то оно во многих паремиях используется как синонимичное понятию 心 *кокоро* «сердце» / «душа». Данный факт подтверждается следующими выражениями: 気は心 *Ки ва кокоро* «Дух – это сердце»; 気が出ない *Ки га дэнай* «Сердце / душа не на месте»; 気が若い *Ки га вакай* «Молод душой»; 気が楽になった *Ки га раку ни натта* «Камень с души свалился».

Кроме того, 気 *ки* в составе паремий может принимать следующие значения, имеющие аксиологическое содержание: 1) «настроение» – 気が変わる *ки га кавару* «настроение меняется»; 気が重い *ки га омой* «не хочется»; 気を悪くする *ки о варуку суру* «портить настроение»; 2) «сознание», «разум» – 気を失う *ки о усинау* «терять сознание»; 気が狂う *ки га куруу* «сходить с ума»; 3) «внимание», «забота» – 気がつく *ки га цуку* «замечать», «обращать внимание»; 気を配る *ки о кубару* «заботиться»; 気を許す *ки о юрусу* «быть доверчивым»; 4) «характер» – 気の合った *ки но атта* «сходиться характерами»; 気の大きい *ки но о:кий* «великодушный»; 気の小さい *ки но тиисай* «малодушный»; 5) «интерес», «любовь», «склонность» – 気がある *ки га ару* «интересоваться»; 気に入る *ки ни хаиру* «нравиться»; 気を引く *ки о хику* «привлекать внимание».

Таким образом, паремии, включающие понятия心 *кокоро*, 腹 *хара*, 気 *ки*, объединенные общими смыслами «сердце», «душа», «дух», которые характеризуют душевное состояние человека, указывают на то, что данные аксиологические смыслы фиксируют внутренний

мир человека, то, что не позволено выносить на всеобщее обозрение, однако, является необходимым «фоном» в общении с другими.

Одним из важнейших фрагментов кода любой лингвокультуры следует считать отношение к другому в пространстве «домашнем», поскольку, во-первых, в широко распространенной оппозиции пространственного кода «свое – чужое» «дом» занимает центральное место в «своем», привычном мире в противопоставлении «чужому»; во-вторых, дает представление о ценностных отношениях между людьми «домашнего» пространства.

В результате анализа паремий выделены следующие оппозиции, на основе которых характеризуются отношения между членами японской семьи: «муж – жена», «родители – дети», «старший – младший».

1. Отношения *муж – жена* выстраиваются на духовной основе взаимосвязи мужского и женского начал в японской культуре, которые восходят к прототипическим образам божеств синтоистской мифологии Идзанаги и Идзанами, спустившихся с небес на землю и считающихся прародителями человека. В сборнике японской мифологии 古事記 Kojiki подчеркивается идея о том, что 夫唱婦随 *Фусе: фудзуй* «Муж главенствует, жена подчиняется». Существуют и другие устойчивые сочетания, указывающие на подобную мысль: 男は家屋を作り、女は家庭を作る *Отоко ва каоку о цукури, онна ва катэй о цукуру* «Мужчина строит дом, женщина строит (создает) семью»; 女は三界に家なし *Онна ва сангай ни иэ наси* «У женщины нет дома во всех трех мирах» [ことわざ新辞典, 2003].

Однако, несмотря на достаточно четкое статусное разграничение, выявляются также примеры, противоречащие концепции подчиненного положения женщины: 女の一念岩をも通す *Онна но итинэн ива о мо тоосу* «Женщина захочет, сквозь скалу пройдет»; 女の髪の毛には大像も繋がる *Онна но ками но кэ ни ва тайдзо: мо цунагару* «Одним женским волосом можно связать одного большого слона»; 布はぬきから男は女から *Нуно ва нуки кара отоко ва онна кара* «Ткань начинается с нитки, а мужчина с женщины» [広辞苑, 1998; 故事ことわざ辞典, 2004]. В приведенных примерах ведущая позиция приписывается именно женщине, что придает паремиям оттенок парадоксальности. В данном случае имеется в виду то, что природная женская мудрость позволяет ей, признавая явное главенствующее положение мужчины, находить способы добиваться желаемого, и даже порой быть скрытым лидером.

2. Взаимосвязь 親子 *ояко* «родители – дети» представляет собой особое ответвление семейных отношений, в которых традиционно предполагается оказание почтения по отношению к родителям, с одной стороны, и проявление любви, заботы к детям, с другой: はとに三枝の礼あり *Хато ни сан си но рэй ари* «И голубь садится на три ветки ниже родителей»; 父の恩は山よりも高く母の恩は海よりも深し *Тити но он ва яма ери мо такаку хаха но он ва уми ери мо фукаси* «Милость отца выше гор, милость матери глубже моря»; いつまでもあると思う親と金 *Ицу мадэ мо ару то омоу оя то канэ* «Думаешь, что всегда будут с тобой – деньги и родители» [ことわざ新辞典, 2003].

Судя по примерам почитание родителей приносит детям благо родительской милости, поддержки и защиты от жизненных трудностей. Исполнение сыновнего долга, почитаемое за высшую добродетель в японском обществе, берет начало у истоков синтоистского культа природы, согласно которому надлежит оказывать почтение Небу и Земле, которые являются «родителями» каждого человека в мире. Добродетель Человечества, таким образом, состоит в том, чтобы объединить служение природе и сыновнее благочестие [Елисеефф, 2006, с. 131].

Отношение родителей к детям имеет характер нежной привязанности, любви, заботы, опеки: 子に過ぎたる宝なし *Ко ни сугитару такара наси* «Нет сокровища большего, чем дети»; 三人子持ちは笑ういて暮らす *Саннин ко моти ва варауитэ курасу* «Если есть трое детей, живешь с улыбкой» [故事ことわざ辞典, 2004]. В то же время существует необходимость заботиться о них, воспитывать и обучать, посвящать им свое время, испытывая при этом трудности: 子は三界の首かせ *Ко ва санкай но кубикасэ* «Дети – бремя в трех мирах»; 無い子では泣かれぬ *Най ко дэ ва накарэну* «Если детей нет, они не плачут» [ことわざ新辞典, 2003].

3. Взаимоотношения типа 先輩–後輩 *сэмпай – ко:хай* «старший – младший» отражают отношения не только между родителями и

детьми, братьями и сестрами, но и отношения, пронизывающие всю структуру общества. В соответствии с исторически сложившимися традициями японской культуры, предписывается соблюдать строгую иерархию, под которой понимается «должным образом упорядоченный космос, в котором всякий занимает принадлежащее ему по праву место» [Бенедикт, 2004, с.21]: 三尺下がって師の影を踏まず *Сандзяку сагаттэ си но кагэ о фумадзу* «Отставая на 3 сяку, не наступать на тень учителя» (сяку ≈ 30,3 см.); 実るほど頭の下がる稲穂かな *Минору ходо атама но сагару инахо кана* «Созревший рисовый колос склоняет голову» [ことわざ新辞典, 2003].

В данных примерах раскрывается идея о безоговорочном почтении по отношении к старшему по возрасту и положению, подчеркивается разумность и естественность соблюдения норм уважения, неприемлемость нарушения субординации, что приводит к беспорядку, следовательно, оценивается отрицательно.

Несложно заметить, что отношения «старший – младший» тесно взаимосвязаны с отношениями «родители – дети», объединяющим фактором для которых является понятие あまえ *амаэ*, относящееся к ключевым словам японской культуры [Wierzbicka, 1997, p. 238]. Данное понятие означает прочную связь между матерью и ребенком, перенесенную на отношения зависимости младшего от старшего в любой группе (семье, фирме, нации). Младший по рангу либо по возрасту имеет право рассчитывать на любезность и «отеческое» отношение со стороны старшего. В свою очередь «младший» оказывает должное почтение «старшему», а также исправно исполняет свои обязанности в соответствии с «подобающим местом в обществе». Такого рода отношения считаются созвучными с мудрыми законами окружающего мира.

Результаты рассмотрения паремий по вектору «я – друзья» позволили выявить разновидности товарищеских отношений, которые устанавливаются между похожими по духу, роду деятельности, статусу и социальному положению, возрасту людьми: 似るを友 *Ниру о томо* «Подобное притягивается к подобному»; 割れ鍋に綴じ蓋 *Варэ набэ ни тодзи бута* «Треснувшей кастрюле – дырявая крышка»; 竹馬の友 *Тикуба но томо* «Друг детства» (лошадка из тростника 「竹馬」 *тикуба* выступает символом детской дружбы); 朋有り遠方より来たる *Томо ари энпо: ери китару* «Если есть школьный друг, он приедет даже издалека; 同舟相救う *До: сю: ай суку:* «Друзья в одной лодке помогают друг другу» [ことわざ新辞典, 2003].

В аксиологическом отношении по вектору «я – посторонний / чужой человек» обозначение «другого» реализуется через знаковые сочетания 他人 *танин* «другой»; よその人 *есо но хито* «человек со стороны», «чужой»; 関係のない人 *канкэй но най хито* «посторонний человек». Кроме того, используется также идиоматическое устойчивое выражение 赤の他人 *ака но танин* «совершенно незнакомый человек» со знаком 赤 *ака* «красный».

Японская паремиология показывает другого человека как представителя «чужого», неосвоенного пространства в оппозиции к «своему» миру, подчеркивая скованность, принужденность в присутствии других: 他人の飯を食う *Танин но мэси о ку:* «Есть рис чужих людей»; 他人の飯を食わねば親の恩は知れぬ *Танин но мэси о куванэба оя но он ва сирэну* «Не поев чужого риса, не узнаешь родительской милости».

Ряд паремий предостерегает о том, что другой человек переменчив, непредсказуем, даже опасен: 測りがたきは人心 *Хакаригатаки ва хитогокоро* «Сложно измерить сердце другого человека»; 頼みがたきは人心 *Таномигатаки ва хитогокоро* «Трудно просить другого»; 人心は山川より険 *Синдзин ва сансэн ери кэваси* «Душа человека опаснее гор и рек».

В соответствии с данными паремиологии, в японском обществе считается, что денежные дела и расчеты отдаляют людей друг от друга, делают их чужими: 貸し借りは他人 *Каси кари ва танин* «Дать взаймы или одолжить – у чужих людей»; 親子の仲でも金銭は他人 *Ояко но нака дэмо киндзэни ва танин* «Денежные дела между родственниками делают чужими».

Однако, с другой стороны, исходя из принципа «человеколюбия» 人情 *ниндзе*, являющимся одним из основных в японском обществе, к своему ближнему следует относиться с состраданием, искренне стараться быть полезным ему: 人を傷る者は己を傷る *Хито о кидзуру моно ва онорэ о кидзуру* «Тот, кто причиняет вред другому, пострадает сам».

Результаты рассмотрения языкового материала в плане аксиологического отношения по вектору «я – иностранцы, жители других стран» обнаруживают следующие характерные черты.

Слово «иностранец» на японском языке, 外国人 *гайкокудзин*, 外人 *гайдзин*, включает в себя иероглиф 外 – «снаружи». Другие варианты именования жителей других стран: 異人 *идзин*, 異邦人 *ихо:дзин*, где знак 異 имеет такие толкования, как «другой», «необычный», «странный», «ненормальный».

Однако исторические факты говорят о том, что не всегда отношение к жителям других стран было неприязненным. В древней Японии существовало понятие まれびと *марэбито* «редкий гость», «божественный пришелец из далеких краев». В те времена считалось, что появление такого гостя приносит счастье [Синобу Орикути, цит. по: Чугров, 2009, с. 228].

Позднее слово まれびと *марэбито* приобрело значение «пришлый странствующий монах», «целитель», «предсказатель», который наделен сверхъестественным даром и приносит удачу, новую информацию, знания. Приход пришельца подразумевал оказание ему знаков гостеприимства.

В эпоху раннего Средневековья возникло двойственное восприятие «редких гостей» в зависимости от того, сопровождалось ли их появление удачами или несчастьями. Их стали бояться и называть 鬼 *они* «черти» или よかい *екай* «чудовища», которые могут принести эпидемии, голод, стихийные бедствия. Данное мифологическое восприятие «чужих» закрепилось и на протяжении веков являлось конституирующим элементом японского менталитета.

Таким образом, рассмотрение японских паремий в аксиологическом срезе по отношению к самому себе и к другому позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в японской культуре человек, прежде всего, осознает себя составной частью общества / группы, а не отдельной индивидуальностью. Во-вторых, паремии с ключевыми аксиологемами 心 *кокоро*, 腹 *хара*, 気 *ки* с обобщающим значением «сердце» / «душа», указывают на то, что внутренний мир человека является необходимой основой для взаимодействия с другими. Во-третьих, группа «своих» любого уровня структурирована по модели «семья», следовательно, отношения между членами группы выстраиваются по принципам взаимозависимости 先輩 – 後輩 *сэмпай – ко: хай* «старший – младший», 親子 *ояко* «родители – дети», 男 - 女 *отоко – онна* «мужчина – женщина». К членам «чужой» группы, особенно к иностранцам, принято относиться с осторожностью, маркируя их выражением 関係のない人 *канкэй но най хито* «человек, не имеющий отношения» к одной из «своих» групп.

Библиографический список

1. *Алпатов, В.М.* Япония : язык и культура [Текст] : учеб. пособие / В.М. Алпатов – М. : Языки славянских культур, 2008. – 79 с.
2. *Бенедикт, Р.* Хризантема и меч : модели японской культуры [Текст] / Р. Бенедикт; пер. на рус. Н.М. Селивестров. – СПб. : Наука, 2004. – 359 с.
3. *Елисеефф, В.* Японская цивилизация [Текст] / В. Елисеефф, Д. Елисееф; пер. с франц. И. Эльфонд. – Екатеринбург : У-Фактория, 2006. – 131 с.
4. *Норбури, Пол* Япония [Текст] / Пол Норбури // пер. с англ. Ю.Е. Бугаева. – М. : АСТ: Астрель, 2007. – С. 38–46.
5. *Прасол, А.* Япония. Лики времени : менталитет и традиции в современном интерьере [Текст] / А. Прасол. – М. : Наталис, 2008. – 360 с.
6. *Чугров, С.В.* Анти-«нихондзинрон», или новые мифы об уникальности японской политической культуры [Текст] / С.В. Чугров // Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе : политические, экономические и социально-культурные аспекты / Ассоциация японоведов. – М. : Вост. лит., 2009. – С. 218–244.
7. *Штейнер, Е.С.* Феномен человека в японской традиции: личность или квазиличность? [Электронный ресурс] / Е.С. Штейнер // Человек и культура : Индивидуальность в истории культуры. – М., 1990. – С. 164–190. – Режим доступа : http://ec-dejavu.ru/p/Personality_Japan.html (дата обращения : 15.08.2012).
8. *Wierzbicka, A.* Understanding Cultures Through Their Key Words [Text] / A. Wierzbicka. – New York, Oxford : Oxford University Press, 1997. – P. 238–242.
9. 研究者和露辞典［テキスト］ / 研究者. - 東京、2000.
10. 広辞苑［テキスト］. ー東京: 岩波書店、1998 ー241, 1573ページ.
11. 故事ことわざ辞典［テキスト］/ 東京: 三省堂編修所, 2004.
12. 日向一雅 ことわざ新辞典 ［テキスト］/ 一雅日向 ー 東京: 高橋書店、2003.

УДК 811.531
ББК 81.2-923

О.А. Трофименко

ЧТО ТАКОЕ «КОРЕ МАР»?

Целью данной работы является описание языка российских корейцев – коре мар. В работе рассматривается история появления корейцев на территории России, прослеживается становление коре мар, определяется терминология и особенности языка коресарам.

***Ключевые слова**: корейский язык; диалект; островной диалект; коре маар; коресарам; исчезающие языки*

O.A. Trofimenko

WHAT IS KORYO MAR?

This paper is aimed at a description of the language of Soviet Koreans – Koryo mar. I consider the consequencies of Koreans` migration to the Russian territory, describe the process of Koryo mar formation as well as its specific traits.

***Key words:** Korean language; Koryo mar; Koryo saram; insular dialect; dialect; endangered languages*

Далекие предки переселенцев на русский Дальний Восток происходили в основной своей массе из провинции Северный Хамген. Диалекты* этой провинции делились на три подгруппы: Югып (шесть уездов – Пурен, Кенхын, Онсон, Кенвон, Косон и Хверен) самой северной части Корейского полуострова, граничащей с Россией и Китаем; Саып («четыре уезда – Кенсон, Менчхон, Кильчу и Хаксон) и Мусан. С языком корейцев, проживающих в Приморском крае, в большей степени связана первая подгруппа диалектов. Во время правления короля Седжона на самых северных границах Кореи были заложены 6 крепостей-гарнизонов – Юкчин, которые позднее назывались Югып. Продолжительная изоляция от развивавшихся литературных языков, поглощение элементов диалектов малочисленных выходцев их южных провинций, затем консервация, наконец, влияние русского языка привели к образованию к образованию лингвистического феномена, получившего название коре мар [Ким. Режим доступа : http://www.worldlib.ru].

Коре мар – это язык корейцев (коресарам, советские / российские корейцы), существующий в основном в устной форме и функционирующий лишь в семейно-бытовой сфере.

Язык советских корейцев имеет 2 разновидности, причем 90 % корейцев говорят на северо-хамгенском диалекте, остальные 10 % говорят на диалекте Югын или Юкчин, т. е. на архи – консервативном диалекте шести городов. Первые корейские поселения на русский дальний Восток были выходцами именно из этого региона, однако позже они растворились в большой массе новых миграционных волн, последовавших в 1910–1920 гг. их региона. Основная разница между этими двумя субдиалектами заключаются в гораздо более архаичной фонологии Югып [Ким. Режим доступа : http://www.worldlib.ru].

Коре мар долго находился в изоляции от языкового ареала, подвергался влиянию русского языка и языков Средней Азии. В результате в коре мар мы можем наблюдать лексику, уже не использующуюся в северо-хамкенской провинции, откуда родом были первые переселенцы, грамматика и фонетика также подверглись сильным изменениям, тем самым коре мар представляет собой уникальный языковой феномен.

Уровень языковой компетенции и характер речевого поведения различаются по возрастным и социальным группам корейской диаспоры. В возрастной группе до 25 лет абсолютно преобладающая часть корейцев совершенно не владеет коре мар. Для возрастной

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ, номер гранта 12-04-00083

© Трофименко О.А., 2012

группы от 25 до 60 лет характерно пассивное владение языком на уровне понимания просторечия на обиходные, бытовые темы. Лишь самая старшая возрастная группа от 60 до 80 лет, выросшая в относительно этнокомпактной сельской среде и получившая азы письменной национальной грамоты, владеет в определенной степени говорением. Для поколения рожденных в пределах СССР корейцев родным языком стал русский, а для преобладающей части депортированного поколения, которых в определенном смысле можно отнести к билингвам, русский язык по степени владения стал первичным, а корейский – вторичным [Ким. Режим доступа : http://www.worldlib.ru] .

Что касается дифференциации языковой компетенции по социальной принадлежности, то в первичном делении на людей на две группы: умственного и физического труда, безусловно, первая уступает второй в степени сохранения навыков корейского языка. Физическим трудом корейцы были заняты в основном в аграрном секторе, а, как известно именно село является тем этногомогенным резервуаром, в котором лучше чем в национально-смешанном городской «котле» сохраняется этническая культура и язык. Среди людей интеллектуального труда знания языка сохранили и развили те, кто по роду своей профессиональной деятельности были заняты либо в корейскоязычных средствах массовой информации (газета, радио, телевидение), либо в корейском театре.

Таким образом, можно сделать следующие выводы по оценке языковой ситуации среди современной корейской диаспоры:

1. Качественные и количественные показатели свидетельствуют о смене родного языка, происшедшей у преобладающей части корейцев.

2. В силу действия факторов политического, социально-культурного и этнопсихологического характера сферы употребление корейского языка сузились до семейно-бытовых отношений.

3. Инновации, динамично развивающиеся отношения с Южной Кореей, всплеск этнического самосознания и деятельность корейских общественных организаций стимулировали возросший интерес к корейскому языку, желание овладеть им.

4. Корейцы настолько ассимилировались, что не считают необходимым изучать коре мар, предпочитая литературный корейский язык.

5. Коре мар владеют только представители старших возрастных групп, молодежь его совсем не знает и даже не различает на слух.

6. Коре мар не имеет документирования и письменной фиксации.

Язык живет до тех пор, пока есть люди, которые используют его в речи. Критериями определения языка как исчезающего (вымирающего seriously endangered language) являются:

1. Язык не изучается молодежью, так как в его использовании нет необходимости.

2. На языке говорит лишь небольшой процент говорящих (соотносительно всей совокупности этноса).

3. Язык функционирует только в сфере быта и фольклора, не преподается в школе, не используется на радио, ТВ, печати.

4. Язык является не первым, а вторым.

5. Язык не имеет письменной формы.

Н.С. Пак отмечает, что «функционирование корейских диалектов в изоляции, вдали от материнского языкового поля, а также возникновение новых территориальных вариантов корейского языка – это результат сложных глоттонических процессов» [Пак, 2005, с. 12].

В российском корееведении изучению языка коре сарам, точнее, одного из диалектов, посвящена только одна работа – Н.С. Пак «Корейский язык в Казахстане: проблемы и перспективы», а также ряд статей Г.Н. Кима, с которыми можно ознакомиться в Интернете. Что касается языка, который использую российские корейцы, живущие на территории Приморского края, то он до сих пор не изучен.

Переселение корейцев в Россию. Начало корейского переселения на русский Дальний Восток связано с включением в состав российских владений в Азии Приамурья (по Айгунскому договору 1858 г.) и Приморья (по Пекинскому трактату 1860 г.) в начале второй половины XIX в.

После присоединения Приамурья и Приморья в состав Российских владений испытывался острый недостаток рабочей силы. Вполне понятно, что в этой ситуации русским властям было выгодно принять переселенцев из северных провинций Кореи, которые под-

вергались на родине эксплуатации со стороны правящего класса [Корейцы на Российском Дальнем Востоке, 2001, с. 10].

Таким образом, уже в 1884 г. рассматривается вопрос о корейцах-поселенцах, в частности о принятии ими русского подданства. Первое появление корейских иммигрантов относится к 1863 г. В 1864 г. из Кореи перешло уже 60 семей в количестве 308 человек, которые поселились в Посьетском районе [Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах, 1997, с. 33].

В 1900 г. разрешился вопрос о подданстве корейцев, переселившихся в Россию. Было решено принять в русское подданство всех корейцев, переселившихся в Россию, отнеся их к сословию государственных крестьян. Также было признано нежелательным дальнейшее переселение корейцев [Бэ Ын Гиенг, 2001, с. 11].

В 1905 г. в Приморской области насчитывалось уже 34 399 корейских переселенцев, из которых 15 122 были приняты в русское подданство. Тяга к принятию русского подданства объяснялась и стремлением корейцев к преодолению языкового барьера и культурных различий с местным русским населением. Дети, достигшие школьного возраста, ходили в русские школы, некоторые из них продолжали и дальше обучение, поступали в гимназии и университеты.

Постепенно численность корейского населения в Приморье возрастала. В 1913 г. по анкетной переписи Переселенческого Управления было учтено корейцев 48 722 /в сельских местностях / [Корейцы на Российском Дальнем Востоке, 2001, с. 169].

Прибывшие из Кореи переселенцы основной массой оседали в приграничных районах и затем уже, по мере их заполнения, продвигались вглубь страны [Белая книга о депортации корейского населения России в 30-40-х годах, 1997, с. 35].

К середине 1930-х гг. XX в. политика в отношении корейского населения на Дальнем Востоке кардинально изменилась [Бугай. Режим доступа : http://www.worldlib.ru].

Только по причине национальной принадлежности корейцы (около 175 тыс. человек) во второй половине 1930-х гг. в принудительном порядке были депортированы в основном в Среднюю Азию. Поскольку первоначально переселение рассматривалось как административное, правительство принимало меры к смягчению его последствий с помощью материальных компенсаций, обеспечения жильем, работой и т. д. в местах, куда прибывали переселенцы [Там же] .

Насильственное переселение корейцев в Среднюю Азию в 1937 г. было равносильно ссылке. В ходе переселения многие умирали, особенно старики и дети. В целом, из районов Дальнего Востока, по состоянию на октябрь 1937 г., было отправлено 55 эшелонов с общим числом 15 620 корейских семей (75 294 человек). Всего же было вывезено 124 эшелона в составе 36 442 семьи – 171 781 человек [Бэ Ын Гиенг, 2001, с. 22] .

Они были разбросаны по полупустынным местам в Средней Азии. Корейцы распределялись в Узбекской ССР – 16 272 семьи, в Казахской ССР – 20 170 семей. Депортированные не имели права выбора места жительства и права на свободное передвижение [Ким, 2003, с. 129]. Переселение было завершено в октябре – ноябре 1937 г. [Корейцы на Российском Дальнем Востоке, 2001, с. 141].

Корейским переселенцам пришлось претерпеть многие лишения и преодолеть огромные трудности, связанные с переселением и обустройствам на местах нового проживания [1937 год Российские корейцы, 2004, с. 78].

Корейские переселенцы отмечали доброжелательность местного населения. Им пришлось адаптироваться к среднеазиатской среде, начать заниматься земледелием. Постепенно обосновываясь, как это было на Дальнем Востоке, они начинали все заново [Пискулова, 2006, с. 153].

С 1953–1957 гг. для корейцев были отменены ограничения на перемещения и поселение за пределами территории первоначальной депортации, отменены ограничения по призыву на службу в армию. Все это способствовало увеличению миграции корейского населения, особенно молодежи из сельской местности в города. Также возросла миграция в Россию, в частности, в Ростовскую область [Ткаченко, 2000, с. 152] .

Позже в результате распада СССР в 1991 г. «советские корейцы» стали гражданами нескольких независимых государств. Наибольшая часть корейской общины оказалась в Узбекистане, России, Казахстане и Киргизии.

Экономический кризис тяжело отразился на жителях всех бывших союзных республик. Кроме того, корейцы республик Средней Азии и Казахстана подверглись усиленной дискриминации по национальному признаку. Будучи в основном русскоязычными, они оказались в таком же положении, как и русские, по отношению к «титульной нации» новых государств [Пак, 1953, с. 152] .

Снова корейская община оказалась на крутом переломе своей судьбы. Значительное снижение жизненного уровня и усиление дискриминации привело к массовой миграции корейского населения в Россию, где корейцы почувствовали себя полноправной нацией среди других народов.

После депортации и возвращения на Дальний Восток в судьбе корейцев многое изменилось, что невозможно оценивать однозначно и определенно. Потеря своей культуры ощутимо сказалась на развитии всех российских корейцев. Сейчас российские корейцы являются живым мостом между Россией и исторической Родиной в многогранном сотрудничестве во всех областях науки, экономики и культуры.

История коре маар. Продолжительная изоляция от развивавшихся литературных языков, поглощение элементов диалектов малочисленных выходцев их южных провинций, затем консервация и, наконец, влияние русского языка и языков Средней Азии привели к образованию лингвистического феномена, получившего название коре мар.

В отличие от диалектов Корейского полуострова, имеющих прикрытие со стороны литературного корейского языка, диалекты корейцев России и Средней Азии, оторванных от языкового ядра, лишены были такой защиты [Пак, 2005, с. 21] .

До депортации корейцев в Среднюю Азию и ликвидации системы образования на национальном языке, корейский язык ранжировался в языки народов СССР. Затем в течение длительного периода корейский язык, существовавший в устной, разговорной форме, не имел никакого официального статуса. В советской статистике по печатной продукции он входил в группу «Языков народов зарубежных стран». И это в какой-то мере соответствовало объективной реальности, ибо книги, напечатанные на корейском языке, представляли собой в основном переводы общественно-политической, классической русской и советской литературы, выполненные на северокорейском языковом стандарте [Ким. Режим доступа : http://www.worldlib.ru] .

Чем же является коре мар?

Историческая изменчивость, динамизм языковой системы – это постоянное и существенное качество языка. Одним из важнейших результатов исторического развития является разнообразие языков, языковых категорий и явлений. Поэтому познание природы языка предполагает определение влияния на язык фактора времени, раскрытие типов и форм языковых изменений, причин и результатов этих изменений.

В корейском языке, как и в других языках, существуют диалекты, имеющие свою фонетическую, грамматическую и лексическую систему, которые могут являться для говорящих на этих диалектах людей единственным средством общения.

Корейский язык представляет собой сложное языковое единство: сложное, потому что включает в себя многие разновидности (литературный, территориальные и социальные диалекты), но все же единство, поскольку во всех этих разновидностях достаточно общих черт, чтобы люди, пользующиеся различными разновидностями языка, понимали друг друга и воспринимали речь собеседника как корейскую [Ким. Режим доступа : http://www.worldlib.ru].

Важнейшими источниками языкового развития таких языковых островов, с одной стороны, являются междиалектные процессы выравнивания, поскольку переселенцы съезжались в новые места из различных языковых регионов; с другой стороны, свое влияние на диалект также оказывает и литературный язык. И хотя языковые острова живут, как правило, своей особой этнокультурной жизнью, они оказываются тесно связанными благодаря общественно-политическим, административно-деловым, хозяйственным и социальным отношениям с иноязычным большинством данной страны, овладение языком которого приводит к языковой интерференции и влиянию этого языка на диалект [Там же] .

Г.Н. Ким определяет язык корейцев, проживающих в Казахстане, как специфическую форму «неприкрытого диалекта» (от немецко-

го – obdachlos, т. е. не имеющего крыши). В отличие от диалектов Корейского полуострова, имеющих «крышу», прикрытие со стороны литературного корейского языка, диалекты корейцев России и Казахстана, оторванных от языкового ядра, лишены были такой защиты [Там же].

Н.С. Пак называет коре мар «вариантом корейского языка, сложившегося в условиях изоляции на основе двух северо-восточных диалектов корейского языка» [Пак, 2005, с. 21].

На наш взгляд, коре мар следует рассматривать как островной диалект. Под «языковым островом» или «**островным диалектом»** мы понимаем маргинальную область распространения языка (диалекта), отделенную от ареала своего ядра территориально политической границей и находящуюся в пределах других политических границ в иноязычном окружении [Домашнев, 1990, с 248] .

Наблюдение показывает, что в отличие от ареала ядра, в языковом острове диалект является в большей мере важнейшим средством общения в кругу семьи и внутри этнической языковой общности. С другой стороны, в зависимости от культурно-этнической политики той или иной страны, степени локализации языкового острова здесь также создаются условия для изучения и применения литературного языка (школа, пресса, книгопечатание и др.). Благодаря этому складывается полномерная речевая структура, что делает такой ареал «языковым островом» в отличие от «диалектного острова». Знание литературного языка наряду с использованием местного диалекта образует ситуацию внутренней диглоссии, а овладение языком иноязычного большинства окружения создает предпосылки для билингвизма и интерференции, оказывающей влияние на речевую структуру (диалект – язык) данного острова. Значит, лингвистическое исследование языкового острова должно осуществляться как в отношении диалекта, так и литературной формы языка, однако для целей диалектологии на передний план выдвигается задача изучения характера и состава диалекта данного языкового острова [Пак, 2005, с 36].

Изучение показывает, что даже после значительного периода отрыва от исконной территории своего распространения островной диалект в основном сохраняет свои идентичные черты и обнаруживает достаточно сил и собственных ресурсов для новообразований в целях потребностей номинации вещей и явлений. Наряду с этим островной диалект перенимает заметную часть слов из языка окружения, которые с течением времени могут настолько утвердиться в своем употреблении, что нередко перестают восприниматься в качестве заимствованных [Домашнев, 1990, с. 253] .

Проживание в различных типах этнического окружения, закономерности языковых контактов привели к пополнению ограниченного лексического фонда коре мар заимствованиями из русского и других языков.

Тем не менее, корейцы не отличались активным стремлением к сохранению и развитию языкового и культурного наследия. Корейцы демонстрировали устойчивый интерес к овладению русским языком в совершенстве, что открывало возможности к получению знаний, образования; достижению успехов в трудовой деятельности, повышения социально-культурного статуса как на индивидуальном уровне, так и в масштабе всего этноса. Такой ускоренный по сравнению с другими национальными меньшинствами переход на языковой код доминирующего этнического окружения характерен в целом для всех зарубежных корейских диаспор, отличающихся высокой степенью аккультурации и языковой ассимиляции. Однако при этом зарубежные корейцы устойчиво сохраняют свою этническую самоидентификацию и не ассимилируются в численно превосходящей инонациональной среде [Бугай. Режим доступа : http://www.worldlib.ru].

Таким образом, в речевом поведении корейцев, охватывающем различные сферы жизнедеятельности, русский язык стал занимать доминирующее положение уже в 1950–1970 гг. Использование корейского языка сужалось и ограничивается в настоящий момент в основном внутрисемейным общением и общением самых старших возрастных групп между собой.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. XIX в. наблюдался своеобразный бум в изучении корейского языка среди корейской диаспоры. Были открыты многочисленные курсы корейского языка, факультеты, были организованы корейские культурные центры, появилось

огромное количество корейских христианских миссионерских церквей, где также преподавался корейский язык.

Таким образом, после полувекового перерыва вновь корейский язык стал предметом обучения в учебных заведениях. Начальный этап в налаживании преподавания корейского языка отмечен как известными достижениями, так и рядом проблем, до сих пор не получивших своего разрешения.

Изучение диалектов важно, они могут свидетельствовать о направлении эволюции языка. Так же диалекты обнаруживают и противоположную тенденцию консервации некоторых элементов прежнего состояния языка, ибо демонстрируют иные по сравнению с литературным языком пути их развития, что делает данные диалектов ценным источником для суждений о прошлом языка [Васильев, 2005, с. 9] .

Коре мар не знает письменной формы, фактически не звучит в эфире и на театральной сцене, не используется в средствах массовой информации, не преподается в школах – он вымирает. Пройдет десять – пятнадцать лет и не останется носителей этого лингвистического уникума.

Библиографический список

1. *Белая* книга о депортации корейского населения России в 1930–1940-х годах [Текст] / под ред. Ли У Хе, Ким ЕнУн. – М. : МККА, 1997. – 302 с.
2. *Бугай, Н.Ф.* О выселении корейцев из Дальневосточного края [Электронный ресурс] / Н.Ф. Бугай // Сайт международной библиотеки. – Режим доступа : http://www.worldlib.ru (дата обращения : 15.04.2012).
3. *Бэ, Ын Гиенг* Краткий очерк истории советских корейцев (1922–1938) [Текст] / Бэ Ын Гиен. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – 140 с.
4. *Васильев, А.А.* Особенности диалектов Северной Кореи [Текст] / А.А. Васильев // Вестник центра корейского языка и культуры : Вып. 8. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 9–32.
5. *Домашнев, А.И.* Пути развития немецкой «островной» диалектологии в СССР [Текст] / А.И. Домашнев // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1990. – Т. 49, №3. – С. 248–255.
6. *Ким, В.С.* Дети своего народа : Книга о приморских корейцах [Текст] / В.С. Ким, К.М. Ким, А.С. Тегай. – Ташкент : Изд. дом им. Г. Гуляма, 2003. – 240 с.
7. *Ким, Г.Н.* О родном языке корейцев Казахстана [Электронный ресурс] / Г.Н. Ким // Сайт международной библиотеки. – Режим доступа : http://www.worldlib.ru (дата обращения : 15.04.2012).
8. *Ким, Г.Н.* Рассказы о родном языке : архаизмы и инновации в коре мар [Электронный ресурс] / Г.Н. Ким // Сайт международной библиотеки. – Режим доступа : http://www.worldlib.ru (дата обращения : 15.04.2012).
9. *Корейцы* на Российском Дальнем Востоке. Документы и материалы [Текст] / под ред. Н.А. Троицкая, К.Б. Абрамова, И.Е. Каргинова. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2001. – 380 с.
10. *Пак, М.Н.* Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа [Текст] / М.Н. Пак, Н.С. Ким, Ю.Н. Мазур / под ред.В.В. Лезина. – М. : Изд-во Ин. лит., 1953. – 324 с.
11. *Пак, Н.С.* Корейский язык в Казахстане : проблемы и перспективы [Текст] / Н.С. Пак. – Алматы : АККД, 2005. – 304 с.
12. *Пак, Н.С.* Прародина диалекта юкчин корейского языка и первые сведения о нем [Текст] / Н.С. Пак // Российское корееведение : Альманах : Выпуск 4. – М. : Муравей,2004. – С. 275–290.
13. *Пискулова, Ю.Е.* Из истории корейской диаспоры в СССР и России [Текст] / Ю.Е. Пискулова // Вестник центра корейского языка и культуры. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – Вып. 9. – С. 151–158.
14. *Ткаченко, В.П.* Корейский полуостров и интересы России [Текст] / В.П. Ткаченко. – М. : Восточная лит. РАН, 2000. – 207 с.
15. *1937 г.* Российские корейцы. Приморье – Центральная Азия – Сталинград (Депортация) / отв. ред. Н.Ф. Бугай. – М. : Наука, 2004. – 288 с.

УДК 81.25
ББК 81

Н.О. Фаризова

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ПЕРЕВОДАХ РАННЕЙ ЛИРИКИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА НА ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК

В статье описаны трансформации, которые претерпевает частеречная структура поэтического текста при переводе на типологически далекий язык. В качестве материала послужили переводы ранней лирики Александра Блока, выполненные японским специалистом Такэси Кодайрой. Основное внимание уделено прилагательным оригинального текста.

Ключевые слова: *имя прилагательное; частотность; структура поэтического текста; эквивалент; перевод с русского языка на японский*

© Фаризова Н.О., 2012

N.O. Farizova

ADJECTIVES IN THE JAPANESE TRANSLATIONS OF ALEXANDER BLOK'S EARLY POEMS

The article aims at describing how the parts-of-speech structure of a poetic text is transformed by the translation into a typologically different language. Early poems of Alexander Blok and their translations made by Takeshi Kodaira have been considere. Attention is mainly paid to the adjectives of the original text.

Key words: *adjective; frequency; poetic text structure; equivalent; translation from Russian into Japanese*

Характер поэтического текста во многом определяется его частеречной структурой: «набором» частей речи, к которым принадлежат составляющие его слова, и пропорциями внутри этого словаря. Разумеется, важно учитывать и роль той или иной части речи для поэтического текста вообще – в случае любовной лирики, например, крайне высока значимость личных местоимений, именно вокруг них выстраивается весь мир, язык того или иного произведения. Для ранней лирики Александра Блока характерно обилие имен существительных и имен прилагательных, однако о многих текстах можно сказать также, что они построены на глаголах. В настоящей статье мы рассмотрим некоторые примеры тех трансформаций, которые претерпевает та или иная структура текста с точки зрения частотности частей речи при переводе на японский язык. Основным материалом для данного исследования послужили переводы 15 стихотворений Блока, входящих в «первый том» его «трилогии лирики» [Блок, 1997], которые составили первый раздел сборника переводов, выполненных Такэси Кодайрой [Буро:ку, 1979].

В каждом из 15 рассматриваемых текстов самой многочисленной частью речи является имя существительное. Наиболее яркой характеристикой, позволяющей разделить тексты на две условные группы, становится, таким образом, количество глаголов и имен прилагательных – доминируют либо те, либо другие. Сравнение проводилось без учета относительно редких в исследуемых текстах причастных и деепричастных форм. Оговоримся, что все подсчеты проводились по словоформам, а не по лексемам. В этой связи, текст с большим числом местоимений, например, фактически может быть насыщен повторяющимися *я* и *ты* в разных падежах, а определять ритм и смысл (форму и содержание) всего произведения будут, скажем, относительно малочисленные имена прилагательные. То же относится и к служебным частям речи, которые даже при большом числе и разнообразии все же не играют, как правило, столь значимой роли в стихе. Безусловно, читатель может и не обратить внимания на то, что в том или ином тексте больше прилагательных, однако на уровне, как минимум, ритма это будет так или иначе ощущаться. Не менее важны части речи для семантического облика стихотворения – очевидно, что на глаголах легче построить сюжет, прилагательные подходят для описаний, и хотя в лирике зачастую нет подобной однозначности, те или иные классификации могут быть применены (о частях речи в русскоязычной поэзии см. [Гаспаров, 2004, с. 51–106], [Магомедова, 2004, с. 36–49]).

Среди рассматриваемых текстов Блока тенденция более высокой **глагольности** проявляется в таких стихах, как «Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене…», «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо…», «Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла…», «Сумерки, сумерки вешние…», «Верю в Солнце Завета…», «Там – в улице стоял какой-то дом…» (18 глагольных словоформ, 5 словоформ прилагательных – это стихотворение является прекрасным примером полной бессюжетности при крайне высокой глагольности), «На смерть деда» (18 глагольных словоформ, 8 словоформ прилагательных), «Явился он на стройном бале…», «Ей было пятнадцать лет. Но по стуку…». Имена **прилагательные** многочисленны в следующих произведениях: «На небе зарево. Глухая ночь мертва…» (4 глагольных словоформы, 12 словоформ прилагательных), «Внемля зову жизни смутной…» (3 глагольных словоформы, 9 словоформ прилагательных), «Бегут неверные дневные

тени…», «Вхожу я в темные храмы…», «По городу бегал черный человек…». Отдельного рассмотрения заслуживает стихотворение «Ветер принес издалека…», обладающее уникальной, «прозрачной» структурой: 13 имен существительных, 6 глаголов, 6 имен прилагательных, 7 наречий, 4 местоимения, 2 предлога и 2 союза. Причастные и деепричастные формы в нем отсутствуют. Минималистичный набор частей речи, при равном числе прилагательных и глаголов, создает легкий, пружинящий ритм, где каждое новое слово как будто взлетает вверх. В этом стихотворении нет явной аллитерации, ассонанс присутствует, но не в самой яркой форме, поэтому можно утверждать, что неповторимость звучания здесь достигается именно благодаря тому набору частей речи, который определил словарь текста.

Что же касается словаря японских переводов, в них наблюдается следующее: если тексты с большим числом глаголов вполне адекватно могут быть переданы по-японски, то сохранить структуру текста с доминированием прилагательных при переводе не удается.

Общее число словоформ прилагательных (полных и кратких) в рассматриваемых нами текстах Блока составляет 136 словоформ. В переводах Кодайры данная выборка включает:

- ○ предикативных прилагательных – 35, в том числе,
  - ▫ в заключительной форме настоящего времени (на *–i*) – 28, в том числе,
  - ◊ сложное японского происхождения – 1 (*kodomoppoi*),
  - ▫ в заключительной форме прошедшего времени (на *–katta*) – 1,
  - ▫ в срединной форме (на *–ku*) – 6;
- ○ полупредикативных прилагательных – 31, в том числе,
  - ▫ в позиции определения – 29, в том числе,
  - ◊ на *–na* – 26, на *–naru* – 2, на *–taru* – 1,
  - ◊ японского происхождения, (в т. ч., сложных) – 15, китайского происхождения – 14,
  - ▫ в позиции сказуемого – 1 (*hareyaka deatta*),
  - ▫ в позиции обстоятельства (на *–ni*) – 1;
- ○ существительных – 31, в том числе,
  - ▫ в родительном падеже (на *–no*) – 27, в том числе,
  - ◊ множественного числа – 1 (*tenshitachi-no*);
- ○ глаголов – 8, в том числе,
  - ▫ в заключительных формах настоящего и прошедшего времени – 5,
  - ▫ в деепричастных формах – 3;
- ○ наречий – 4, в том числе,
  - ▫ ономатопоэтических – 2;
- ○ местоимений – 1;
- ○ морфем в составе существительных – 5;
- ○ различных словосочетаний – 20.

Следует оговориться, что состав упомянутых словосочетаний (последний пункт списка) весьма многообразен, это самые разные части речи в различных сочетаниях. Также заметим, что в данном списке не учтено устойчивое сочетание *и стар, и млад*, которое переводится на японский также идиомой – *oi mo wakaki mo*. Кроме того, в одном случае два прилагательных оригинального текста переведены единым словосочетанием. Таким образом, общее число словоформ в списке составляет 35+31+31+8+4+1+5+20=135 (против вышеупомянутых 136 словоформ русских текстов).

Разумеется, русские прилагательные рассматриваемых текстов также имеют разные число, род, падеж, среди них есть полные и краткие, однако разнообразие вариантов перевода, тем не менее, весьма показательно. Данная, относительно небольшая, выборка является как яркой иллюстрацией к фундаментальному тезису о типологической разности русского и японского языков, так и еще одним доказательством того факта, что содержание для японских переводчиков русской поэзии первично. Впрочем, справедливости ради следует отметить: если бы японские переводчики пытались хотя бы частично передать единообразие оригинальной фоники и ритмики стиха, к примеру, используя исключительно предикативные прилагательные (заканчивающиеся на *-i*, что само по себе созвучно окончаниям русских полных форм прилагательных), то они рисковали бы не только нюансами содержания, но и естественностью речи, как и в случае с непривычной для Японии рифмой (в традиционной японской поэтике отсутствует понятие рифмы, поэтому и переводы западной поэзии осуществляются верлибрами). С другой стороны, поэтическая речь все же воспринимается читателем как не вполне обычная, поэтому подобный эксперимент мог бы быть, с некоторой точки зрения, оправдан – особенно если учесть, что в традиционной поэзии-вака существительные китайского

происхождения не использовались, а около половины полупредикативных прилагательных (в нашей выборке) составляют именно они.

Оригинал А. Блока
Вхожу я в **темные** храмы,
Совершаю **бедный** обряд.
Там жду я **Прекрасной** Дамы
В мерцаньи **красных** лампад.

Перевод Т. Кодайры
kurai shinden-ni haitte yuki
mazushii gishiki wo toriokonau
soko-de watashi-ha **uruwashii** shukujo-wo matsu
akai to:myo:-no meimetsu suru naka-de

В каждой строке Блок использует прилагательное в качестве определения к рифмуемому слову, что создает удивительно плавный, величественный ритм. Переводчик выбрал для всех четырех эпитетов эквиваленты из числа предикативных прилагательных японского языка, и это, несомненно, положительно отразилось на звучании отрывка. Единственное упущение Кодайры здесь – порядок слов в третьей строке. Перенос словосочетания *uruwashii shukujo* в начало строки мог бы удачно передать единообразие позиций прилагательных внутри строк у Блока, тем более, что и в данном стихе оригинала мы наблюдаем инверсию.

Дальнейшее развитие системы эпитетов в этом тексте Блока находит выражение в смене частей речи, используемых для перевода. Если пятая строка оригинала (*в тени у высокой колонны*) продолжает движение, заданное первой строфой (и это отражено у Кодайры: *takai hashira-no kage-de*), то следующие прилагательные появляются только в третьей строфе. Эта пауза очень важна – здесь мы видим уже не просто признаки тех или иных предметов, но два атрибута Жены. Она – *Величавая* и *Вечная*. Эта тема тоже появляется не «вдруг»; она продолжает начатую в первой строфе ключевым образом *Прекрасной Дамы* череду именований той, о которой идет речь. Еще два определения-обращения к ней звучат в последней, четвертой строфе – *Святая* и *Милая*. Для Блока недостаточно только того, что все пять эпитетов выражены прилагательными. Чтобы выделить их в ряду других, «обычных» определений, определения Жены он пишет с заглавной буквы. Кодайра использует доступные в японском языке графические средства, чтобы также подчеркнуть соответствующие сочетания – «подчеркивание» осуществляется справа от слова в столбце, при помощи специального диакритического знака (черной точки) против каждого знака выделяемого слова. Однако, отдав дань графике стиха, переводчик относительно свободно подбирает лексику для упомянутого словаря эпитетов Жены. Если первая единица была предикативным прилагательным японского происхождения, исключительно поэтичным (*uruwashii*), то *Величавая Вечная Жена – so:cho:naru eien-no tsuma*. Здесь использованы две лексемы-канго, причем соединение их с определяемым происходит по двум разным моделям. Если первое определение – это полупредикативное прилагательное в форме на *-naru* (впрочем, в случае с китаеязычными заимствованиями сложно говорить о принадлежности к частям речи – специфика этого слоя лексики такова, что по форме непосредственно основы слов одинаковы, поэтому можно говорить и о существительном с суффиксом *-naru*, позволяющим использовать его в определительной позиции), то второе – существительное в родительном падеже. Сама по себе форма на *-naru* удачно сочетается с семантикой всего выражения, так как используется, как правило, для придания высказыванию особой торжественности (в отличие от универсальной формы на *-na*). Однако эпитет *eien-no* окончательно нарушает плавность лирического повествования своим явным формальным отличием от предыдущих эпитетов.

Интересным примером употребления предикативных прилагательных в переводе является первая строфа стихотворения «Вхожу я в темные храмы…» **(1)**:

Как видно из приведенного выше анализа выборки, существительное в родительном падеже является, фактически, столь же частым эквивалентом для русского прилагательного, как предикативное или полупредикативное прилагательное японского языка. В некоторых случаях это неизбежно – например, для русских лексем *весенний* и *вешний* единственным

доступным вариантом является японское *haru-no*. Однако в случае с определением *eien-no* родительный падеж привносит значение притяжательности (≈ *принадлежащая вечности*), который, возможно, не совсем укладывается в блоковскую концепцию. Здесь снова можно усмотреть противоречие между естественностью и точностью. По нашему мнению, более точным и формально, и содержательно вариантом явилось бы прилагательное *eiennaru* (т. е., скорее, *являющаяся вечностью*). Однако частотность формы *eien-no* значительно выше (запрос в поисковой системе Google по запросу «*eien-no*» выдает около 32,5 млн результатов, а по запросу «*eiennaru*» – около 0,9 млн – июнь 2012). Выражение *eien-no shinri* словарь «Кодзиэн» [Кодзиэн, 2004] предлагает в качестве устойчивого эквивалента к *вечным истинам* философии Лейбница – *ewige Wahrheit*. В этой связи следует упомянуть, что *Вечная Жена* в тексте Блока, несомненно, связана с *Вечной Женственностью – ewige Weiblichkeit* немецких мыслителей (Гете). Слово *eien-no* уже устоялось как эквивалент к русскому *вечный* и его европейским аналогам. Возможно, что вариант *eiennaru* выглядел бы как некое стилистическое излишество, особенно учитывая низкую частотность аффикса *-naru*, однако следует учитывать, что данное стихотворение проникнуто столь высоким пафосом, что никакая торжественность и в переводе, пожалуй, не была бы излишней с точки зрения следования оригиналу.

Святая и *Милая* настоящего стихотворения – прилагательные, переходящие в имена существительные, и этот факт эксплицитно передан японским переводом: Кодайра предлагает эквиваленты *seinaru hito* и *waga itoshi-no hito*, т. е. дословно *святой человек* и *мой милый человек*. Здесь оба прилагательных субстантивированы через нейтральную единицу *hito* (следует отметить, однако, что в японской поэзии слово *hito* также означает *мой любимый* / *моя любимая*). Но и в этих двух случаях наблюдается стилистическое несовпадение – первое определение выражено словом китайского происхождения, в то время как второе – сугубо японское, архаизированное.

В стихотворении «Вхожу я в темные храмы…» трижды использованы краткие прилагательные, их перевод также весьма характерен. Играя в предложении роль сказуемого, они переводятся при помощи тех частей речи, которые удобны для предиката в том или ином случае – это существительные и глагол, например, **«Вхожу я в темные храмы…» (2)**:

Оригинал А. Блока	Перевод Т. Кодайры
О, Святая, как **ласковы** свечи,	oo <u>seinaru hito</u> yo ro:soku-no nan-to iu **yasashisa**
Как **отрадны** Твои черты!	<u>omae</u>-no kaokatachi-no nan-to iu **nagusame** ka!
Мне **не слышны** ни вздохи, ни речи,	watashi-niha tameiki mo kotoba mo **kikoenai**
Но я верю: Милая – Ты.	soredemo watashi-ha shinzuru – <u>omae</u>-ha <u>waga itoshi-no hito</u> de aru to

В подобных случаях также может использоваться наречие. Так, в стихотворении «Ей было пятнадцать лет. Но по стуку…» последняя строфа начинается предложением: «Этой повестью долгих, блаженных исканий / Полна моя душная, песенная грудь», – и эквивалентом для сказуемого *полна* в переводе Кодайры является наречие со связкой (*ippai da*). Любопытно, что данное наречие еще раз встречается в рассматриваемой выборке, в переводе стихотворения «Верю в Солнце Завета…». В следующей фразе оригинала: «Полны ангельских крылий / Надо мной небеса», – видим то же краткое прилагательное и в той же синтаксической роли (сказуемое), однако Кодайра в этом случае превращает его в определение: «tenshitachi-no tsubasa-de ippai-no / watashi-no ue-no sora». Тем самым, нарушается актуальное членение, и не вполне ясно, по какой причине переводчик принял такое решение.

Помимо всего вышеизложенного следует учитывать, что отклонения от оригинальной структуры с точки зрения частей речи в японских переводах подвергают последнюю как бы двойным изменениям – с одной стороны, далеко не все имена прилагательные переведены при помощи имен прилагательных, но, соответственно, и некоторые имена прилагательные, присутствующие в переводе, являются эквивалентами для слов других частей речи, представленных в русском тексте.

Несмотря на то, что произведения, где осо-

бенно высока значимость прилагательных, с нашей точки зрения, претерпевают наиболее сильные трансформации при переводе на японский язык, отдельного изучения заслуживают и изменения, затрагивающие глагольную систему блоковских текстов, а также личные местоимения. Одной из ярких особенностей японских глагольных эквивалентов, подбираемых для русских глаголов, является их многокомпонентность (подробнее об основосложных глаголах японского языка см., например [Пашковский, 2006, с. 33–43]), т. е. на одну русскую глагольную основу часто приходится по две японских. Что касается местоимений, то сама по себе система личных местоимений в японском языке крайне сложна, и это неизбежно сказывается на характере перевода.

К тому же важную роль играют сочетания слов, которые могут выступать эквивалентами отдельных словоформ оригинала, а также, напротив, сложные слова, где значение отдельной словоформы оригинала выражено лишь морфемой (например, *Священная Книга – seisho*, *возвратное движенье – gyakko:* и т. д.). Творческий подход к переводу и внимание к глубинной сущности языковых знаков порождает и такие интересные примеры: *утренние сумерки* из стихотворения Блока в японском переводе превращаются в *honojiroi asa*. Части речи здесь «поменялись местами», фактически вариант Кодайры – это *сумеречное утро*. Но в данном случае, в общем, невозможно оспорить правомерность подобного решения, так как автор перевода, вероятно, счел именно это сочетание более поэтичным, чем любое другое из возможных. Между тем, именно поэтическая завершенность конечного варианта и есть главная цель перевода лирического стихотворения.

Библиографический список

1. *Блок, А.А.* Полное (академическое) собрание сочинений и писем [Текст] : в 20 т. – М. : Наука, 1997. – Т. 1. – 640 с.
2. *Буро:ку* сисю : сб. стихотворений Блока [Текст] / пер. Т. Кодайра. – Токио : Яей себо, 1979. – 244 с.
3. *Гаспаров, М.Л.* Статьи о лингвистике стиха [Текст] / М.Л. Гаспаров, Т.В. Скулачева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 288 с.
4. *Кодзиэн* Толковый энциклопедический словарь японского языка [Электронный словарь] / сост. И. Синмура. – Токио : Иванами сетэн, 2004. – Режим доступа : CD-R (дата обращения: 15.02.2012).
5. *Магомедова, Д.М.* Филологический анализ лирического стихотворения [Текст] / Д.М. Магомедова. – М. : Академия, 2004. – 192 с.
6. *Пашковский, А.А.* Слово в японском языке [Текст] / А.А. Пашковский. – М. : КомКнига, 2006. – 208 с.

ББК 81.711
УДК 81’373.2

Е.А. Хамаева

КОСМОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ КИТАЙЦЕВ

В данной статье рассматриваются экстралингвистические факторы антропонимической номинации. В результате анализа делается вывод о том, что космологический фактор и на современном этапе является одним из центральных в именовании китайцев.

Ключевые слова*: китайский антропоним; имянаречение; космология*

E.A. Khamaeva

COSMOLOGICAL FACTOR IN CHINESE ANTHROPONYMICAL NOMINATION

The article considers extralinguistic factors of anthroponymic nomination. The foregoing analysis concludes that cosmological factor continues to play the key role in Chinese naming at the present time.

Key words: *Chinese anthroponym; naming; cosmology*

© Хамаева Е.А., 2012

Имена собственные долгое время оставались предметом изучения лингвистической науки. Между тем, исследования последних лет убедительно доказали то, что особенности образования и функционирования имен во многом определяются именно экстралингвистическими факторами – культурными, историческими, психологическими и др. На современном этапе к числу основных факторов, обусловливающих выбор имени, относят моду, благозвучие, традиции семьи, религиозные представления. В данном списке практически не встречается космологический фактор, описывающий «пространственно-временные параметры вселенной» [Топоров, 1991, с. 6].

Между тем, именно этот фактор на протяжении многих лет определял то, каким будет имя того или иного человека или предмета. Мифологические представления о едином и целостном космосе, все элементы которого находятся во взаимосвязи и гармоническом единстве, находили отражение в именах людей.

Интересным представляется то, что в современной китайской культуре космологический фактор в выборе имени не только не утратил своей актуальности, но по-прежнему является одним из центральных. В частности, представляется возможным выделить следующие космологические факторы имянаречения у китайцев:

1. Имянаречение в соответствии с порядком рождения.

2. Имянаречение в соответствии с датой рождения.

3. Имянаречение в соответствии с принадлежностью человека к инь-ян, пяти первоэлементам.

4. Имянаречение в соответствии с принадлежностью к определенному поколению (родовые имена).

5. Имянаречение в соответствии с принадлежностью к определенному знаку восточного гороскопа.

Имянаречение в соответствии с порядком рождения. Положение человека в древнем обществе было предопределено от рождения. По традиции, старший сын должен был наследовать ранг отца, а младшие сыновья занимали более низкие ранги. Конфуцианская философия настаивала на необходимости соответствия действительного положения и поведения индивидуума его этико-ритуальному статусу в интересах упорядочения общества.

Порядок рождения детей в семье представляет собой некий «порядок следования» элементов, который следует соблюдать, в частности, и в именах. В китайском языке существует несколько способов выразить «порядок»: словами со значением «первый», «второй», их вариантами, а также метафорически и т. д. Например, Я Цзюнь (亚军) «второй победитель, второй призер»; ЧжунЦзы (中子) «средний сын»; Сань Лан (三郎) «третий молодой мужчина».

Имянаречение в соответствии с датой рождения. По причине своей нераздельности с организмом космоса, живые существа, по представлениям китайцев, должны синхронизировать свои внутренние циклы с внешними. Человек, являясь одним из элементов системы, может переживать и осознавать свое внутреннее время, но при этом должен согласовывать его со временем мира.

Китайская цивилизация имеет древние традиции в создании и использовании календарей. В Китае традиционно используют лунно-солнечный и солнечный (сельскохозяйственный) календари, которые не только несколько различаются особенностями времяисчисления, но и характеризуются отдельной терминологией (специфическими названиями времен года, сезонов, месяцев и т. д.). На современном этапе в Китае вошел в употребление и григорианский календарь.

Так как «каждая вещь представляет собой процесс различной скорости протекания, что отражает динамическую природу вещи» [Торчинов, 2007, с. 56], китайская циклическая система тесно связывает человека с определенным моментом времени, «который может фиксироваться личным именем» [КФЭС, 1994, с. 96]. Например, в зависимости от даты рождения, именем могут стать слова со значением «год», «месяц», «число», а также слова, обозначающие «время суток», «час», «минута» и др. Кроме того, у временных слов, как правило, существует ряд вариантов названий. Например, месяц июль в китайском языке имеет следующие названия: СянЮэ (相月) «седьмая луна (календаря)»; Тун Юэ (桐月) «месяц тунгового дерева»; ЦяоЮэ (巧月) «седьмой лунный месяц, досл. «превосходный месяц»»; Шуан Юэ (霜月) «месяц

выпадения инея»; Мэн Цю (孟秋) «первый месяц осени, 7-й месяц по лунному календарю». Согласно сельскохозяйственному календарю, время, приблизительно совпадающее с июлем, называется Да Шу (大暑) «Большая жара». Все перечисленные варианты названий месяца «июль» могут стать именем человека, рожденного в месяце июле.

Имянаречение в соответствии с принадлежностью человека к инь и ян, пяти первоэлементам. Согласно одной из космогонических моделей, «изначальная пневма» дифференцировалась на *инь* и *ян*, темная и тяжелая «иньская» пневма стала спускаться вниз и, «сгущаясь», образовала Землю, а ясная и легкая «янская» пневма поднялась вверх и, «разрежаясь», образовала Небо. «Смена противоположностей, их переход друг в друга – это основа универсума, великий закон *дао*, который представляет собой своеобразную теорию колебаний («То *инь*, то *ян* – это называется дао»)» [Еремеев, 2005, с. 187].

В триединстве – Небо, Земля и человек между ними, середина (Человек)… есть производная от двух пределов (Небо и Земля). Небо – это ян, Земля – инь, Человек – смешанный разряд, объединяющий в себе инь и ян, ибо в него в равной мере попадают мужчины и женщины, правители и подданные, мужья и жены, благородные мужи и «маленькие люди» и т. д. Равновесие сил, гармония инь ян в имени могут принести счастье и удачу своему обладателю.

Значение иероглифов, входящих в имя, есть принцип «ли» (理), а количество черт – шу (数). Совокупность «ли» и «шу» лежит в основе определения равновесия инь и ян в имени. Например, антропоним Ван Фан (王芳). Фамилия Ван (王) в переводе с китайского значит «ван, князь; император, государь», а князьями могли быть только мужчины, поэтому фамилия Ван по значению (по принципу ли 理) – отождествляется с силами ян. Но с точки зрения количества черт, эта фамилия Ван относится к инь, так как содержит их четное количество (4), четные числа, как известно, соотносятся с инь. Имя Фан (芳) значит «ароматные травы, благовония», которые в китайской культуре ассоциируются с женским началом инь, но по количеству черт в иероглифе (их 7), имя относится к ян. Итак, имя Ван Фан (王芳), с точки зрения равновесия сил «инь-ян», является идеально благоприятным для человека.

Следует отметить, что слоги китайского языка в зависимости от звукового состава также делятся на женские (слоги инь) и мужские (слоги ян). Женские слоги – открытые, оканчивающиеся на слогообразующий гласный (a, o, ai, ei и т. д.). Мужские – закрытые, заканчивающиеся на носовую финаль (an, en, ang, ing, ong и т. д.).

Кроме того, на женские (ровные) и мужские (ломаные) делятся и четыре тона китайского языка. Женскими считаются первый (ровный) и второй (восходящий) тоны, мужскими – третий (падающий и восходящий) и четвертый (падающий) [潘文国, 2007: 156-157].

В целях гармонизации сил ян и инь, китайцы стремятся соблюсти правила равномерного распределения звуков и тонов в имени. В частности, в выборе имени желательным считается такое фонетическое сочетание, когда слог ян читается ровным (женским) тоном, а слог инь – ломаным (мужским). Кроме того, слоги инь и слоги ян в имени следует чередовать. Например, антропоним Ван Дапин (王大平wangdaping) может считаться гармоничным, так как в нем чередуются не только мужские и женские слоги (закрытый – открытый – закрытый, т. е. мужской – женский – мужской), но и тоны (восходящий – нисходящий – восходящий, т. е. женский – мужской – женский). Кроме того, данное имя обладает собственной сигнификативной семантикой «очень спокойный, умиротворенный».

Дуалистическая картина мира, основанная на взаимодействии инь и ян, обычно дополняется концепцией усин (五行), т. е. представлением о взаимодействии и взаимопроникновении пяти первоэлементов, первосубстанций, которые стали основой для появления всего сущего на земле: огонь (火) – вода （水）– земля （土）– металл （金）– дерево (木).

Цифра «пять» не случайна, в китайской культуре она символизирует целостность и законченность. Пять первоэлементов находятся между собой в круговороте взаимного порождения и уничтожения. Согласно этому принципу, дерево порождает огонь, огонь – землю, земля – металл, металл – воду, а вода – дерево. И наоборот, вода уничтожает огонь, огонь – металл, металл – дерево, дерево – землю, земля – воду. Таким образом, мир понимается как единое целое, состоящее из пяти стихий.

Пятичленная модель мира, символизируемая стихиями, являла собой установленный Небом порядок, которому человек должен следовать, чтобы упрочить свою связь с мировым целым. Чтобы не происходило в нем – все это есть переход от одной стихии к другой, причем целостное законченное явление или циклический процесс должны рассматриваться как прохождение всего их набора.

Порядок (Дерево, Огонь, Почва, Металл, Вода), называется порядком «взаимопорождения» (*сяншэн*). Стихии в нем находятся во взаимоотношении «отец-сын». «Образно-символическое традиционное объяснение этого порядка следующее: дерево «рождает» огонь при горении, огонь «порождает» почву, образуя пепел, почва «производит» металл, поскольку его или металлическую руду находят в ней, металл «превращается» в воду, когда плавится, вода «рождает» дерево, питая его влагой» [Еремеев, 2005, с. 56].

Следующий важный порядок стихий называется «взаимопреодолением» (*сяншэн*) или «взаимопокорением» (*сянкэ*): вода, огонь, металл, дерево, почва (В, О, М, Д, П). Он тоже замкнутый. Взаимный вред, который наносится пятью первоэлементами друг другу, заложен в природе неба и земли. Множество побеждает немногое, поэтому вода побеждает огонь. Тонкое побеждает крепкое, поэтому огонь побеждает металл. Твердое побеждает мягкое, поэтому металл побеждает дерево, плотность побеждает рыхлость, поэтому дерево побеждает землю. «Наполнение побеждает пустоту, поэтому земля побеждает воду» [Васильев, 1976, с. 234].

Система у син является одной из основных классификационных схем, которая распространялась на многие сферы и явления. Стихии могут обозначать время суток: дерево – утро, огонь – день, металл – вечер, вода – ночь, «пять основных органов человека (сердце, печень, селезенка, легкие, почки)», «пять сторон света (восток, запад, юг, север и середина)», «пять основных цветов (синий / зеленый, кранный, желтый, белый, черный)», «пять добродетелей (гуманность, долг, церемонии, мудрость и верность)» и т. д.

Принцип взаимного порождения пяти элементов используется для выражения последовательности и преемственности в отношениях родителей и детей. Так, если у отца в имени присутствовала логограмма, либо морфограмма «дерево», в имени его сына должен присутствовать элемент «огонь», в имени внука – «земля» и т. д. Например, имя отца – Би Гоу (毕构) значит «завершить строительство», при этом имя Гоу (构) содержит элемент 木 (дерево); имя сына – Би Кан (毕炕), что в переводе значит «завершить (строительство) кана (отапливаемая лежанка из кирпича и глины)», в имени присутствует ключ 火 (огонь); имя внука – Би Цзэн (毕增) «завершить увеличение, прибавление», где имя Цзэн (增) содержит знак 土 (земля). Таким образом, в рамках одной семьи, но в разных поколениях осуществляется принцип последовательности, преемственности пяти первоэлементов.

Равновесия пяти первоэлементов в имени можно достичь и методом «дополнения», согласно которому, если в фамилии есть, например, морфограмма «металл», то имя должно содержать либо логограмму, либо морфограмму «земля», которая следует по очереди за «металлом».

О принадлежности к определенной «стихии» также может сказать количество черт в имени и фамилии. Например, логограммы, состоящие из 4, 9 черт – соответствуют стихии «металл», 3, 8 – стихии «дерево», 1, 6 – «воде», 2, 7 – «огню», 5, 10 – «земле».

Принадлежность антропонима к той или иной стихии также можно определить и на грамматологическом уровне – по включенным в состав иероглифического знака морфограммам. Например, фамилии Чжун (钟 досл. колокол)，Цянь (钱 досл. деньги), Ган (刚 досл. твердый), Ли (利 досл. польза) содержат семантический элемент «металл (钅)», «нож (刂)», поэтому являются фамилиями, соотнесенными с первоэлементом «металл». Фамилии Ян (杨досл. тополь), Ли (李 досл. слива), И (艺 досл. искусство)，Ин (营 досл. занятие, промысел) – с элементом «дерево», так как содержат морфограммы «дерево», «трава». Фамилии Цзян (江 досл. река), Ли (黎 досл. народ, масса), Сянь (鲜 досл. свежий), Юнь (云 досл. облако) – с элементом «вода», так как содержат морфограммы «вода (氵)», «рыба (鱼)», «облако (云)». Фамилии Янь (炎досл. пламя огня), Гэн (耿 досл. светлый), Мин (明 досл. ясный)，Чан (昌 досл. цветущий) соотносятся с первоэлементом «огонь», так как содержат морфограммы «огонь (火)», «солнце (日)».

Правильно подобранное имя, в котором уравновешены силы иньян, последовательность пяти первоэлементов, может принести удачу и счастье в жизни.

Имянаречение в соответствии с принадлежностью к определенному поколению (родовые имена). Каждый китайский фамильный род (официально до революции 1911 г.) вел так называемую «родословную книгу», в которой записывалось родословное древо. Записи в этой книге велись по определенным правилам: в книгу вписывался каждый ребенок (мальчики, редко девочки) в порядке очередности по дате рождения. У родового имени была своя формула. Согласно этой формуле «имена всех представителей одного поколения в пределах родственной группы включали повторяющийся общий элемент» [Крюков, 1986, с. 166].

Данный элемент использовался не просто как знак принадлежности к определенному поколению, он являлся знаком принадлежности данного поколения к одному из пяти первоэлементов. Например, за счет включения в состав имени определенной морфограммы (значимого элемента), которая, по представлениям китайцев, ассоциируется с той или иной стихией. Например, стихия «огонь» может быть представлена в имени морфограммами «огонь (火)», «солнце(日)». Стихия «вода» может заменяться такими коррелятами, как «поток (реки)(川)», «дождь(雨)» и т. п.

Как уже упоминалось, древние китайцы придавали большое значение порядку перечисления стихий. Один из таких порядков называется порядком «взаимопорождения» (*сяншэн*): дерево, огонь, почва, металл, вода (Д, О, П, М, В). Стихии в нем находятся во взаимоотношении «отец – сын». Имена каждого последующего поколения детей должны включать в свой состав либо логограммы, либо морфограммы, символизирующие определенную (очередную) «стихию».

Порядок следования стихий символизирует один из основных принципов гармоничного мироустройства – последовательность и преемственность в отношениях родителей и детей, соответственно, он не должен нарушаться. Кроме того, благодаря данной системе по индивидуальному имени человека можно определить степень генеалогического родства с другими представителями той же родственной группы. Например, имя Мао Цзэдун (毛泽东), младших братьев Мао Цзэдуна звали Мао Цзэминь (毛泽民), Мао Цзэтань (毛泽潭). У всех братьев совпадает не только фамилия Мао, но и родовое имя Цзэ (泽), совпадающее у всего поколения [慧缘, 2002, 页. 325]. Родовое имя Цзэ (泽) содержит морфограмму «вода (氵)». Соответственно, данное поколение принадлежит стихии «вода».

Имянаречение в соответствии с принадлежностью к определенному знаку восточного гороскопа. Китайская культура, как известно, характеризуется предельной космологизированностью, а «исконная методология китайского мышления является астрологической» [Еремеев, 2006, с. 25]. По представлениям китайцев, год рождения (принадлежность к одному из знаков восточного гороскопа) способен определить судьбу человека и, соответственно, должен учитываться в выборе его имени.

Время рождения (год рождения) человека, как известно, характеризуется принадлежностью к одному из знаков двенадцатеричного животного цикла. К двенадцати циклическим животным относятся: 鼠 – крыса，牛– корова，虎 – тигр，兔 – заяц，蛇 – змея，马 – лошадь，羊 – баран，猴 – обезьяна，鸡 – курица，犬（狗）– собака，猪 – кабан и единственное мифическое животное 龙 – дракон. Согласно этому календарю, люди, родившиеся в первый год шестидесятилетнего цикла, относятся к году мыши, во второй год – году коровы, в третий – тигра, четвертый – зайца, пятый – дракона, шестой – змеи, седьмой – лошади, восьмой – барана, девятый – обезьяны, десятый – курицы, одиннадцатый – собаки, двенадцатый – кабана.

Считается, что рожденный в определенный год, человек приобретает схожие с соответствующим (году) животным черты характера, привычки. Мышь, бык, заяц, лошадь, баран, обезьяна, курица, собака, свинья – могут употреблять в пищу зерновые, поэтому люди, родившиеся в эти годы, могут использовать в имени морфограммы «рис (米)», «бобы, горох (豆)» т. п. Это может гарантировать им спокойную, сытую, благополучную жизнь. Баран, корова, лошадь, кролик – являются травоядными, поэтому в имени людей, родившихся в эти годы, можно использовать морфограмму «трава (草)» и т. д.

Некоторые животные являются домашними, поэтому в имени человека, родившегося под знаком, например, «быка» можно использовать морфограммы «человек», «крыша (жилища)». Некоторые животные, напротив, являются дикими, соответственно, человек является их естественным врагом, поэтому в их именах нельзя использовать морфограмму «человек», следует использовать морфограммы «лес», «гора», «поле» и т. д.

Как уже указывалось, трепетное отношение к имени свойственно многим культурам и обусловлено представлениями о неразрывной связи судьбы человека и его имени. Однако в китайской традиции, в силу наличия идеографической письменности, данная особенность приобретает особый смысл. Ритуал предопределения имени в китайском языке может заключаться не только выборе отдельных логограмм в состав имени, но и в выборе подходящих (по принципу симпатии) по гороскопу морфограмм. Морфограмма (ключ, детерминатив) – «наименьшая значимая часть логограммы, не функционирующая самостоятельно, т. е. не образует линейные, синтагматические связи с логограммами» [Готлиб, 2007, с. 24]. Таким образом, семантические поля китайского антропонимикона включают в свой состав не только логограммы, но и морфограммы.

Схожие космологические традиции именования присутствуют во многих других культурах, например, христианской, когда выбор имени происходит в зависимости от даты рождения. Вместе с тем, следует отметить, что в христианском именнике (Святцах) указаны уже готовые имена определенных святых, именем одного из которых в результате ритуала нарекается человек. Однако в китайском антропонимиконе готовых имен нет, имя подбирается каждому человеку индивидуально, исходя только из его личных «космологических» характеристик.

Редкость и даже отсутствие в современной европейской ономастике традиций имянаречения, связанных с космологическими, а особенно процессуальными представлениями, по всей видимости, можно объяснить словами Т.В. Топоровой. В частности, автор, исследовав древнегерманский антропонимикон, констатирует, что концепция макрокосма является ключевой древнегерманской концепцией. Однако локальные представления в ней занимают центральную позицию, вытесняя темпоральные на периферию (ср. единственный элемент «день» – *daga-). Явная ориентация на «локальность» мировоззрения, по всей видимости, объясняется древнегерманской концепцией происхождения Вселенной из «пространственной» субстанции – частей тела великана Имира и о вторичности времени, возникшем в результате цикличности процессов в организме Имира, проецированный на внешний мир [Топорова, 1996, с. 128].

По замечанию В.Е. Еремеева, если европейской мысли во все века преимущественно была свойственна субстанциональная модель мира, то китайцам – процессуальная. «Первая предполагает виденье за изменяющимися явлениями некой неизменной основы, вторая строится на представлении о тотальности изменчивости и непостоянства» [Еремеев, 2006, с. 28]. Данный факт в полной мере нашел отражение и в ономастических традициях китайцев: гармоничное имя, энергии которого «соразмерены» с энергиями космоса, способно благоприятно повлиять на судьбу своего носителя, так как мир – это не место действия слепых сил, коих человек является игрушкой, напротив – мир гармоничен и по-своему разумен, взаимодействие с ним ведет к этическому и духовному совершенствованию.

Библиографический список

1. Васильев, В.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации : формирование основ материальной культуры и этноса [Текст] / В.С. Васильев. – М. : Наука, 1976. – 368 с.

2. Еремеев, В.Е. Символы и числа «Книги Перемен» [Текст] / В.Е. Еремеев. – 2-е изд., исп. и доп. – М. : Ладомир, 2005. – 600 с.

*3. Еремеев, В.Е.*Чертеж антропокосмоса [Текст] / В.Е. Еремеев. – 2-е изд., исп. и доп. – М. : АСМ, 1993. – 384 с.

4. Крюков, М.В. Китайцы. Системы личных имен у народов мира [Текст] / М.В. Крюков, Р.Ш. Джарылгасинова. – М. : Наука, 1986. – 382 с.

5. КФЭС – Китайская философия. Энциклопедический словарь [Текст] / под ред. М.Л. Титаренко. – М. : Мысль, 1994. – 574 с.

6. Торчинов, Е.А. Пути философии Востока и Запада : познание запредельного [Текст] / Е.А. Торчинов. – СПб. : Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2007. – 329 с.

7. Топоров, В.Н. Космогонические мифы [Текст] / В.Н. Топоров // Мифы народов мира : Энциклопедия : в 2-х т. – М. : Сов. энциклопедия, 1991. – Т. 2. – С. 6–9.

8. Топорова, Т.В. Язык в зеркале культуры : древ-

негерманские двучленные имена собственные [Текст] / Т.В. Топорова. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 253 с.
9. 慧缘.慧缘姓名学[本文]慧缘. – 南昌:百花洲文艺出版社, 2002. – 349页.
10. 潘文国.中外命名艺术[本文]潘文国. – 北京:新世界出版社, 2007. – 380页.
11. 纪清杰.起名纳福[本文]纪清杰. – 北京:文化艺术出版社, 1999. – 216页.
12. 猫.超炫网名宝典[本文]老猫. – 北京:农村读物出版社, 2003. – 199页.

УДК 41
ББК 81.0

Цзинь Дань

ПСИХОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗНОЙ СФЕРЫ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
(АСПЕКТ РКИ В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ)

Основой для формирования образной сферы «языковой личности» является ассоциативный фон, который по своей природе имеет национальную специфику и предопределен языковым менталитетом, обусловливающим национальный способ знакового представления образной сферы этноса.

***Ключевые слова**: менталитет; языковой менталитет; ментальная предопределенность образной сферы носителей языка*

Jin Dan

PSYCHOLOGICAL BASIS OF THE SPECIFIC SHAPED SPHERE «LINGUISTIC IDENTITY» ASPECT OF THE RAF IN THE CHINESE AUDIENCE

Linguistic mentality, which is embodied in the semantic system of the national language, is a national-specific way for symbolic representation of the imagery native speakers.

***Key words:** mentality; linguistic mentality; mental predetermination in the imagery native speaker*

Психологический аспект формирования вторичной «языковой личности» предопределяет значимость лингвосенсорных процессов и лингвокультурологической специфики родного и изучаемого языка – русского как иностранного. Эта взаимообусловленность предопределена антропологической парадигмой (человек – языковое сознание – язык – культура – менталитет), которая в истории лингвистических учений научно обоснована в исследованиях Вильгельма фон Гумбольдта, Л. Вайсгербера, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля и в трудах отечественных лингвистов XX в.

Вильгельм фон Гумбольдт, используя концепцию Ф. Шеллинга и Г. Гегеля о значении всемирной истории для обоснования самобытности духовной культуры разных народов и множественности языков, разнообразных форм соотношения языка и мышления, впервые обосновывает психофизиологическую предопределенность взаимосвязи мышления, языка, духа народа, его ментальности и культуры. Следующий значимый шаг в истории лингвистики был сделан Л. Витгенштейном, который ввел термин «картина мира» в аспекте философии и логики. Впоследствии Л. Вайсгербер, отмечая факт универсальности языка как знаковой системы, ввел этот термин сначала в лингвистику, а позднее в антропологию и семиотику. В XX в. формулирование термина «языковая картина мира» было предопределено целым рядом исследований, в которых обосновывалась значимость научной и языковой картины мира. Введение нового термина «языковая картина мира» позволило впоследствии В.В. Виноградову научно обосновать актуальность термина «языковая личность» (1980 г.). Ученый подошел к осознанию значимости образа «языковой личности» путем исследования языка художественной литературы. Логика развития понятий «образ автора» и «художественный образ» обусловила в исследовании В.В. Виноградова обоснование значимости проблемы соотношении «языковой личности» с художественным образом и образом автора в художественном произведении. В.В. Виноградов раскрыл образ «языковой личности» через

© Цзинь Дань, 2012

анализ индивидуальной языковой специфики говорящих персонажей. Заслуга ученого в том, что он актуализировал «языковую личность» как научный факт, значимый не только для лингвистики, но и для методики преподавания иностранных языков, в том числе и для всех аспектов русского языка как иностранного. Несмотря на то, что в его исследовании не была представлена структура «языковой личности», именно В.В. Виноградов, предвосхищая будущие исследования, впервые обратил внимание на специфику языковой личности [Виноградов, 1980, с. 120–146]. Во второй половине XX в. языковая личность и специфика ее содержания последовательно становилась объектом описания в исследованиях Г.И. Богина и Ю.Н. Караулова. Впоследствии концепция «языковой личности» разрабатывалась в исследованиях по филологии и психологии. Этот краткий экскурс в историю лингвистических учений, во-первых, иллюстрирует процесс осознания исследователями факта реальности «языковой личности» как субъекта коммуникации и, во-вторых, объясняет внимание и интерес автора настоящей статьи к образной сфере «языковой личности».

К статусу «языковой личности» правомерно отнести и носителя родного языка, и иностранного студента, изучающего русский язык как иностранный. Так, растущий ребенок, носитель русского языка в качестве родного, и взрослый иностранный учащийся, изучающий русский язык, оказываются в одной ситуации познания окружающей картины мир и овладения языком. В этой ситуации формируемая первичная «языковая личность», растущий носитель русского языка, и формируемая вторичная «языковая личность», уже взрослый иностранный учащийся, овладевают русским языком благодаря «включению» психических процессов познания. Следует признать, что это общая ситуация для обоих субъектов, русского и иностранца, но в этой ситуации для первого – это родная языковая субстанция, которую он осваивает с рождения, а для второго – чужая, которая стала объектом усвоения на фоне родной лингвокультурной специфики. В связи с этим важно понимать, почему в единой для них ситуации проблема формирования образной сферы не может быть решена одинаковым способом. У носителя русского языка образная сфера формируется в субстанции родной культуры в процессе его взросления. Иностранный учащийся, уже взрослый человек характеризуется сформированной образной сферой в субстанции родной культуры. Овладевая русским языком, он параллельно осваивает только те образные единицы, которые обусловлены учебным материалом и которые он не использует в своей речи вне учебного процесса. Это связано с тем, что образная сфера носителя русского языка не может быть «перенесена» в формируемое вторичное языковое создание иностранца, минуя этап национальных ассоциаций, поддерживающих процесс формирования образной сферы. На начальном и среднем этапах обучения при знакомстве китайских учащихся с образными единицами языка не ставится задача установление ассоциативных связей между единицами образной сферы в русской и китайской языковой традиции. Такой подход к формированию образной сферы у иностранных учащихся не обеспечивает полноценных результатов. К сожалению, сложившаяся традиции формирования образной сферы иностранных учащихся обеспечивает только презентацию образных единиц, их семантизацию и последующее воссоздание в речевом контексте. Учащиеся принимают образные высказывания и фразеологию как факт изучаемого языка, который они должны включить в свое высказывание в соответствии с модальностью речевой ситуации. При этом они не создают своих вариантов, а берут полностью образ таким, каким его презентовали в учебном процессе. Эта ситуация формирования образности при обучении иностранных учащихся свидетельствует о том, что преподаватель не учитывает психическую специфику процесса познания, составляющие процесса познания взаимообусловлены и в каждом национальном коллективе функционируют универсально. Возникающие у субъекта ощущения (сенсорные процессы) обусловливают восприятие, при этом актуализируются внимание и воображение. Результаты активности процесса воображения сохраняются в структуре памяти. На уровне кратковременной памяти воспринятый объект осмысливается, а в процессе стереотипизации переходит в долговременную память, становясь свойством вторичной «языковой личности», обусловливающим ее полноценность в речевом взаимодей-

ствии с носителями языка, который он изучает как иностранный.

Универсальность процесса познания еще не залог того, что проблема формирования образной сферы вторичной «языковой личности» решаема в связи с тем, что все составляющие процесса познания «работают» в соответствии со спецификой национального менталитета. Анализ результатов восприятия русскими и китайцами какого-то объекта реальности не всегда иллюстрируют идентичные ощущения. Соответственно, результаты воображения тоже не будут одинаковыми, потому что возникающие образы у русских и китайцев всегда содержат их национальный колорит: у носителей русского языка возникают одни образные представления, а у китайцев – другие. Это естественно, потому что при восприятии объектов окружающей реальности и носители русского языка, и носители китайского языка оказываются в плену родного языкового менталитета, для которого значимы только национальные ассоциации, которые связывают образы уникальным способом в каждом национальном коллективе, создавая национальный ассоциативный фон. Под ***ассоциативным фоном***, актуальным для полноценного формирования образной сферы вторичной «языковой личности», понимается формируемая преподавателем связь между лексическими единицами, образами и понятиями. Например: в русском языке с медведем часто сравнивают неуклюжего, неловкого и невежливого человека, а в китайском языке медведь в одном случае символизирует крепость и храбрость, а в другом неуклюжесть и глупость.

Все сказанное выше позволяет говорить об актуальности коррекции процесса восприятия в ситуации овладения иностранным языком. Особый смысл имеет коррекция сенсорных процессов, которые обеспечивают адекватное восприятие фактов «чужой» субстанции (культуры и языка) и способствуют ментальной переориентации воображения в соответствии с национальной спецификой иноязычной культуры и языка. Коррекция сенсорных процессов и учет национальной специфики ментальности китайского учащегося в учебном процессе должны стать условием для формирования русской образной сферы в структуре вторичной «языковой личности».

Исторически в любом этническом коллективе при восприятии «языковой личностью» объектов картины мира первыми включались сенсорные процессы (ощущения), которые в каждом национальном сообществе обусловливали национальный способ видения и структурирования национального ассоциаций. Именно совокупность процессов видения объектов реальности и возникающих при этом ассоциаций закладывает основу для создания номинаций образов, репрезентирующихся в языковом знаке. Результатом сенсорных и ассоциативных процессов языкового коллектива являются идеи, символы, образы, речевой этикет, традиции, которые ментально предопределены и несут в себе национальную специфику культуры. Например, презентуя в иностранной аудитории такие лексические единицы, как «дом», «крыша», «стены», «окно», «свет», преподаватель решает только задачи формирования лексического состава русского языка в первом семестре на начальном этапе обучения. Но уже во втором семестре начального этапа обучения он должен предусмотреть установление возможных ассоциативных связей этих единиц в ключе русской ментальности. У этого ряда слов есть ассоциативный фон, ментально предопределенные и «работающие» на уровне языкового сознания:

Дом – ассоциативная связь с образами «страна», «город», «деревня», «село» (***Устал скитаться по миру, пора домой***).

Крыша – ассоциативная связь с образом «дом» (*Не надо говорить, что ничего нет.* ***Есть крыша над головой.*** *Это самое главное*).

Стены – ассоциативная связь с образом «защиты» от беды (*Не бойся.* ***Дома и стены помогают****).*

Свет окон дома – ассоциативная связь с комплексным образом «тепла», «защиты и помощи», «любви родных людей» (Казалось, нет сил идти..., но увидел свет окон, и откуда только силы взялись! Побежал).

Проблема установления ассоциаций связей между лексическими единицами родного и изучаемого языков является первостепенной значимости в ситуации формирования образной сферы вторичной «языковой личности». Преподаватели русского языка как иностранного должны учитывать национальную специфику сенсорных процессов и разницу в

языковом менталитете русских и китайцев.

С позиции психологического подхода вторичная языковая личность должна характеризоваться развитой образной сферой, что, по мнению Т.В. Матвеевой, автора словаря лингвистических терминов, предполагает наличие изобразительности, конкретно-предметного представления наглядности, «картинности» при обозначении предмета или явления словом или более крупной языковой (речевой) единицей. В основе образности лежит не понятие, а представление. Образность помогает представить воспринимаемый объект на базе других явлений действительности, в конкретно-выраженном сопоставлении с ними, что способствует созданию усиленного впечатления об обозначаемом. В лексике образность – это, в первую очередь, свойство производных (мотивированных) слов. Связь слова не только с понятием, но и с представлением обогащает значение слова» [Матвеева, 2010, с. 247]. Образность присуща большинству тропов, которые основаны на переносе значения как с одного предмета на другой, так и на использовании образа, который является стимулом для порождения образного представления, материализующегося в образном высказывании. Учет национальной специфики сенсорики в процессе познания иностранными учащимися русской образной сферы является залогом их адекватности при восприятии образной речи русского собеседника. В связи с этим при формировании образной сферы вторичной языковой личности иностранного учащегося, ***образность*** следует рассматривать как психическое свойство субъекта учебного процесса, которое предопределено воображением. По данным Р.С. Немова, в результате процесса воображения у человека, вторичной «языковой личности», могут возникать образы (представления), которые не вполне соответствуют тому, что есть в реальной русской картине мира и что в данный момент времени воспринимается человеком через посредство органов чувств [Немов, 2011, с. 585]. Так, китайцы в презентуемом им русском тексте встречают лексические единицы, которые связывают в своем языковом сознании с представлениями, обусловленными их национальными ассоциациями. Например, прочитав русский текст на военную тематику, в котором представлена ситуация военных действий в образе «пекла», они связывают описываемый образ «пекла» с образом «логово дракона». С позиции русского языкового менталитета в этом случае нормативной может быть только ассоциация с «огненным жаром печки», т. е. «пеклом». Эта контрастная оппозиция «пекло» – «логово дракона» идеально иллюстрирует уникальность национальных ассоциаций, предопределенных неадекватностью процесса воображения у китайских учащихся при чтении русского текста.

Проблема формирования образной сферы в аудитории китайских учащихся, изучающих русский язык как иностранный, требует решения ряда учебных задач:

1) коррекция процесса воображения китайцев в субстанции русского текста;

2) формирование вторичной образной сферы и образной памяти как компонентов вторичного языкового сознания китайских учащихся;

3) осознание специфики русской языковой картины мира на фоне родной;

4) уравновешивание родного и вторичного языкового менталитета.

В связи с обозначенными выше задачами учебного процесса на начальном и среднем этапах обучения при презентации лексических единиц закладываются только основы для формирования вторичной образной сферы. Лексическая единица включается в оппозицию из двух контекстов. В одном контексте презентуется ее нейтральное значение, а в другом – иллюстрируется образный компонент этой лексической единицы.

Например: 1. *Долгий путь утомил его. Он торопился* ***домой****, чтобы отдохнуть* (нейтральное значение лексической единицы «жилище»).

2. *Ему было хорошо в Европе, но когда его не понимали и нечаянно обижали, ему хотелось* ***домой.*** *Как можно скорее* ***домой!*** (раскрытие образного компонента лексической единицы – «на Родину»).

Оппозиции из двух контекстов позволяют иностранным учащимся осознавать образный фон лексической единицы. В результате у иностранных учащихся на уровне долговременной памяти формируется основа для структурирования полноценно функционирующей вторичной образной сферы в режиме изучаемого языка. Вторичная образная сфера

содержит все, что уже воспринял иностранный учащийся в процессе познания языковой картина мира русских, к чему впоследствии неоднократно будет обращаться как к копилке и находить там стереотипные образы в связи с актуальной ситуацией речевого взаимодействия с носителями русского языка. Более того, для учащихся, носителей китайского языка, важно овладеть стереотипными образными сравнениями, которыми характеризуется речь носителей русского языка. В связи с этим преподаватель должен включать в систему заданий сравнение характеристики человека и его возможностей с животными, их повадками и поведением. Стимулами к созданию таких образных характеристик могут быть уже функционирующие модели сравнительных образных характеристик в русской языковой традиции – «неловкий, как медведь», «хитрый, как лиса», «верный, как собака» и т. п. В субстанции родного языка у носителей китайского языка будут другие образные сравнения, обусловленные китайским ассоциативным фоном: «неловкий, как свинья», «хитрый, как заяц», «верный, как конь». Анализ национальной образной специфики при сравнении человека с животными в русской и китайской традиции иллюстрирует уникальность образной сферы носителей этих языков. При формировании вторичной образной сферы в субстанции русского языка целесообразна следующая последовательность учебных действий:

1) осознание семантики лексических единиц (дом – home – 家);

2) вычленение образного компонента лексической единицы, который раскрывается в специфическом контексте (Он устал жить на чужбине, мечтал о **доме / родине);**

3) возникновение словесных ассоциаций, в связи яркими стимулами (тепло – весна, жара – лето, холод – зима, забота – семья);

4) формирование ассоциативного фона в качестве основы для порождения субъектом речевого процесса возникновения новых связей между образами и лексическими единицами (физически сильный человек – силач – человек «как медведь»);

5) непроизвольное «включение» образных высказываний или характеристик в актуальных ситуациях речевого творчества человека, которые при повторных репрезентациях структурируются в формируемой образной памяти вторичной языковой личности (Ты как «перелетная птица» по всему миру летаешь);

6) создание образных контекстов в качестве характеристик художественных персонажей и реальных личностей с опорой воображение и функционирующую вторичную образную сферу и образную память вторичной языковой личности.

Результатом предлагаемой выше работы и постоянной коррекции процессов восприятия и воображения является формирование адекватных ассоциаций и формирование вторичной образной сферы у иностранных учащихся, функциональность которых свидетельствует об активности вторичного менталитета и вторичного языкового сознания в структуре вторичной «языковой личности» китайского учащегося. Это ситуация творческого порождения образных высказываний в субстанции русского языка.

Вторичная «языковая личность» со сложившейся адекватной образной сферой, приобретенной в процессе освоения изучаемого языка и культуры, характеризуется сложной структурной организацией, включающей первичную сферу родного языка и культуры и вторичную сферу, приобретенную в процессе освоения изучаемого языка и культуры его носителей. По данным О.А. Корнилова, полноценное формирование вторичной «языковой личности, характеризующейся вторичным языковым сознанием и менталитетом, невозможно без включения психологического фактора, обусловливающего формирование «вторичной языковой картины мира» [Корнилов, 2011, с. 144, 237]. Для формирования «вторичной языковой картины мира» у субъекта учебного процесса, изучающего иностранный язык, важно откорректировать и уравновесить первичные лингвосенсорные процессы, обусловившие национальную специфику родного языка, и вторичные, актуализируемые в структуре вторичной языковой личности. Эту специфику уравновешивания сенсорных процессов, функционирующих в родной и иноязычной субстанции при формировании вторичной языковой картины мира, можно проследить в процессе анализа объема образности лексических единиц, которые используют русские и китайцы. Так, ***в русской языковой картине мира*** «свиньей» можно назвать че-

ловека, который и неаккуратен, и необязателен, и непорядочен, ну просто подлец. ***В китайской языковой картине*** мира восприятие неаккуратного человека адекватно русскому представлению – «свинья». ***В русской языковой картиной мира*** имеют место разные образы при восприятии человека, не умеющего держать данное слово, и человека, который глубоко непорядочный. Так, русские различают необязательного человека («свинья») и неприличного человека («подлец»). ***В китайской языковой картине мира*** нет различия между необязательностью человека и неприличным поведением. В том и другом случае присутствует одна ассоциация с «собакой». Образ «собаки» в русской языковой картине мира имеет позитивный и негативный ассоциативный фон – «преданный друг» и человек «злой как собака». Эта уникальность возникающих ассоциаций имеет серьезное научное обоснование:

1. По данным В.К. Харченко, результаты функционирования пяти органов чувств (зрение, слух, осязание, обоняние и вкус) передаются специфическими языковыми средствами, которые у разных народов не могут быть идентичными [Харченко, 2012, с. 52–68];

2. О.А. Корнилов, связывая лингвосенсорику с процессами рефлексии, самопознания и самовыражения народа, говорит о национальной специфике языка и культуры [Корнилов, 2011, с. 133];

3. Т.Б. Радбиль обосновывает связь сенсорных процессов с языковым менталитетом, когда формулирует определение языкового менталитета как «национально-специфического способа знакового представления знания о мире, системе ценностей и моделей поведения, воплощенного в семантической системе национального языка».

Завершая обоснование значимости психологии для процесса формирования вторичной образной сферы, в структуре вторичной языковой личности, следует сделать следующие выводы:

1. При формировании вторичной языковой личности недостаточно просто знакомить с русской образной сферой. В этой ситуации значима коррекция процессов рефлексии при восприятии контекстов, в которых содержатся образные единицы – устойчивые сравнительные обороты, «ходячие выражения». При этом должно присутствовать рассмотрение способов создания образных единиц на фоне оппозиции «родное – иноязычное».

2. Формирование образной сферы в структуре вторичной языковой личности стимулируется произвольного и воссоздающего воображения.

3. Связь образа и слова как лексический единицы обусловлена ассоциациями, возникновение в учебном процессе стимулируется установками преподавателя.

4. Вторичное языковое сознание предопределяет процесс создания коммуникантами речевых сообщений, включающих образные компоненты.

Библиографический список

1. *Богин, Г.И.* Уровни и компоненты языковой способности человека [Текст] / Г.И. Богин. – Калинин : КГУ, 1975. – 246 с.
2. *Вайсгербер, Й.Л.* Родной язык и формирование духа [Текст] / Й.Л. Вайсгербер, пер. с нем., вступ. ст. и ком. О.А. Радченко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – 232 с.
3. *Виноградов, В.В.* О языке художественной прозы [Текст] / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1980. – 360 с.
4. *Витгенштейн, Л.* Логико-философский трактат [Текст] / Л. Витгенштейн; пер. с нем. Л. Витгенштейн, И.С. Добронравова и Д. Лахути; общ. ред. и пред. В.Ф. Асмуса. – М. : Наука, 2009. – 133 с.
5. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
6. *Корнилов, О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. [Текст] / О.А. Корнилов. – 3-е изд, испр. – М. : КДУ, 2011. – 350 с.
7. *Радбиль, Т.Б.* Основы изучения языкового менталитета [Текст] : учеб. пособие / Т.Б. Радбиль. – М. : Флинта, Наука, 2010. – 328 с.
8. *Тарасов, Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М. : ИЯ РАН, 1996. – С. 7–22.
9. *Уфимцева, Н.В.* Слово, значение и языковое сознание [Текст] / Н.В. Уфимцева // Концептуальный анализ языка : современные направления исследования : сб. науч. тр. – М.; Калуга : Эйдос, 2007. – С. 109–118.
10. *Халеева, И.И.* Некоторые обучение межкультурной коммуникации на основе коммуникативного подхода [Текст] / И.И. Халеева // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание : тезисы докл. X Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1991.– С. 310–312.
11. *Харченко, В.К.* Лингвосенсорика : Фундаментальные и прикладные аспекты [Текст] / В.К. Харченко. – М. : ЛИБЛОКОМ, 2012. – 216 с.

УДК 413.164
ББК 81.2

Б.Д. Цыренов

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СЛОВАРЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются вопросы представления ономастической лексики в монголоязычно-русских словарях. Современная практическая лексикография, в том числе монгольская, обращается к онимам: именам мифических персонажей, исторических деятелей, теонимам, именам персонажей устного народного творчества. В монгольско-русском, бурятско-русском и калмыцко-русском словарях, изданных недавно, все большее количество онимов представляется в основном словнике, а не в списках-приложениях географических и других наименований.

Ключевые слова: *ономастическая лексика; онимы; имена исторических деятелей; персонажей устного народного творчества; мифонимы; теонимы; лексикография; словари*

B.D. Tsyrenov

ONOMASTIC LEXICON IN DICTIONARY AS A REFLECTION OF CULTURE

The article considers the representation of onomastic lexicon in Mongolian-Russian dictionaries. Modern practical lexicography, including Mongolian one, deals with onyms: names of mythical characters, outstanding historical figures, theonyms, names of folklore characters. In the Mongolian-Russian, Buryat-Russian and Kalmyk-Russian dictionaries published recently an increasing number of onyms is represented mainly in glossary, but not in the addenda lists of geographic and other names.

Key words: *onomastic lexicon; onyms, names of historical figures and characters of folklore; mythonyms; theonyms; lexicography; dictionaries*

В российской практической лексикографии, особенно в двуязычной, ономастическая лексика традиционно располагается в конце корпуса словаря в различного рода приложениях в виде списка географических названий, а другие разряды онимов остаются за пределами внимания словаристов. «Именам собственным (в дальнейшем – ИС) всегда уделялось недостаточное внимание в лингвистических словарях – как двуязычных, так и одноязычных. В частности, в русской лексикографии ИС, как правило, не включаются в словники толковых словарей (за исключением, в некоторых случаях, апеллятивировавшихся мифологических и фольклорных ИС). По умолчанию читателей отсылают к справочникам энциклопедического характера. Эта практика базируется на трактовке ИС как единиц, обладающих лишь энциклопедическим значением, и хотя сегодня такая трактовка разделяется далеко не всеми исследователями, в лексикографии она сохранила сильную инерцию» [Ермолович, 2004, с. 64]. Мы присоединяемся к последним, поскольку, по нашему глубокому убеждению, ономастическая лексика, включенная в словарь в качестве самостоятельной заголовочной единицы, несет ценную культурную информацию, прежде всего, информацию по духовной культуре народа – носителя входного языка словаря. Особенно это актуально, если словарь активно используется в обучении языку, в таком случае ономастическая лексика представляет лингвострановедескую информацию, столь необходимую при изучении чужого языка, чужой культуры.

В новейшей национально-русской монгольской лексикографии лишь три словаря имеют списки географических названий – это «Калмыцко-русский словарь» (КРС), «Русско-монгольский словарь» под редакцией Ц. Лувсанвандана (РМС) и «Большой академический монгольско-русский словарь» (БАМРС). «Бурят-монгольско-русский словарь» (БМРС), относящийся к более раннему периоду, также имел в своем составе переводной список географических названий [БМРС, 1951, с. 761–770], но при доработанном переиздании его в 1973 г. список был удален. Русско-монголоязычные словари содержали в своей струк-

© Цыренов Б.Д., 2012

туре примерно такие же переводные списки географических названий (см. [РБМС, 1954; РМС, 1982]).

В «Калмыцко-русском словаре» (1977) «Список географических названий» занимает 12 страниц и имеет такие рубрики, как: «Условные сокращения», «Общие географические названия» и «Основные географические названия Калмыцкой АССР» [КРС, 1977, с. 715–726]. Принцип, по которому отбираются географические названия в словари, очень часто не ясен, и это касается не только упомянутого словаря, но и любого другого. В словарях советского периода в списки общих географических названий включаются названия союзных и автономных республик СССР и их столиц, иностранных государств и их столиц, крупных рек, гор и др. Этот принцип подрывается тем, что упускаются некоторые названия из ряда однотипных объектов.

В.П. Берков по поводу формирования списков географических названий пишет: «Условимся, что в список городов будут включены названия всех столиц мира (это стало традицией для переводных словарей) и наиболее крупных городов “третьих” стран (т. е. не тех стран, в которых говорят на данных двух – входном и выходном – языках словаря)» [Берков, 2004, с. 58–59]. Но и это положение не решает проблемы отбора названий и стройности этих списков.

В монографии «Вопросы двуязычной лексикографии (Словник)» этот же автор заявляет: «Родно-иностранный словарь должен включать в себя все собственные имена, которые по критерию употребительности признаются важными для общения данных двух языковых коллективов» [Берков, 1973, с. 101]. Критерий употребительности, о котором здесь говорится, также ненадежен. Насколько известно, еще не проведены лингвостатистические исследования, выявляющие частотность употребления имен собственных ни для одного языка. Вследствие этого возникает опасность проявления субъективизма со стороны составителя или составителей словарей.

В четвертом томе «Большого академического монгольско-русского словаря» помещен наиболее объемный список географических названий [БАМРС, 2004, т. IV, с. 471–493], распределенный по четырем рубрикам: I. *Газар зүйн ерөнхий нэр*. Общие географические названия; II. *Монгол орны газар зүйн нэр*. Географические названия Монголии; III. *Монгол улсын өнөөгийн засаг захиргааны нэр*. Административные названия современной Монголии: А. *Аймаг сумны нэр*. Названия аймаков и сомонов; Б. *Аймаг сумын төв, суурин газрын нэр*. Названия аймачных и сомонных центров и населенных пунктов; IV. *Монгол улсын засаг захиргааны хуучин нэр*. Административные названия старой Монголии.

Такая рубрикация, несомненно, прогрессивное явление. В рубрику «Общие географические названия» включены самые разнообразные названия: государств, городов, гор, рек, озер, морей, материков, островов, полуостровов и т. п. Здесь система отбора не прослеживается. Но более всего притягивают внимание другие три рубрики, в которых приведены переводы названий практически всех сравнительно крупных аймаков, сомонов, городов, населенных пунктов, географических объектов. Кроме того, в четвертой рубрике «Административные названия старой Монголии» приведены названия 115 аймаков и хошунов. Эти названия как новые, так и старые, – прекрасный материал для переводчиков не только общественно-политической, публицистической литературы, но и художественной, особенно исторической.

Все это касается переводных списков географических названий, но в данном случае остаются за бортом другие разряды онимов, прежде всего, антропонимы. Говоря об антропонимах относительно проблем лексикографии, следует сказать, что имеются ввиду единичные антропонимы в противопоставлении к антропонимам множественным [Ермолович, 2004, с. 64; Берков, 1973, с. 107]. Кроме антропонимов, заслуживают права быть включенными в словари, в частности двуязычные, мифонимы, названия крупных фольклорных и литературных произведений, исторических мест областей и ряд других. Эта традиция применялась в российской тюркской лексикографии. Как пишет А.А. Юлдашев, «…в отдельных словарях личные имена, представленные в фольклоре по традиции, идущей от Радлова, демонстрируются в одном ряду с нарицательными именами» [Юлдашев, 1972, с. 93]. Действительно, этот разряд онимов необходимо включать в словарь, поскольку они участвуют в создании культурного и исторического фона в языке.

Из современных национально-русских словарей монгольских языков только в двухтомном «Бурятско-русском словаре» (БРС) в словник вошли некоторые онимы, хотя их количество, нам кажется, все еще недостаточным, и есть еще возможности расширения перечня имен собственных в последующих изданиях.

Итак, в БРС вошли имена исторических деятелей прошлого, имена фольклорных персонажей, мифонимы, теонимы, названия некоторых исторических географических областей и др. Кроме того, в лексической части словаря даны энциклопедические сведения об исторических событиях, объектах. В пояснениях и справках дается не только языковое или дескриптивное значение, но и краткая энциклопедическая информация. Хотя, как пишет Д.И. Ермолович: «Для целей коммуникации не нужно, чтобы значение таких ИС (единичных – Б.Ц.) включало обширные энциклопедические сведения о референте. Это значение поддается описанию краткой определенной дескрипцией. Логично сделать вывод, что такая дескрипция должна лечь в основу словарной дефиниции ИС в лингвистическом словаре. <…> Языковое значение – это абстракция, выделяющая лишь самое существенное в этом содержании, или “формальное понятие” об объекте <…>. В этом ключ к специфике лингвистического лексикографического описания ономастической лексики в отличие от энциклопедического описания» [Ермолович, 2004, с. 65].

Вернемся к именам собственным в БРС. Из исторических деятелей бурятского народа сюда включены имена Бадана Туракина, Доржи Банзарова:

Бадан Тураахин (*Хориин 11 эсэгын галзууд эсэгын зайһан; Хориин 11 эсэгын түлөөлэгшэдые толгойлон, хазаар мореор Москва хото ошожо, Нэгэдүгээр Петр хаанише бараалхахадань, хаан 1703 оной мартын 22-то зарлиг гаргажа, хори буряаднарай Монгол орон хүрэтэр нютаглажа һууха газарые заажа үгэһэн юм*) Бадан Туракин [БРС I, 2006, с. 102].

«**Банзаров Доржо** (*1822 ондо түрэһэн; 1855 ондо, 33-тайдаа наһа бараа; арбан жэл һуража, Хяагтын ород-монгол һургуули, тиигээд Казаниин гимнази, һүүлээрнь университет дүүргээ; гол зохеолнуудынь: «Монголшуудай харын шажан гү, али бөө мүргэл», «Сагаан һара – монголшуудай шэнэ жэлэй һайндэр», «Чингис хаанай аша Исунке тайжын хүшөө дээрэхи монгол бэшэгэй тайлбари г. м.*) Банзаров Доржи (*первый бурятский ученый*)» [Там же. С. 113].

«**Барадин: Барадин Базар** (*1875–1939; буряад хэлэ, Түбэдэй хойто хиидүүдые гол түлэб шэнжэлһэн профессор; уран зохеолшо; Буряад-Монголой АССР-эй гэгээрэлэй түрүүшын нарком; хамалганда абтажа хороогдоһон, һүүлдэнь сагааруулагдаһан*) Барадин Базар (*бурятский ученый, монголовед, тибетолог*)» [Там же. С. 116].

Как мы видим здесь, к этим ИС даны достаточно краткие, но емкие энциклопедические сведения. Вызывает сожаление лишь то, что эти сведения даны только на входном – бурятском – языке, а на русском лишь очень краткие справки – ***Базар Барадин*** (*бурятский ученый, монголовед, тибетолог*), а имя ***Бадан Тураахин*** совсем лишено пояснения на русском языке. К семантизации, т. е. «переводу», второго антропонима имеется минимальное пояснение, которое мало о чем говорит – *первый бурятский ученый.* По-нашему, здесь в «русской» части как раз и следовало дать больше информации, оптимальным в данном случае был бы перевод бурятского описания.

Еще один момент, о котором приходится сожалеть, – это то, что на этом заканчиваются ИС исторических деятелей. Этот перечень могли бы пополнить такие имена, как ***Цыбен Жамцарано***, ***Гомбожаб Цыбиков***, ***Петр*** и ***Александр Бадмаевы***, ***Галсан Гомбоев***, имена бурятских летописцев – ***Вандан Юмсунов***, ***Тугултур Тобоев*** и т. д.

В БРС также включаются имена и других исторических личностей, живших в гораздо более раннее время, например:

«**Барга-баатар** (*энэ хадаа түмэдэй хаанай нэгэ ноениинь байһанаа, тэрэ хаанай доторой дай үүсхэхэдэнь, Бүртэ-Шоно гэжэ хүбүүень абаад тэрьедэжэ, Байгал шадар ерэжэ, тэрэ хүбүүниинь хаан, харин Барга-баатар тэрэнэй ноениинь болоо гэһэн түүхэтэй. Зарим ном бэшэгтэ хэлэгдэһээр, хориин арбан нэгэн эсэгын эхи табигша Хори-мэргэн Барга-Баатарай хүбүүн байжа, тэндэхи бэдэ зоной басаган Баргажан-гуа гээшые һамга абажа, тэрээнһээ Алан-гуа гараһан, харин Шаралдай, Нагатай гэжэ хоердохи, гурбада-*

хи хатадhаань хориин 11 эсэгэдэ нэрэ үгэhэн хүбүүд түрэhэн байгаа) *ист*. Баргу-батор (*первопредок бурят*)» [Там же. С. 117]**.**

«**Баргажан-гуа** (*«Нюуса тобшодо» бэшэгдэhэн еhоор, Баргажан-гуа Барга-баатарай басаган, Хори-мэргэнэй hамган байгаа, харин тэрээнhээ Алан-гуа түрэhэн гэхэ. Ондоо түүхэнүүдтэ Баргажан-гуа бэдэ зоной басаган байгаа гэдэг*) *ист*. Баргуджин-гоа» [Там же].

«**Чагатай** (*Сагадай; Чингис хаанай хоердохи хүбүүн*)» Чагатай [БРС II, 2008, с. 591].

Значительная по объему статья посвящена основателю Великого монгольского государства Чингисхану:

«**Чингис хаан** (*Тэмүүжэн; 1155-1227 онуудта ажаhуулhан. Монгол угсаатаниие удаа дараагаар нэгэдүүлэн, Хэрлэн мүрэнэй эрьедэхи мүнөөнэй Хэнтэйн аймагай Хүдөөгэй арал гэжэ газарта 1189 ондо хаан гэжэ тунхаглан соносхогдоhон, харин 1206 ондо, Онон мүрэнэй эрьедэ Монгол уласай (империин) агууехэ хаан болоhон. Чингис хаанай үедэ Хойто Хитад, солонгос – Корей, Си-Ся гэдэг тангад гүрэн Түб ба Дунда Азиин газар оронууд, Закавкази, Иран болон Афганистан эзэлэгдэhэн Чингис хаанай дайлалганууд хүн түрэлтэнэй түүхэдэ ехэ доhололто дорьболто боложо, хүгжэлтэдэнь түргэдхэхы нүлөө үзүүлhэн гэжэ тоолоод, ООН Чингис хааниие 2-дохи мянган жэлэй хүн гэжэ соносхоhон байна. Чингис хаанай түрэхые бүри Будда Шигэмүни уридшалан мэдэжэ хэлэhэн юм гэhэн домог бии. Олон монгол түүхэ домогуудта Чингис хаанай түрэhэн газарынь Дэлюун болдог гэжэ бэшэhэн байдаг. Харин энэнь, монгол эрдэмтэдэй hанамжаар, Хэнтэй аймагай мүнөөнэй Дадал гэжэ сомондо оршодог. Буряад газарташье, Онон мүрэн шадар Дэлюун болдог гэжэ газар бии. Чингис хааниие хүдөө табиhан газарые олохо гэжэ шэнжэлэгшэдэй хэды оролдобошье, тэрэ олдоодүй юм. Рашид-ад-дин гэдэг эртэ үеын түүхэшэнэй бэшэhээр, хаан Бурхан Халдун гэжэ хадада оршуулагдаа. Теэд тон энэ хада Бурхан Халдун гээшэ гэжэ хэлэхэ баримта үгы*) Чингисхан (*великий монгольский полководец, объединитель монгольских племен и основатель монгольской империи, провозглашен ООН человеком тысячелетия*); **Чингисэй hадаhад** чингисиды (*потомки Чингисхана, правящие династии, основанные его сыновьями: Джучи, Джагатаем (Чагатанды), Угедеем, Толуем; внуками: Хулагу-ханом (Хулагуиды) и др.*)» [БРС II, 2008, с. 594].

Исторический топоним Баргуджин-Токум широко известен благодаря историческим исследованиям, публикациям и фильмам о Чингисхане. В БРС этому топониму посвящена следующая статья:

«**Баргажан-Түхэм** (*Буряад арадай элинсэгэй эртэ урда сагта hууhан, Байгал нуурые тойрон шадарлаhан нютаг. Тэндэ хоритүмэд, барганар гэхэ мэтэ угсаатан hуудаг байгаа. Тэдэнэй баруун хүршэнэр ойрадууд, мүн зарим баяд, мэргид, тайчуудтай хамта тэдэнэр «ойн иргэн»* (*зон*) *гэжэ нэрлэгдэдэг байhан гэдэг*) *ист*. Баргуджин-Токум (*регион вокруг Байкала, где в древности проживали предки бурят*)» [Там же. С. 117].

Здесь также был бы желателен перевод всей энциклопедической информации с бурятского на русский язык.

Мифонимы в бурятско-русском словаре представлены в гораздо меньшем количестве, нежели теонимы. К мифонимам относятся имена шаманских духов, например: *зүүнэй 44 тэнгэри* «44 восточных тэнгрия». К этому мифониму даются пояснения – обширные на бурятском языке (*эдэ хадаа бөөгэй шажанай ойлгомжоор, баруунай баатар хаан тэнгэринүүдтэй тэмсэлдэгшэ хара балар тэнгэриин дошхон дүрэнүүд болоно. Атаа тэнгэри – зүүн эзэн, зүрхэн толгой тэнгэри, тэдэнэй аха захань; Хэдэ дошхон тэнгэри – хэрүүлэй, Хадарга боом тэнгэри – хараал зүхэлиин, Хан хара тэнгэри – тойн хубарагые үзэн ядадаг, Дошхоной асари тэнгэри – хурмаста тэнгэритэй тэмсэлдэгшэ, Зүрхэн тэнгэри – зүүн зүгэй зүрхэнэй, шэрэм 9 тэнгэри – шарга ямаа хүллэhэн шэрэмэй гэхэшэлэн 44 тэнгэринэр гэхэ* – Дагбад.), более скромные – на русском: (*тэнгрий – дух-небожитель, самый высокий ранг почитаемых духов бурят, которые обитают на самом высоком месте – на небе; эти духи-гении подразделяются на 55 западных и 44 восточных духа, враждующих между собой; из них восточные тэнгрии оказывают отрицательное влияние на жизнь людей*) [БРС I, 2006, с. 419].

К теонимам даются обширные, до половины страницы, комментарии на бурятском и русском языках. В ряду теонимов не только имена буддийских, но и некоторых христиан-

ских и исламских божеств. Рассмотрим подачу буддийского теонима *Бадмасамбава:*

Бадмасамбава, лобон Бадмажуунай (*Буддын шажанай Түбэдтэ дэлгэржэ эхилээд байхада, Энэдхэгһээ тэндэ ошожо, шойжон сахюусаниие, мүн сам бии болгоһон. «Бадмахатан» гэжэ намтарынь, «Табан сэсэн үгэ» гэжэ номынь хуушан монгол хэлэндэ оршуулагдажа, түрүүшынхинь модон бараар хэблэгдэнхэй*) *будд.* Падмасамбхава (*индийский ученый 8 века, основатель школы ньингмапа, способствовал проникновению в Тибет ваджраяны, ввел мистерию цам и создал комментарий на тему «Книги мертвых»*) [Там же. С. 103].

Помимо приведенных выше разрядов онимов, в БРС довольно широко представлены этнонимы – названия монгольских народов и племен: *барга, дагуур, ойрад, хоршон, ордос* и т. д. К этнонимам так же, как и к другим видам онимов, даны комментарии на входном и выходном языках с вариациями по объему. Например:

барганар, барга зон (*мянга гаран жэлэй урда Байгал шадар байһан, мүн бүрилдэжэ эхилһэн буряад арадай ехэхэн хубинь болоһон гэдэг; табан зуугаад жэлэй саана зарим барганар Үбэр-Монгол нүүһэн байгаа. Хэлэндэнь буряадта дүтэрхы зүйл олон дээрэһээнь зарим эрдэмтэд тэрэниие барга-буряадай нютаг хэлэн гэдэг байгаа. Мүнөө олонхид тэрэниие монгол хэлэнэй диалект гэжэ тоолодог*) *этн.* баргуты (*одно из монгольских племен, ныне проживающее в районе озера Кулун-Буир*) [Там же. С. 117].

Национально-русские словари монгольских языков различаются в части включения ономастической лексики. В «Большом академическом монгольско-русском словаре» и «Калмыцко-русском словаре» в приложениях даны списки географических названий, тогда как «Бурятско-русский словарь» не имеет такого списка. В последнем сделана попытка включения в словник ономастической лексики в составе некоторых топонимов, антропонимов (имен исторических деятелей), мифонимов, теонимов и этнонимов. В БАМРС также даны некоторые этнонимы с энциклопедической информацией на выходном – русском – языке.

В БАМРС также даны некоторые монгольские этнонимы, сопровождаемые краткой энциклопедической информацией на выходном – русском – языке, например: **ОРДОС** I ордоссы, ордосцы (*монгольское племя в Южной Монголии*) [БАМРС, 2004, т. II, с. 489]; этнонимы, ставшие названиями административных районов: **ХОРЧИН** хорчины (*название шести хошунов Джиримского сейма во Внутренней Монголии*) [БАМРС, 2004, т. IV, с. 117] и т. д.

Монгольская лексикография в основном придерживается двух традиционных путей в вопросе отражения в словарях ономастической лексики. Первый, наиболее распространенный – списки географических названий в качестве приложения к основному корпусу словаря. Второй путь, по которому пошли составители двухтомного «Бурятско-русского словаря», заключается во включении имен собственных непосредственно в корпус словаря с одновременным снабжением их краткими или относительно обширными энциклопедическими справками.

Библиографический список

1. *БАМРС* – Большой академический монгольско-русский словарь [Текст] : в 4-х т. – М. : Academia, – 2004. – 4 т.
2. *Берков, В.П.* Вопросы двуязычной лексикографии (Словник) [Текст] / В.П. Берков. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1973. – 192 с.
3. *Берков, В.П.* Двуязычная лексикография [Текст] / В.П. Берков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2004. – 236 с.
4. *БМРС* – Бурят-монгольско-русский словарь [Текст] / сост. К.М. Черемисов. – М. : ГИИНС, 1951. – 852 с.
5. *БРС I* – Шагдаров, Л.Д. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь [Текст] : в 2-х т. / Л.Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. – Улан-Удэ : Республиканская тип-я, 2006. – Т. I. А-Н. – 636 с.
6. *БРС II* – Шагдаров, Л.Д. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь [Текст] : в 2-х т. / Л.Д. Шагдаров, К.М. Черемисов. – Улан-Удэ : Республиканская тип-я, 2008. – Т. II. О-Я. – 707 с.
7. *Ермолович, Д.И.* Ономастическая лексика как объект двуязычной лексикографии / Д.И. Ермолович // Вопросы филологии. – 2004. – № 2. – С. 64–70.
8. *КРС* – Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. – М. : Рус. яз., 1977. – 768 с.
9. *РБМС* – Русско-бурят-монгольский словарь / под ред. Ц.Б. Цыдендамбаева. – М. : ГИИНС, 1954. – 750 с.
10. *РМС* – Монгольско-русский словарь / под ред. А. Лувсандэндэва. – М. : ГИИНС, 1982. – 716 с.
11. *Юлдашев,* А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей / А.А. Юлдашев. – М. : Наука, 1972. – 416 с.

УДК 81.00
ББК 81.00

Чэн Эньцин

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ВУЗОВ КИТАЯ И РОССИИ

В статье дана характеристика реформ в области высшего образования Китая и России. Обозначены основные направления и перспективы развития международного сотрудничества и интеграции высшего образования этих стран.

Ключевые слова: *образовательные реформы; многоуровневая система образования; международное сотрудничество; интеграция высшего образования*

Jen Entsin

RUSSIAN AND CHINESE UNIVERSITIES IN THE CONTEXT OF GLOBAL HIGHER SCHOOL EDUCATION

Sense and worth of current university education reforms in Russia and China have been discussed in the article. The directions and guidelines hereto have also been pinpointed, as well as opportunities for the integration.

Key words: *reforms of university education; multitier system of education; international cooperation; integration*

Независимо от времени и пространства народы Китая и России объединяет многолетнее содружество. В прочной основе китайско-российских отношений лежат исторически сложившиеся традиции двух народов. Связи наших стран уходят своими корнями в далекое прошлое. Исторически модель российского образования оказывала влияние на китайское образование, особенно высшее.

В настоящее время и в Китае, и в России проводятся экономические и образовательные реформы, выстраиваются модели высшего образования, соответствующие тенденциям развития экономики и образования, обеспечивающие вхождение в мировое образовательное пространство. Это дает новый импульс для тесного сотрудничества вузов обеих стран.

В конце XX в. высшее образование России и Китая переживает качественно новый этап сотрудничества интеграции с мировым сообществом. Этот этап открывает возможности не только позаимствовать новое, прогрессивное, проверенное многолетним мировым опытом, но и поделиться лучшим из того, что имеется в практике работы высших учебных наших стран.

Экономические реформы и в Китае, и в России, утверждение рыночных отношений требуют новых подходов к подготовке компетентных специалистов, обладающих фундаментальными теоретическими знаниями и профессиональными компетенциями. Наряду с изучением новой техники и новых технологий современное поколение специалистов должно получить в вузах знания и опыт деятельности в областях бизнеса, управления производственными и общественными процессами, экономики и коммерции, менеджмента и маркетинга. Выполнение этой задачи требует укрепления дружественного сотрудничества и научного обмена между вузами Китая и Россия, создания условий для международной интеграции вузов на основе использования опыта различных стран мира, в том числе вузов Китая и России.

Реформы высшего образования Китая и Россия как фактор, расширяющий возможности международного сотрудничества обеих стран. С 1980-х гг. в Китае началась реформа по обеспечению открытости в области высшего образования. Ее основные задачи – оптимизация системы и структуры образования; обновление содержания и методов обучения; отказ от

© Чэн Эньцин, 2012

устаревшего содержания и методов обучения, не отвечающих требованиям современного образования; дальнейшее расширение внешних связей; усиление международного обмена и сотрудничества в области образования на основе заимствования положительного опыта, накопленного другими странами в области развития и укрепления образования.

Осуществляя реформу структуры высшего образования, китайское правительство подчеркивает:

1. Необходимо создать такую систему, в которой правительство осуществляет макроуправление, а вузы, учитывая требования и запросы общества, действуют самостоятельно.

2. Ввести в вузах двухступенчатую систему управления. Это означает, что управление вузами осуществляется центральным правительством и провинциальными правительствами, в том числе правительствами автономных районов и городов центрального подчинения, а главным образом последними.

3. Осуществить программу «Инженерия 21-1» (программа «сто ведущих вузов двадцать первого века»).

Начиная с 1992 г., высшая школа России прошла очередной этап реформирования в соответствии с утвержденной Правительством Российской Федерации программой развития Российского высшего образования. Являясь в определенной степени преемницей общих идей демократизации и гуманизма, программа имеет системный характер, содержит ряд проработанных стратегических и тактических решений, в том числе по международному сотрудничеству.

Принятые государством законы Российской Федерации «Об образовании» и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» утвердили правовую основу деятельности высшей школы, дальнейшее развитие идеи демократизации и гуманизации получили в проекте закона «Об образовании в РФ».

Новая система высшего образования в России дает каждому гражданину возможность интеллектуального, культурного и нравственного развития, получения высшего образования в соответствии с его способностями и знаниями, обеспечивает качество образования, в том числе профессиональную мобильность и социальную защищенность личности.

Результативность реформы проявляется в том, что высшее образование в России получило большую академическую самостоятельность, особо отмечаем многообразие типов высшего образования по срокам и уровням подготовки, формам обучения, выдаваемым дипломам, академическим и ученым степеням.

Введение многоуровневой системы высшего образования на основе использования лучшего мирового опыта, существенно расширяет возможности интеграции в области высшего образования и сотрудничества между вузами Китая и России, как по содержанию, так и по срокам обучения соответствующего уровня образования, которые приняты в большинстве стран мира, в том числе в Китае и России.

Главные цели и задачи международной интеграции в сфере высшего образования Китая и России. Международная интеграция и сотрудничество в области высшего образования определяется взаимным доверием и обменом опытом вузов обеих стран. Для осуществления интеграции необходимо:

1. Участие вузов в международном рынке научно-технического и экономико-управленческого труда, а также в рынке образовательных услуг.

2. Развитие механизмов, которые позволят каждому учебному заведению выступать в качестве самостоятельного субъекта международного сотрудничества.

3. Обеспечение непрерывности научных исследований и внедрения их результатов в учебный процесс вузов.

4. Консолидация усилий учебных заведений России и Китая в решении важнейших проблем образования и науки, формирование и выполнение совместных научно-образовательных программ и проектов.

5. Разработка предложений и активное участие в реализации новых подходов в развитии высшего образования, подготовка научно-педагогических кадров высшей квалификации; содействие развитию новых форм и методов обучения талантливой молодежи на основе передовых научных исследований, разработок и технологий.

6. Развитие в высшей школе передовых об-

разовательных технологий, распространение передовых научных знаний и достижений.

7. Глубокое изучение языков и культур России и Китая.

Направления международного сотрудничества. Обозначенные цели и задачи международной интеграции требуют активизации поиска путей развития международного сотрудничества в высшем образовании и определения направлений сотрудничества.

Среди направлений международного сотрудничества в высшем образовании обеих стран можно выделить:

1. Обмен между высшими учебными заведениями России и Китая, программами, студентами, аспирантами, профессорами и научными работниками.

2. Разработка и внедрение совместно разработанных образовательно-профессиональных программ бакалавриата и магистратуры.

3. Реализация профессиональных программ для студентов со степенью бакалавра.

4. Организация совместных образовательных и исследовательских центров в городах России и Китая.

5. Участие в международных проектах в области образования, науки и культуры.

6. Организация выставок достижений в области образования и науки и участие в них.

7. Участие высших учебных заведений в создании телекоммуникационных систем для обмена информационными ресурсами.

Предложения по дальнейшему развитию международного сотрудничества в высшем образовании. Анализируя основные тенденции развития международной интеграции в области высшего образования, следует отметить необходимость улучшения организационной стороны сотрудничества. В связи с этим предлагаем создать региональную ассоциацию вузов обеих стран. Эта ассоциация могла бы заниматься решением следующих задач:

1. Организация прямых международных контактов и связей между вузами региона.

2. Подготовка прогнозов, аналитических докладов и рекомендаций по развитию и интеграции науки и образовательных процессов в вузах.

3. Предоставление независимой экспертизы международных и национальных результатов образования в вузах.

4. Участие в создании и развитии научных и технологических парков, научных и образовательных комплексов в регионе.

5. Участие в аттестации работников вузов региона.

6. Организация международных научных конференций и семинаров.

Кроме того, ассоциация могла бы подготовить проект создания международного регионального университета. Этот университет мог бы стать центром для развития и обмена образовательными технологиями, объединения потенциала лучших вузов региона в подготовке и переподготовке специалистов.

В рамках ассоциации возможна работа по подготовке проекта организации системы дистанционного обучения в новой информационной среде, которая даст возможность студентам проходить курс обучения в течение всего периода времени без выезда за границу. Существует необходимость создания условий в регионе для реального функционирования глобальной системы дистанционного обучения.

Другим возможным предметом деятельности ассоциации может стать развитие международного сотрудничества в области послевузовского образования.

Думаем, что развитие и внедрение предложенного проекта будет большим вкладом в международное сотрудничество и интеграцию высшего образования наших народов, а также в развитие мировой системы образования в целом.

Библиографический список

1. Закон КНР ‘об образовании’ (1995-3-181).

2. Закон КНР‘об высшем образовании’ (1998-08-29).

3. Закон Российской Федерации «Об образовании» (№68 от 10.07.2012).

4. О внесении изменений и дополнений в закон Российской Федерации‘об образовании’и Федеральный закон‘о высшем и послевузовском профессиональном образования’ (12002-06-25).

5. Об утверждения федеральной программы развития образования (2000-04-10).

6. Программа реформы и развитие народного образования в КНР (1993-02-13).

7. Федеральный закон о высшем и послевузовском профессиональном образовании (1996-08-22).

УДК 81.00
ББК 81.00

Чэнь Юйцай, Фань Вэйцзе

ОСНОВНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИНТЕРЪЯЗЫКА И НЕКОТОРЫЕ СВОЙСТВА ЕГО СИСТЕМЫ (КИТАЙСКО-РУССКИЕ СООТВЕТСТВИЯ)

Данная статья посвящена анализу основных грамматических элементов интеръязыка между китайским и русским языками, а также на этой основе сделана попытка в общем виде указать некоторые особенности его грамматической системы.

Ключевые слова: *элементы; интеръязык; система*

Chen Yucai, Fan Weijie

GRAMMATICAL ELEMENT OF THE RUSSIAN AND CHINESE INTERLANGUAGE AND THE CHARACTERISTICS OF GRAMMATICAL SYSTEM

This article analyzes several aspects of Russian and Chinese Interlanguage grammatical element. Consequently, an outline of the entire Interlanguage grammatical system hase been suggested herewith.

Key words : *Interlanguage; grammatical element; grammatical system; Characteristic*

汉俄中介语语法成素及语法体系特点勾勒

范维杰 东北师范大学人文学院

摘要：本文从普遍语法成素、目的语成素、母语成素、学习者创造性建构成素几个方面分析了汉俄中介语的语法成素，并在此基础上结合汉俄语的某些句法特点初步勾勒了汉俄中介语的语法体系与特点。

关键词：中介语　语法成素　语法体系特点

中介语既然叫语言，自然它就应有自己的语法成素及语法体系。早期的中介语学者认为这种语法体系既不同于母语也不同于目的语，是学习者自己的语言系统。

中介语的内部语法体系到底是什么样的，规则、顺序如何，它和母语、目的语的语法体系有什么异同？这些问题在当前语言学界还是朦胧的。

目前某些对中介语语法成素及语法体系的研究还局限于中介语的错误方面，强调错误分析。中介语是个很复杂的语言体系，它不同于目的语，也不同于母语，中介语中含有大量的错误现象，但中介语中也含有大量的与目的语相比的不地道现象、缺无现象，也有大量的正确现象。对中介语体系的研究应是一项综合的研究，包括应与母语正、负迁移以及目的语的正、负迁移现象联系起来研究。

中介语，包括汉俄中介语有区别于自然语言的诸多特点，如不确性、动态性、差异性等，它又包含着母语、目的语以及学习者智力创建的成分，中介语的这些特点和成素使中介语的面貌模糊不定。本文基于外语教学的多年经验，拟对中介语的语法成素及语法体系做点初步的探索。

1、 汉俄中介语语法成素分析

汉俄中介语与其他中介语一样应该包括四大成素：普遍语法成素、目的语语法成素、母语语法成素和学习者创造性建构成素。

1.1 普遍语法成素

语言是反映思想的，思想来源于现实。而人类面对的现实是大体一样的，人的先天语言能力又是一样的，这说明人类的语言体系，包括语法成素和语法体系也是相同或近似的。相同和近似的规则可理解为美国语言学家乔姆斯基提出的普遍语法。德国语言学家洪堡特说过“语言实际上只有一种，也只有这种语言才是人类语言，它在世界无数具体语言中得到了不同的显示。”（转引自姚小平，1993：2）这主要表现在不同的语言虽有表层结构的差异，但都有相同或相近的深层结构。核心语法相同或相似，边缘语法会有差别。“根据普遍语法理论，一切语法，无论是否为中介过渡性语法，都必须反映普遍语法的规则。”（俞理明，2004：46）普遍语法应是各种语言，包括中介语的语法基础或语法框架，它是人类各语言语法的核

© Чэнь Юйцай, Фань Вэйцзе, 2012

心，是人能学会语言，包括学会中介语的前提，它的语法成素也应是各语言、包括中介语的基本语法成素。

1.2 目的语语法成素

外语学习者，包括在外语环境下学习和在教师指导下利用外语课本教学环境下的学习，首先接触到的是目的语语音、语法规则、词语和篇章。从这时起，从还处于初级阶段的中介语的语法中，就包含了目的语语法成素。这时的中介语语法既包括目的语语法的正确规则，也包括因学习者错误理解、错误使用或过分类推、泛化等学习策略形成的与目的语语法相关的错误规则，不确切结构等现象。

目的语语法成素在中介语中呈渐增趋势，掌握目的语语法是学习者追求的目标，因此它是中介语语法的主要内容，它在中介语中逐渐起主导作用，并逐渐得以充实，逐渐臻于完善。

目的语在中介语中数量的多少，它被掌握的熟练程度，常能标示中介语接近目的语的程度，也标示目的语排斥母语干扰的程度，标示学习者外语水平的高度。

目的语语法成素构成中介语的正确现象，对目的语语法规则的偏离构成中介语的错误现象和不正确、不地道的现象。

中介语的初级阶段和中级阶段，从语音上看近似于目的语，但从语法上看，它不是绝对的目的语，它还包含着母语迁移过来的一些语法规则和学习者创造出来的既不同于目的语，也不同于母语的语法规则，这时的中介语语法是个多因素的混合体。

1.3 母语语法成素

母语是二语学习者的第一语言，它的语法规则已成学习者的语言习惯，是根深蒂固的。它始终紧密地伴随在中介语的形成和发展过程中。这个过程常被解释为迁移现象，即“第二语言学习者激发其母语知识去发展和使用其中介语” （王初明，1989：86）。这就引出了迁移理论。从迁移理论看，母语语法对中介语语法的形成和发展中起两种作用：一中是促进作用，即所谓正迁移，一种是干扰作用，即所谓的负迁移。正迁移多形成中介语语法的正确部分，负迁移多形成中介语语法的错误和不地道的部分，但它们都是中介语重要的语法成素。

语言中正确现象有规则，错误现象也有规则，中介语语法中包括因母语正迁移带来的正确语法规则和由母语负迁移带来的与目的语语法相比不正确或不地道的语法规则。母语语法规则在中介语中不是主要部分，也不是直接显现在中介语语法中，它常是渗透在中介语的表层结构中，以或正确、或错误、或不地道的但与母语规则相同或相近的形式出现的。

母语语法成素在中介语中呈逐渐减少的趋势，纵然它顽固地存于中介语中，但它是二语学习者要逐渐排除于中介语的成素。它的彻底被排除标示中介语已达到或接近目的语。

母语中的某些干扰会在中介语中较长时间存在，如母语口音等，这就是所谓的“化石化”现象。

母语成素在中介语中量的多少、消除的速度还与目的语与母语谱系接近程度有关。谱系关系近的，母语成素可迅速融入到目的语中，谱系关系远的母语因素则会较长时间、数量较大地存于中介语中。

1.4 学习者创造性建构成素

在中介语语法的发展阶段中会出现学习者的语言结构特征既不同于目的语，也不同于母语的现象。有些语言学家就此认为“学习者学习第二语言是一个创造过程”。（王建勤，1997：:113）中介语理论的鼻祖，美国语言学家塞林克说过，“把二语习得看作既是学习者从可获得的第二语言信息中创造大量的知识的过程，同时又是利用第一语言知识创造学习者语言的过程。”（转引自俞理明，2009：:101）

二语学习者在中介语形成过程中的创造性建构是学习者语言能力决定的，也是由于学习者尚不熟知目的语语法规则而急于表达时的智力活动。这种建构也常常是有规则的，它不是目的语规则，也不是母语规则，是学习者自己的规则，它有时是正确的，即符合了目的语语法；有时是错误的，即不符合目的语语法。这种创造性活动的心理依据多为已知的目的语规则和母语规则。“影响学习的最重要的唯一因素是学习者已经知道的东西。” （奥苏贝尔，转引自王初明，1990：6）。我们可以将中介语里的建构现象分为两种：一种属非理智建构，一种属理智建构。前者指与已知语法建构无联系的建构，后者指在学习者创造的建构中或多或少地能看到母语或目的语规则的痕迹。事实证明，学习者创造性的结构式有限的，它多属理智建构，即是以已知的规则，如已知目的语规则或母语规则为基础的，因为许多想象，包括错误想象都是在已有知识基础上进行的。这样，在中介语语法中理智建构部分是主要的，相对于目的语而言，它也是只起辅助作用的一部分。

2. 汉俄中介语语法体系的几点勾勒

从上文分析看，中介语，包括汉俄中介语

语法体系应包括，一、作为语言重要组成部分，也是中介语语法基础的普遍语法；二、作为中介语主体部分的目的语语法，包括其在中介语中的正确语法规则吗，以及因学习者过分类推、过度泛化等学习策略造成的与目的语相关联的中介语中的表现为错误、不地道的语法规则；三、还有时时伴随并影响目的语语法规则形成的学习者母语的语法规则，包括母语正迁移过来的符合目的语规则的语法规则和由母语负迁移过来的不符合目的语语法规则；四、还有学习者有别于目的语语法规则和母语语法规则的学习者创造性建构的语法成素。

从整体看，所谓的普遍语法是汉俄中介语的基础，它的存在多体现在目的语和母语中。目的语语法一直是中介语语法的主要部分，它的语音、词汇全是目的语的，只是语法中会有母语等其他成分的参与。目的语语法成素构成中介语的正确部分。目的语语法作为主流现象存在和母语干扰同时存在是汉俄中介语的基本特征。目的语语法在中介语中呈渐增态势，它的增加是中介语面貌逐渐模糊，目的语面貌逐渐明显，即此时中介语即将逐渐失去中介语本质而变为目的语。母语语法是一直贯穿在中介语语法中的，它是中介语中错误现象、劣拙和缺无现象的主要根源，但它不是中介语语法的主角，学习者在中介语语法中的创造性建构也不是主角。母语语法和学习者自我建构的成分在中介语中承渐减态势。中介语语法随着目的语语法成分的逐渐增多，随着母语语法和学习者个人创造性建构的规则在中介语语法中逐渐减少而增加，并最后消失在目的语语法中。

在学校教学环境中，就多数学习者来说，词法规则在汉俄中介语中是处在前位的，一是因为学习外语多从单词开始，又因俄语词法中的词汇形态变化复杂，不了解这些，学习者便会寸步难行。这也符合认识论的由易到难、由简单到复杂的认知过程。句法从深层结构看，汉俄两种语言的差别不大，故多可在汉俄中介语初期和中期出现。句法中的特殊结构、不常见的口语和书面语句型多见于中介语的后期。

汉俄中介语语法还有下列几方面的特点。

1）汉俄中介语中不形合或不符合目的语规则的胡乱形和现象多

在词法方面，汉俄中介语语法里主要是目的语语法成分，渗入有部分汉语的负迁移成分和较多的学习者的随意建构的不符合目的语语法的成分。

俄语属印欧语系的屈折语，其形态变化非常丰富，即以不同形式表达不同意义的形义对应现象突出；而汉语大体看属分析语，甚至某种程度的词根语，近于没有词形变化，这方面与俄语语法相同和相似的现象较少，特别在词法中这种现象尤为明显。这种差异决定了汉俄中介语语法中，特别在词法中形式上不变化或不规则变化的现象较多，即受汉语词汇无形态变化影响的痕迹较多。这种情形在汉俄中介语的前行线上长时间存在, 尤以初期为多。如：Вы можно делать так, чтобы другие довольны.这里Вы没有变第三格，从句中没加чтобы, 是错误的，这都显示了形合与不形合的特点在汉俄中介语语法中的反映。

2）汉俄中介语中相应于目的语前置词少

相对于汉语，俄语句法里前置词的使用率要高一些。比如，“弹钢琴”，汉语只用两个词，俄语必须加前置词，играть *на* рояле。类似的如：“玩电脑”，俄语为：играть *на* компьютере,“骑自行车”，俄语为：кататься *на* велосипеде,“生日礼物”，俄语为：подарок *на* день рождения,“退路”，俄语为：путь *к* отступлению等等。在这方面，汉俄中介语中与汉语负迁移相关的现象要多一些，即上例中不用前置词的现象多一些。这种情形在汉俄中介语的前期、中期为多。

3）汉俄中介语中补语相对于目的语要少一些

句法上，汉俄中介语语法和汉语语法、俄语语法的规则差异相对于词法要小得多，因其语义结构相似，只是在词的形态上和词语的组合、搭配上差异多一些。

俄语的补语要比对应的汉语语法中的宾语多一些。由此而产生的汉俄中介语中的错误和不地道的补语表达要多一些。例如，“护士量了我的体温。”俄语为：Медсестра измерила *мне* температуру. 对比看，汉语中“我的”是定语，俄语中的对应词“мне”是补语。此外，许多汉语中为主语的结构，俄语中也为补语，例如，“妈妈不在家。”“他身体不舒服。”“尼娜发冷。”“浪打翻了船。”“叔叔有两个女儿。”上例的划线词在对应的汉语中均为主语，而在对应的俄语中为补语： *Мамы* дома нет. *Ей* нездоровится. *Нину* знобит. *Волной* разбило лодку. *У дяди* две дочери. 相对于汉语，这种俄语里的主语淡化现象常使汉俄中介语语法中多了些受汉语影响而形成的多主语现象。如汉俄中介语中会出现 Она нездоровится. Нина знобит. 之类的错误和 Волна разбила лодку. 之类的有时会显得不地道的现象。这种情形在汉俄中介语的前期、中期较多。

4）汉俄中介语中动态结构较目的语多一些

相对于汉语来说，俄语句法中静态表达的现象多一些。如，1) За окном *шаги.* — 窗外有人走动。2) — Наш досуг? *Прогулки, гости, кино.* —休闲时间做什么？散步，作客，看电影。 可见，在相应的汉语中上例划线词多要用动词表达。受母语影响，学习者的汉俄中介语的初期、中期会较多地用动态结构。

5）汉俄中介语中靠意会的结构较之目的语要多一些

从表达与理解角度看，俄语近于法治语言，结构表达严谨，形义对应，环换相扣；汉语语法里则多些靠情境意会或靠智力参与意会的句子结构。如“滑雪”，“10月8日的信”，“吃食堂”，等结构，俄语里要有表示工具意义的前置词на加第六格（кататься на коньках， 要有指示加确意义的前置词от（письмо от восьмого сентября)，表示方位意义的前置词 в (питаться в столовой)。这样，汉俄中介语初期语法中就会多些受汉语影响而形成的不加前置词等相对于目的语的错误和不地道的语法结构。

规则某种程度可理解为规律，正确现象有规律，错误现象也有规律，正是中介语中这些对对错错的规律形成了其貌不扬的汉俄中介语的语法，并进而构成中介语的语法体系，包括汉俄中介语的语法体系。

参考文献

1. 王初明. 应用心理语言学[M]. 湖南教育出版社，1990年.
2. 威廉·洪堡特. 论人类语言的结构差异及其对人类精神发展的影响[M]. 姚小平译. 北京:商务印书馆，1997年.
3. 俞理明. 语言迁移与二语习得[M]. 上海外语教育出版社，2004年1月.
4. 王宗炎. 语言问题探索[M]. 上海外语教育出版社，1985年.
5. 鲁健骥. 中介语研究中的几个问题［j］. 语言文字应用，1993年第1期.
6. 靳洪刚. 语言获得理论研究 [M]. 中国社会科学出版社，1997年.
7. 王建勤. 汉语作为第二语言的习得研究[M]. 北京语言文化大学出版社，1997年.
8. 于根元等. 语言能力及其分化[M]. 北京广播学院出版社，2002年1月.
9. 杨明天. 俄语的认知研究[M]. 上海外语教育出版社，2004年6月.
10. 冯志仲. 应用语言学综论[M]. 广东教育出版社，1999年.
11. 申小龙. 语言与文化的现代思考[M]. 河南人民出版社，2000年.
12. 陈嘉映. 语言哲学[M]. 北京大学出版社[M], 2003年5月.
13. 范维杰. 汉俄中介语研究[M]. 东北师范大学出版社，2009年6月

УДК 811.521
ББК 81.00

И.В. Шалина

«ЛЕКСИКОН» АНДРЕЯ ТАТАРИНОВА КАК ПАМЯТНИК ЛЕКСИКОГРАФИИ XVIII В.

В статье приводится информация о первом русско-японском словаре, созданном в XVIII в. Отмечаются его плюсы и минусы с точки зрения фонетики, грамматики, лексикологии в диахроническом аспекте. Демонстрируются особенности диалекта Тохоку. А также раскрываются некоторые способы транскрибирования, характерные для XVIII в.

Ключевые слова: *японский язык; лексикон; Андрей Татаринов; диалект Тохоку; транскрипция; Иркутская школа; лексикографические особенности*

I.V. Shalina

ANDREY TATARINOV'S «LEXICON» AS A XVIII CENTURY LEXICOGRAPHY MEMORIAL

This article considers the information about the first Russian-Japanese dictionary originated in XVIII century. Its advantages and disadvantages in terms of Phonetics, Grammar, Lexicology in diachronic aspect are mentioned. Tohoku dialect characteristics are described. The author reveals some of the ways of transcription typical of the XVIII century.

Key words: *Japanese language; lexicon; Andrei Tatarino; Tohoku dialect; transcription; Irkutsk school; lexicographic characteristics*

 © Шалина И.В., 2012

«Лексикон» является пособием для учеников Иркутской школы, изучавших японский язык в XVIII в. Составление этого словаря было поручено Андрею Татаринову, как наиболее подготовленному ученику, сыну японца Санноскэ, попавшему в Россию в результате кораблекрушения. Словарь Татаринова и сейчас представляет интерес для истории русской лингвистики, имеет значение для истории японского языка, как первый опыт перевода с русского языка на японский, как свидетельство впервые разработанной русской транскрипции японских слов.

«Лексикон» был направлен иркутским губернатором в Петербург в Академию наук для напечатания, так как в Иркутске в XVIII в. не было технических возможностей. С восточным способом ксилографирования текстов в России не были знакомы. Однако и для Академии наук печатание японских знаков *Хираганы* (азбуки японского письма) было недоступным, почему Конференция и постановила хранить «Лексикон» в своем архиве [Петрова, 1962, с. 3–26].

Необходимо уделить особое внимание этой работе, так как она является наиболее известной и ценной для науки лексикографической работой.

«Лексикон», как и составленный ранее японцем Гонзой «Новый лексикон словено-японский», вошел в собрание профессора Академии наук Петра Симона Палласа. Он многократно издавался. Написан он на южном диалекте Тохоку XVIII в.

24 октября 1782 г «Лексикон» был издан Академией Наук. «Лексикон» включает в себя всего 977 слов на русском языке и на азбуке *Хирагана,* 50 разговорных фраз. Перевод на японский язык примитивен. Например, русская фраза *«Необходимо разговаривать вежливо»*, т. е. использовать в речи вежливый стиль, переведена, как *«Используйте в конце предложения слово “irimasu” или “saherimasu”»* [Петрова, 1962].

Словарь включает в себя торговую лексику, что говорит о его назначении. В нем много морской терминологии, связанной с будущими плаваниями к берегам Японии: бот, вязать узел, ванты, гавань, галиот, компас, мачта, матрос, штурман, норд, ост, смолить, судно, якорь и др.

Военная терминология не использована вообще, все примеры ориентированы на мирное сосуществование.

Татаринов проделал большую и сложную работу, так как у него не было опыта в создании подобных пособий.

В 1962 г. «Лексикон» был опубликован издательством восточной литературы, и стало возможным увидеть этот памятник Тохокскому диалекту далеких времен. Однако огромное количество русских слов сокращено, слова расставлены в алфавитном порядке, некоторые японские слова, соответствующие русским, написаны русскими буквами или *Хираганой* (азбукой японского письма), а в 43 случаях перевод вообще отсутствует. К тому же написан он от руки, что вызывает трудности в его прочтении как русскими, так и японцами. Однако в идеале «Лексикон» может быть использован русскими как справочное пособие, тогда как для японских лингвистов он представляет особую сложность.

Как уже было сказано, в «Лексиконе» японские слова написаны так называемой кириллицей, а некоторые из них азбукой *Хирагана*. Мураяма Ситиро попытался облегчить восприятие данного источника людьми, не привыкшими к русским буквам, поэтому заменил их на латинские (так называемую азбуку *Romaji*). А для тех, кто не привык к *Romaji*, продублировал слова азбукой *Катакана*. Так получился словарь южного диалекта для японцев [Мураяма, 1965, с. 155–201].

До нас эта книга смогла дойти при помощи известного японоведа О.П. Петровой, которая одной из первых заинтересовалась данной работой и, сняв фотокопию с «Лексикона», составила замечательное предисловие к нему [Петрова, 1962, с. 3–26].

От нее мы узнаем, что «Лексикон» состоит из 51 листа, т. е. 102 страниц.

Слова расположены по алфавиту, однако отсутствуют слова, начинающиеся с *«ю»* и *«э»*. Слова же, начинающиеся с *«ер»*, объединены с начинающимися с *«е»*. Также объединены в один раздел и слова, начинающиеся с букв *«ш»* и *«щ»*. Таким образом, составитель сократил в словаре русский алфавит до 25 букв.

Слова разделены на три колонки: русский вариант, японский перевод в русской транскрипции и японский перевод, написанный *Хираганой.* Иероглифическое написание от-

сутствует, что объясняется тем, что знание иероглифической письменности было привилегией знати. В Иркутской школе японского языка знатные люди не преподавали, а поэтому иероглифы не изучались.

И по сей день только высокообразованные японцы читают газеты, испещренные иероглифами. А иностранцы, изучающие японский язык, находят этот раздел языка самым сложным.

Минусом «Лексикона» является также подбор несоответствующих по значению русских слов при переводе. Часто использовался так называемый литературный перевод.

К словарю приложены разговорник, японская азбука с транскрипцией, таблицы с исчислением времени, числительными и счетными суффиксами.

Остановимся на транскрипции японского алфавита *Ироха*. В современной орфографии русская транскрипция А. Татаринова, учитывая отражение фонетических особенностей Тохокских диалектов, представляется в следующем виде:

- Для транскрипции японского звука *wo* (огубленное о) А. Татаринов вводит *«омегу»,* уже исключенную из русской азбуки.
- Силлабы *ha, hi, fu, he, ho* транскрибированы *фа, фи, фу, фэ, фо* – как они произносятся в говорах северян, например, в префектуре Акита. Например: *fana «нос», лит. hana.*
- На листе 36 слово *«мать», лит. haha*, транскрибировано *fafa,* отражая в русской транскрипции XVIII в. наличие губно-зубного звука *f* в произношении японцев – преподавателей Иркутской школы.
- В «Лексиконе» гласные *a, o* не отличаются в диалектах Тохоку от таковых в стандартном литературном произношении, а произношение звуков *i, e* очень отличается. Например:

  maidari, лит. maedare «передник»;
  omai, лит. omae «Вы».
- В ряде говоров Тохоку происходит факультативная замена *o-u*, и, наоборот. Например: *asubu , лит. asobi «забава»; tegai toguro, лит. takai tokoro «высокое место».*
- В говорах префектуры Ямагата имеется гласный, средний между *e* и *i – je*. Этот гласный также нашел отражение в транскрипции «Лексикона»: *sake «вино»* транскрибировано – *sagje* [Петрова, 1962, с. 3–26].

Интересно также отметить, что японский текст, написанный *Хираганой*, не имеет знаков озвончения согласных, т. е. лишен постановки *«нигори»* (озвончения), как это принято в Японии. Во всех случаях *«нигори»* имеют только слоги со звонким *b, т. е. ba, bi, bu, be, bo.*

В остальном русская транскрипция алфавита в «Лексиконе» мало отличается от транскрипции проф. Е.Г. Спальвина, разработанной им в 1990-х гг. XIX в.

Что касается счетных суффиксов, здесь надо пояснить, что в японском языке существует большое количество счетных суффиксов, предназначенных для счета целых групп предметов или живых существ. Это явление, как и иероглифическая письменность, представляет собой особую сложность в изучении. Поэтому нужно отдать должное учителям Иркутской школы японского языка, так как они обращали особое внимание на изучение числительных.

На диалектах Тохоку, использованных при составлении словаря, говорят в шести северных префектурах: Аомори, Акита, Ямагата, Иватэ, Фукусима, Мияги. Эти диалекты объединяются общими фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями, отличающими их как от общенационального японского языка, так и от диалектов других районов Японии. «Лексикон» Андрея Татаринова интересен японоведам обеих стран: России и Японии, так как является наиболее старой записью в русской транскрипции фонетических особенностей северных диалектов. Японские диалектологи начали изучать и записывать говоры Тохоку только с 80-х гг. XIX в., т. е. более чем на сто лет позже, чем был составлен «Лексикон» А. Татаринова.

Грамматически «Лексикон» также представляет интерес. Приведем некоторые примеры.

Удивительно то, что в работе использованы формы нейтрально-вежливой речи. Это говорит о том, что наиболее употребимым был литературный язык в современном его проявлении. А разговорные формы языка – есть порождение более позднего времени.

Интересно также отсутствие показателя именительного падежа *ga* Предложения составлены без падежных связок.

Многие русские слова переведены с помо-

щью определения выраженного глаголом, а не просто существительным. Это говорит о возникавших трудностях в процессе перевода.

Форма настоящего времени глагола представлена в «Лексиконе» суффиксом *masu,* прошедшего времени -*mashita,* отрицательная форма – суффикс меняется на *masen.*

Своеобразно представлена повелительная форма глаголов: к первой основе глаголов первого спряжения прибавляется суффикс *shiyare*, а к первой основе глаголов второго и третьего спряжений – суффикс *sashiyare: arawashare «вымой».*

Форма запрещения образуется присоединением *na* к суффиксу *sharu,* как в литературном языке: *yomasusharuna «не читай».*

Вместо глагольной связки desu, в «Лексиконе» употреблена архаичная связка *degozarimasu,* оставшаяся от Сэндайского говора Тохокского диалекта: *notoitokosaru «горло болит».*

Падеж направления оформляется суффиксом *sa* вместо *e*. Этот же суффикс оформляет дательный падеж места: *киканайде догосадемо гймашенъ «без позволения никуда не уходят» (л. 46, перевод дан только в транскрипции*) [Петрова, 1962, с. 3–26].

Наконец, «Лексикон» интересен в лексическом отношении наличием древних, вышедших из употребления слов.

В современной лексике в Тохокских диалектах многих названий не сохранилось, но они остались зафиксированным в «Лексиконе» XVIII в.

Интересным является тот факт, что в «Лексикон» вошло некоторое количество слов айнов. Как русские, так и японские моряки северо-восточных районов Хонсю часто контактировали с айнским населением, что и привело к появлению в их словарном запасе таких слов, как: *ножик – магири (makiri), корыто – кицу (kitsu), ковшик – фиягу (hiyaku) и ряд других.*

В русской лексике словаря отражены характерные особенности говоров Сибири. Этим объясняется присутствие в «Лексиконе» жаргонного словоупотребления. В словаре много сибирских диалектизмов, которых, конечно, не было бы, если бы словарь составлялся в Петербурге или Москве:

«беглой (сбежавший с каторжные работ), зверует (занимается охотой на пушного зверя), запан (передник), заплот (забор), лопать (одежда), лапасть (ступня), морошно (пасмурно), досканъ (табакерка), синея (мель), тамарь (стрела с костяным наконечником), цыганить (смешить), черепан (горшечник) и др.» [Лексикон, 1962, с. 25].

Более подробно об особенностях фонетического и грамматического строя японского языка XVIII в., комментирующих явление «Лексикона», рассказывается в работах Е.Д. Поливанова «Категория согласных в японском языке», а также Татибана Сеити и Тодзио Мисао «Отечественная диалектология».

Библиографический список

1. *«Лексикон»* русско-японский Андрея Татаринова [Текст] / под ред. О.П. Петровой. – М. : Изд-во Вост. лит., 1962. – 133 с.
2. *Мураяма, Ситиро*. Херюмин но гэнго (Язык мореплавателей) [Текст] / Мураяма Ситиро. – Токио, 1965. – 453 с.
3. *Петрова О.П.* Введение к «Лексикону» русско-японскому Андрея Татаринова [Текст] / О.П. Петрова // «Лексикон» русско-японский Андрея Татаринова. – М. : Изд-во Вост. лит., 1962. – С. 3–26.

УДК 801.1
ББК 16.21.39

И.В. Шаравьева

МОНАДНО-МОДУСНЫЙ ПОДХОД КАК СПОСОБ РАССМОТРЕНИЯ КИТАЙСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ЗНАКОВ

В статье рассматривается возможность рассмотрения китайских знаков с точки зрения монадно-модусного подхода. В отношении монада-модус модус определяется как эволюция и способ исчисления минимальных значимых компонентов – монад. Применение грамматологического подхода позволяет выявить деривационные цепочки монад с высокой валентностью. Монады представляют собой определенное число единиц, количество же модусов неограниченно и может содержать различные коннотации.

Ключевые слова: *монада; модус; монадно-модусный подход; минимальные семантические компоненты; грамматология; деривационные цепочки; морфограмма; логограмма*

© Шаравьева И.В., 2012

I.V. Sharavieva

MONAD-MODUS APPROACH AS A METHOD OF LINGUISTIC RESEARCH OF CHINESE CHARACTERS

This article suggests an optional view of the Chinese language signs in the context of monad-modus approach. In the latter context, modus is defined as evolution and way of calculating monads which are regarded as the smallest semantic components. Following an application of the grammatologic approach, I identify monads' high valence derivational chains. Monads feature definite number of items, whereas the number of modus is unlimited and can involve different connotations.

Key words: *monad; modus; monad-modus approach; minimal semantic components; grammatology; derivational chains; morphogramm; logogram*

В современной лингвистике к особой задаче семантики принято относить описание элементарных компонентов, порождающих все значения языка. Исследования неделимых компонентов предполагают выделение «первичных» суждений, которые формируют множество других выражений языка.

Так, например, А. Вежбицкая выделяет определенный набор семантических примитивов, представляющих собой универсальные фундаментальные элементы, лексикализованные в языке. Такие когнитивные элементы формируют единый семантических метаязык – ЕСМ, универсальный для всех, с точки зрения теории автора, языков мира и отражающий единые ментальные процессы носителя любого языка. Семантические примитивы у Вежбицкой, являясь «поименованными человеческими концептами, т. е. единицами концептуального представления мира» [Вежбицкая, 2011, с. 8], в языке представлены лексемами, абстрактными единицами морфологического анализа.

Действительно, нельзя не согласиться с тем, что такой подход оправдан применительно к языкам с фонетическим письмом, где любые значения можно подвергать верификации, проводя семантический анализ слов-лексем, а звуковая оболочка слова играет первостепенную роль. В китайском же языке, как и во всех языках с идеографической письменностью, простейшие минимальные компоненты и их эволюция могут быть рассмотрены, на наш взгляд, в рамках *монадно-модусного подхода*.

В китайском языке, помимо морфограмм, представляется возможным выделить еще более минимальные значимые компоненты знаков, образующие деривационные цепочки и принимающие участие в строении сложных логограмм, порождая огромное количество других знаков – *монады*.

Монады, как и морфограммы, являются значимыми единицами и формируют более сложные элементы языка, однако если некоторые ключи предполагают сведение их к еще более минимальным единицам (такие, как, например, 玉*yu*, 鬼*gui* и др.), то монады уже представляют собой недискретный компонент, в связи с чем попытки определения монад в китайском языке могут опираться на корпус знаков, представленных списками «ключей», выделяя в них минимальные компоненты (часть таких монад может одновременно являться и «ключами»). К ним относятся такие знаки, как, например, 一 горизонт, 丨 поток, 匕 человек, 鸟 птица и др.

Понятие «монада», понимаемое в ряде философских учений как структурная неразложимая далее единица бытия, применительно к китайскому языку, может быть рассмотрено в качестве *когнитивной монады*, т. е. неделимой единицы, форма которой уже заключает в себе процесс ее формирования, и которая, с точки зрения Лейбница, «отражает всю вселенную» [Лейбниц, 1982, с. 8]

Такие монады – абсолютно семиотического свойства и формируют все мировидение китайцев, они не представлены отдельно как данность, они скрыты в структуре иероглифа и представляют собой лишь минимальные составляющие более сложных по своей структуре иероглифических знаков.

Нельзя не согласиться с В.Б. Касевичем в том: «если полагать, что семантические (когнитивные примитивы) носят врожденный характер, то они, конечно, универсальны по определению. Но когда, под влиянием данного языкового окружения, примитивы входят в те или иные конфигурации, они подвергаются определенной модификации» [Касевич. Режим доступа : http.//files.zipsites.ru/books/audio/Education/Lingvistika/spr0000040.pdf].

Такие модификации монад, или примитивов, в китайском языке представлены, на наш взгляд, *модусами* (лат. *modus* – мера, образ, способ). Истоки понимания модусов можно обнаружить еще у философов эпохи рационализма, когда мышление признается главным свойством духовной субстанции. Здесь понятие «модус» освещается в рамках картезианства: «Под именем модусов я разумею здесь то же самое, что в других местах именовал атрибутами и качествами. Но когда мы видим, что *они воздействуют на субстанцию или вносят в нее различные оттенки, мы именуем их модусами* [Декарт, 1989, с. 68].

Если Декарт признает способность модусов влиять на субстанцию, изменяя ее тем или иным образом, то Дж. Локк, говоря о модусах, обращается, прежде всего, к *идеям*, которые, по мнению ученого, являются основным материалом знания человека. Простые идеи, «которые ум или находит существующими в вещах, или в состоянии образовать внутри себя без какой-либо помощи внешнего объекта, без всякого чужого влияния» он и называет *простыми модусами*. Любые же модификации простых идей, образующие повторения уже существующих, но различных идей – это простые модусы дюжины [Локк, 1988, с. 68].

Ученый описывает модусы пространства, модусы протяженности, мышления, и, даже удовольствия и страдания, отмечая, что все это – простые идеи пространства, протяженности, мышления, удовольствия и страдания.

По-видимому, Дж. Локк сводит декартовский «модус» к простому зарождению идей, которые ум познает, основываясь на единичных восприятиях человека. Если у Декарта «модус», прежде всего, является модификацией какой-либо субстанции, то для Локка простые модусы сводятся к простым идеям и их модификациям.

Г.В. Лейбниц пытается показать реальное многообразие модусов, «чтобы бесконечное многообразие действительности объяснить из содержания самой ее субстанциональной основы — единой, но в то же время многоразличной» [Нарский, 1972, с. 28]. Многообразие мира, значит, и модусов, является проявлением структуры сущности этого мира. Для него субстанция состоит из простых монад, которые излучаются и поглощаются Богом.

Основываясь на воззрениях рационалистов, можно предположить, что модусы в китайском языке представляют собой модификации, или эволюцию монад, и являются лишь способами их исчисления. Простые идеи содержатся в самих монадах, они формируют более сложные знаки.

Отношение *субстанция – модус* (субстанция мыслима без модуса, модус – нет) у философов в определенной степени сходно отношению монада – модус для знаков китайского языка (монада может существовать без модуса, как, например, монада с абсолютно нулевой валентностью, а модус является только эволюцией монады; модус же порожден монадой и восходит к ней) применительно к языкам с идеографической письменностью.

Понятие «модус» в истории европейского языкознания впервые было определено на основе грамматического строя языка модистами. Для них модусы представлены не в виде тех или иных модификаций, а в качестве центра, к которому сводится все положения теории.

С точки зрения модистов в языке существуют первоначала, которые по сути своей доказать невозможно. К таким исходным первоначалам модисты относят modi significandi (букв. «способы обозначения»), или *модусы*. Все первоначала образуют теорию, в центре которой – модусы, и все грамматические структуры определяются только по отношению к этому центру [Перельмутер, 1991, с. 43].

Модисты различают модусы *существования*, модусы *познания* и модусы *обозначения*. Первые представляют собой свойства вещи или предмета, рассматриваемые отдельно от его связей и зависимостей, эти свойства существуют в самих вещах вне сознания человека.

Модусы познания – это также свойства, рассматриваемые однако в их отношении к познанию. Что же касается способов обозначения, то они становятся предметом рассмотрения в отношении к языку, поэтому основное внимание модисты уделяли именно *модусам обозначения*, изучая, прежде всего, грамматические значения. При этом модисты указывали на существования модусов в реальной действительности: «Подобно тому как соотносятся вещь внешняя, вещь познанная и вещь обозначенная, точно так же соотносятся модусы существования, модусы познания и модусы обозначения. Но вещь внешняя, вещь

познанная и вещь обозначенная суть одна и та же вещь, поэтому и модусы существования, модусы познания и модусы обозначения по существу суть одно и то же, хотя они и различаются между собой побочными признаками. Модус обозначения существует в обозначенной вещи как в субъекте, в звучании же как в знаке…, в сознании же…как познанное в познающем (cognitum in cognoscente), модусы познания существуют в познанной вещи как в субъекте» [Алпатов, 2001, с. 69]

Несмотря на то, что уже в XVI в. модисты были забыты, их теория расширила понятие «модус», господствующее в философии, дополнив его своими онтологическими, гносеологическими и лингвистическими характеристиками.

В дальнейшем понятие «модус» лишь окказионально являлось предметом исследования лингвистов для анализа фактов языка. Тем не менее, монадно-модусная система, на наш взгляд, наиболее полно отражает принцип порождения одними знаками более сложных в языках с идеографической письменностью.

При выделении монад и их деривационных цепочек огромную роль играет грамматологический подход. Именно применение грамматологического подхода к анализу знаков китайского языка дает возможность установить, хотя и только в некоторой степени, процесс формирования неких идей, языка мысли, закрепление за знаком тех или иных семантических компонентов. Он становится тем звеном, без которого представляется невозможным проследить отношение означающего и означаемого в китайском языке.

Обращение к этимологии знака определяет его деривацию. Существуют монады с высокой и очень высокой валентностью (такие монады образуют деривационные цепочки), а также монады с нулевой, или почти нулевой валентностью. Такие монады не образуют деривации, порождая более сложные знаки, и остаются в первоначальном виде, тем не менее, активно участвуя в построении сложных логограмм. К ним относятся, например, все знаки, изображающие животных: такие, как 马 *ma* – лошадь,兔 *tu* – заяц, 鹿 *lu* – олень, 虎 *hu* – тигр и др.

В отличие от принятого у модистов положения о том, что модусы есть некие первоначала, рассмотрение китайских знаков с точки зрения монадно-модусной системы позволяет говорить о том, что модусы не представляют собой исходных первоначальных элементов. Такие первоначала неизменно требуют простых, далее неделимых знаков, что соответствует монаде как значимой простой единице. Модусы же являются «способом обозначения», эволюцией и дериватемой монады.

Модусы образуются не с помощью простого добавления к другому знаку (как, например, в случае с морфограммой 马ma-лошадь, когда знак определяет дальнейшее отнесение сложного иероглифа к определенному классу), а путем некой трансформации. Анализ этой трансформации позволяет исчислить исходную монаду модуса.

В качестве примера монады и ее модусов рассмотрим знак «трава». Монада屮 *che* (трава) является минимальным неделимым компонентом, изначально передающим изображение ростка, выросшего из земли. Данный знак относится к изобразительной категории, отражая непосредственную связь с денотатом. Такая монада в китайском языке не является логограммой, но эволюционирует и образует деривативную цепочку, представленную модусами.

Одним из модусов знака «трава» является знак 屮屮. Как видно, данный модус образуется путем сложения двух идентичных знаков. Одна из его основных характеристик – коммутативность, при этом семантика суммированных знаков остается прежней. Такая пликация усиливает предметность означаемого, еще более утверждая его существование. Представляется возможным назвать этот модус *modus conjunctio* – модусом соединения.

Второй модус – знак 木*mu* – (дерево) Знак показывает расширение семантики, эволюцию травинки, ее рост до состояния дерева. В данном модусе происходит изменение денотата, однако источник этого изменения также восходит к монаде «трава». Денотат данного знака-модуса имеет схожие с денотатом первоначального знака свойства и атрибуты, однако обладает и некоторыми другими характеристиками. Модус можно определить как *modus reformatio* – модус преобразования.

Модус生 *sheng* (расти, рождаться) отражает иной ракурс монады «трава», указывает на действие, присущее монаде (расти – онтологическая характеристика травы и т. п.). В со-

ответствии с этим модус生 sheng может иметь название *modus actus* – модус действия.

Таким образом, неограниченное количество модусов сводимо к ограниченному числу монад. Представляется возможным определить и описать модусы для всех когнитивных монад, образующих деривацию. Тем не менее, верификация таких монад и выявления их деривационных цепочек требует дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. *Алпатов, В.М.* История лингвистических учений [Текст] : учеб. пособие / В.М. Алпатов. – 3-е изд. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 367 с.
2. *Вежбицкая, А.* Семантические универсалии и базисные концепты [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Языки славянских культур, 2011. – 568 с.
3. *Декарт, Р.* Сочинения [Текст] : в 2-х т. / Р. Декарт. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.
4. *Касевич, В.Б.* Язык и культура [Электронный ресурс] / В.Б. Касевич. – Режим доступа : http://files.zipsites.ru/books/audio/Education/Lingvistika/spr0000040.pdf (дата обращения : 20.08.2012).
5. *Лейбниц, Г.В.* Сочинения [Текст] : в 4-х т. / Г.В. Лейбниц. – М. : Мысль, 1982. – Т.1. – 636 с.
6. *Локк, Д.* Сочинения [Текст] : в 3-х т. / Д. Локк. – М. : Мысль, 1988. – Т. 2 – 560 с.
7. *Нарский, И.С.* Готфрид Лейбниц [Текст] / И.С. Нарский. – М. : Мысль, 1972. – 240 с.
8. *Перельмутер, И.А.* Грамматическое учение модистов [Текст] / И.А. Перельмутер // История лингвистических учений. Позднее Средневековье. – М. : 1991. – С. 7–66.

УДК 801.1
ББК 16.21.39

Т.Е. Шишмарева

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КАНОНОВЕДЕНИЯ В КИТАЕ

В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с формированием и эволюцией понятия «канон» (经)*, «каноноведение»* (经学) *с точки зрения китайской традиционной культуры. С целью выделения основных параметров понятия «канон» анализируется китайская филологическая традиция, начиная с династии Чжоу* (周, I тыс. до н. э.) *и заканчивая династией Сун* (宋, 960–1279). *Анализ научной литературы позволил выделить шесть основных этапов в формировании понятия «канон», в связи с чем, в статье предлагается шесть трактовок понятия «канон».*

Ключевые слова: *канон; каноноведение; конфуцианство; комментарий, книги-шу*

T.E. Shishmareva

SOME ASPECTS OF CANONICAL STUDIES IN CHINA

The article deals with formation and evolution of the concepts of «canon» and «canonical studies» from the point of view of traditional Chinese culture. The article points out the basic parameters of the concept of «canon» within the framework of Chinese philological tradition covering the time span from Zhou dynasty (1st millennium BC) through Sung dynasty (960–1279). The analysis of scientific literature made it possible to define six main periods in the formation of the concept of «canon». Hence, the article offers six interpretations of the concept under consideration.

Key words: *canon; canonical studies; Confucianism; comments; «shu»-books*

В истории любой цивилизации существуют источники, в которых раскрываются, ценностные духовные, религиозные, философские, идеологические установки той или иной культуры. В западной традиции – «Библия», в арабской культуре – «Коран», в китайской традиции к таковым относится «тринадцатиканоние». Если для европейской и арабской традиции характерна «теизирующая онтологизация моральных ценностей и норм» [Кобзев, 2006, с. 126], то в китайской традиции в качестве духовной основы выступали философские установки, что, на наш взгляд, отличает ее от других крупнейших цивилизаций, основанных на религии.

В традиционной китайской культуре этика неотделима от синкретического комплекса норм и ценностей этикета, ритуала, обрядов, обычаев. Согласно Г. Роземонту (1976), китайские мыслители разрабатывали отсутство-

© Шишмарева Т.Е., 2012

вавшую на Западе «моральную теорию человеческих действий», которая была призвана интеллектуально санкционировать систему исконных ритуалов, обрядов и обычаев в качестве необходимого и достаточного регулятора жизни в обществе [Rosemont, 1976]. Носителями данной «теории человеческих действий» считаются канонические книги. Китайская история насчитывает тысячелетия, на протяжении которых создавались, комментировались, переписывались канонические книги, в которых осмысливался мир как этический универсум. Анализ исследовательской литературы, позволяет утверждать, что этапы эволюции канонических источников напрямую связаны с историей развития конфуцианской философии. В самом общем виде выделяется 6 этапов формирования канонов.

Первый этап – зарождение первых канонов (Западное Чжоу 西周, I тыс. до н. э.) ;

Второй этап – формирование «шести канонов» (六经) (Чуньцю, Чжаньго 春秋, 战国, VI–III вв. до н. э.);

Третий этап – «истребление канонов» (Цинь 秦, 213–210 гг. до н.э.);

Четвертый этап – становление «цзин сюе» (经学): а) комментаторское направление «школа канонов в современных знаках» (今文经学) (Западная Хань西汉, 206–8 гг. н. э.); б) комментаторское направление «школа канонов в древних знаках» (古文经学) Синь, Восточная Хань (新, 东汉,8 г.–220 гг. н.э.);

Пятый этап – каноноведческое учение Чжэн Сюаня (郑玄) (III–X вв. н. э.): а) «северная комментаторская школа» (北学) Нань-бэй-чао (南北朝, V–VI вв.); б) «южная комментаторская школа (南学) Нань-бэй-чао (南北朝, V-VIвв.); в) расширение списка канонов до традиционного «шисаньцзин» (十三经) Тан (唐, 618–907)

Шестой этап – создание неоконфуцианцами «Четверокнижия» (四书五经) Сун (宋, 960–1279).

Для того чтобы дать определение канону необходимо, на наш взгляд, обратиться к истории их появления и эволюции их формирования.

Считается, что древнейшие письменные памятники «Ши цзин» (Книга песен) (诗经), «Шу цзин» (Исторический канон) (书经), «И цзин» (Книга перемен) (易经) или «Чжоу и» (Чжоуские перемены) (周易) появились в доконфуцианский период Западного Чжоу (西周) (1122–770 гг. до н. э.). К середине I тыс. до н. э. Китай был раздираем бесконечными войнами, в духовном плане происходило «разложение раннечжоуской религиозной идеологии… Реакцией на этот духовный кризис стала канонизация Конфуцием идеологических устоев раннечжоуского прошлого, запечатленных, прежде всего, в вышеперечисленных памятниках» [Кобзев, 2006, с. 53] . Нужно также учитывать, что древние тексты тогда обозначались одним знаком, т. е. «Ши» (诗), «Шу» (书), «И» (易). Знаком 经 «канон» они стали обозначаться гораздо позже, в период расцвета комментаторской традиции. В связи с этим, поясняя понятие «канон» в этот период, мы не используем данный знак. Именно середину I тыс. до н. э., вероятно, можно считать точкой отсчета появления понятия «канона» *как текста – носителя древней мудрости.*

Период классического конфуцианства, относящийся к VI–III вв. до н. э. (конец периода Весны и осени и эпоха Воюющих царств). Говоря об этом этапе, нельзя ни сказать о других философских течениях того периода: «шесть учений» (六说) – трактат «Сюнь цзы» (荀子) (IV–III вв.); «сто школ» (百家), упоминание о которых мы находим в трактате «Чжуан цзы» (庄子) (IV–III вв.); «шесть школ» (六家) – в Сыма Цяневском «Ши цзи» (史记) (II–I вв.). По сути, все эти авторы говорят о следующих философских школах: 1) «школа темного и светлого» (阴阳); 2) «школа ученых» (儒家)**;** 3) «школа Мо цзя» (墨家); 4) «школа имен» (名家); 5) «школа законов» (法家), т. е. легизм и 6) «школа Пути и благодати» (道得家), т. е. даосизм.

Почему при данном разнообразии идей конфуцианская философия не только не растворилась, но превратилась в систему концептуально оформленных взглядов и стала стержневой философией древнего Китая? Скорее всего, в силу того, что в арсенале своих средств конфуцианцы имели древние каноны, мудрость которых вряд ли можно было оспорить, другим философским течениям приходилось самоопределяться через свое отношение к конфуцианству. Этот период характеризуется формированием континуума канонических текстов древнего Китая. К первоначальному списку канонов добавляются «Чжоу ли» (Канон благопристойности) (周礼), «Юэ

цзин» (Музыкальный канон) (乐经), «Чунь цю» (Летопись Чунь цю) (春秋), таким образом, появляется понятие «Лю цзин» (шесть канонов) 六经. Шесть канонов были пронизаны философскими взглядами Конфуция о верности традициям и почитании предков. Наиболее специфическим отличием этих текстов является их фиксация знаками иероглифической письменности. Знаки китайского письма «文» и «字» «вэнь цзы», функционируя в рамках культа почитания традиций, с развитием языка приобретали все более важную роль.

Для китайской культуры всегда было характерно трепетное отношение к знакам письма. Слово, записанное иероглифическими знаками, считалось достоянием культуры, в отличие от слова сказанного. Постепенно «вэнь цзы» стали обозначать всю сумму культурных представлений, унаследованных от предков. Конфуций считал «вэнь» (文) носителем древней традиции, подлежащей сохранению, передаче и подражанию. Наиболее ярким примером этой программной установки служит известное выражение Конфуция: «Я передаю, а не сочиняю, я доверяю древности и люблю ее». Понятие «древность» обозначалось иероглифом «гу» (古), который этимологически состоял из двух «вэнь» – «десять» и «рот», что толковалось: «то, что передано через десять ртов».

«Вэнь», соотносясь с письменно зафиксированной культурой, одновременно воплощало в себе и правила поведения, восходящие к древним ритуалам. В связи с этим, для Конфуция было важно восстановить правильное понимание как самих «вэнь» (文), так и их сочетаний «цзы» (字). В древности «цзы» （字） понимались как «мин» (名) – имена. И в этом качестве может стать более ясной конфуцианская доктрина «чжэн мин» (正 名) «правильное именование». Поскольку в традиции «вэнь» (文) важно правильное употребление «мин» (名) – имен, необходимо точно называть и понимать вещи и поступки. Так, нельзя именовать государем того, кто действует не согласно с этим званием [Готлиб, 2006, с. 179].

Конфуций, говоря о том, что имена – «мин» (名), т . е. названия, должны соответствовать реальному статусу людей, фактически говорил о необходимости сохранения ритуалов строгой стратификации общества. «Мин» (名) имя, соотносимое с «цзы» (字), вторым именем, которым наделялся человек в момент ритуала инициации, символизировало достижение совершеннолетия и вступления в родовую организацию. В рамках этой общественной системы отношений он и получал свое символическое имя, указывающее на положение в обществе, которое во многом зависело от имен его предков. В широком понимании «правильное именование» служило основой для «правильных» поступков. Из вышесказанного следует, что период классического конфуцианства можно считать временем, когда «Лю цзин» (шесть канонов) (六经) функционируют как единый идеологический комплекс, сочетавший в себе признаки философии, науки, искусства и религии. На рубеже III в. до н. э. понятие «канон» (经) становится одним из базовых, в рамках зарождающейся древней науки «сюньгусюе», получает свое первое научное обоснование, которое мы *определяем как классический, традиционный, образцовый текст, обладающий определенной канонической структурой (формальной и содержательной).* Кроме того, понятие «канон» (经) порождает появление понятия «чжуань» (传) – *комментарий.*

В подтверждении тому, что конфуцианство имело не столько статус философской школы, сколько считалось единым идеологическим учением, может свидетельствовать следующий этап, который мы определяем с 213–210 гг. до н. э. – эпоха Цинь (秦). Развитию идеологических конфуцианских установок воспрепятствовал тогдашний император Цинь Шихуан (秦始皇), который, как известно, был ортодоксальным противником конфуцианства. Принято считать, что по его приказу были уничтожены конфуцианские канонические тексты. Вместе с тем, период Цинь (秦) характеризуется образованием централизованного государства и реформой письменных знаков, что, безусловно, повлияло на послециньскую комментаторскую традицию конфуцианских канонов. Именно после эпохи Цинь (秦) появляется понятие «У цзин» (пять канонов) (五经). Это связано с тем, что канон «Юэ цзин» (Музыкальный канон) (乐经) по разным данным либо считался утраченным во время сожжения конфуцианской литературы, либо рассматривался как приложение к «Ши цзину» (Книга песен) (诗经).

Активная комментаторская деятельность началась в эпоху Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.), в период, когда конфуцианство получило статус официальной ортодоксальной идеологии. При императоре У-ди (武帝) (140–87 до н. э.) «Пять канонов»: Ши цзин» (Книга песен) (诗经), «Шу цзин» (Исторический канон) (书经), «И цзин» (Книга перемен) (易经) или «Чжоу и» (Чжоуские перемены) (周易) «Ли цзин» (Канон благопристойности) (礼经), «Чунь цю» (Летопись Чунь цю) (春秋) провозглашаются основой системы образования и подготовки административных кадров «сяосюе» (小学), знание наизусть которых, позволяло получить звание «знатока пяти канонов» (五经博士). Тем самым, социальное положение в обществе стало напрямую зависеть от владения конфуцианскими классическими книгами. Это повлекло за собой появление понятия «Цзин сюе» (каноноведение) (经学) – комментаторская традиция, в рамках которой, литературные памятники и официальные документы оценивались с точки зрения сообразности канонам. «Канон» (经), тем самым, начинает рассматриваться в качестве *самодостаточного традиционного текста, служащего образцом для воспроизведения в настоящем, определяющего стратегию поведения.*

Приобщение к письменной культуре в Китае всегда определялось достаточно высоким социальным статусом и определяло его. Здесь, мы полагаем, следует обратить внимание на тот факт, что обширная комментаторская деятельность затруднялась тем, что канонические тексты в первозданном виде, либо хотя бы со времени жизни Конфуция, принципиально отличались от знаков, используемых в эпоху Хань. Если говорить об анализе эволюции китайской письменности, то на своем раннем этапе – период эпохи Хань – у древних комментаторов не было достаточного фактического материала для каких-то серьезных научных построений. В этот период было в основном завершено формирование современного состояния китайского письма, общепринятым стал стиль стандартного письма «кайшу» (楷书) и его менее стандартизированных вариантов. Дошедшие до этого времени тексты были написаны преимущественно так называемой «малой печатью» (小篆) или «уставным письмом» (隶书) – письменностью, принятой в период правления Цинь Шихуана, которая заменила более ранний вариант письма «большую печать» (大篆). Именно эволюция письменных знаков способствовала, на наш взгляд, появлению двух конкурировавших комментаторских школ: «школа канонов в современных знаках» (今文经学) и «школа канонов в древних знаках» (古文经学). Первоначально, появилась «школа канонов в современных знаках» (今文经学), основывавшаяся на устно переданных текстах канонов, записанных во II в. до н. э. «уставным письмом» (隶书), введенными в результате реформы письменности в период правления Цинь Шихуана. Примером могут служить комментарии к трактату «Шу цзин» (书经) в версии Фу Шэна (伏胜), «Ли цзин» (礼经) – Гаотан-шэна 高堂生, «Чунь цю» (春秋) – Гунъян Гао (公 羊高) и Хуму-шэна (胡母生). Эта школа приписывала авторство «Шести канонов» (六经) Конфуцию. «Школа канонов в современных знаках» (今文经学) считается идеологическим направлением в рамках «цзин сюе» (经学). Комментаторы этой школы трактовали каноны по принципу «六经注我» дословно: «шесть канонов, поясняю я». Значит, канонические тексты подгонялись под конфуцианские этико-политические взгляды и «аллегорический смысл текста» (微言大义), истолковывался при помощи «гадательных книг» (微书). По предложению известного комментатора Дун Чжун-шу (董仲舒) император У-ди издал указ присваивать звание «знатока канонов» за комментирование канонов в «современных знаках». К основным достижениям этой школы относятся комментарии к канону «Ли цзин» (礼经) – «И ли» (仪礼); к канону «Чунь Цю» (春秋) – «Чунь Цю гун ян чжуань» (春秋公羊传) и «Чунь Цю гу лян чжуань» (春秋穀梁传).

В I в. до н. э. возникла конкурирующая «школа канонов в древних знаках» (古文经学). Она основывалась на текстах, написанных дореформенным стилем. Согласно «Хань шу» (汉书) (I в.), эти тексты были обнаружены Гун-ваном (共王), правителем уезда Лу (鲁), в стене дома, принадлежавшего Конфуцию, в их числе «Шу цзин» (书经), а также «Ли цзи» (礼记), «Лунь юй» (论语), «Сяо цзин» (孝经). «Школа канонов в древних знаках» числила своим основоположником Чжоу-гуна (周公) (XI в. до н. э.), одного из основателей династии Чжоу (XI–III вв. до н. э.), а Конфу-

ция – продолжателем его дела и комментатором древних канонов. «Шесть канонов» рассматривались как упорядоченные Конфуцием древние исторические материалы. Данное направление в рамках «цзин сюе» называется историческим. В основу истолкования канонов был положен принцип «我注六经», что можно интерпретировать, как «каноны ведут меня». Они, как считалось, добросовестно передавали древнюю мудрость, не внося ничего от себя. Школа отличалась повышенным вниманием к толкованию отдельных знаков и выражений, склонностью к буквальному пониманию текста, поиску фактических доказательств тех или иных утверждений. Главным внимание «школа канонов в древних знаках» уделяла толкованию «Гувэнь Шан шу» (古文尚书), т. е. «Шу цзина» (书经). Считается, что этому направлению принадлежат комментарии «Чжоу ли» (周礼), «Ли цзи» (礼记) «Лунь юй» (论语), «Сяо цзин» (孝经), «Чунь Цю цзо чжуань» (春秋左传). Каноны в современных знаках объявлялись ненадежными и неполными. В свою очередь их сторонники обвиняли оппонентов в фальсификации. После падения династии Западная Хань (西汉) в 8 г. н. э. император Ван Ман (王莽), по предложению историографа и знатока канонов Лю Синя (刘歆) учредил звание «знатока канонов» за знание канонов в древних знаках и прекратил его присвоение знатокам канонов в современных знаках, с чего началось ожесточенное соперничество этих школ [Юркевич, 2006]. Их тексты различались составом, разбивкой на разделы и главы, объемом и даже содержанием (в них имелись разные фрагменты, по-разному интерпретировались исторические события, деяния исторических, легендарных и полумифических персонажей. По одной из версий, именно комментаторы «школы в древних знаках» отредактировали первый словарь «Эр'я» (尔雅), который якобы был создан в целях комментирования канонов. Известный грамматолог Сюй Шэнь (许慎) также считается приверженцем этого направления и его словарь «Шо вэнь цзе цзы» (说文解字) (I – II вв.) был написан в рамках этого направления. Это комментаторское направление, впоследствии получившее название «ханьское учение» (汉学).

Канон в этот период рассматривается *в качестве традиционного текста, некоторым образом противопоставляемый комментарию (传) в паре с которым считается частью «цзин сюе» (经学)* .

Эта школа имела определяющее воздействие на каноноведческое учение Чжэн Сюаня (郑玄), считавшееся в III–X вв. наиболее авторитетным и представлявшее собой попытку объединения двух основных каноноведческих школ – «современных и древних знаков». В эпоху Нань-бэй-чао (南北朝, V–VI вв.) конкуренция развернулась между «северной школой» (北学) и «южной школой» (南学). Обе они опирались на толкования и исследовательские принципы郑玄Чжэн Сюаня, однако комментаторы северной школы Сюй Цзунь-мин (徐遵明), Сюн Ань-шэн 熊安生и др.) основывались также на трудах Фу Цяня (服虔), Хэ Сю何休 (II в.) и в целом отличалась консерватизмом, доверием к толкованиям каноноведов I–III вв. «Северная школа» тяготела к грамматико-синтаксическим методам анализа, тогда как «южная школа» отдавала приоритет работам Кун Ань-го (孔安国), Ван Би (王弼) и Ду Юя (杜预) (III в.), конфуцианским и даосским преданиям, испытала влияние буддизма и была склонна к расширительному толкованию канонов. «Южная школа» оказала наибольшее воздействие на формирование неоконфуцианства. В эпоху Тан (唐) известный комментатор Кун Ин-да孔颖达, в целях прекращения споров между конкурирующими школами, обобщив свой тридцатилетний труд, учитывающий достижения «северной и южной школ» написал труд «У цзин чжэн и» (五经正义) (Правильные толкования «Пяти канонов»). Этот трактат заложил еще один кирпич в идеологический фундамент «цзин сюе» (经学), поскольку стал основным пособием для проведения экзаменов на право получения чиновничьих должностей. После появления «У цзин чжэн и» (五经正义) список официально-признанных канонов расширился, за счет включения в них комментариев Ханьских ученых и стал выглядеть следующим образом:

«Чжоу и» (周易), «Шан шу» (尚书), «Ши цзин» (诗经), «Чжоу ли» (周礼), «И ли» (仪礼), «Ли цзи» (礼记), «Чунь Цю цзо чжуань» (春秋左传), «Чунь Цю гун ян чжуань» (春秋公羊传), «Чунь Цю гу лян чжуань» (春秋穀梁传), «Лунь юй» (论语), «Сяо цзин» (孝经), «Эр'я» (尔雅). Таким образом, четыре кано-

на «Чжоу и» (周易), «Шан шу» (尚书), «Ши цзин» (诗经), «Чжоу ли» (周礼) сохранили свои изначальные названия, «И ли» (仪礼), «Ли цзи» (礼记), «Чунь Цю цзо чжуань» (春秋左传), «Чунь Цю гун ян чжуань» (春秋公羊传), «Чунь Цю гу лян чжуань» (春秋穀梁传) из разряда комментаторской литературы перешли в каноническую, Лунь юй» (论语), «Сяо цзин» (孝经), «Эр'я» (尔雅) стали считаться официальными канонами. В этом списке не достает трактата «Мэн цзы» (孟子). Дело в том, что вопрос об историческом периоде включения данного канона в «тринадцатиканоние» остается дискуссионным, называются эпохи Тан (唐, 618–907) и Сун (宋, 960–1279). С точки зрения девятичленной архитектоники (три сочинения о «благопристойности» (三礼): «Чжоу ли» (周礼) «И ли» (仪礼), «Ли цзи», (礼记), три части «летописи Чуньцю» (春秋三分): «Чунь Цю цзо чжуань» (春秋左传), «Чунь Цю гун ян чжуань» (春秋公羊传), «Чунь Цю гу лян чжуань» (春秋穀梁传), представляют собой два целостных образования, которые вместе с остальными канонами должны складываться в каноносообразную систему из девяти канонов [Карапетянц, 1981]. Если исходить из этой установки, полагаем, что «Мэн цзы» (孟子) вошел в официальное « тринадцатиканоние» все-таки в эпоху Тан (唐, 618–907).

Таким образом, корпус канонов в этот период расширился до «тринадцатиканония» (十三经) за счет включения в список новых значимых текстов-комментариев. *Канон по-прежнему рассматривается в качестве традиционного текста, но уже не противопоставляется комментарию (传), более того, особо почитаемые комментарии приобретают статус традиционных канонических книг.*

Последний этап, о котором нам хотелось бы сказать в данной статье – эпоха Сун (宋, 960–1279). Это связано, прежде всего, с разрастанием, обогащением письменной канонической традиции, основоположниками которой считаются неоконфуцианцы Чэн И (陈颐) и Чэн Хао (陈灏), которые стали «инициаторами каноноведческого переворота, по своим последствиям вполне сравнимого с предложением ханьского Дун Чжун-шу (董仲舒) императору У-ди (武帝) устранить разнобой школ и опираться при назначении на должность исключительно на «Пятиканоние» (五经)» [Югай, 2003, с. 183]. Сунские неоконфуцианцы, стремясь к чистоте и следованию традиционной аутентичности конфуцианских канонов, дополнили «Пятиканоние» (五经) «Четверокнижием» (四书) в составе «Да сюэ» (大学), «Чжун юн» (中庸), «Лунь юй» (论语), «Мэн-цзы» (孟子). Идейный продолжатель данной традиции Чжу Си (朱熹) написал «Комментарий на «Четверокнижие» (四书集注). После этого «Четверокнижие» (四书) рассматривается как главный стандарт, без изучения которого, невозможно понимание «Пятиканония» (五经), а также устанавливается порядок изучения – «Да сюэ» (大学), «Чжун юн» (中庸), «Лунь юй» (论语), «Мэн-цзы» (孟子). Таким образом, появляется термин: «Книги-шу» (书), которые, с одной стороны, стоят ниже канонов-цзин (经), но с другой – овладение ими открывает путь к собственно-канонам (经). *Канон, тем самым, рассматривается как текст-носитель древней мудрости, доступный лишь избранным. Практической ценностью наделяется «Четверокнижие»* (四书) – *основа для сдачи государственных экзаменов на чиновничьи должности.*

Итак, формирование китайских канонических книг началось в I тыс. до н. э., в III в. до н. э. они начинают функционировать в рамках традиции «цзин сюэ» (经学), приобретая идеологический статус. Став частью традиции «канон» (经) сращивается с «комментарием» (传). Активное комментаторство на протяжении длительного исторического периода способствует значительному расширению корпуса канонов. Углубление каноноведческой традиции, в свою очередь, приводит к новым формам интерпретации «канонов» (经), а именно: к появлению «книг-шу» (书).

Библиографический список

1. *Готлиб, О.М.* Китайская сюньгусюе (训诂学) как наука [Текст] / О.М. Готлиб, Т.Е. Шишмарева // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. – Красноярск, 2006. – № 3. – С. 177-181.

2. *Карапетьянц, А.М.* Формирование системы канонов в Китае : Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и ср. века [Текст] / А.М. Карапетянц. – М. : Наука, 1981. – 386 с.

3. *Кобзев, А.И.* Китайская этическая мысль [Текст] / гл. ред. М.Л. Титаренко // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5-ти т. – М. : Вост. лит., 2006. – С. 44–129.

4. *Словарь* Канси [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : www.kangxizidian.com (дата обращения : 18. 08.2012).

5. *Югай, В.Б.* Конфуцианский трактат «Чжун юн» [Текст] : Переводы и исследования / В.Б. Югай, сост. А.Е. Лукьянов; отв. ред. М.Л. Титаренко. – М. : Вост. лит., 2003. – 247 с.

6. *Юркевич, А.Г.* Ши сань цзин [Текст] / гл. ред. М.Л. Титаренко // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5-ти т. – М. : Вост. лит., 2006. – С. 529–532.

7. *Rosemont, H.* Notes from the Confucian Perspective : Which Human Acts Are Moral Acts? [Text] / H. Rosemont // International Philosophy Quarterly. – N.Y. : Vol., 1976. – № 1. – P. 60–61.

8. 段玉裁. 古文尚书考 2 卷 [课文] / 皇清经解撰. – 北 京 : 北 京出版社, 1978. – 387 页.

9. 段玉裁/. 古文尚书蔬正 9 卷 [课文] / 皇清经解撰. – 四川 : 四库全书, 1986. – 280 页.

10. 邹晓丽. 基础汉字形义释源 [课文] / 邹晓丽. – 北京 : 北 京出版社, 1990. – 203 页.

11. 王引之. 经义述闻（清）[课文] /王引之. – 江苏 : 江苏古籍出版社, 2000. – 352 页.

12. 诗经译注 [课文] / 程俊英撰. - 上海 : 上海古籍出版社, 1985. – 218页.

13. 诗经原始 [课文] / 方玉润撰. - 北京 : 中华书局, 1986. – 498 页.

14. 十三经辞典 [课文] / 刘学林、周淑萍主编. - 陕西人民出版社, 2002. – 644 页.

15. 中国经学思想史 [课文] / 姜广辉主编. - 北京: 中国社会科学出版社, 2003. – 755页.

16. 唐君毅 中国人文精神之发展 [课文] / 台湾学生书局. - 台湾 : 全集校订版, 1984. – 117页.

17. 辞海 （缩印本）上海辞海出版社, 1987. – 2576 页.

18. 辞源 （缩印本）北京：商务印书馆，1989. – 2356页.

УДК 81.00
ББК 81.00

Юй Кайхуа

О ЗАМЕНАХ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО НА КИТАЙСКИЙ

В статье исследуются способы семантизации одного объекта в двух языках при переводе с русского на китайский, а также различные способы синтаксических замен, связанных с этим.

Ключевые слова: *перевод; синтаксическая функция; замена*

Yu Kaihua

ON FUNCTIONAL SYNTACTIC REPLACEMENTS IN TRANSLATION FROM RUSSIAN INTO CHINESE

Semantization of one entity by means of the two languages has been considered in the paper as well as various syntactic replacements that result herefrom.

Key words: *Translation; syntax function; replacement*

于开华
东北师范大学人文学院
College of Humanity and Science of Northeast Normal University

俄汉翻译中的句法功能置换窥探

引言：

翻译是一个系统的创造工程。翻译在坚持“信达雅”的前提下，更应注重对所译语言国民族心理及其世界观的把握。每个民族都有各自不同的看待和表达客观事物的方法。不同民族反映客观世界和表达客观事物的共同工具就是人类的语言。地域差异、风俗差异、看待和反映客观事物的视点差异等形成了各个民族语言的特有定式和迥然各异的风格。也正是这些，才使得语言变得丰富多彩、各有特色；才使得人们对语言的研究无尽无休、乐此不疲；才构成了翻译的难点。

从对比度角度看，任何两种语言，纵有千差万别，但其基本的思维结构及词间关系大致相同，只是表达方式各异而已。就汉俄两种语言而言，汉语多通过词汇手段表达语义，而俄语除通过词汇手段外，还要通过语法手段释义，进而形成了汉语主体（主语）意识与俄语主体意识的差别，也构成了俄汉翻译中的困扰。受母语影响，许多人在应用俄语的过程中，经常有汉语主体意识先入为主之嫌，忽略俄语语言的自身特点，从而造成翻译的不准确、不地道。为便于了解俄罗斯人的思维习惯，更好的实现两种语言的合理对接，本文尝试着探讨俄汉翻译中某些句法功能的置换现象。

© Юй Кайхуа, 2012

1. 状语—主语置换

这里主要说的是由于汉语和俄语的语言差异，以及中俄两个民族不同的世界观对两种语言的互译所产生的影响。

✓ *В магазине* продают фрукты. – **商店**卖水果。

✓ *На заводе* часто организуют экскурсию. – **工厂**经常组织观光。

✓ *У бабушки* двое детей. – **奶奶有两个孩子**。

✓ *На фирме* работает 120 сотрудников. – **公司有** 120 **名**员工。

✓ Крышу унесло *ветром*. – 风**把房盖儿掀走了**。

✓ *В нашей группе* 28 студентов. – **我**们班**有**28**名学生**.

✓ *У нас* бесконечная сила. – **我**们**有无**穷的力量.

✓ Сегодня вечером *по телевизору* передают чемпионат по футболу Азиатского континента. – **今晚**电视转播亚洲杯足球赛.

✓ *По радио* обещали дождь на завтра. – **广播**预报明天有雨.

✓ *У каждого* своя мечта. – **每个人都有自己的梦想**.

这种置换主要表现在汉字没有任何词形变化，不论句法功能如何置换，文字表面都无任何形式变化。俄语词汇受语法支配有明显的形式变化，这些变化就使得同一词汇意义的单词充当不同的句子成分，从而具有了不同的句法功能，有时又增加了不同的修辞色彩。

2. 补语—定语置换

由于思维方式的不同，表现在文字显像上也就不同。汉语中，要表述一个事实，叙述一件事情，大多以自我为中心，以主语为中心，似乎离开了主语就不会说话、就无法进行语义表述了。在使用语言、发展言语的过程中，大多强调“主观”。这与俄语有很大不同，俄语在整个使用过程中，多以事件为中心，强调客观。行为主体根据实际表义需要使用各种不同形式。在翻译过程中要十分留意，负责就会造成译文的不正确或不地道。

✓ Сестра взяла *брата* за руку и побежала. – **姐姐拉起弟弟的手就跑了**.

✓ Дедушка посмотрел *внуку* в лицо, будто первый раз увидел его. – 爷爷看着孙子的脸，**就像是**头一次见到他似的.

✓ Ветерок прохладно погладил *его* по влажным волосам. – **清凉的**风吹拂着**他潮湿的**头发.

✓ Солнце пекло *ему* голову. – **太阳晒着他的**头.

✓ Доктор спас *ребенку* жизнь. – **医生救了孩子的命**.

✓ Он упал и *себе* разбил лицо. – **他摔了–跤, 把自己的**脸磕破了.

✓ В темноте кто-то тронул *Сашу* в спину. – **黑暗中有人碰了–下**萨沙的**后背**。

✓ Град бил *его* по голове, гусь вздрагивал и прикрывал глаза. – **冰雹拍打着**鹅头，**他哆**嗦着，**迷上眼睛**.

✓ Но вот папа вдруг как хлопнет *себя* по лбу. – **但是爸爸却突然拍了–下自己的**额头。

✓ Мать ласково гладила *сына* по голове. – **母**亲温存地抚摸着**儿子的**头.

汉语中的定语一般表述为 «……的»，具有明显的所属意义，而俄语中的这种所属意义除使用第二格形式表示外，更多表现为整体词与部分词之间的整分关系，即由整体词做句中的直接或间接补语，句法功能上相当于汉语的定语。这种表达方式是汉语中所没有的，因此使用起来容易用物主代词或名词第二格来代替，造成翻译上的错误或不准确。

3. 补语—主语置换

✓ *Ему* нездоровится. – **他不舒服**.

✓ *Ей* уже 40 лет. – **她已**经40岁了.

✓ *Ребенку* в одном месте не сидится. – **小孩在 – 个地方待不住**.

✓ Она *мне* нравится. – **我喜**欢她.

✓ Эти книги *мне* еще нужны. – **我**还用得着这些书.

✓ *Машу* сильно укачивает на пароходе. – 玛莎晕船晕得厉害.

✓ Утром *больному* стало плохо. – **早晨病人感**觉不舒服了.

✓ Она беременная. *Ее* часто рвет. – **她有身孕, 她**经常呕吐.

✓ Уже несколько дней *мне* не спалось по ночам. – **我已**经好几夜睡不着觉了.

✓ *Больного* начало лихорадить. – **病人开始忽冷忽**热了.

这种置换更显示出俄汉两种思维的迥然差别。从上述这些例子中我们不难发现，汉语中一般强调行为的主体意识，语句都围绕着行为主体来展开。这些主体就成了汉语语句中的最主要成分之一 — 主语。俄语语言具有鲜明的哲学性，一般不以人的意志为转移的语义一般都不使用以人为主语的人称句来表达，因为这些行为的发生、状态的出现都不是行为主体本身所能左右得了的，都不是以主体的主观意愿为转移的。从这一点看，汉语的无形态变化一方面方便了使用，另一

方面又使其丧失了俄语的这种鲜明的结构语义特征，从而为准确翻译造成了障碍。

4. 主语—定语置换

✓ *Катя* ничем не уступает Нине в математике. – **卡嘉的数学一点儿也不次于妮娜**.

✓ *Маша* обернулась лицом к окну. – 玛莎的脸转向了窗外.

✓ *Дочь* характером похожа на маму. – **女儿的性格**妈妈.

✓ *Костюм* узок в плечах, придется обменять его. – **衣服的肩太窄，只好**换一件.

✓ За пять лет *мы* добились больших успехов в работе. – **五年里我**们的**工作取得了很大成**绩.

✓ *Сестра* вдруг поменялась в лице, покраснела. – **妹妹的**脸一下子就变红了.

✓ *Солнце* еще лежало краем над горизонтом. – **太阳的**边缘还伏在地平线上.

✓ В темноте *я* никак не мог попасть ногой в ботинок. – **黑暗中我的脚怎么也穿不到鞋里**.

✓ В бою *он* был ранен в ногу. – 战斗中**他的腿受了**伤.

✓ Из-за рассеянности *он* ударился головой о столб. –**由于不小心他的**头撞到电线杆子上了.

✓ 汉语中的定语,**俄**语中用作主体,**在句子中作主**语,**在某些**语言环境中,**俄**语更注重行为或状态产生的主体性,进而把在汉语中作次要句子成分的定语部分表述为俄语语句中的主要句子成分 – **主**语,这样更能明确部分与整体,**主要与次要的关系**,**使翻**译变得准确生动.

5. 主语—宾语置换

✓ До отхода поезда осталось *полчаса*, успеем выпить по чашечке кофе. – **剩半小**时**开**车,**我**们还来得及喝杯咖啡.

✓ В Олимпийской деревне построен новый бытовой *комплекс*, представляющий собой большое современное здание. – **在奥运村新建成了生活大楼**,这是一座现代化建筑.

✓ С тех пор прошел *миллиард лет*. – **从那**时起过去了**十**亿年.

✓ Пошлите меня работать туда, где *я* больше всего буду нужен. – **派我到最需要我的地方去工作吧**.

✓ Я люблю смотреть кино, у нас часто идут *фильмы* на русском языке. – **我喜**欢看电影,**我**们那儿经常上演俄文电影.

✓ Человеку нужны *знания* как воздух и вода. – **人需要知**识,**就像需要空气和水一**样.

✓ Учитель сказал, что из Тани выйдет настоящая *певица*. – **老**师说,**塔尼**娅能成为一名真正的**歌手**.

✓ Наконец выпал первый *снег*, и в лесу стало необычно тихо и чисто. – 终于下了第一场**雪**,**林子里**变得异常安静和清洁.

✓ Мы поднялись на гору, откуда была видна вся *деревня*. – **我**们登上了山,**从那里可以看**见整个**村子**.

✓ Миша, пойдем узнаем у руководителя группы, в какое время начнется *экскурсия* завтра. – **米沙**,**我**们去问问班主任,**明天什么**时候开始**参**观.

✓ **一些在**汉语中做宾语的成分,**在俄**语中却表达为主语,这与俄语**的表达**习惯及俄罗斯人的世界观都不无关系,**不能很好地掌握俄**罗斯人缜密而独特的思维方式就会造成翻译上的不尽完美.

结语：

俄汉翻译当中的句法功能置换现象有很多，明确句法功能置换是准确把握两种语言相互转换的关键之一，缺乏了解就不能进行地道、准确的翻译。掌握两种语言的句法功能置换，把握不同民族对待同一事物的不同切入点和不同表达方式，可以更好地实现两种语言的互译，进而实现翻译过程的更快、更准、更好。

参考书目

1. 华劭，用于转换的词汇手段［ｊ］，外语学刊，1991 年第三期。
2. 张会森，俄汉语中的无主语句问题［ｊ］，外语学刊，2001年第三期。
3. 赵陵生，汉、俄语对比的教学实践［３］，“俄语语法教学与研究”，北京大学俄罗斯语言文学系，1992年5月。
4. 王初明，应用心理语言学[M]，湖南教育出版社，1990年。

ПЕДАГОГИКА. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

PEDAGOGY AND METHODOLOGY

УДК 372.881.1
ББК 81.411.2 - 916

С.Ю. Богданова

РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИИ РАБОТЫ С ТАЛАНТЛИВЫМИ ДЕТЬМИ: ОБУЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКЕ

В статье представлена новая методика изучения иноязычной лексики, рассчитанная на талантливых детей и творчески работающих педагогов.

Ключевые слова: *вариативное образование; экстенсивное чтение; корпусная лингвистика; корпус текстов*

S.Yu. Bogdanova

DEVELOPMENT OF A STRATEGY OF TEACHING TALENTED PUPILS: EXPLORING FOREIGN LEXICON

The article suggests a new comprehensive method of acquiring foreign lexicon recommended for talented pupils and creative teachers.

Key words: *variative education; extensive reading; corpus linguistics; linguistic corpus*

Ответственность за осведомленность школьных учителей Иркутской области обо всех нововведениях и инновационных методах в сфере преподавания иностранных языков и контроля знаний, в том числе, в формате Единого государственного экзамена, лежит на преподавателях ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный лингвистический университет», который является Экспериментальной площадкой Федерального института развития образования по теме «Системно-деятельностный подход в разноуровневом вариативном образовании». В частности, необходимость освоения школьниками иноязычной лексики ставит вопрос о вариативном образовании* как никогда остро. Одаренным детям, способным достичь серьезных успехов по предмету «Иностранный язык», необходимы качественно новые методики для интенсификации самостоятельной работы. Указать направление такой работы, обеспечить ее максимальную эффективность – вот важнейшие задачи, которые стоят перед учителем.

Проект «Наша новая школа» предусматривает создание условий для раскрытия способностей каждого ученика, воспитания «личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире» [Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа». Режим доступа : http://mon.gov.ru/dok/akt/6591/]. В нем, в частности, говорится, что «школьное обучение должно способствовать личностному росту», поэтому «следует развивать систему поддержки сформировавшихся талантливых детей» [Там же]. Особенно важным представляется нам акцент, сделанный на использовании новых технологий: «Новая школа – это институт, соответствующий целям опережающего развития. В школе будет обеспечено изучение не только достижений прошлого, но и технологий, которые пригодятся в будущем» [Там же].

Первоочередными задачами, зафиксированными в федеральном плане действий по модернизации общего образования на 2011–2015 гг. по направлению «Развитие системы поддержки талантливых детей», на 2012 г. являются: создание и организация работы центров поддержки одаренных детей при федеральных университетах и дистанционных школ при национальных исследовательских университетах; а также совершенствование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогов по направлению работы с одаренными детьми [Проект

* Теоретическое осмысление понятия «вариативность образования» представлено в статье Т.В. Живокоренцевой [Живокоренцева, 2012].

© Богданова С.Ю., 2012

сводного доклада «О реализации национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» в 2011 году». Режим доступа : mon.gov.ru/].

Обосновывая необходимость внедрения нового общенационального стандарта образования, А.Г. Асмолов говорит о разных взглядах на «идеального учащегося» в разных культурах. Так, идеалом учащегося в тоталитарных культурах, к которым, очевидно, автор причисляет СССР, является «средний ученик», в то время как в культурах достоинства, «главная установка которых «жить, а не выживать» (к которым в перспективе должна относиться Россия), образование поддерживает вариативность личности, готовит ее к решению нестандартных жизненных, а не только типовых задач» [Асмолов. Режим доступа : http://rl-online.ru/articles/rl01_99/501.html]. Работа, которая была проведена преподавателями кафедры прикладной лингвистики ИГЛУ с победителями регионального этапа Всероссийской олимпиады по английскому языку в рамках Зимней школы, показала, что интерес детей к получению знаний по предмету, их способность решать нетиповые задачи и усваивать новый материал, сразу применяя его в речевой практике, находится на очень высоком уровне. Очевидно, что это накладывает серьезные обязательства на учителя. В рамках ФПК школьным учителям уже были предложены элементы новой методики обучения лексике английского языка, которая многими была встречена с энтузиазмом. Она нацелена на работу с талантливыми детьми, при которой учитель в основном контролирует выполнение заданий. Проблема заключается в том, что учителю также потребуется время на подготовку заданий, но если разобраться с методикой, ее использование может принести хорошие результаты. Далее я кратко остановлюсь на сути предлагаемых методов, которые разрабатываются на кафедре прикладной лингвистики ИГЛУ в рамках работы Федеральной экспериментальной площадки «Системно-деятельностный подход в разноуровневом вариативном образовании».

В сущности, «новый» подход к изучению лексики основывается на тех положениях, которые были последовательно изложены мной на двух предыдущих Интернет-конференциях [2; 3]. Во-первых, это овладение текстовым полем изучаемого языка посредством экстенсивного чтения, во-вторых, это изучение языковой вариативности на основе репрезентативных корпусов текстов, что, в терминологии Е. Тогнини Бонелли, сводится к умению «читать горизонтально» и «читать вертикально» [Tognini Bonelli, 2000]. Автор имеет в виду различное «прочтение» текста и корпуса: текст читается горизонтально, слева направо, при этом обращается внимание на границы между такими более крупными единицами, как составные части предложений, предложения и параграфы. Корпус, просмотренный сначала в формате конкорданса KWIC (Key Word In Context) с искомым словом, выровненным по центру, будет прочитан вертикально, со считыванием повторяющихся моделей, присутствующих в контексте высказывания с искомым словом (табл. 1).

Таблица 1

Фрагмент конкорданса глагола *освоить*

том, сумею я или нет	освоить	компьютер. ←…→
пойти на какие-нибудь курсы,	освоить	компьютер, тогда будет специальность, может ←…→
среди них людей, не способных	освоить	несколько языков. ←…→
	освоить	производство, добиться жесткой технологической дисциплины ←…→
изучить народную поэтику, но и	освоить	ее творчески, пытаясь овладеть ее ←…→
спектаклей, решил, что настало время	освоить	большую сцену. ←…→
как действующий чемпион мира пытается	освоить	то, в чем он заведомо ←…→
Каролина Ивановна не могла самостоятельно	освоить	ни одной методики, а Таня ←…→
ребенку недостаточно выучить буквы и	освоить	счет до 10. ←…→
было тяжело. Костыль надо было	освоить	Он выскакивал из-под руки, и ←…→
не предусмотрят: раз не можете	освоить	так зачем просить? ←…→

Для примера приводим фрагмент конкорданса из Национального корпуса русского языка (http://ruscorpora.ru). Мы считаем, что применение корпусных технологий в обучении иностранному языку целесообразно только на продвинутом уровне владения языком, кроме того, можно помочь обучающимся в освоении новой методики сначала на материале корпусов родного языка, в нашем случае, русского, и лишь затем переходить к материалу корпусов изучаемого языка.

Спортсмены говорят для того, чтобы достичь высокой цели, например, установить мировой рекорд или победить на олимпиаде, нужно все время ставить перед собой краткосрочные цели, которые легче достигнуть в обозримом будущем. В качестве краткосрочной цели в плане изучения лексики можно поставить успешное выполнение заданий А22 – А28 из раздела «Грамматика и лексика» в ЕГЭ, которые относятся к повышенному (не высокому!) уровню сложности и состоит в том, чтобы выбрать одно из четырех слов и вставить его в небольшой текст с пропусками. Фрагмент задания выглядит следующим образом:

Tracy

Tracy was as excited as a child about her first trip abroad. Early in the morning, she stopped at a **A22** _____ agency and reserved a suite on the Signal Deck of *the Queen Elizabeth II*. The next three days she spent buying clothes and luggage.

A22 1) journey 2) trip 3) travel 4) tourist

Если зайти на сайт http://corpus.byu.edu/, выбрать корпус BNC (British National Corpus) и в окне поиска поочередно набрать словосочетания journey agency, trip agency, travel agency и tourist agency, можно увидеть не только количество употреблений данных словосочетаний на 100 млн слов, но и сравнить их частотность, выбрав вариант с наибольшей частотностью как самый надежный, а также изучить их непосредственное окружение (при необходимости можно выбрать и более широкий контекст). Итак, частотность наших словосочетаний, по данным корпуса, оказалась следующей: journey agency (0), trip agency (0), travel agency (55) и tourist agency (4). Как наиболее надежный вариант по частотности выбираем словосочетание travel agency, в качестве примера приведем один из 55 контекстов: She let herself be dragged into a ***travel agency*** and they booked a holiday to Spain just like anyone else (BNC), это и есть правильный ответ. Проводя такое исследование сочетаемости, дети попутно запоминают жанровую отнесенность слов в их разных значениях, выявляют устойчивые выражения и многое другое. Подобные действия повышают интерес к изучаемому языку и должны позволить в перспективе лучше справляться с этими заданиями ЕГЭ.

Как видно на табл. 2, пока их выполнение в Иркутской области не достигает и 50 %, хотя для данного задания с выбором ответа критерий успешности установлен на уровне 65 %.

Таблица 2

Процент экзаменуемых, справившихся с заданиями раздела «Грамматика и лексика» с 2006 по 2011 гг. (по материалам аналитических отчетов о сдаче ЕГЭ по английскому языку)

Год	А22 – А28	В4 – В10	В11 – В16
2006	25 %	30 %	15 %
2007	47,7 %	54,7 %	38,3 %
2008	30,2 %	51,2 %	45,7 %
2009	46,65 %	44,23 %	50,3 %
2010	30 %	45,25 %	52,41 %
2011	43,65 %	45,64 %	39,33 %

Представляется, что такой низкий процент обусловлен, в первую очередь, тем, что современные выпускники не читают художественную литературу на английском языке или читают ее в очень ограниченном количестве. А ведь это совершенно необходимо для создания собственного цитатного фонда и освоения контекстов употребления бесконечного количества слов. В настоящее время в Иркутском государственном лингвистическом университете есть ряд неадаптированных книг британских авторов с методическими разработками

к ним, которые школьные учителя могли бы использовать в работе с талантливыми детьми. Таким образом «горизонтальное чтение» могло бы обеспечить хороший результат в обучении иноязычной лексике.

В педагогике принято цитировать афоризм Конфуция «Я слышу и забываю. Я вижу и запоминаю. Я делаю и понимаю». Мы полностью согласны с принципом активного познания и считаем, что в процессе поиска и анализа контекстов употребления той или иной лексической единицы в корпусе текстов, при «вертикальном чтении», происходит ее освоение в совокупности значений и ситуаций, которые она может номинировать. Изучение реального употребления лексических единиц и грамматических конструкций в разных регистрах – это самое основное, в чем нуждается любой человек, осваивающий языковую вариативность. Поэтому некоторые многозначные лексические единицы полезно вводить именно путем использования корпусных технологий (подробнее см. [Захаров, 2011]). В частности, это касается нечастотных единиц, представленных в корпусах, в том числе и в нетривиальных значениях. Понимание, «ощущение» смысла слова через разные контексты и разные регистры может помочь человеку быстрее с этим словом «освоиться», а не просто выучить все его значения, что можно (?) сделать и при помощи хорошего словаря.

Одним из семи методологических ориентиров развития вариативного образования, определяющих национальную доктрину образования, по мнению А.Г. Асмолова, является следующий: «от монофункциональных технических средств обучения – к полифункциональным средствам и информационным технологиям. Особое место все более явно занимают информационные технологии, которые становятся не просто средством обучения, а приучают ученика жить в информационной среде, приобщают школьников к информационной культуре. Тем самым, по своей культурно-психологической функции информационные технологии решают такую задачу вариативного образования, как включение школьника в мировое культурное и образовательное пространство нашего изменяющегося мира» [Асмолов. Режим доступа : http://rl-online.ru/articles/rl01_99/501.html].

Разрабатываемая стратегия работы с талантливыми детьми по освоению иноязычной лексики рассчитана на учащихся старших классов средних общеобразовательных школ и лицеев, углубленно изучающих английский язык, в том числе планирующих сдавать ЕГЭ по иностранным языкам, а также творчески работающих высококвалифицированных преподавателей.

Библиографический список

1. *Асмолов, А.Г.* Психология XXI в. и рождение вариативного образовательного пространства России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://rl-online.ru/articles/rl01_99/501.html (дата обращения : 13.04.2012).

2. *Богданова, С.Ю.* Формирование языковой компетенции через чтение (когнитивный аспект) [Текст] / С.Ю. Богданова // Стратегия повышения качества подготовки специалистов в лингвистическом университете в контексте Национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» : материалы науч.-практ. конф. – Иркутск : ИГЛУ, 2010. – С. 49–54.

3. *Богданова, С.Ю.* Использование методов корпусной лингвистики в обучающей и научной деятельности [Текст] / С.Ю. Богданова // Стратегия реализации Национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» в сетевом взаимодействии образовательных систем : материалы науч.-практ. конф. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – С. 203–213.

4. *Живокоренцева, Т.В.* Вариативность образования: проблемное поле современных интерпретаций (на ресурсе данной Интернет-конференции) [Текст] / Т.В. Живокоренцева // Системно-деятельностный подход в разноуровневом вариативном образовании: проблемы, идеи, опыт реализации: материалы научно-практической Интернет-конференции (2–8 мая 2012 г., г. Иркутск) / под ред. Л.А. Выговского, Т.В. Живокоренцевой, Т.А. Жданко. – Иркутск : ИГЛУ, 2012. – С. 5–6.

5. *Захаров, В.П.* Корпусная лингвистика [Текст] : учебник / В.П. Захаров, С.Ю. Богданова. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – 161 с.

6. *Национальная* образовательная инициатива «Наша новая школа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://mon.gov.ru/dok/akt/6591/ (дата обращения : 20.04.2012).

7. *Проект* сводного доклада «О реализации национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» в 2011 году» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : mon.gov.ru/ (дата обращения : 20.04.2012).

8. *Tognini Bonelli, E.* Corpus Classroom Currency [Text] / E. Tognini Bonelli // Darbai ir Dienos, 24 / 2000. – P. 205–243.

УДК 37.02
ББК 74.04

Н.Н. Казыдуб

АТТРАКТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Статья посвящена выявлению параметров мотивирующей образовательной среды. Статус триггерного параметра атрибутируется аттрактивности, формируемой совокупностью социальных значений и личностных смыслов. Обосновывается мотивирующий потенциал культурных ценностей, устанавливаются линии согласования универсального и идиэтнического, раскрывается эвристичность динамической модели образовательной среды.

***Ключевые слова**: аттрактивность; образовательная среда; социальное значение; личностный смысл; экологичность; мотивирующее воздействие; ориентирующее взаимодействие; динамическая модель*

N.N. Kazydub

ATTRACTIVENESS AS A CLASSROOM ENVIRONMENT MODELLING FACTOR

The article is aimed at revealing parameters of motivating classroom environment. The status of the trigger parameter is attributed to attractiveness that is formed by a set of social meanings and personal senses. The motivating value of cultural norms is demonstrated, the vectors of matching universal and culture specific value domains are exemplified. I also argue for the heuristic value of the dynamic classroom environment model.

***Key words:** attractiveness; classroom environment; social meaning; personal sense; ecology; discourse motivators; social orientation; dynamic model*

В условиях распространения вариативных моделей образования укрупняется проблематика мотивационного воздействия на потенциального потребителя образовательных услуг. Спектр мотивов, обеспечивающих личностный выбор той или иной образовательной модели, достаточно широк и варьируется в зависимости от целевой аудитории. Вместе с тем можно предположить, что существуют мотивационные значимости, релевантные для самых разных категорий обучающихся. И, прежде всего, это – общий характер образовательной среды, которая представляет собой систему дискурсивных координат, определяющих содержательное наполнение и методологическое обоснование образовательных маршрутов. Именно в этом контексте следует рассматривать эвристику моделирования образовательной среды, оптимизирующей освоение обучающимися интеллектуального фонда, когнитивных и стратегических ресурсов образовательного пространства.

Тем самым на повестку дня ставится задача разработки параметров и стратегий формирования развивающей среды обучения, в полной мере раскрывающей потенциал личности, проходящей процесс социализации.

Критическая рефлексия признаков-атрибутов современного образовательного пространства с точки зрения их конгруэнтности экологическому императиву разрабатываемой модели вводит в круг рассмотрения следующие параметры:

- ***аттрактивность*** – привлекательность образовательной программы для потенциального потребителя;
- ***аутентичность*** – соответствие эпистемологического и компетентностного содержания условиям естественной среды обитания;
- ***мозаичность*** – наличие в общей картине разноплановых включений, соотносимых с культурными идентичностями обучающихся;

© Казыдуб Н.Н., 2012

➢ ***динамичность*** – изменяемость образовательной среды по запросу социума, формирующего социальный заказ;

➢ ***оригинальность*** – включение в образовательную модель элементов know-how, обеспечивающих уникальность предметного знания и компетентностного набора;

➢ ***инновационость*** – поиск, разработка и апробирование новых концепций и методик обучения, соответствующих вызовам современной цивилизации;

➢ ***эволюционность*** – совершенствование образовательной среды за счет насыщения ее более современными технологиями обучения, учитывающими качественное изменение социального и профессионального ландшафтов.

Среди обозначенных выше параметров особую значимость имеет ***аттрактивность***, обеспечивающая возможность достижения консенсуса в отношении целей, стратегий и технологий образовательной деятельности. Соответственно, основная функция аттрактивности заключается во взаимосогласовании интенциональностей, участвующих в моделировании и формировании образовательной среды, посредством включения в эту среду дискурсивных аттракторов, соотносимых с социальными значениями и личностными смыслами.

Аттрактивность имеет двойственную природу. С одной стороны, это – необходимое условие любого взаимодействия, ибо не может быть диалога, если обсуждаемые смыслы не являются значимыми для его участников. Вместе с тем аттрактивность можно считать итогом эффективной интеракции, так как она становится залогом дальнейшего взаимообогащающего взаимодействия [Казыдуб, 2011].

С учетом антропоцентрического характера образовательной среды следует, прежде всего, принять во внимание характеристики социализирующейся личности, которая:

- думает;
- чувствует;
- оценивает;
- любит;
- ненавидит;
- верит;
- надеется;
- мечтает;
- принимает решение;
- планирует и т. д. [Powell, 1969].

Многогранность интенциональных состояний, эмоциональных переживаний и интеллектуальных действий личности-участника образовательного процесса требует тонкой настройки инструментов аттрактивного воздействия. Здесь необходимо учитывать различие моделей мировидения и миропонимания, несовпадение культурных и личностных предпочтений, асимметрию процессов оценивания и – как следствие – отсутствие или низкую степень взаимопонимания и доверия, что значительно снижает эффективность обучения. Выбор и последующее включение в образовательную среду системы дискурсивных аттракторов регулируется принципами:

✓ ***гибкости*** – потенциальной вариабельности в зависимости от национальной идентичности, культурного опыта и индивидуального знания обучающегося;

✓ ***конгруэнтности*** уровневым характеристикам образовательной траектории;

✓ ***последовательности*** формирования предметных знаний и метапредметных умений.

Рассуждая о наборе дискурсивных аттракторов, обратимся к феномену культурной ценности, поскольку логично предположить, что образовательная среда оценивается через призму культурных преференций того или иного социума, который формирует дискурсивный заказ относительно востребованных на данном историческом этапе личностных характеристик.

Ценности рассматриваются в терминах мотивирующих факторов, которые включают человека в соответствующую образовательную среду. Каталогизация актуальных ценностных смыслов предоставляет в распоряжение образовательного менеджмента инструментарий для моделирования обучающей среды посредством обозначения фокусных центров аттрактивности. Такие центры представляют собой конфигурации разноуровневых ценностных смыслов, ибо ценностная картина мира мозаична и восприимчива к происходящим в обществе процессам. Постоянно имеют место переоценка ценностного наследия и выработка новых культурных и социальных ориентиров. Поэтому любой каталог является открытой системой, куда вписываются традиционные и инновационные дискурсивные значимости. Категориальной характеристикой аттрактив-

ной образовательной среды по определению становится динамическое взаимодействие универсальных и идиоэтнических аксиологических смыслов и стратегий. ***Универсальные ценности*** обладают высоким аттрактивным потенциалом в силу их распространенности и способности объединять самые различные идентичности и ментальности. Однако не менее важны и ***культуроспецифические*** ценностные координаты, которые «встраивают» личность в аксиологическую парадигму культурного социума и таким образом открывают для нее возможности успешного функционирования в естественной среде. Принцип мягкой сборки универсальных и идиоэтнических аксиологических ресурсов полагается в основу моделирования образовательной среды как пространства, насыщенного опорными смыслами дискурсивной аттрактивности.

Личность входит в пространство аттрактивности со своим багажом, в котором имеются активы и дефициты. Активы – факторы, которые помогают обучающимся адаптироваться к условиями образовательной среды и оптимизируют дискурсивное взаимодействие в плане быстрого наращивания объема разделяемого знания. Среди таких активов назовем:

- когнитивную и поведенческую гибкость;
- искренность;
- коммуникативную ответственность;
- стрессоустойчивость;
- умение действовать в ситуации неопределенности;
- толерантность.

Значимыми являются и структурные характеристики личностно-ориентированной образовательной среды. Представляется, что эта среда включает ряд сегментов (рисунок).

Структура личностно-ориентированной образовательной среды

В связи с тем, что в современном обществе востребована ***компетентность*** как основное качество участника социальной деятельности, личностно ориентированная образовательная среда оформляется по типу компетентностной модели, включающей базовые параметры, ориентированные на формирование адаптивных способностей обучающихся. Основополагающее понятие компетентности определяется как совокупность таких личностных компонентов, как:

1) ***когнитивный*** (знание);
2) ***деятельностный*** (умение и практический опыт);
3) ***ценностно-мотивационный*** (отношение) [Живокоренцева, 2010, с. 37].

Очевидна взаимообусловленность и взаимодополняемость личностных компонентов, в совокупности своей обеспечивающих необходимый уровень ориентирующих взаимодействий в целях осуществления совместной деятельности.

В разрабатываемой модели дифференцируются следующие сегменты:

- личностные мотивы;
- предметные знания;
- метапредметные умения;
- социумные ожидания.

Личностные мотивы связаны с социумными ожиданиями отношениями детерминации: личность интериоризирует социумные потребности, которые перерабатываются в личностные мотивы в ходе интерсубъективного обсуждения культурных и социальных значений. Личностные мотивы приводятся в соответствие с социумными ожиданиями путем приобретения личностью предметных знаний и метапредметных умений, связанных функциональными скрепами декларативной и процедурной репрезентации переживаемого социального опыта. Социумные ожидания транслируются средствами массовой информации и образовательными институтами в процессе конструирования образовательной среды. Они могут быть извлечены, в частности, из объявлений о вакансиях посредством анализа диагностирующих номинаций. Так, изучение британских объявлений о вакансиях менеджеров [The Times, 2001] выявляет такие востребованные современным обществом качества личности, как:

- надежность (reliability);
- ответственность (responsibility);
- высокий уровень инициативности (high value of initiatives);
- высокая степень мотивированности (high degree of motivation);
- способность вызывать доверие (credibility);
- харизма (charisma);
- энтузиазм (enthusiasm);
- рациональный подход (logical approach);
- энергичность (energy);
- коммерческая сообразительность (acute commercial acumen).

При помещении в образовательную среду эти ценностные характеристики наделяются статусом дискурсивных аттракторов. Они запускают процесс создания привлекательного образа образовательной программы и повышают уровень аттрактивности образовательных методик.

Существенно отметить функциональную составляющую предметного знания, которая включает целенаправленно сформированную систему опорных смыслов и стратегий применения знания в определенных ситуациях [Залевская, 2009, с. 52]. Функционирование знания в качестве сверхзадачи обучения обосновывается системой метапредметных умений, к которым относятся:

- интеллектуальные умения;
- коммуникативные умения;
- умение планировать свою деятельность;
- умение воздействовать на людей;
- умение осуществлять управление коммуникативными средами различной степени сложности;
- умение принимать решение;
- умение управлять конфликтами, т. е. конструировать бесконфликтный и толерантный дискурс.

Это − открытый список, ибо изменяющаяся социальная среда порождает новые вызовы и – соответственно – обозначаются новые задачи, решение которых требует новых умений [Ушева, 2012, с. 6]. Динамика социальных преобразований раскрывает эвристику метапредметного обучения, которое формирует ключевые компетенции, не теряющие своего ориентирующего и деятельностного потенциала в условиях новой социальной ситуации. Следовательно, можно говорить о высокой степени аттрактивности образовательной среды, где главным ориентиром является формирование метапредметных умений, обеспечивающих успешность профессиональной и социальной деятельности современной личности в самых различных системах координат.

Моделирование образовательной среды с учетом фактора аттрактивности значительно повышает обучающий и развивающий потенциал образовательных методик и технологий, так как позволяет соизмерить цели и задачи обучения с личностными мотивами обучающихся и оптимально сконструировать образовательные маршруты и траектории.

Библиографический список

1. *Живокоренцева, Т.В.* Компетентность учителя в выстраивании индивидуальных маршрутов учащихся [Текст] / Т.В. Живокоренцева, О.Ф. Чупрова // Стратегия повышения качества подготовки специалистов в лингвистическом университете в контексте Национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» : материалы науч.-практ. конф. (Иркутск, 6 мая 2010 г.) / науч. ред. Л.А. Выговский, Т.В. Живокоренцева. – Иркутск : ИГЛУ, 2010. – С. 36−41.

2. *Залевская, А.А.* Проблема знания в различных ракурсах [Текст] / А.А. Залевская // Studia linguistica cognitiva. Вып. 2. Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. – 352 с.

3. *Казыдуб, Н.Н.* Дискурсивные значимости аттрактивности [Текст] / Н.Н. Казыдуб // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. − 2011.− № 4 (16). – С. 96−102.

4. *Ушева, Т.Ф.* Формирование метапредметных умений учащихся [Текст] : учеб.-метод. пособие / Т.Ф.Ушева. – Иркутск : ИГЛУ, 2012. – 92 с.

5. *Powell, J.* Why Am I Afraid to Tell You Who I Am. Insights into Personal Growh [Text] / J. Powell. – Allen Texas : Tabour Publishing, 1969. – 125 p.

6. *The* Times [Text]. – 2001. – February 1.

УДК 801
ББК 881.0

А.М. Каплуненко

О ПРЕИМУЩЕСТВАХ СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА К ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ ДИСКУРСУ

В статье определен характер педагогического дискурса с точки зрения системно-деятельностного подхода и намечены точки отправления оптимизации педагогического дискурса.

Ключевые слова: *системно-деятельносный подход; педагогический дискурс; оптимизация педагогического дискурса; гомеостаз дискурса; концепт; понятие; термин*

A.M. Kaplunenko

ON ADVANTAGES OF SYSTEMIC ACTION-ORIENTED APPROACH TO PEDAGOGICAL DISCOURSE

The article defines the nature of pedagogical discourse from the viewpoint of systemic and action-oriented approach. Some ideas for optimizing pedagogical discourse are discussed.

Key words: *systemic action-oriented approach; pedagogical discourse; optimization of pedagogical discourse; discourse homeostasis; concept; notion; term*

О педагогическом дискурсе сказано и написано немало. Не углубляясь в детали предшествующих работ (дело долгое, но малополезное, если принять во внимание разбег идеологических интерпретант), целесообразно определить главную проблему, средоточие аргументов и контраргументов. В условиях, когда есть единая цель ***оптимизации*** педагогического дискурса, проблему сформулировать не так сложно. Ее суть – в наличии когнитивного диссонанса между стремлением сторон к диалогу, с одной, и изначальным властным компонентом в отношениях участников, с другой стороны.

Такого рода когнитивный диссонанс свойствен идеальной ситуации взаимодействия сторон, т. е. процессу сотрудничества, в ходе которого обоюдное стремление к кооперации не осложняется дополнительными факторами. Ясно, что реальные условия педагогического процесса практически исключают идеальную ситуацию. Но какими бы ни оказались прочие барьеры, выравнивание когнитивного диссонанса между стремлением к диалогу и институциональным присутствием власти – ключевое требование оптимизации педагогического дискурса.

Цель настоящей статьи – определить характер педагогического дискурса с точки зрения системно-деятельностного подхода и наметить точки отправления, способные быть началом его оптимизации. Необходимо дать несколько предварительных определений, разъясняющих содержание основных терминов.

Дискурс здесь и далее понимается как незамкнутый процесс речевой деятельности, с помощью которого участники решают задачи социального взаимодействия. Эти задачи уместно определить как стратегические, т. е. восходящие к цели, которая по ее природе рекурсивна и возобновляется после завершения полного цикла соответствующей деятельности. Так, стратегическая цель педагогического дискурса может определяться как согласование на интенциональном горизонте деятельности планов преподавателя и сту-

© Каплуненко А.М., 2012

дентов. Планы могут быть краткосрочными (например, первичное пояснение частного правила на учебном занятии), но могут содержать большое количество этапов реализации (например, полный курс обучения специальности ВПО). Поскольку цель распределена на множестве обучаемых, она возобновляется каждый раз, когда дискурс переходит в режим прототипического диалога.

Стратегическая цель создает мотив и генерирует движущую силу дискурса. Благодаря ей формируется и поддерживается ***деятельностный характер*** последнего. Однако не цель является содержательным центром дискурса как системы. В качестве ***гомеостаза*** дискурса выступают в эволюционной последовательности три формы знания – концепт, понятие и термин.

Концепт воплощает преимущественно эмпирическое знание, погруженное в сферу личного опыта, равно как и опыта социально-культурной группы, в контексте которой формируется деятельное сознание личности. Опираясь на собственные многолетние наблюдения, поясню сказанное на примере концепта ЯЗЫК. Студенты, зачисленные на филологические специальности, приступают к освоению ООП с весьма разным пониманием того, что такое язык. Их суждения организуются вокруг представлений, полученных благодаря естественно рассудочной логике. Место таких представлений в личном опыте, или во внутреннем времени ego [Гуссерль, 1996] разнится от индивида к индивиду. Тем не менее, концепт ЯЗЫК связывает дискурс того же субъективного порядка, воплощая личное (наивное, или донаучное) знание о соответствующем объекте.

Понятие – форма знания, эволюционирующая из концепта и знаменующая этап согласования разных точек зрения. Характерно, что студенты, отвечая на вопрос, что такое язык и не испытывая давление властной (преподавательской) точки зрения, обычно приходят к единой формулировке «средство общения / коммуникации». Как отмечал еще К. Маркс, такое определение представляет собой «абстракцию, бедную содержанием, но совершенно необходимую для совместного продвижения к познанию более глубоких, скрытых признаков объекта» [Маркс, 1957, с. 315]. Разумеется, понятие не преодолевает до конца все различия, ибо его всеобщее не всегда способно быть логическим субъектом нового знания. Например, верно ли определить мертвый язык как «бывшее средство коммуникации» или «средство коммуникации в прошлом»? Древнегреческий, латынь, равно как и другие мертвые языки, представлены нам – в весьма не полных! – собраниях письменных текстов. Невозможно судить о том, какую роль играли они в живом бытии языка и как соотносились с его устной разновидностью. Тем не менее, всеобщее понятия «язык» направляет разночтения в единую эвристическую точку, в которой они преодолеваются, чтобы дать участникам возможность выхода на новый уровень суждений. Таким образом, понятие играет роль гомеостаза новой системы интеллектуального взаимодействия.

Следующий этап эволюции порождает конечную форму знания – ***термин***. В лингвистике принято несколько зауженное определение, согласно которому термин – либо слово в специальном значении, либо специальное употребление слова. Однако от Аристотеля до П. Флоренского и далее – в логике и метаматематике господствует понимание термина именно как конечной формы знания [Аристотель, 1976; Флоренский, 1989; Щедровицкий, 1997]. На такое понимание указывает внутренняя форма слова – «конечный», «заключительный», «обозначающий предел» [Флоренский, 1989, с. 203–205]. Термин «язык» – эволюционно новая форма знания об объекте. В частности, этой форме свойствен ключевой признак содержания «система знаков», который, если несколько перефразировать П. Флоренского, одновременно укрепляет всеобщее и дает новый простор единичному [Там же. С. 208]. И мертвый язык в свете этого признака – система знаков с фиксированными, неспособными развиваться формами, значениями и функциями.

Признаки типа «система знаков» в лингвистике принято называть ядром терминологического значения. При этом признается, что периферия, окружающая ядро, весьма сложна и богата, ибо вбирает результаты ***научного*** познания соответствующего объекта. Нередко такие результаты ошибочно относят к этапу понятия (ср. у Н.Н.Болдырева: «… различия между понятием и концептом обусловлены … различием теоретического и обыденного познания»; [Болдырев, 2000, с. 24]). Однако у понятия иное назначение. Чтобы до конца прояс-

нить его, необходимо определить, какие разновидности принимает педагогический дискурс в зависимости от характера формы знания, выступающей в качестве его гомеостаза.

Концепт порождает ***Дискурс Различий***, или речевую деятельность, участники которой вынуждены преодолевать различия, либо продвигаясь к консенсусу методом проб и ошибок, либо признавая ведущую роль эксперта (преподавателя). Если первый путь являет подлинный диалог, пусть и насыщенный спорами и разногласиями, второй путь чреват перекосами в сторону властного начала педагогического дискурса. Именно на этом противоречии замешан когнитивный диссонанс, о котором упоминалось выше.

Если концепт дает Дискурс Различий, понятие рождается в ***Дискурсе Согласования.*** В идеале он эволюционирует из Дискурса Различий и представляет собой речевую деятельность, участники которой преодолевают различия на основе общественного договора о связи означающего и означаемого. Однако на практике общий знаменатель под различиями подводится с помощью преподавателя. Происходят ли при этом необратимые нарушения принципов диалогичности и, соответственно, подрывается ли эволюционная сущность процесса познания? Все зависит от умения преподавателя принимать нетехнологические решения, позволяющие ослабить властные начала педагогического дискурса.

Наконец, термину соответствует ***Дискурс Экспертного Сообщества***, который – опять же в идеале! – эволюционирует из Дискурса Согласования. Эта разновидность дискурса определяется как речевая деятельность, участники которой вырабатывают и канонизируют специальное знание об объекте. Диалектический закон отрицания отрицания срабатывает здесь так, что новое качество знания может предстать как не имеющее связи с предшествующим, свойственным понятию. Так, переход от признака «средство общения / коммуникации» к признаку «система знаков» обладает внутренней логикой только для тех, кто владеет специальным знанием о коммуникации и знаке, то есть для членов Дискурса Экспертного Сообщества. Таким образом, эволюционный способ развития знания на участке «понятие – термин» снова оказывается под угрозой вмешательства со стороны этого сообщества.

Последнее утверждение вовсе не из разряда теоретических возможностей. Ведь традиционная схема первичного внедрения термина как формы знания – лекция, или, в ее прототипической форме, разновидность монологической речевой деятельности, в ходе которой преподаватель как член Дискурса Экспертного Сообщества принудительным образом снимает Дискурс Различий. При этом нередко игнорируется Дискурс Согласования. Термин, вводимый в релевантных экспертных контекстах, становится самоцелью педагогического дискурса. Неслучайно вопросы типа «Что такое Р», где Р – термин как форма специального знания, наиболее распространены в различных тестах и прочих контрольно-измерительных материалах [Barlough, 1999].

Стремление к преодолению монологического характера педагогического дискурса – одна из ярких примет науки постклассического периода. Это стремление созвучно усилиям по выравниванию когнитивного диссонанса между осознанием ценности диалога, с одной, и соблазном опоры на власть Дискурса Экспертного Сообщества, с другой стороны. Однако, как представляется, на этом пути появились две трудности (если не опасности). Первая – вера в эксперимент как эффективную модель действительного положения дел. Но как карта не местность [Korzhibski, 1973], так модель не реальность. Экстраполяция результатов эксперимента на множество действительных ситуаций вынуждает к пренебрежению локальными особенностями, которые нередко играют важную роль в педагогическом взаимодействии. Вторая опасность – склонность к технологичности, снижающая готовность к нестандартным, творческим решениям (об этой опасности предупреждал еще М. Хайдеггер [Хайдеггер, 1993].

Системно-деятельностный подход к педагогическому дискурсу, теоретические основания которого кратко описаны выше, не является гарантией преодоления противоречий и трудностей. Тем не менее, его способность к учету диалектических моментов коммуникации позволяет прогнозировать трудности и противоречия на всех этапах развития педагогического дискурса. А это – важное условие планирования устойчивого, эффективного диалога, равно как и минимизации неизбежного властного фактора.

Библиографический список:

1. *Аристотель* Сочинения [Текст] : 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1976. – Т.1. – 352 с.
2. *Болдырев, Н.Н.* Когнитивная семантика [Текст] / Н.Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во ТамГУ, 2000. – 123 с.
3. *Гуссерль, Э.* Логические исследования. Картезианские размышления [Текст] / Э. Гуссерль. – Минск : Харвест, 2000. – 752 с.
4. *Маркс, К.* Сочинения [Текст] : 9 т. / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1957. – Т.5. – 397 с.
5. *Флоренский, П.А.* Термин [Текст] / П.А. Флоренский // Сочинения : в 4 т. – М. : Правда, 1989. – Т.2. – С. 141–208.
6. *Хайдеггер М.* Время и бытие [Текст] / *М. Хайдеггер*. – М. : ЧеРо, 1993. – 447 с.
7. *Щедровицкий, Г.П.* Труды по логике и методологии [Текст] / Г.П. Щедровицкий. – М. : Школа Культурной Политики, 1997. – 800 с.
8. *Barlough, J.* What do we test by the tests? [Text] / J. Barlough, B. Scheideman // In: Critical Language Awareness. Melbourne: Univ.of Melbourne, 1999. – P. 32–50.
9. *Korzhibski, A.* Introduction to non-Aristotlean logic [Text] / A. Korzhibski. – N.Y. : Ann Harbor, 1973. – 347 p.

УДК 378.14
ББК 74.58

Т.А. Жданко

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ВУЗА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА

В статье описаны научно-методологические подходы к проектированию образовательно-профессионального пространства вуза по формированию конкурентоспособности личности студента. Актуальность исследования определяется проникновением рыночных отношений во все сферы жизнедеятельности, в том числе и в образование, возникает необходимость приспособления к быстроизменяющимся условиям жизни, потребность формирования конкурентоспособности личности в образовательно-профессиональном пространстве вуза.

Ключевые слова: *системно-деятельностный подход; личностно-ориентированный подход; акмеологический подход; образовательно-профессиональное пространство вуза; проектирование образовательно-профессионального пространства вуза; конкурентоспособность личности студента*

T.A. Zhdanko

ON DESIGNING AN EFFECTIVE EDUCATIONAL ENVIRONMENT FOR PROMOTION OF THE STUDENTS'PROFESSIONAL COMPETITIVENESS

Ways of designing appropriate educational environment for development of the student's professional profile have been discussed in this article. The topicality of the research is connected with the pervasive manifestation of the free market values in all spheres of life activity, including education. Following this trend, competitiveness is gaining ground as a key professional trait and calls imperatively for changes in traditional higher school pedagogy .

Key words: *system-action approach; personality-oriented approach; acmeological approach; educational-professional field of higher education institute; designing of educational-professional field of higher education institute; competitive ability of a student*

Согласно требованиям Федерального государственного образовательного стандарта профессионального образования третьего поколения, выпускник вуза должен обладать профессиональной компетентностью, включающей общие и специфические компетенции, должен быть конкурентоспособным и востребованным на рынке труда, что ориентирует на оптимизацию содержания изучаемых дисциплин, участие студентов во внеаудиторной деятельности, самоуправлении и других видах деятельности, являющихся составляющими образовательно-профессионального пространства вуза.

© Жданко Т.А., 2012

Актуальность исследования проблемы проектирования образовательно-профессионального пространства вуза по формированию конкурентоспособности личности студента подтверждается данными анкетирования преподавателей и студентов Иркутского государственного лингвистического университета (ФГБОУ ВПО «ИГЛУ»), руководителей и педагогов государственных и негосударственных образовательных учреждений г. Иркутска и Иркутской области, результатами анализа данных Молодежной биржи труда (с 2007 по 2011 гг.) г. Иркутска, результатами опросов участников Молодежного форума «Образование и карьера» г. Иркутска (2010, 2011), результатами анализа объявлений о трудоустройстве в разных регионах России. Полученные результаты позволяют сделать выводы о возможности и необходимости сотрудничества с работодателями при формировании конкурентоспособности личности студента, что учитывается и используется недостаточно в профессиональной подготовке будущих специалистов.

Как отмечает Т.К. Клименко, кризисное состояние образования состоит в том, что востребован специалист, «нового типа, способный ответить на вызовы времени», а существующая система образования не производит его [Клименко, 1999, с. 4–11]. Формирование специалиста как целостной личности, отвечающей запросам и требованиям современного рынка труда возможно в специфическом образовательно-профессиональном пространстве вуза.

Образовательно-профессиональное пространство вуза определяется нами как специально организованная совокупность взаимосвязанных образовательных и профессиональных структур по формированию конкурентоспособности личности студента, характеризующаяся многофункциональностью (включающей компоненты: образовательный, профессиональный, практический, исследовательский, управленческий, финансово-экономический) и многопрофильностью (предполагающей организацию деятельности в рамках вуза, учреждений, предприятий) [Жданко, 2008].

Необходимость интеграции образовательного и профессионального пространства в вузе обусловлена формированием профессиональных и личностных качеств будущего специалиста, причем приоритет должен быть отдан образовательному пространству, как ведущему на данном этапе профессионального становления личности. Т.В. Живокоренцева выделяет сущностные позиции трактовки понятия «интеграция» в различных областях знаний: «интеграция как явление имеет двуединую природу и предстает, с одной стороны, как процесс, а с другой стороны – как его результат; интеграция как состояние целостности имеет такие качественные характеристики, как взаимосвязанность, взаимодействие и взаимопроникновение, взаимозависимость, взаимосодействие, и взаимопереплетение; интеграция как процесс – это слияние в единое целое ранее дифференцированных элементов, приводящее к новым качественным и потенциальным возможностям этой целостности, а также изменениям свойств самих элементов; интеграция выступает в качестве функционального условия существования и равновесия системы, а также механизма ее развития» [Живокоренцева, 2005, с. 38–39]. В нашем понимании употребление термина «интеграция» обосновано процессом формирования конкурентоспособности личности в образовательно-профессиональном пространстве вуза, который предполагает интеграционное согласование, объединение частей и элементов, их упорядочение и интенсивность взаимодействия, в процессе достижения поставленной цели.

Мы считаем, что проектирование образовательно-профессионального пространства вуза должно осуществляться через разработку модели, посредством реализации системно-деятельностного, личностно-ориентированного, и акмеологического подходов.

Идея системно-деятельностного подхода заключается в использовании деятельности как средства становления и развития субъектности человека. Рассматривая образование как ведущую социальную деятельность общества, мы предполагаем нацеленность на результат как системообразующий фактор деятельности, т. е. в системно-деятельностном подходе выделяется результат деятельности как целенаправленной системы. Человек выбирает те виды деятельности, которые адекватны его природе, удовлетворяют его потребности в саморазвитии и самореализации. Посредством деятельности человек преобразует свою жизнь и себя самого. Становление системно-деятельностного подхода в педагогике базируется на исследованиях А.Г. Асмолова, П.К. Анохина, Н.А. Бернштейна и

др. (нацеленность на результат как системообразующий фактор деятельности; достижение результата при наличии обратной связи) [Асмолов, 2009]. Системно-деятельностный подход является попыткой объединения подходов: системного (Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов и др.) и деятельностного. Представителями деятельностного подхода являются Л.С. Выготский (изучение деятельности в качестве предмета) [Выготский, 1996], А.Н. Леонтьев (внешняя и внутренняя – умственная деятельность) [Леонтьев, 1975], В.И. Слободчиков (целостная деятельность, как основа психических свойств и функций) [Слободчиков, 2003] и др.

Категориальный аппарат деятельностного подхода определяется следующими понятиями: деятельность (духовная деятельность, взаимодеятельность, общение, целеполагания как деятельность, смыслообразующая деятельность, жизнетворчество как деятельность), личностная ориентированность (личность, личностный смысл, внутренний потенциал, самоактуализация, самоопределение, смысл жизни, субъект, субъективность), организация и управление (пространство деятельности, образовательное пространство, цель, форма, метод, механизмы, результат, субъектное пространство, управление развитием личности).

Е.Н. Степанов, Л.М. Лузина определяют деятельность как особую форму активности, «в результате реализации которой осуществляется преобразование материала, включенного в деятельность (внешние предметы, внутренняя реальность человека), преобразования самой деятельности и преобразования того, кто действует, т. е. субъекта деятельности» [Степанов, 2005, с. 102]. Изучая теорию деятельностного подхода, авторы определяют основополагающие понятия «субъект», «субъективность» и обобщают принципы.

«Субъект» – это человек в совокупности таких психических характеристик, которые позволяют ему осуществлять целеполагание и соответствующее целям действия, поступки, деятельность и поведение в целом, а «субъективность» – это способность человека к тому или иному целеполаганию и соответствующей поставленным целям активности. Основные принципы системно-деятельностного подхода: принцип субъектности, принцип учета ведущих видов деятельности и законов их смены, принцип учета сензитивных периодов развития, принцип со-трансформации, принцип определения зоны ближайшего развития, принцип амплификации (обогащения, усиления, углубления развития), принцип обязательной результативности каждого вида деятельности, принцип обязательной рефлективности всякой деятельности и др.

Реализуя системно-деятельностный подход, мы ориентированы на осознанность самоопределения студентов в условиях системного изучения учебных дисциплин и выбора занятий для профессионального роста с ощущением чувства успеха и уверенности в себе и собственной деятельности.

Сторонники личностно-ориентированного подхода [Амонашвили, 1984; Бондаревская, 2004; Сериков, 1994; Якиманская, 1996] определяют его, как методологическую ориентацию в педагогической деятельности, позволяющую посредством опоры на систему взаимосвязанных понятий, идей и способов действий, обеспечивать и поддерживать процессы самопознания, самостроительства и самореализации личности, развития ее неповторимой индивидуальности. Личностно-ориентированный подход обусловлен разработкой и внедрением в практику гуманистических идей педагогов и психологов. В гуманистической психологии нам наиболее близки позиции К. Роджерса и А. Маслоу [Роджерса, 1994; Маслоу, 2002]. Вслед за К. Роджерсом мы рассматриваем самость – как способность личности к самооценке и определение своего места и роли в окружающем мире. Социум дает возможность развить самость и личность в целом, он представляет активную образовательную среду, в которой происходит процесс саморазвития личности. В рамках данного подхода для нас важно: соотношение «Я – реального» с «Я – идеальным» (в рамках планирования и прогнозирования личной карьеры); ценностные действия личности – функционирование и обеспечение жизнедеятельности, обусловленное текущими конкретными потребностями человека; «открытость опыту» (осознание своих чувств, опыт своего организма); стремление жить настоящим»; «доверие к своему организму» и др. Близка нам концепция А. Маслоу о самоактуализации личности, переживании своего опыта, о процессе постоянного выбора и умении нести ответственность за свой выбор, личностный рост человека. К основным понятиям личностно-ориентированного подхода исследователи относят следующие понятия:

индивидуальность, личность, самоактуализированная личность, самовыражение, субъект, субъектность, «Я – концепция», личностный выбор, педагогическая поддержка. И.С. Якиманская в качестве основополагающего понятия определяет ориентацию на личность как на предмет воздействия [Якиманская, 1996]. В.П. Зинченко считает приоритетным помочь человеку стать собой [Зинченко, 1998].

Е.Н. Степанов и Л.М. Лузина выделяют принципы личностно-ориентированного подхода: принцип самоактуализации, принцип индивидуальности, принцип субъектности, принцип выбора, принцип творчества и успеха, принцип доверия и поддержки [Степанов, 2005, с. 119]. С.Л. Братченко, Э.Н. Гусинский, А.Б. Орлов выделяют принципы: паритета – равноправия в учебном процессе; диалогизма – взаимопринятие и взаимоуважение; индериктивности – право на собственный выбор целей, смыслов; индетерминизма – ответственная свобода и авторство жизни; неопределенности – самоорганизация и саморазвитие. Е.В. Бондаревская характеризуя технологическую составляющую данного подхода, относит вышепредставленные принципы к таким требованиям, как: диалогичность, деятельно-творческий характер, направленность на поддержку индивидуального развития, предоставление учащимся необходимого пространства, свободы для принятия самостоятельных решений.

В рамках личностно-ориентированного подхода мы предполагаем использование индивидуальных, групповых и фронтальных форм образовательной деятельности и признание студента саморазвивающимся субъектом в образовательно-профессиональном пространстве вуза.

Акмеологический подход [Ананьев, 2001; Абульханова-Славская, 1991; Деркач, 2004; Кузьмина, 1990; Шадриков, 1982] предполагает развитие профессионализма и его характеристик, реализацию условий и факторов формирования профессиональной компетентности, выработку профессионально-значимых качеств, преодоление профессиональной деформации и др. Мы развиваем «акме» человека, по определению А.А. Деркача, – это «многомерное состояние, длительное по времени, реально показывающее, насколько человек состоялся как гражданин, как профессионал, как личность» [Деркач, 2004, с. 55].

Акмеология – наука, которая объединяет методологию и теорию, исследования и разработку методов, способов, технологий, обеспечивающих совершенствование человека [Там же. С. 7]. Впервые понятие «акмеология» было введено Н.А. Рыбниковым в 1928 г. в рамках психологии зрелости. Круг проблем, которые рассматривает акмеология – это профессионализм и его характеристики, условия и факторы формирования профессиональной компетентности, преодоление профессиональной деформации и др.

В рамках акмеологического подхода К.А. Абульханова-Славская разработала понятие «стратегия жизни», которое связано «с представлением о субъекте как направляющем и регулирующем, организующем ход своей жизни» [Абульханова-Славская, 1991, с. 136]. Стратегия жизни, по мнению автора, – это выбор личностью способа жизни, соответствующего ее типу. Эта стратегия определяет пути разрешения противоречий между активностью, притязаниями, «Я-концепцией» личности; условиями и обстоятельствами жизни человека.

Важно сформировать «стратегию жизни» как выбор и поиск путей разрешения противоречий между активностью, притязаниями, «Я-концепцией» личности, а также условиями и обстоятельствами жизни, в которые попадает человек, т. е. сформировать конкурентоспособность личности.

Проектируя образовательно-профессионального пространства вуза по формированию конкурентоспособности личности студента, под конкурентоспособностью личности студента мы понимаем совокупность таких интегрированных устойчивых качеств, как рациональная познавательная активность, целеустремленность, трудолюбие, креативность, критичность, рискованность, стрессоустойчивость, лидерство, обусловливающих возможность успешного выполнения деятельности [Жданко, 2008].

В.С. Безруков выделяет три этапа педагогического проектирования: 1 этап – моделирование, 2 этап – проектирование, 3 этап – конструирование [Безруков, 1993, с. 100–104]. Д.В. Симоненко в технологии педагогического проектирования также выделяет три этапа [Общая и профессиональная педагогика, 2006, с. 161]. Согласно технологии педагогического проектирования, разработанной Д.В. Симоненко, проектируя образовательно-профессионального пространства вуза, мы на

первом этапе разработали модель (условно идеальный образ проектируемого объекта), представили ее описательно и графически; на втором этапе – создали проект (довели модель до уровня ее использования в субъект-субъектном взаимодействии); на третьем этапе – детально конкретизировали проект, приближая его к реальным условиям для реализации цели – формированию конкурентоспособности личности студента.

Проектирование образовательно-профессионального пространства вуза осуществлялось на основе принципов, разработанных В.Д. Симоненко:

- принцип личностных приоритетов (ориентация на личность студента, учет интересов, способностей и возможностей студентов);
- принцип саморазвития (создание педагогических объектов динамичными, гибкими и способными к изменениям);
- принцип реальности (создание педагогических объектов, которые можно применить на практике) [Общая и профессиональная педагогика, 2006, с. 162].

На наш взгляд, проектирование образовательно-профессионального пространства предполагает выполнение следующих шагов:

1. Разработка модели образовательно-профессионального пространства вуза.
2. Разработка основ сотрудничества (содержательных и организационных) в триаде студент – преподаватель – работодатель (создание профессионального пространства).
3. Внесение изменений в образовательное пространство (инновации, способствующие формированию личности студентов).
4. Анализ эффективности образовательно-профессионального пространства на основе критериев конкурентоспособности личности студентов.

Представленное нами пошаговое проектирование не противоречит общей теории педагогического проектирования, где порядок действий определяется подготовительной работой (анализ объекта; выбор формы; теоретическое, методологическое, пространственно-временное, материально-техническое и правовое обеспечение); разработкой проекта (выбор системообразующего фактора, установление взаимозависимости и написание проектной документации); проверкой качества проекта (мысленное экспериментирование, экспертная оценка, корректировка и принятие решения об использовании проекта) [Общая и профессиональная педагогика, 2006, с. 162–163].

При моделировании образовательно-профессионального пространства вуза мы выделяем следующие уровни моделирования: цель и задачи, принципы моделирования, компоненты, потенциал, технологии, критерии, условия функционирования модели.

Разработка модели образовательно-профессионального пространства вуза как педагогического условия для формирования конкурентоспособности личности студентов обеспечивает подготовку специалистов-профессионалов, готовых к профессиональной деятельности в изменяющихся условиях на современном рынке труда.

В процессе разработки модели образовательно-профессионального пространства вуза, особыми задачами являются:

1. Организационные – оптимизация содержания учебных предметов, поиск углубленных межпредметных связей и привлечение потенциальных работодателей в образовательный процесс.
2. Методологические – включение рациональной познавательной активности, целеустремленности, трудолюбия, креативности, критичности, рискованности, стрессоустойчивости, лидерства как приоритета в процессе формирования конкурентоспособности личности студента.
3. Дидактические – осуществление новой роли субъектов (тьюторской, фасилитаторской и др.) в процессе обучения.

Разработка модели образовательно-профессионального пространства будет осуществлять с учетом принципов целостности, интеграции и антропоцентризма.

Целостность будет достигаться посредством согласования учебного содержания, категориального аппарата и основных методов организации образовательного процесса с профессиональными требованиями.

В результате реализации принципа интеграции мы получаем следующее:

- упорядочение и координацию учебной, внеучебной и научной деятельности студентов;
- введение нетрадиционных форм работы (форум, учебный творческий проект, аукцион педагогических идей, анализ профессиональных проб, участие в деятельности на получение грантов и т. д.);
- выстраивание субъект-субъектных отно-

шений в процессе взаимодействия в триаде студент-преподаватель-работодатель (профессиональный контекст);

- создание системы педагогического мониторинга для отслеживания результатов процесса формирования конкурентоспособности личности студентов в образовательно-профессиональном пространстве вуза;

- оказание консультативной и корректирующей помощи студенту и как результат – повышение уровня конкурентоспособности личности студентов.

Принцип антропоцентризма определяет организацию образовательно-профессионального пространства вуза относительно места и роли в нем студента [Каптерев. Режим доступа : http://base.consultant.ru/cons/cgi/online, с. 221]. Мы рассматриваем студента в качестве субъекта взаимодействия. Как субъект студент принимает активное участие в проектировании образовательно-профессионального пространства. Этот принцип конкретизируется генерацией культуры в образовательную деятельность. Мы считаем, что не все знания должны присутствовать в предметных областях, часть знаний студенты должны получать самостоятельно, рассматривая общекультурные и профессиональные явления в разных системах научного знания.

Образовательно-профессиональное пространство должно включать следующие компоненты, обеспечивающие его многофункциональность:

1. Образовательный компонент: содержание, технологии, методы, формы и средства обучения и воспитания студентов (профессиональный контекст взаимодействия в триаде: студент – преподаватель – работодатель предполагает привлечение потенциальный работодателей в качестве экспертов, советников, аналитиков, рецензентов в процесс профессиональной подготовки; совместное составление программ, разработку и реализацию учебных курсов, курирование производственной практики и др.).

2. Исследовательский компонент: проблемно-поисковая и экспериментальная деятельность студентов (профессиональный контекст взаимодействия в триаде: студент – преподаватель – работодатель предполагает выполнение исследовательских проектов, курсовых и выпускных квалификационных работ по запросу потенциальных работодателей).

3. Финансово-экономический компонент: материальная база, использование материальных средств преподавателями и студентами (профессиональный контекст взаимодействия в триаде: студент – преподаватель – работодатель предполагает привлечение средств организаций и предприятий в процесс профессиональной подготовки: инвестирование проектов, спонсирование поездок для участия в конкурсах, обеспечение издательской деятельности и др.).

4. Управленческий компонент: управление учреждением, наличие высококвалифицированного кадрового состава (профессиональный контекст взаимодействия в триаде: студент – преподаватель – работодатель предполагает обучение студентов основам эффективного управления на предприятиях и в организациях, демонстрацию корпоративной культуры и практики делегирования полномочий и др.).

5. Практический компонент: наличие эффективных баз практик, пролонгированные практики, профессиональные и образовательные стажировки за рубежом (профессиональный контекст взаимодействия в триаде: студент – преподаватель – работодатель предполагает создание благоприятных условий взаимодействия, консультативная помощь, содействие в трудоустройстве и др.).

6. Профессиональный компонент: взаимодействие с учреждениями и организациями, интеграция студентов в учреждения и обратный процесс – внедрение профессиональных кадров в учебный процесс (профессиональный контекст взаимодействия в триаде: студент – преподаватель – работодатель предполагает привлечение потенциальный работодателей создание системы партнерского сотрудничества; проведение анализа профессиональных проб, коллективных творческих дел, конференций, мастер-классов, форумов по исследованию профессионально-педагогических проблем).

Данные компоненты являются ядром модели образовательно-профессионального пространства вуза, они преемственны и взаимосвязаны. Разработка ядра модели, позволяет нам в дальнейшем наполнить содержанием все его компоненты и адаптировать для использования в педагогическом процессе вуза (распределить, где и когда будут использоваться те или иные средства формирования конкурентоспособности личности), т. е. разработать проект деятельности. Разработка проекта за-

вершает второй этап педагогического проектирования образовательно-профессионального пространства вуза, т. е. представленная модель может быть внедрена в педагогический процесс. Приступая к завершающему этапу педагогического проектирования – детализируем и конкретизируем условия функционирования разработанной модели образовательно-профессионального пространства вуза.

Условиями функционирования модели образовательно-профессионального пространства вуза являются:

1. Динамичность структурных и содержательных компонентов.

2. Открытость к внешним воздействиям и адаптивность к внутренним изменениям.

3. Приоритетность формирования конкурентоспособности личности студента.

4. Применение инновационных средств и методов обучения.

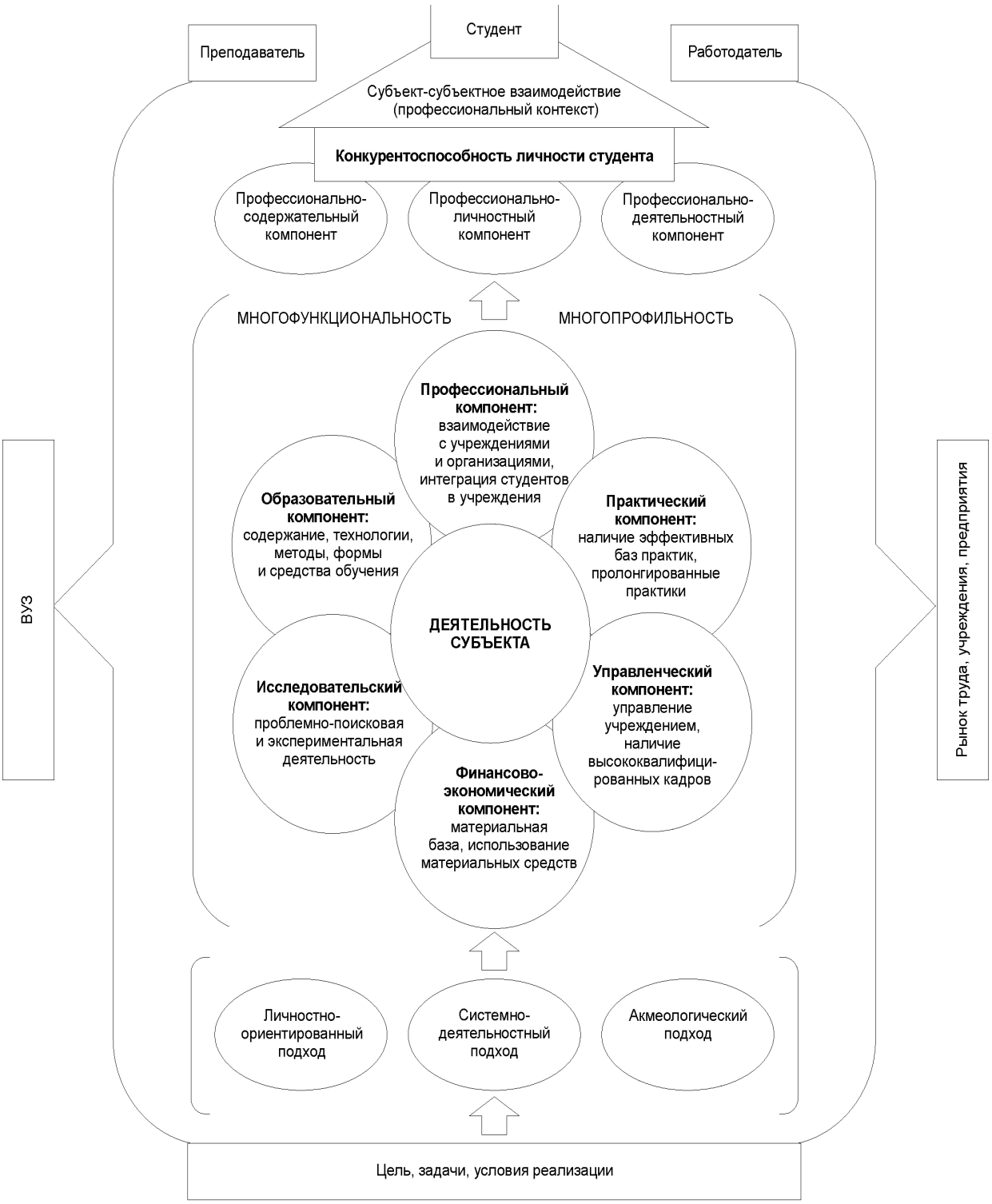
5. Введение личности студента (субъекта) в профессиональный контекст субъект-субъектного взаимодействия в триаде: студент – преподаватель – работодатель.

Критерии эффективности будут определены повышением уровня конкурентоспособности личности студента.

Обобщив все вышеизложенное, мы можем представить технологическую карту проектирования образовательно-профессионального пространства вуза на основе разработки модели:

Цель:	Разработка модели образовательно-профессионального пространства вуза как педагогического условия для формирования конкурентоспособности личности студентов.
Задачи:	1. Организационные – оптимизация содержания учебных предметов, поиск углубленных межпредметных связей на основе формирования метапредметных компетенций и привлечение потенциальных работодателей в образовательный процесс. 2. Методологические – включение рациональной познавательной активности, целеустремленности, трудолюбия, креативности, критичности, рискованности, стрессоустойчивости, лидерства как приоритета в процессе формирования конкурентоспособности личности студента. 3. Дидактические – осуществление новой роли субъектов (фасилитаторской, тьюторской, и др.) в процессе обучения.
Принципы:	Целостность. Интеграция. Антропоцентризм.
Компоненты:	1. Образовательный компонент: содержание, технологии, методы, формы и средства обучения студентов. 2. Профессиональный компонент: взаимодействие с учреждениями и организациями, интеграция студентов в учреждения. 3. Практический компонент: наличие эффективных баз практик, пролонгированные практики. 4. Управленческий компонент: управление учреждением, наличие высококвалифицированных кадров. 5. Финансово-экономический компонент: материальная база использование дополнительных материальных средств. 6. Исследовательский компонент: проблемно-поисковая и экспериментальная деятельность.
Условия функционирования модели:	1. Динамичность структурных и содержательных компонентов. 2. Открытость к внешним воздействиям и адаптивность к внутренним изменениям. 3. Приоритетность формирования конкурентоспособности личности студента. 4. Применение инновационных, методов обучения. 5. Введение личности студента (субъекта) в профессиональный контекст субъект-субъектного взаимодействия в триаде: студент-преподаватель-работодатель.
Этапы проектирования:	1 этап планирования с включением ценностно-целевого аспекта; 2 этап реализации с включением содержательно-процессуального и технологического аспектов; 3 этап оценочный с включение коррекционно-реконструкционного аспекта.
Критерии эффективности:	Конкурентоспособность личности студента.

Все вышеизложенное позволяет представить модель образовательно-профессионального пространства вуза по формированию конкурентоспособности личности схематично.



Модель образовательно-профессионального пространства вуза

Педагогическое проектирование образовательно-профессионального пространства вуза как педагогического условия формирования конкурентоспособности личности студента представлено через модель, согласно этапам проектирования:

– целевая установка, определяющаяся запросом государства и системы образования на конкурентоспособную личность;

– содержательный компонент, заключающийся в проектировании образовательно-профессионального пространства вуза и организации субъект-субъектного взаимодействия в триаде: студент – преподаватель – работодатель; технологический компонент, где формирование конкурентоспособности личности

мы рассматриваем через изучение вариативной части государственного образовательного стандарта (авторский курс «Управление личной карьерой»), использование возможностей дополнительного и дистанционного образования (авторские курсы «Самоменеджмент: планирование карьеры» и дистанционный курс «Управление личной карьерой или как стать лидером»), включение студентов во внеуадиторную деятельность (форум «Стратегия профессионального роста»; конференция «Анализ профессиональных проб»; конкурс-презентация проектов «Моя карьера»; Аукцион педагогических идей; «Lieder`s school» для студентов 1 курса);

– экспертно-оценочный компонент – диагностика уровней (низкий, средний, высокий) сформированности конкурентоспособности личности студента, критериями которой является проявление в деятельности качеств, определяющих конкурентоспособность личности студента.

Таким образом, в структуру модели образовательно-профессионального пространства вуза включены: цель, задачи и условия функционирования на основе системно-деятельностного, личностно-ориентированного и акмеологического подходов. Данные подходы, в свою очередь, являются основой деятельности субъекта (студента) в образовательно-профессиональном пространстве вуза, обеспечивающего многофункциональность (включающей компоненты: образовательный, профессиональный, практический, исследовательский, управленческий, финансово-экономический) и многопрофильность (предполагающей организацию деятельности в рамках вуза, учреждений, предприятий). Деятельность субъекта реализуется в триаде: студент–преподаватель–работодатель на основе субъект-субъектного взаимодействия в профессиональном контексте.

Библиографический список

1. *Абульханова-Славская, К.А.* Стратегия жизни [Текст] / К.А. Абульханова-Славская. – М. : Наука, 1991. – 209 с.

2. *Амонашвили, Ш.А.* Воспитательная и образовательная функция оценки учения школьников. Экспериментально-педагогическое исследование [Текст] / Ш.А. Амонашвили. – М. : Педагогика, 1984. – 296 с.

3. *Ананьев, Б.Г.* Человек как предмет познания [Текст] / Б.Г. Ананьев. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с.

4. *Асмолов, А.Г.* Системно-деятельностный подход к разработке стандартов нового поколения [Текст] / А.Г. Асмолов // Педагогика. – 2009. – №4. – С. 18–22.

5. *Безруков, В.С.* Педагогика [Текст] / В.С. Безруков. – Екатеринбург : Изд-во Свердловского инж.-пед.ин-та, 1993. – 212 с.

6. *Бондаревская, Е.В.* Теория и практика личностно-ориентированного образования [Текст] / Е.В. Бондаревская. – Ростов н/Д. : Изд-во Ростовского пед. ун-та, 2004. – 576 с.

7. *Выготский, Л.С.* Психология развития как феномен культуры [Текст] / Л.С. Выготский, под. ред. М.Г. Ярошевского.– М.; Воронеж : Изд-во Моск. психолого-социального института; МОДЭК, 1996. – 512 с.

8. *Деркач, А.А.* Акмеологические основы развития профессионала [Текст] / А.А. Деркач. – М.; Воронеж : Изд-во Моск. психолого-социального института; МОДЭК, 2004. – 752 с.

9. *Жданко, Т.А.* Формирование конкурентоспособности личности студента в образовательно-профессиональном пространстве вуза [Текст] / Т.А. Жданко // Современные проблемы науки и образования. – 2008. – №4. – С. 69–70.

10. *Живокоренцева, Т.В.* Интеграция содержания образования в педагогическом колледже как проблема коллективного практико-ориентированного исследования [Электронный ресурс] : дис. … канд. пед. наук : 13.00.01 / Т.В. Живокоренцева. – СПб., 2005 – Режим доступа : http://www.dissercat.com/content/integratsiya-soderzhaniya-obrazovaniya-v-pedagogicheskom-kolledzhe-kak-problema-kollektivnog (дата обращения : 20.03.2012).

11. *Зинченко, В.П.* Психологическая педагогика : материалы к курсу лекций [Текст] / В.П. Зинченко. – Самара : Самарский гос. пед. ун-т, 1998. – Ч. 1. Живое знание. – 216 с.

12. *Каптерев, А.И.* Управление корпоративными знаниями – путь в общество, основанное на знаниях [Электронный ресурс]. / А.И. Каптерев. – Режим доступа : mailto:kapterev@narod.ru (дата обращения : 04.07.2009).

13. *Клименко, Т.К.* Теоретические основы становления будущего учителя в инновационном образовании [Текст] / Т.К. Клименко. – Чита : ЗабГПУ, 1999. – 212 с.

14. *Кузьмина, Н. В.* Проблемы акмеологических наук [Текст] / Н.В. Кузьмина, А.П. Зимичев. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургской акмеологической академии, 1990. – 234 с.

15. *Леонтьев, А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А.Н. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1975. – 304 с.

16. *Маслоу, А.* Дальние резервы человеческой психики [Текст] / А. Маслоу. – СПб. : Евразия, 2002. – 432 с.

17. *Общая* и профессиональная педагогика [Текст] : учеб. пособие для студентов педагогических вузов [Текст] / под ред. В.Д. Симоненко. – М. : Вентана-Граф, 2006. – 368 с.

18. *Роджерс, К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека [Текст] / К. Роджерс. – М.: Прогресс, 1994. – С. 153-171.

19. *Рубинштейн, С.Л.* Основы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2007. – 644 с.

20. *Сериков, В.В.* Личностно-ориентированное об-

учение [Текст] / В.В. Сериков // Педагогика. – 1994. – №5. – С. 16–21.

21. Слободчиков, В.И. Подходы и проблемы перехода к открытому образовательному пространству [Текст] / В.И. Слободчиков // Переход к открытому образовательному пространству: стратегии инновационного управления. – Томск, 2003. – С. 3–4.

22. Степанов, Е.Н. Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания [Текст] / Е.Н. Степанов, Л.М. Лузина. – М. : Сфера, 2005. – 160 с.

23. Шадриков, В.Д. Проблема системогенеза профессиональной деятельности [Текст] / В.Д. Шадриков. – М. : Наука, 1982. – 183 с.

24. Якиманская, И.С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе [Текст] / И.С. Якиманская. – М. : Сентябрь, 1996. – 96 с.

УДК 37.0
ББК 74

Т.В. Живокоренцева

ВАРИАТИВНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

В статье представлена проблематизация понятия «вариативность образования».

Ключевые слова: *вариативное образование; синергетика; диатропика; стандартизация образования; интеграция; личностно-ориентированное обучение*

T.V. Zhivokorentseva

VARIABILITY IN EDUCATION: PROBLEMATIC SPHERE OF MODERN INTERPRETATIONS

The paper focuses on the problem of defining «variability in education» concept.

Key words: *education of variability; synergetics; diatropics; standardization of education, integration, personality-centered education*

Вариативность образования – одно из ключевых понятий, раскрывающих смыслы, цели и ценности современного образования, вместе с тем, в научной литературе данное понятие представлено фрагментарно. Попытка обозначить проблемное поле современных смысловых интерпретаций понятия «вариативность образования» может придать этому понятию некоторую концептуальную целостность.

Сущность понятия «вариативность» целесообразно представить совокупностью таких понятий, как «вариант» – видоизменение, разновидность, разночтение, «вариативный» – представленный несколькими вариантами, состоящий из вариантов [Ожегов, 1997, с. 68–69]. Анализ данных понятий позволяют выделить следующие сущностные позиции в трактовке понятия «вариативность»: *множественность* как количественная характеристика понятия (много) и как качественная характеристика понятия (наличие разных точек зрения, разнообразие, следовательно, «не похожесть», «индивидуальность», «уникальность»); *динамичность* как процессная характеристика понятия.

Осмысливая сущность понятия «вариативность образования», обратимся к проблеме научного познания. В современной литературе разводятся смыслы научного познания в рамках естественно-научного и гуманитарного дискурса. Представители естественных наук занимают относительно объекта изучения (природных феноменов) не разные позиции, а одну, позволяющую рассчитывать, прогнозировать и управлять природными явлениями. Для гуманитарного же познания характерны разные точки зрения. «В гуманитарной науке познание предваряют ценностные отношения, связанные с разным пониманием природы изучаемого объекта. Каждый исследователь по-своему представляет изучаемый объект и выделяет соответствующие этому представлению стороны объекта и проблемы. Для гуманитарного познания важен и такой момент, как принятие ответственности за изучаемое явление (человека, культуру и т. д.)» [Розин, 2003, с. 5–6]. Следовательно, в гуманитарном научном дискурсе вариативность определяется как значимая ценностно-смысловая установка.

К. Колин подчеркивает, что в новой на-

© Живокоренцева Т.В., 2012

учной парадигме будут положены три взаимодополняющих метода научного познания: *системный, синергетический и информационный.*

Актуальность использования метода информационного подхода для научного познания природы человека как многоуровневой и многофункциональной информационной системы, сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений.

Значимыми становятся главные принципы синергетического подхода:

- *становления*, утверждающий, что главная форма бытия – не ставшее, а становящееся, не покой, а движение, не завершенные, а переходные образования;
- *диалогичности*, означающей, что бытие формируется и узнается лишь в ходе диалога, коммуникативного, доброжелательного взаимодействия субъектов;
- *свободы* – как самопереживания каких-то личных ориентиров в некотором неосвоенном пространстве смыслов, где культура и язык оставляют человеку «духовные лакуны», к которым можно обратиться, куда можно «спрятаться», чтобы самостоятельно осмыслить то, что происходит.

Перечисленные и другие синергетические принципы, во-первых, побуждают к пониманию вариативности в образовании как предоставления разнообразных путей развития каждому обучающемуся – эти пути будут всегда многовариантны и уникальны как сам человек; кроме того, актуализируют проблему интеграции как органичной целостности образовательного пространства как «пространства разнообразия» [Асмолов. URL : http://rl-online.ru/articles/rl01_99/501.html]. В условиях синергетического хаоса забота о человеке является основанием для создания такой целостности. Во-вторых, синергетическая концепция позволяет сделать вывод, что в развитии образования как сложной системы всегда имеется несколько альтернативных вариантов, и существует возможность «точечным» воздействием корректировать развитие системы [Морева, 2007, с. 75–81].

По мнению О.В. Моревой, привнесение в гуманитарное знание из естественно-научных областей науки синергетики, а также новых научных подходов (например, диатропического) и терминов является закономерным этапом развития интеграции наук и синхронизации искусственно разделенных естественнонаучной и гуманитарной сфер знания.

В теории образовательных систем значимой для осмысления вариативности становится *методология разнообразия* – диатропика. Основателем данного научного подхода является Ю.В. Чайковский, который определяет диатропику как науку о разнообразии, об общих свойствах сходства и различия, которые обнаруживаются в больших совокупностях объектов [Демидова, 2004, с. 53–60]. Термин «диатропика» происходит от древнегреческого diatropos, и переводится как «разнообразный, разнохарактерный»; предлог dia означает полную степень качества, а корень tropos переводится как «поворот, направление, образ мыслей, характер, обычай, слог, стиль», т. е. дословно – «абсолютно разнонаправленный». *Диатропическая познавательная модель,* возникшая в конце XX в., рассматривает природу как сад, ярмарку.

Существует точка зрения, что разнообразие хаотично и бессистемно. Ю.В. Чайковский и О.В. Морева утверждают, что разнообразие – не хаос и не порядок, это самостоятельная категория, которая имеет свои собственные законы. Разнообразие не является инвариантом, и не может быть таковым по своей сути. О.В. Морева предлагает ввести в научный оборот новый термин – «*педагогическая диатропика*». «Это новый научный подход, изучающий разнообразие (общие свойства сходства и различия, которые обнаруживаются в больших совокупностях педагогических объектов); опирающийся на концепцию коэволюции культуры, общества, образования и личности; имеющий целью на этой основе исследовать многомерную, полиакцентную, быстро и качественно изменяющуюся педагогическую реальность» [Морева, 2007, с. 75–81].

В педагогике диатропический подход не разработан, но считается перспективным, в частности, при проектировании и прогнозировании развития системы образования всех уровней, осуществления мониторинга и т. д.

Преемственность диатропики и синергетики проявляется через внимание к контексту развития образования, альтернативность вариантов развития системы образования и внимание к «точкам роста», возможность «точечными воздействиями» изменить / откорректировать сценарий развития системы.

Таким образом, рефлексия над вариативностью образования в контексте синергетического и диатропического подходов фиксирует значимые социокультурные и педагогические эффекты : проектирование эволюционного (а не революционного) развития образовательных систем в условиях интенсивно изменяющегося социума и разработка динамичных нелинейных (а не статичных линейных) образовательных моделей как целостных самоорганизовавшихся и взаимосвязанных во всех своих компонентах систем.

Введение в современное осмысливание мира понятия «глобальные проблемы» привело к осознанию мира как глобальной целостности, определяющему менталитет сегодняшнего миропонимания, ценностные ориентации и мышление современного человека.

Интеграционные процессы в сфере образования, с одной стороны, обусловлены собственной логикой развития образования, с другой стороны, глобальными процессами развития мировой цивилизации. В этом контексте современное мировое образование рассматривается исследователями не как единый в полном смысле этого слова организм, а как формирующееся его единство при сохранении заметного разнообразия отдельных его элементов. Возрастающая множественность, вариативность описаний мирового образования – *свидетельство саморазвивающейся системы* внутри человеческого общества [Живокоренцева, 2005, с. 33].

Значимой теоретической предпосылкой осмысливания проблемы вариативности в образовании является *понимание педагогической реальности как реальности полипарадигмальной*. И.А. Колесникова обосновывает применение межпарадигмального подхода как специфического метода исследования педагогической реальности, который позволяет выстроить гуманитарный контекст толкования важнейших педагогических категорий и понятий, призванных описывать сущность основных педагогических процессов [Колесникова, 2001].

Принципиально обозначивание в последние годы опасности – для развития педагогической науки и практики – эклектичного использования элементов различных теорий и, соответственно, необходимости осмысливания соотношения теорий. Эта позиция отчетливо проявлена, например, в материалах Всероссийского методологического семинара, организатором которого выступили Северо-западное отделение РАО и Санкт-Петербургский государственный университет [Методологические ориентиры педагогических исследований, 2004].

Компаративный анализ современных психолого-педагогических концепций, выполненный О.Л. Подлиняевым, позволяет сделать вывод о том, что в мировой науке сегодня существуют, по меньшей мере, три подхода к становлению личности, принципиально различающиеся между собой: социодинамический (основывается на положении о том, что развитие личности происходит исключительно за счет внешнего мира, куда входят обучение и воспитание, ориентированные на формирование «извне»); психодинамический (опирается на положение, что развитие личности определяется биологическими и бессознательными тенденциями, в том числе прошлым опытом, который был вытеснен за пределы сознания); гуманистический (становление личности определяется самой личностью, и сам человек является творцом собственной жизни).

«Современная мировая педагогика не является единой, «монолитной» наукой, а представляет собой спектр разнообразных и противоречивых между собой концепций» …

Попытки частично «очеловечить» авторитарную педагогику, внося в нее элементы гуманистического подхода при сохранении социодинамического мировоззрения, обусловливающего прескриптивную стратегию, изначально обречены на неудачу. Таким образом, становится очевидной актуальность проблемы становления гуманистического мировоззрения учителя как одного из факторов гуманизации общества в целом» [Подлиняев, 2001, с. 10–17].

Идея гуманизации, таким образом, выступает в качестве интегрирующего стержня развития педагогической науки и практики в условиях парадигмального разнообразия.

В сфере образования выделяют несколько показателей *многоуровневой вариативности* [Иванова. Режим доступа : http://www.yspu.yar.ru/images/9/95/%D0%95.pdf]:

- ✔ существование различных типов образовательных учреждений (школы, лицеи, гимназии, кадетские корпуса и т. д.);

- наличие в каждом их них собственной образовательной среды, обеспечивающей не только федеральный (инвариантный), но также региональный и школьный (вариативный) компоненты учебного плана, создающей условия для развития обучающихся;
- возможность реализации различных дидактических подходов (знаниевый, культурологический, деятельностный, компетентностный и др.);
- неповторимость педагогических ситуаций взаимодействия стратегии педагога, индивидуальных особенностей обучающихся и изучаемого содержания.

Базовым основанием совокупности этих показателей является вариативность самого содержания образования. Вариативность содержания образования «позволяет учитывать социальные и личностные потребности субъектов образования, обеспечивает специфику образовательной среды учебных заведений, в том числе и целостную реализацию образовательных подходов» [Там же]. Интеграция различных подходов, их взаимодействие и взаимопроникновение рассматривается как один из показателей качества образования.

Актуализируется *специфика описания и фиксации вариативного компонента содержания образования* в зависимости от дидактических подходов [Там же].

Вариативность содержания **в «знаниевом» подходе** задается заранее, выстраивается в логике развития соответствующей науки (учебного предмета), не содержит «личностной» составляющей. Обучающемуся предоставляется возможность изучать некоторый объем заранее отобранного и структурированного содержания. Например, элективные курсы выбираются обучающимся в соответствии с личностными предпочтениями и менять предлагаемое содержание они практически не могут. Такая вариативность является «внешней» по отношению к студенту (школьнику), а способ описания вариативного содержания получил название *нормативного*. Данная вариативность соотносится с требованиями к объему и качеству изложенной педагогом информации, с формируемыми у обучающихся умениями и навыками действия с усвоенной информацией. Этот способ в настоящее время является доминирующим, так как в современном образовании, по мнению ученых, доминирует знаниевый подход.

В компетентностном подходе инвариантным компонентом содержания образования являются элементы среды, обеспечивающие формирование и развитие компетенций обучающихся в ходе разрешения ситуаций. Вариативным элементом содержания образования в данном случае выступают способы создания ситуаций, учитывающие субъектный опыт участников и способы разрешения ситуации (знания, умения, отношения). Основная функция предлагаемого вариативного содержания образования – придание образованию личностного смысла, переход обучения в самообучение. Для описания такого содержания образования *фиксируются границы*, «внутри» которых разворачивается вариативное содержание и результат, к которому должен прийти обучающийся. Такими границами в компетентностном подходе являются ключевые компетенции, которые могут быть сформированы на любом предметном содержании и практико-ориентированных ситуациях.

В деятельностном подходе инвариантным компонентам содержания образования являются универсальные познавательные, умственные, практические действия, а вариативным – содержание, с помощью которого они могут быть сформированы.

В компетентностном и деятельностном подходах задано не само предметное содержание, внешнее по отношению к обучающемуся, а новое, в сравнении со знаниевым подходом, качество образовательных результатов – личностные качества обучающегося, освоенные способы взаимодействия с миром в различных, а не только учебных ситуациях, в том числе, оперирование знаниями (получение, хранение, применение, поиск и создание новых), необходимыми для решения разнообразных проблем (познавательных, практических, личных, коммуникативных и др.). В данном случае предлагается *рамочное* описание вариативного компонента содержания образования, где задаются определенные результативные рамки: содержательные (например, метапредметы «Знак», «Задача» и практико-ориентированные ситуации); деятельностные (формируемые умения и компетенции, возможные результаты применения знаний); личностные (какие интересы и образовательные

запросы обучающихся могут быть удовлетворены данным содержанием, какие личностные качества могут быть развиты).

При таком способе детальной фиксации содержания не происходит, в ходе обучения возможно построение индивидуальных образовательных маршрутов, отвечающих потребностям обучающегося. Этот вид фиксации вариативного компонента содержания образования характерен для гуманистически ориентированных образовательных подходов.

В качестве проблемных зон вариативности образования в гуманистически ориентированных образовательных подходах необходимо обозначить готовность педагогов к отбору и конструированию вариативного компонента содержания образования и проблему обеспечения гарантии достижения и оценки заявленного в этом компоненте качества образования.

Стратегию развития вариативного образования в России связывают с личностно-ориентированной моделью образования [Педагогика, 1998, с. 141–156] и реализацией ФГОС.

В целях перехода от адаптивно-ориентированной модели унифицированного образования к личностно-ориентированной модели вариативного образования разрабатываются и внедряются в общее образование такие программы, как «Творческая одаренность», «Социально-психологическая поддержка, обучение и воспитание детей с аномалиями развития», «Социальная служба помощи детям и молодежи» и др.

В ФГОС высшей школы вариативное содержание образования зафиксировано в вариативной части ООП. Базовая и вариативные части ООП ВПО направлены на решение задач формирования и развития компетентностей студентов (общекультурных, общих профессиональных и профессиональных), которые сформированы на основе характеристики конкретной профессиональной деятельности и раскрываются через требования к выпускнику в терминах «знать – уметь – владеть».

Вариативная часть устанавливается вузом и направлена на расширение или углубление компетенций, определяемых в базовой части. В основе разработки учебного плана заложен модульный принцип. Вариативное содержание образования фиксируется через группы компетенций, зачетные единицы и требования к условиям освоения образовательных программ («рамочный» способ фиксации), где предусмотрена возможность создания и реализации индивидуальной образовательной программы. Главным требованием реализации ФГОС ВПО третьего поколения становится проектирование и реализация ситуации включения студентов в разные виды деятельности, что обеспечивает личностную, «внутреннюю» вариативность образования.

Среди *форм реализации вариативности образования* обозначается *ситуация субъект-субъектного взаимодействия*. В процессе предъявления инвариантного компонента содержания образования педагог побуждает обучающихся к работе с ним на основе имеющегося опыта. В этой ситуации, с одной стороны, задается направление деятельности обучающегося, а с другой – актуализируется вариативное личностное содержание, при этом появляется возможность выстраивать собственную образовательную траекторию и содержание образования выступает в качестве основы для конструирования педагогического взаимодействия участников образовательной деятельности, их культурного диалога. Рамками для описания вариативного содержания в данной ситуации становится инвариантное содержание, которое рассматривается как часть поля деятельности обучающегося и намеченные требования к результату освоения программы.

В последние годы научное сообщество актуализирует проблему соотношения в образовании *стандартизации и вариативности.*

Стандартизация образования и вариативность образования в рамках системно-деятельностного подхода рассматриваются как две неотъемлемые друг от друга характеристики [Асмолов. Режим доступа : http://www.firo.ru/wp-content/uploads/2011/06/Стратегия – и – методология – социокультурной –модернизации – образования – с – приложениями.doc].

А.Г. Асмолов подчеркивает, что эволюционный смысл стандартизации заключается в обеспечении *устойчивости* процесса трансляции образцов познания, присущих данному уровню развития цивилизации и выделяет три аспекта стандартизации:

- стандартизация как условие адаптации к решению задач жизнедеятельности;
- стандартизация как инструмент управ-

ления знаниями в условиях разнообразия различных социальных систем;

- стандартизация как условие обеспечения единства образовательного пространства («единство разнообразия»).

Эволюционный смысл вариативности образования заключается в *наращивании творческого потенциала* обучающихся. При этом вариативность выступает как необходимое условие *расширения возможностей развития личности* при решении задач жизнедеятельности в ситуациях роста разнообразия, а также обеспечивает *управление изменениями* в разноуровневых образовательных системах.

Как тенденция *стандартизация* образования выступает в качестве системы ограничений, накладываемых на вариативность образования для обеспечения равенства возможностей обучающимся *в образовательном пространстве как пространстве «единства разнообразия»*.

Вариативность образования как тенденция характеризуется:

- как способность образования соответствовать мотивам и возможностям различных групп обучающихся и их индивидуальным особенностям;
- как возможность управления изменениями, инновациями в едином образовательном пространстве как пространстве разнообразия.

Таким образом, *стандартизация и вариативность* образования являются взаимосвязанными, взаимообусловленными процессами, которые способствуют *социализации и индивидуализации* обучающихся и *управлению функционированием и изменениями в системе образования* на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном, на уровне конкретного образовательного учреждения) [Асмолов. URL : http://www.firo.ru/wp-content/uploads/2011/06/Стратегия – и – методология – социокультурной –модернизации – образования – с – приложениями.doc].

В качестве *методологических ориентиров развития вариативного образования* выделяются следующие [Асмолов. Режим доступа : http://rl-online.ru/articles/rl01_99/501.html]:

1. От отдельных альтернативных научных педагогических школ – к системе вариативных инновационных технологий в контексте культурно-исторической педагогики развития. В этом контексте развития вариативного образования значимую роль отводят «авторским школам» инструментальной и культурологической направленности. В зоне внимания инструментальных школ находится тот или иной конкретный метод, найденный в практической деятельности благодаря таланту педагога-новатора. Культурологические школы рождаются на стыке мировоззренческих концепций с инновационными технологиями (Вальдорфская педагогика, «Школа диалога В.С. Библера» и др.).

2. От монополии государственного образования – к сосуществованию и сотрудничеству государственного, негосударственного и семейного образования, что обеспечивает широкий спектр возможностей для индивидуального развития личности.

3. От «безнациональной» унитарной школы, работающей по единым нормативным документам, – к этнической дифференциации содержания образования в системе общего образовательного пространства России. Резервы для развития личности через приобщение к народным обычаям и традициям имеет система дополнительного образования.

4. От предметоцентизма – к образовательным областям, что стимулирует появление интегративных курсов и обеспечивает приобщение обучающихся к целостной картине мира.

5. От «чистых» линий развития типов образовательных учреждений – к «смешанным» линиям их развития. Эволюция образовательных учреждений по «смешанным линиям» позволяет развивающейся личности более бесконфликтно реализовать себя в системе непрерывного вариативного образования.

6. От монопольного учебника – к вариативным учебникам мотивирующей и метапредметной направленности, основная цель которых не углубление в специальные знания, а познание себя и приобщение к культуре.

7. От монофункциональных технических средств обучения – к полифункциональным средствам и информационным технологиям, обеспечивающим вхождение человека в вариативное информационное пространство.

Обозначенные методологические ориентиры развития вариативного образования открывают возможность социокультурной модернизации формального образования как

института социализации и реализации персонифицированного подхода в обучении.

В ходе научной рефлексии над понятием «вариативность образования» важно обозначить не только «проблемные края» того поля, в котором происходит осмысливание вариативности образования, но и «область бесспорного знания».

К аксиоматическим составляющим проблемного поля интерпретации вариативности образования относят следующие позиции:

- Соотнесение вариативного образования с гуманистической направленностью современного образования, ориентацией на создание условий для индивидуального развития личности.
- Базовым показателем вариативности образования является вариативность содержания образования, которое по отношению к обучающемуся может выступать в качестве «внешнего» и «внутреннего», личностного содержания образования.
- Специфика описания и фиксации вариативного компонента содержания образования зависит от дидактического подхода.

В «проблемных краях» поля, в котором осмысливается вариативность образования, размещаются следующие вопросы:

- Готовность педагогов к отбору и конструированию вариативного компонента содержания образования.
- Специфика конструирования вариативного содержания образования в разноуровневых образовательных системах.
- Мониторинг и оценка качества вариативного образования.
- Разработка механизмов и технологий, гарантирующих достижение качества вариативного образования.
- Проблема сетевого взаимодействия образовательных систем как вектор развития вариативного образования.

Библиографический список:

1. *Асмолов, А.Г.* XXI в. : психология в век психологии. Образование личности в контексте разных культур как фактор социальной эволюции [Электронный ресурс] / А.Г. Асмолов. – Режим доступа : http://rl-online.ru/articles/rl01_99/501.html (дата обращения : 09.12.11).
2. *Асмолов А.Г.* Психология XXI в. и рождение вариативного образовательного пространства России [Электронный ресурс] / А.Г. Асмолов. – Режим доступат : http://rl-online.ru/articles/rl01_99/501.html (дата обращения : 09.12.11).
3. *Асмолов, А.Г.* Стратегия и методология социокультурной модернизации образования [Электронный ресурс]. – 56 с. – Режим доступа : http://www.firo.ru/wp-content/uploads/2011/06/Стратегия-и-методология-социокультурной-модернизации-образования-с-приложениями.doc (дата обращения : 25.04.12).
4. *Демидова, И.Д.* Организационные формы интегративного развития науки и образования [Текст] / И.Д. Демидова, В.Н. Минина// Философия образования. – №3(11). – 2004. – С. 53–60.
5. *Живокоренцева, Т.В.* Интеграция содержания образования в педагогическом колледже как проблема коллективного практико-ориентированного исследования [Электронный ресурс] : дис. … канд. пед. наук : 13.00.01 / Т.В. Живокоренцева. – СПб., 2005. – Режим доступа : http://www.dissercat.com/content/integratsiya-soderzhaniya-obrazovaniya-v-pedagogicheskom-kolledzhe-kak-problema-kollektivnog (дата обращения : 25.04.12).
6. *Иванова, Е.О.* Способы фиксации вариативного содержания образования в целях оценки качества образования [Электронный ресурс] / Е.О. Иванова. – Режим доступа : http://www.yspu.yar.ru/images/9/95/%D0%95.%D0%9E._%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf (дата обращения : 20.04.12).
7. *Колесникова, И.А.* Педагогическая реальность : опыт межпарадигмальной рефлексии. Курс лекций по философии педагогики [Текст] / И.А. Колесникова. – СПб. : ДЕТСТВО-ПРЕСС, 2001. – 288 с.
8. Методологические ориентиры педагогических исследований [Текст] // Материалы Всерос. метод. семинара : в 2-х т. / под ред. Н.В. Бордовской. – СПб. : Изд-во СПГУ, 2004. –Т.1 – 220 с.
9. *Морева О.В.* Философско-методологическая интерпретация основных познавательных моделей [Текст] / О.В. Морева // Философия образования. – №1. – 2007. – С. 75–81.
10. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка[Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1997. – 994 с.
11. *Педагогика* [Текст] : учеб.пособие для студентов педагогических вузов и педагогических колледжей / под ред. П.И. Пидкасистого. – М. : Педагогическое общество России, 1998. – 640 с.
12. *Подлиняев, О.Л.* Компаративный анализ мировоззренческих позиций современной педагогики [Текст] / О.Л. Подлиняев // Образование в XXI в. : проблема целостности и непрерывности : материалы региональной науч.-практ. конф. / под ред. А.С. Косоговой. – Иркутск : Изд-во Иркут.гос.пед.ун-та, 2001. – С. 10–17.
13. *Розин, В.М.* Человек культурный. Введение в антропологию[Текст] : учеб.пособие / В.М. Розин. – М. : Изд-во Моск.психол.-соц.ин-та. – Воронеж : МОДЕК, 2003. – 304 с.
14. *Хуторской, А.В.* Современная дидактика [Текст] : учеб.пособие / А.В. Хуторской. – 2-е изд., перераб. – М. : Высш. шк., 2007. – 639 с.

УДК 37.0
ББК 74.202

Т.Ф. Ушева

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА СТУДЕНТА ПО КУРСУ «РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ»

В статье предлагается вариант создания индивидуальной образовательной программы студента и организации учебных занятий в вузе на основе рефлексивного подхода. Содержание статьи показывает возможности курса «Региональная конфликтология» в формировании надпредметных навыков студентов.

Ключевые слова: *индивидуальная образовательная программа; рефлексивные умения студентов; коллективные учебные занятия*

T.F. Usheva

INDIVIDUAL EDUCATION PROGRAM OF STUDENTS IN THE COURSE «REGIONAL CONFLICTOLOGY»

The article offers a discussion of opportunities for an individual educational program and organization of classes at the university on the basis of a reflexive approach. The heuristic potential of the course «Regional Conflictology» has been considered to this effect.

Key words: *individual education program; reflective skills of students; collective training sessions*

Курс «Региональная конфликтология» относится к циклу профессиональных дисциплин и является междисциплинарным направлением в конфликтологии, имеющим высокую степень практической ориентированности на изучение региональной специфики и применение современных технологий предупреждения и разрешения конфликтов в социокультурной среде.

В процессе проектирования совместного действия со студентом преподаватель удерживает основополагающую цель курса – формирование у студентов конфликтологических знаний, умений и навыков, позволяющих оценивать значение региональных конфликтов в жизни общества, прогнозировать и в случае необходимости предупреждать возникновение конфликтной ситуации и конструктивно разрешать конфликт.

Настоящая цель предусматривает решение следующих задач:

- создать систему знаний о региональных конфликтах как разновидности социальных конфликтов;
- развить способности выявления объективных и субъективных причин возникновения региональных конфликтных ситуаций;
- сформировать умения анализа взаимосвязи региональных конфликтов (регионального социального напряжения) с социально-экономическим развитием и культурными традициями народов;
- сформировать умения применения технологий предупреждения и разрешения региональных конфликтов.

Необходимо учитывать и специфику курса: место региональных конфликтов в системе социальных конфликтов определяется основой их возникновения, к которой могут относиться противоречия как в сфере экономики, так и в сфере политики, религии, идеологии и т. п. Так, региональные конфликты по объектам пересекаются с такими видами конфликтов, как политические, экономические, этнические, экологические, информационные, духовные.

Границы содержания курса удерживает само понятие «регион». Согласно этому, «регион – это территория, по совокупности насыщающих ее элементов отличающаяся от других территорий и обладающая единством, взаимосвязанностью составляющих элементов, целостностью, причем эта целостность – объективное условие и закономерный результат развития данной территории» [Алаев, 1983, с. 198].

На основе этого студенту предлагаются со-

 © Ушева Т.Ф., 2012

держательные рамки курса, выбор способов его освоения остается за студентом и планируется с преподавателем. Пошаговая реализация индивидуальной образовательной программы отражается в индивидуальном образовательном маршруте студента.

Если индивидуальная образовательная программа – это нормативный документ, определяющий и обосновывающий образовательные цели студента, а также способы и средства достижения этих целей, включая ресурсное обеспечение, значит, индивидуальный образовательный маршрут – это путь освоения (прохождения) программы. В курсе «Региональная конфликтология» индивидуальный образовательный маршрут может быть представлен следующим образом.

Индивидуальный образовательный маршрут студента _____

ФИО преподавателя _____ Предмет «Региональная конфликтология»

Вид деятельности	**Тема 1**. Региональная конфликтология как наука	**Тема 2.** Политические региональные конфликты	**Тема 3**. Экономические региональные конфликты	**Тема 4**. Этнические региональные конфликты	**Тема 5**. Региональная идентификация и специфика региона	**Тема 6**. Политика и пути развития региона	**Тема 7**. Основы взаимодействия «центр-регионы»	**Тема 8**. Стратегии и способы урегулирования региональных конфликтов
Лекция								
Семинар								
Практика								
Самостоятельная работа								
Словарь								
Карта								
Кроссворд								
Дайджест региона								
Реферат								
Ролевая игра								
Проект								
Рефлексия								

Маршрут выполняет несколько функций:

– наглядно представляет возможные последовательности первичного изучения материала, отражая необходимый минимум содержательно-логических связей между осваиваемыми знаниями, способами и видами деятельности;

– показывает зависимости между темами, входящими в разные разделы и блоки, т. е. внутрипредметные зависимости, необходимые для формирования последовательностей в освоении курса;

– подсказывает, какие знания и умения необходимо актуализировать у студента, прежде чем изучать ту или иную тему [Лебединцев, 2012].

Проектирование индивидуальной образовательной программы студента происходит с учетом его склонностей, потребностей и индивидуальных возможностей. Представляет собой организационно-управленческое знание, позволяющее реализовать принцип личностной ориентации образовательного процесса через определение условий, способствующих достижению студентов с разными образовательными потребностями и возможностями установленного стандарта образования.

Индивидуальная образовательная программа предполагает принятие студентом ответственности за собственное образование, осознание его цели, понимание особенностей своего стиля учения и, исходя из этого, непосредственное проектирование образовательной деятельности, планирование конкретных действий по организации учебной деятельности и ее рефлексию.

Рефлексия субъекта в деятельности проявляется через конкретные умения, их формирование возможно через реализацию индивидуально образовательную программу студента. Рефлексивные умения мы понимаем как освоенные студентами способы выполнения рефлексивной деятельности на основе знаний о сущности, средствах и способах осуществления рефлексии над собственной деятельностью [Ушева, 2011].

Если у студента не сформированы рефлексивные умения: анализировать себя, адекватное самовосприятие, определение и анализ причин своего поведения, а также его результативные параметры и допущенные ошибки; понимание своих качеств в настоящем в сравнении с прошлым и прогнозирование перспек-

тив развития, то это означает, что его внутренний мир как бы выключен из становления его профессиональной деятельности, он отчужден от духовного совершенствования. В свою очередь, отсутствие данных навыков влияет на конкурентоспособность личности студента в образовательном пространстве вуза [Жданко, 2008].

Для понимания освоения курса, нужно осуществить рефлексию по поводу того, что произошло, при этом центральным вопросом поставить понимание своих действий. Способ для понимания собственной деятельности:

1. Студенту необходимо определить, в каких обстоятельствах пришлось ему действовать: какие субъекты что хотели, что делали, что получилось.

2. Ответить на вопросы: что сам хотел? Какие намерения, цели, программные представления были? Какие действия совершал? Что мог бы хотеть сделать? Что бы тогда получилось?

3. Рассмотреть варианты и ответить на вопрос: как бы изменились обстоятельства, если бы хотел другого?

Данный способ анализа деятельности и понимания себя возможен при условии возможности самостоятельного целеполагания и программирования собственной деятельности.

Студент самостоятельно отвечает на собственные вопросы и выстраивает программу действий по следующему алгоритму:

1) рисует картину будущего: то, что вне его должно быть (обстоятельства), там и представляет себя. Обстоятельства задаются другими людьми, их намерениями, их состояниями, их отношениями;

2) определяет, какова для этого должна быть его деятельность. Студент представляет проект собственной деятельности в связи с предлагаемой картиной будущей ситуации;

3) оформляет план ближайших действий и совершает данные действия, все время учитывая, что в ситуации есть другие люди.

Традиционная организация и условия учебного процесса в вузе не позволяют в полной мере реализовать индивидуальную образовательную программу студентов, потому что действия студента являются стереотипными и не требуют самостоятельности. Студент зачастую не умеет остановиться в своих действиях и посмотреть на себя, на свой внутренний мир со стороны, задуматься и спросить себя: «что я делаю?», «в чем смысл того, что я делаю?» Скорее всего, у него в такой остановке в размышлении нет необходимости. Он действует по плану преподавателя, а собственной программы действий у него нет.

Для реализации индивидуальных образовательных программ студента в курсе «Региональная конфликтология» в качестве технологической основы реализации содержания программы нами были выбраны коллективные занятия (В.К. Дьяченко, Б.В. Лебединцев, М.А. Мкртчян) [Литвинская, 2009; Мкртчян, 2010].

Коллективные занятия предполагают использование четырех способов взаимодействия: коллективного (организация взаимодействия в парах сменного состава), группового, индивидуального, парного. При их использовании у студентов появляется возможность быть активными, проявлять самостоятельность и принимать ответственность за результат своей деятельности.

Коллективная организация процесса обеспечит студентам овладение рефлексивными умениями, так как характер такого взаимодействия построен на субъект-субъектных отношениях и коллективные занятия включают три последовательных этапа:

1. Проектирование.

2. Реализация деятельности.

3. Рефлексия деятельности.

«Проживание» данных этапов в учебной деятельности позволяет студентам проводить самоанализ и фиксировать собственные результаты. В качестве примера можно привести выдержки из итоговой рефлексии студентки группы КОБ1-09-01 ИГЛУ Елены Леонидовны Чириковой:

«За пройденный курс “Региональная конфликтология” я изучила одиннадцать различных тем (восемь обязательных и три дополнительных, наиболее меня заинтересовавших). Эти темы были очень важны для полного понимания курса данной дисциплины. Я узнала много новых понятий, законодательных актов, административных документов, концепций развития (в том числе Иркутской области), различных персоналий. Думаю, все это пригодится для дальнейшей работы, создания собственных различных проектов, написания статей, в которых будет возможность использования изученного материала.

За время прохождения данного курса я выполняла различные виды работ. В первую оче-

редь готовилась к семинарам. При самостоятельной работе делала словарь (использование понятий – признак квалифицированного специалиста), при возможности использовала карты (грамотность, знание географии также является важным для специалиста), дайджест региона (нужно всегда быть в курсе событий региона и иметь возможность правильно интерпретировать ту или иную информацию), создала проект по теме «Централизация и децентрализация: а что в России» (в этом проекте я размышляла, искала пути решения). Если в дальнейшем развивать этот проект, то с ним можно участвовать в различных конференциях, что является мощным показателем при устройстве на работу.

Мне кажется, что изучать региональную конфликтологию необходимо не только будущим конфликтологам, но и другим специалистам. Знания, полученные при изучении данного курса, пригодятся и в обыденной жизни. Например, знания по теме «Этническая составляющая региональных конфликтов» должны знать все граждане РФ. Ведь зачастую многие не знают об этносах, проживающих с ними в одном регионе, не то, чтобы в России – а это важно для взаимодействия всех структур общества…

Изучать дисциплину «Региональная конфликтология» сложно и очень интересно. Каждое занятие проходило очень интересно, живо… были задействованы все учащиеся нашей группы. Проект в Областном краеведческом музеи был необычен, полезен и очень интересен… хочется работать, создавать собственные продукты деятельности. Я считаю, что я стала более грамотна в вопросах региональной политики, могу оценивать события, уже осмысливая их, понимая настоящие причины и действия случившегося».

Деятельностный характер обучения, вместо вербального, коллективный характер учебной деятельности способствуют формированию рефлексивных умений, студенческий коллектив используется как средство развития индивидуальности на основе оперативной самооценки, самоконтроля каждого обучающегося, так как коллективная деятельность предоставляет возможность каждому ее участнику.

Необходимо заметить, что при реализации деятельностного обучения, преподаватель несет ответственность за методические разработки к разделам программы учебного курса. В них указываются:

- цели и задачи изучения разделов;
- возможные способы и этапы освоения отдельных тем;
- источники учебного материала (параграфы, фрагменты текстов учебника, справочников, пособий; карточки; компьютерные программы и т. п.);
- ориентиры необходимого времени;
- формы контроля и отчетности.

На основе этого преподаватель, опираясь на программу учебного предмета (в частности, учебно-тематический план, маршруты студентов), табло учета и интегрированные методические приложения к программе, определяет предварительные планы учебной работы каждого студента на разные периоды [Живокоренцева, 2005].

Обобщая опыт организации обучения по индивидуальной образовательной программе студента, можно отметить, что студенты разделяют ответственность за результаты освоения курса, при коллективном характере деятельности обеспечивается индивидуальный подход к каждому, студенты занимают разные позиции в учебном процессе, активно участвуют в организации диалога.

Библиографический список:

1. *Алаев, Э.Б.* Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь [Текст] / Э.Б. Алаев. – М. : Мысль, 1983. – 350 с.
2. *Жданко, Т.А.* Формирование конкурентоспособной личности студента в образовательном пространстве вуза [Текст] / Т.А. Жданко // Современные проблемы науки и образования. – 2008. – №4. – С. 67–69.
3. *Живокоренцева, Т.В.* Интеграция содержания образования в педагогическом колледже как проблема коллективного практико-ориентированного исследования [Текст] : дис. … канд. пед. наук : 13.00.01 / Т.В. Живокоренцева. – СПб., 2005. – 256 с.
4. *Лебединцев, В.Б.* Организация деятельности учащихся в парах и малых группах [Текст] / В.Б. Лебединцев, Н.М. Горленко // Справочник заместителя директора школы. – 2012. – № 2. – С. 64–73.
5. *Литвинская, И.Г.* Организация урока с учетом особенностей усвоения учащихся [Текст] / И.Г. Литвинская // Наука в вузах : математика, физика, информатика. Проблемы высшего и среднего профессионального образования : тезисы докладов междунар. науч.-обр. конф. – М. : РУДН, 2009. – С. 703–705.
6. *Мкртчян, М.А.* Становление коллективного способа обучения [Текст] : монография / М.А. Мкртчян. – Красноярск : Красноярский сельхоз. ин-т, 2010. – 228 с.
7. *Ушева, Т.Ф.* Развитие метапредметных компетенций учащихся [Текст] / Т.Ф. Ушева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. – 2011. – №3 (15). – С. 221–227.

УДК 37.0
ББК 74.202

О.Ф. Чупрова, А.Г. Шумовская

ДИАГНОСТИКА МЕТАПРЕДМЕТНЫХ УМЕНИЙ СТУДЕНТОВ 1 КУРСА: РЕЗУЛЬТАТЫ, ОЦЕНКИ, ВЫВОДЫ

В статье представлены результаты диагностики, которые позволяют сделать заключение о составе и качестве сформированности метапредметных умений студентов, составляющих основу их метапредметных компетенций и имеющих важное значение для успешного обучения в вузе.

Ключевые слова: *компетенция; метапредметные умения; педагогическая диагностика; ФГОС ВПО*

O.F. Chuprova, A.G. Shumovskaya

DIAGNOSTICS OF METASUBJECT SKILLS OF THE FRESHMAN YEAR STUDENTS: RESULTS, EVALUATION, CONCLUSIONS

The results of a diagnostic study have been introduced that enable us to make a conclusion about maturity of students' metasubject skills. The latter provide a basis for students' metasubject competences. Therefore, they also play a key role in effective academic performance.

Key words: *competence; metasubject skills; pedagogical diagnostics; Federal educational standards of high professional education*

Стратегии развития современного образования есть попытка вывести педагогическую практику на гуманитарный уровень: «Признание целостного характера педагогических процессов и явлений; их обусловленности внутренними закономерными причинами самодвижения; нелинейного, кризисного характера саморазвития; необходимости оказания помощи (содействия) в развитии человека» [Борытко, 2008, с. 10]. И это пока именно попытка, хотя бы в том, что на практике нет преемственности между школой и вузом на уровне государственных стандартов (требований к результатам обучения): ФГОС ВПО уже реализуется, а «согласованный» с ним ФГОС среднего образования еще нет. Под «согласованностью» мы имеем ввиду, например, реализацию принципа «учение через всю жизнь», возможность организации индивидуальных образовательных маршрутов, компетентностный подход к образованию, содержательно и методически (технологически) обеспечивающий учащемуся усвоение *опыта: «познавательной деятельности,* фиксированной в форме ее результатов – знаний; *осуществления известных способов деятельности* – в форме умений действовать по образцу; *творческой деятельности* – в форме умений принимать нестандартные решения в проблемных ситуациях; *установления эмоционально-ценностных отношений* – в форме личностных ориентации» [Краевский, 2003, с. 5]. Освоение такого опыта обусловливает формирование собственно *компетентностей.* В сложившейся ситуации вузы должны организовывать профессиональную подготовку (формирование необходимых профессиональный компетенций) и параллельно решать задачу формирования (развития) метапредметных умений студентов, являющихся основой способности к большому объему самостоятельной работы с информацией, субъектному позиционированию в рамках индивидуального образовательного маршрута и т. д.

В данной ситуации при всех общих инновациях, связанных с реализацией ФГОС ВПО, немало внимания должно быть уделено содержанию и формам диагностики в вузе как пути оптимизации усилий преподавателей и студентов.

Диагностика уровня готовности по профилирующим предметам, имеющим школьную основу (иностранный язык, физика, литература и др.), и уровня готовности к обучению

© Чупрова О.Ф., Шумовская А.Г., 2012

в вузе (психологическая готовность) является обязательной во многих вузах страны. Но изучение уровня владения студентом метапредметными и общеучебными умениями на сегодняшний день применяется редко. При этом их значение велико для сохранения принципа фундаментализации образования, где данные умения включены в технологическую цепочку: «сохранение “ядра” содержания общего образования; обучение базисным квалификациям (по цепочке: “метазнания” – “метаквалификации” –“метадеятельность”; здесь “мета” – синоним таких понятий, как “универсальность”, “обобщенность”, “базисность”); укрепление общеобразовательного и теоретического профессионального фундамента; подготовка специалистов по направлениям “широкого профиля”; “университетизация” высшей школы; внедрение НИР в учреждениях начального и среднего профобразования (а не только в вузах) и т. д.» [Черепанов, 2001, с. 106].

Метапредметные умения наряду с метазнаниями относятся к компонентам-результатам метадеятельности («мета» от греч. «после», «за», «между») – деятельности универсальной, являющейся «надпредметной». Сущность метапредметной деятельности, ее содержания в школьном образовании на сегодняшний день является предметом исследований, поводом для научных дискуссий (В.В. Краевский, А.В. Хуторской, Ю.Н. Кулюткин и др.). Однако понимание универсальности данной деятельности – получение предметного результата любого содержания при помощи метаметодов и метаумений – позволяет отнести к метапредметным умениям следующие:

- умения информационные (анализ, синтез, интерпретация, экстраполяция, аргументация, оценка, обобщение, сравнение, систематизация, классификация, определение понятий и пр.);
- умения критико-регулятивные (отличать факты, домыслы, мнения; определять достоверность источника, невысказанные позиции, логические несоответствия формулировать вопросы, гипотезы, целей, задач, анализ результатов и т. п.);
- умения креативные (перенос, выдвижение альтернативных решений, комбинирование / интегрирование известных способов, формулирование проблемы и т. п.).

Собственно уровень сформированности данных умений во многом определяет время, затрачиваемое студентом 1 курса на адаптацию к требованиям вузовского обучения по ФГОС ВПО, на успешность дальнейшей профессиональной подготовки.

Вышеизложенное послужило основой для организации в 2011–2012 учебном году стартовой диагностики метапредметных умений студентов 1 курса Института образовательных технологий ФГБОУ ВПО «ИГЛУ». Целью диагностирования являлось аналитическое обоснование рекомендаций студентам 1 курса и преподавателям по организации самостоятельной, аудиторной и внеаудиторной работ (организационные и содержательные особенности).

В исследовании приняло участие 135 респондентов из 147 по списочному составу. Для выявления уровня сформированности метапредметных умений было предложено 5 диагностик разных форм предъявления и интерпретации результатов.

Первая диагностика представляла собой текст (объем 233 слова), содержательно не связанный с профессиональной подготовкой и личным опытом студентов, но позволяющий показать умения оформить информацию из текста по пяти предложенным параметрам-структурам:

– установление причинно-следственных связей между предметами, объектами и явлениями (причина / следствие);
– сравнение предметов, объектов и явлений с указанием сходства и различия (сравнение);
– сведение воедино или перечисление составных частей обсуждаемого объекта, предмета или явления (собирание);
– общее высказывание, сопряженное характеристикой вспомогательных деталей или объяснений (описание);
– представление проблемы и ее решение или вопроса и ответа на него (ответная реакция).

По результатам диагностики было определено два уровня диагностируемых умений по каждому параметру: репродуктивный (предложение составлялось респондентом самостоятельно на основе всего текста или его частей) и иллюстративный («фотография» – предложение по схеме респондент берет в

готовом виде из текста без обработки (соотнесения со всей информацией)).

Обработанные данные позволили определить, что у 28 (26 %) человек из 107, выполнивших задание, – репродуктивный уровень, у 79 (74 %) – иллюстративный. В большей степени студенты испытывают затруднения при работе с текстом при сравнительно-сопоставительном анализе и систематизации фактов, а также при обобщении информации и формулировании выводов.

Целью второй диагностики «Аргументирование» являлось определение умения приводить аргументы в подтверждение своего мнения. Задание содержало два мнения-позиции, каждое из которых субъективно правильно. Определялось, что студент справился с заданием, если были приведены действительно аргументы в пользу своего выбора. Справились с задание – 57 человек (42 %), не справились с заданием 78 человек (58 %). Но стоит обратить внимание на качество приводимых аргументов: большинство из них примитивны.

Третья диагностика предполагала работу с цитатой (79 слов) публицистического содержания с целью определения главной мысли автора и выражений, распространяющих ее. Было определено два уровня:

1) репродуктивный (главная, основная мысль текста, являлась самостоятельно сформулированной респондентом) – 45 человек (33 %);

2) иллюстративный (главная мысль – готовое выражение из текста) – 90 человек (67 %).

Две следующие диагностики (готовые методики) использовались нами для понимания общего состояния студентов по отношению к предстоящему периоду обучения в вузе, характеристики мотивации.

При выполнении теста на выявление уровня отношения и психологической готовности к обучению студентам предлагалось оценить в баллах свое отношение (согласие) к высказываниям, расположенным в парах. В результате обработки данных теста выяснилось, что высокий уровень готовности имеют 107 человек (79 %), средний и низкий соответственно – 17 (13 %) и 7 (8 %). Согласно содержанию диагностики 7 человек, имеющие низкий уровень готовности к обучению, выбирали высказывания, иллюстрирующие пассивность, закрытость (нежелание показаться беспомощным). Данная диагностика не является самодостаточной, так как выявление среднего и низкого уровней требует определения причин: связаны ли они с индивидуальными особенностями респондента или с внешними факторами.

В заключительной части диагностики использовался опросник «МЭНДАЛ» (методика экспресс-диагностики направленности личности) с целью выявления направленности личности – на себя, на взаимодействие, на выполнение задачи.

Анализ результатов диагностики показывает, что превалирует направленность личности на задачу – 74 человека (55 %) – преобладание мотивов, порождаемых самостоятельной деятельностью, увлечение процессом деятельности, стремление к познанию, овладению новыми знаниями, умениями, способами деятельности; на себя – 46 человек (34 %) – преобладание мотивов собственного благополучия, стремление к личному первенству, престижу; игнорирование участников совместной деятельности в выполняемом деле, возможность, прежде всего, удовлетворить собственные притязания; на взаимодействие – 25 человек (11 %) – поступки человека определяются потребностью в общении, стремлением поддержать хорошие отношения с другими людьми, с участниками совместной деятельности, главное не результат, а взаимодействие, участие.

Проведанная диагностика в целом позволила оценить уровень сформированности метапредметных умений студентов, режимы их применения (реальные и потенциальные) через уровень готовности к обучению и форматы личностной направленности.

Данная диагностика, как уже отмечалась выше, определена со стартовой позиции, полученной первичной информации, но по диагностируемым метапредметным умениям она показательна. Дополнительная диагностика требуется по выявленным совпадениям в результате двух последних психологических методик. Так, следует провести включенное наблюдение на занятиях за студентами с низким уровнем готовности к обучению, проследить за регулярностью посещения занятий, прилежанием в ходе подготовки к семинарским и практическим занятиям.

В целом полученные результаты позволяют сформулировать следующий вывод: бакалавры 1 курса испытывают затруднения при работе с текстом в части сравнительно-сопоставительного анализа и систематизации фактов, а также обобщении информации и формулировании выводов; их мышление характеризуется некоторой ригидностью и «клиповостью», недостаточной смыслосодержательной и смыслообразующей деятельностью. Это отразится на качестве результатов учебной деятельности в области самостоятельной и научно-исследовательской работы. Для предупреждения низких результатов учебной деятельности и, как следствие – предупреждение сокращения контингента обучающихся, необходима организация системной работы преподавателей, работающих на 1 курсах по формированию метаумений.

Достижение желаемых результатов возможно посредством выполнения студентами заданий, представленных в УМКД по дисциплинам 1 курса; заданий при проектировании и реализации индивидуальных образовательных маршрутов обучающихся и др. Здесь важно видеть проблемы и потенциал каждого студента и тем самым, например, актуализировать УМКД не только по формальным показателям, но и личностно-ориентированным. Данная работа требует повышения квалификации преподавателей вуза в области формирования метаумений студентов в рамках учебных дисциплин, а также с целью разработки индивидуальных образовательных маршрутов обучающихся.

Таким образом, проведенное исследование по диагностике метапредметных умений студентов первого курса позволило определить стартовые позиции обучающихся в области сформированности метапредметных умений, обусловливающих во многом успешность профессиональной подготовки, а также конкретизировать стартовые позиции преподавателей по организации данной профессиональной подготовки. В данном контексте представленную диагностику можно рассматривать как обогащающий аспект экспертно-аналитической деятельности преподавателя вуза по формированию конкурентоспособности его выпускников, повышающий «объективность оценки качества работы вуза и качества определения стратегий его развития» [Чупрова, 2012].

Библиографический список:

1. Краевский В. В. Предметное и общепредметное в образовательных стандартах [Текст] / В.В. Краевский, А.В. Хуторской // Педагогика. – 2003. – №2. – С. 3–10.

2. Борытко, Н.М. *Методология* и методы психолого-педагогических исследований [Текст] : учеб.-метод. пособие / Н.М. Борытко, А.В. Моложавенко, И.А. Соловцова; под ред. Н.М. Борытко. – М. : Академия, 2008. – 320 с.

3. Черепанов, В.С. О парадоксах наследия и векторах развития образования [Текст] / В.С. Черепанов // Педагогика. – 2001. – №2. – С. 105–108.

4. Чупрова, О.Ф. Содержание экспертно-аналитической деятельности по оценке качества конкурентоспособности личности студента [Электронный ресурс] / О.Ф. Чупрова, Т.А. Жданко // Магистр Dixit : сетевой журн. – 2012. – Режим доступа : http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/chuprova_o.f._zhdanko_t.a._0.pdf (дата обращения : 19.06.2012).

УДК 378.4
ББК 74

С.Н. Широбоков

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматриваются особенности сравнительных исследований, раскрываются тенденции развития академической мобильности субъектов образовательного процесса, обосновывается сущностная и содержательная характеристика академической мобильности в контексте подготовки конкурентоспособных выпускников; определены методологические подходы к интернационализации вузов в современном мире, охарактеризованы проблемы доступности международного образования.

Ключевые слова: *академическая мобильность; интернационализация конкурентоспособность выпускников; образовательный процесс; сравнительная педагогика*

© Широбоков С.Н., 2012

S.N. Shirobokov

MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF ACADEMIC MOBILITY OF ACTORS INVOLVED IN EDUCATIONAL PROCESS

The article reflects on the features of comparative studies, identifies current trends of academic mobility, pinpoints the essential and substantive characteristics of academic mobility in the context of marketability of graduates; addresses methodological approaches to the internationalization of higher education institutions in the world, characterizes problems of access to international education.

Keywords: *academic mobility; internationalization; marketability of graduates; educational process; comparative pedagogy*

Анализируя опыт реформирования системы высшего образования в странах-участницах Болонского процесса, можно отметить изменения, связанные с развитием академической мобильности субъектов образовательного процесса, которая является наиболее известной формой интернационализации. Ученый Р.Р. Мухамадеева утверждает, что академическая мобильность предусматривает возможность получения научного опыта не только в зарубежных, но в отечественных образовательных учреждениях ВПО [Мухамадеева. Режим доступа : http://www.isras.ru/abstract_bank_congress4/1111]. В настоящее время международное партнерство становится стратегическим. Результаты опросов экспертов в области международного образования указывают на тенденцию к построению межвузовских партнерских отношений на основе программ академической мобильности.

Исследователь Л.В. Зновенко, понимая под академической мобильностью «личностное новообразование, которое является результатом деятельности субъекта образовательного процесса», отмечает необходимость анализа специфики тенденций развития международных и национальных образовательных систем [Зновенко, 2008].

В компаративных исследованиях выделяются тенденции, на основе которых проектируются программы академической мобильности в соответствии с вузовскими приоритетами интернационализации: доступность учебных дисциплин по сравнительному образованию, включение международного образования в контекст академических программ. Интернационализация учебных планов, по мнению компаративистов, позволяет развивать у студентов компетенции, необходимые для успешного участия в программах академической мобильности.

Во многих докладах международных организаций отмечается, что проблема академической мобильности преподавателей, которая в основном осуществляется благодаря международным научным проектам, остается малоисследованной. Ученые предпочитают посещать вузы с более высоким уровнем интернационализации, создавая при этом конкуренцию.

Исследователи Р. Бхандари и Р. Белявина замечают, что «одним из самых важных трендов в последние годы стала эволюция термина «мобильность» с более традиционного географического понятия до более широкого толкования мобильности, которая подразумевает, что не только студенты, но и вузы, и образовательные программы стали мобильными» [Бхандари. Режим доступа : http://www.ihe.nkaoko.kz/archive/267/2435]. С каждым годом расширяющиеся контакты с ведущими зарубежными университетами и развитие академической мобильности позволяет изучать интернационализацию как перспективу для дальнейшей профессиональной деятельности.

Глобальный характер реформирования высшего образования и интернационализация университетов определили необходимость развития академических обменов, поэтому проблема эффективной подготовки студентов в региональных вузах к участию в международных обменных программах является актуальной и перспективной для проведения сравнительных исследований. И.А. Тагунова отмечает следующую тенденцию в развитии педагогической компаративистики: «Отойдя от изучения своего предмета, развития своей

методологии, инстинктивно стала искать иной исследовательский базис, на котором она могла бы строить свои исследования» [Тагунова, 2011, с. 133]. Анализ работ по компаративистике показывает, что в области методологии сравнительных педагогических исследований выделяется трехуровневый подход, который, по мнению исследователя Л.Л. Супруновой, позволяет рассматривать явления и процессы, развивающиеся в сфере образования на уровне регионов, в контексте национальных и мировых тенденций развития и одновременно учитывать особенности региона [Супрунова, 1961]. Сравнительно-сопоставительный анализ позволяет выявить общее, частное и особенное в изучаемых образовательных процессах и адаптационные возможности изученного опыта для отечественной системы образования в контексте единого образовательного пространства.

Интернационализация высшего образования и влияющие на этот процесс факторы являются актуальными и практически значимыми вопросами для развития современного высшего учебного заведения. Процесс интернационализации, отвечающий целям создания общеевропейского пространства и повышения конкурентоспособности вузов на мировом образовательном рынке, выступает в качестве основного вектора дальнейшей модернизации российского высшего образования. Зарубежные и отечественные ученые, изучающие проблемы сравнительного образования, считают, что процесс интернационализации, в первую очередь, предполагает развитие академической мобильности субъектов образовательного процесса, что способствует их конкурентоспособности.

Подготовка конкурентоспособного выпускника в современной образовательной ситуации России ставится чрезвычайно остро, так как складывается рынок образовательных услуг. Модернизация образования актуализирует необходимость систематического и объективного изучения опыта совершенствования образовательного процесса в зарубежной и отечественной высшей школе в сопоставительном плане.

Ученые Е.И. Бражник и О.Г. Лаврентьева отмечают, что благодаря Болонскому процессу повысится качество образовательного процесса, возрастет межвузовское международное партнерство и одновременно конкуренция. Для своей конкурентоспособности вузам придется обновлять образовательную инфраструктуру, особенно технические средства обучения и производственно-лабораторную базу, чтобы обеспечить студентов на современном этапе интернационализации вузов [Бражник, 2010].

Исследователи Г.П. Синицына и С.М. Баташова характеризуют интернационализацию университета как разработку новых междисциплинарных курсов, применение в образовательном процессе технологий, подтвердивших свою эффективность в образовательных системах других стран, а также использование новых способов и приемов оценивания учебных достижений студентов [Синицына, 2003]. Эффективность преподавания связана с эффективностью оценивания – это основной принцип обучения, заложенный Болонским процессом и направленный на обновление практики оценивания учебных достижений в российских и зарубежных вузах. В свою очередь, как отмечают ученые Г.А. Бордовский, О.А. Граничина, С.Ю. Трапицын, учет международных требований вносит вклад в качество национальных систем образовательного оценивания [Бордовский, 2008].

В настоящее время одной из задач современной высшей школы является подготовка компетентного, гибкого, конкурентоспособного выпускника. Однако на пути решения этой важной научной и практической задачи встают противоречия между:

- знаниевой ориентацией содержания подготовки и личностным развитием будущего специалиста;
- традиционным подходом к оценке качества подготовки выпускников и складывающимся рынком образовательных услуг;
- потребностью в появлении системы эффективных диагностических методик оценки качества подготовки выпускников в вузе и недостаточностью научно-методического обеспечения текущего и итогового контроля оценки качества подготовки;
- требованиями, предъявляемыми к выпускнику рынком труда, и готовностью преподавателей к подготовке конкурентоспособного специалиста-выпускника;
- сложившейся системой оценки уровня подготовки и ориентацией студентов на адек-

ватную оценку своих профессиональных качеств.

Анализ понятия «конкурентоспособность», по нашему мнению, позволяет выделить четыре критерия сформированности качества подготовки субъекта (специалиста): профессиональные знания, коммуникативная культура, стремление к профессиональному росту, способность к рефлексии.

Повышение привлекательности образования приводит к необходимости разработки и внедрения программ интернационализации в вузах, так как конкурентоспособность напрямую зависит от участия преподавателей и студентов в программах академической мобильности, что способствует изучению положительного зарубежного опыта. Основное противоречие заключается в том, что, с одной стороны, существует необходимость интеграции в мировое образовательное сообщество, а другой, в недостаточной степени определены стратегии интернационализации вузов, обусловленные модернизацией высшего образования.

По мнению зарубежных ученых, процесс интернационализации назревал веками, и лишь к концу IX в. о нем заговорили широко. Более того, новая качественно отличается от той, которая существовала ранее. Интернационализация образовательной политики и дальнейшая интеграция образования в мировое образовательное пространство является актуальными для российских и зарубежных университетов, так как проблема востребованности выпускников отмечается на мировом рынке труда. Оценка качества подготовки конкурентоспособного специалиста – процедура, которая выявляет с помощью системы методик состояние субъекта, позволяет определить параметры и критерии личностно-профессиональных свойств, характеристик, соответствующих потребностям общества, различных социальных групп, рынка образовательных услуг и рынка труда. Мы определяем конкурентоспособность специалиста как социально-педагогическую категорию. Конкурентоспособный специалист – это специалист, способный достигать поставленные цели в разных, быстро меняющихся ситуациях за счет владения методами решения большого класса профессиональных задач [Широбоков, 2011]. Как отмечают исследователи А.Д. Копытов и М.П. Пальянов, рынок труда является системообразующим фактором выбора стратегии и тактики высшего образовательного учреждения, а также формирования рынка образовательных услуг [Копытов, 2009].

В период обновления отечественной системы высшего образования, поиска эффективных образовательных моделей особую значимость приобретает опыт тех стран, которые добились высоких результатов в области подготовки конкурентоспособных выпускников, востребованных на мировом рынке труда. Гибкая структура системы высшего образования более адекватна вызовам глобализации и направлена на подготовку выпускника, который сможет повлиять на экономический рост.

Программы и проекты, реализуемые в сотрудничестве с европейскими высшими учебными заведениями, имеют огромный потенциал с точки зрения изучения международного педагогического опыта, укрепления содержательных научно-образовательных контактов, развития академической мобильности в контексте интернационализации вузов-партнеров, разрабатывающих стратегические планы действий в этом направлении. Проект ТЕМПУС, реализуемый в настоящее время в Омском государственном педагогическом университете, соотносится с решением одной из актуальных задач отечественного образования – разработке и гармонизации квалификационных рамок по направлению «Экология и природопользование».

С целью распространения достижений по реализации проекта и воплощению идей Болонского процесса в ОмГПУ был открыт Учебно-консультационный центр ТЕМПУС. На основе исследований рынка труда, опроса работодателей, анализа нормативных документов, регламентирующих трудовую деятельность специалистов, государственных образовательных стандартов рабочая группа по реализации проекта ТЕМПУС предложила методику и модель квалификационных рамок по направлению «Экология и природопользование» [Разработка модели рамки квалификаций по направлению «Экология и природопользование», 2012]. Публикация руководства по разработке и внедрению квалификационной рамки, модернизация программ подготовки бакалавров и магистров, повышение квалификации управленцев по изучению

современного состояния и положений Болонского процесса являются инновационными направлениями реализации проекта ТЕМПУС участниками консорциума европейских и российских вузов.

В соответствии с Копенгагенской декларацией проект ТЕМПУС способствует осуществлению стратегии «обучения через всю жизнь» и мобильности на рынке труда, которая также имеет огромное значение для развития конкурентоспособной личности в современном мире.

Интернационализация, по мнению исследователя И.А. Тагуновой, определяется как программа реформ, когда образовательное учреждение сталкивается с необходимостью коренных преобразований вследствие изменившихся внешних условий развития образования, значит, и выхода на уровень стратегического управления университетом или на уровень рефлексивной самоорганизации образования. Исследователь определяет сущность интернационализации в ее всеобъемлющем характере, сочетающем междисциплинарные, многоуровневые и кросс-культурные ценности, а также в том, что интернационализация охватывает всю вузовскую структуру: как весь процесс обучения, так и управление им [Тагунова, 2010]. Это выход на целостное осмысление основных функций университета. Согласно руководящим принципам ЮНЕСКО, качество высшего образования в стране, его оценка и мониторинг не только имеют решающее значение для ее социально-экономического благосостояния, но и являются фактором, определяющим международный статус данной системы высшего образования [Руководящие принципы для обеспечения качества в трансграничном образовании, 2006].

По мнению В.М. Филиппова и Г.А. Красновой, процесс интернационализации должен быть управляемым на глобальном, региональном, национальном и институциональном уровнях [Филиппов, 2010]. Е. Заир-Бек и А.П. Тряпицына отмечают, что подготовка студентов к участию в международных проектах проходит в различных формах, предполагающих принятие решения о личном участии [Заир-Бек, 2006]. Таким примером может быть опыт включения преподавателей и студентов в реальное партнерское межкультурное взаимодействие в различных международных проектах. Л.Л. Супрунова акцентирует внимание на том, что важным механизмом повышения качества образования в высшей школе XXI в. становится международное сотрудничество [Супрунова, 2012]. Вместе с тем, интернационализация является важным фактором для совершенствования образовательного процесса в университете.

Многими государствами определена важнейшая задача высшей школы – подготовка конкурентоспособного специалиста. С целью решения этой проблемы, отмечается острая необходимость совершенствования системы диагностических методик оценки качества подготовки специалистов, в частности, системы промежуточного и итогового контроля. Методики эссе, свободные дебаты, мозговой штурм, презентация и др. ориентируют студента на объективную оценку своих слабых и сильных сторон для выстраивания своей профессиональной карьеры.

Высшая школа России ориентирована в своем развитии на качественную подготовку выпускников, отвечающую изменениям, происходящим на рынке труда. В качестве двух основных показателей можно выделить два основных интегральных критерия: 1) количество времени, необходимое выпускнику вуза для адаптации на рабочем месте в соответствии со своей специальностью; 2) количество «родственных» (смежных) специальностей, по которым выпускник может работать без значительных затрат времени и сил на их освоение.

Несмотря на то, что в отечественном образовании имеются определенные достижения в рассмотрении вопросов оценки качества профессиональной подготовки, данную проблему пока нельзя считать решенной. В связи с этим возникает необходимость в обращении к опыту оценки качества подготовки конкурентоспособных специалистов в других странах, системы высшего образования которых ориентированы на подготовку выпускников в условиях жесткой конкуренции. Анализ исследований и изучение опыта зарубежных стран в оценке качества подготовки специалистов открывают широкие возможности для обогащения современного российского вузовского образования. Конкурентоспособность выпускников вуза в первую очередь определяется требованиями рынка, т. е. требованиями

работодателей. А работодателей больше всего волнует качество подготовки специалистов. В настоящее время диагностические методики оценивания качества подготовки представлены двумя группами: 1) оценка профессиональной компетентности на основе стандарта; 2) оценка профессиональной компетентности будущего специалиста как личности. Конкурентоспособность как новое качественное состояние выпускника можно отнести к числу стратегических ценностей, которые наряду с ориентацией на собственные силы и предприимчивостью способствуют преодолению неопределенности в жизненной перспективе и построению международной карьеры.

Международная организация ЮНЕСКО характеризует интернационализацию как обращение к преимуществам международного сотрудничества. Одним из таких преимуществ являются кафедры ЮНЕСКО – научно-образовательные центры развития международного академического сотрудничества. Экспертами отмечается инновационный характер кафедр ЮНЕСКО, которые развиваются в рамках разработанного ЮНЕСКО Всемирного плана действий по усилению межвузовского сотрудничества и академической мобильности. Международная программа UNITWIN / Кафедры ЮНЕСКО («Породненные университеты»), считается успешной, так как она направлена на расширение международного сотрудничества между университетами всего мира для реализации целей и принципов ЮНЕСКО. Ученый В.М. Филиппов в своих выступлениях акцентирует внимание на актуальности и большом значении программы ЮНЕСКО «Образование для всех» для академических сообществ.

Магистерская программа «Сравнительное образование» открывает широкие перспективы международной карьеры и возможности межкультурной коммуникации в условиях интеграционных процессов. В рамках программы «Сравнительное образование» проводятся практико-ориентированные сравнительные исследования с учетом тенденций интернационализации образования. Магистранты исследуют особенности реализации международных проектов и программ в области образования, а также их влияние на повышение качества современного российского образования.

Исследователь Т.М. Трегубова обоснованно отмечает значимость обращения к проблеме изучения зарубежного опыта реформирования профессионального образования и выявления его адаптационно-образовательного потенциала как ресурса для модернизации отечественной системы подготовки конкурентоспособных специалистов [Трегубова, 2006].

Магистерская программа «Сравнительное образование» нацелена на подготовку магистра, обладающего готовностью к исследованию проблем в области сравнительного образования, способного решать научно-практические задачи, связанные с исследованиями в области образования, научно-методическим сопровождением международных образовательных проектов.

Сегодня в педагогической науке формируется новая идеология развития образования, в основе которой лежит мировой уровень культурного развития, усиливающий процессы глобализации. Во взаимосвязанном и взаимозависимом мире роль сравнительных исследований возрастет, поскольку их предметом служит структура, потенциал развития и социальные функции образования с учетом их позиций в мировой структуре.

Компаративисты М. Брэй и Р.М. Томас утверждают, что сравнительное образование относится ко всем исследованиям, которые изучают сходства или различия между двумя и более явлениями, относящихся к передаче знаний, умений и отношений от одного человека к другому или группе людей [Брей, 2008]. Область сравнительного образования получила свое развитие в основном из-за кросс-национальных сравнений, которые попрежнему остаются преобладающей направленностью в изучении международного высшего образования и глобального рынка труда. Современная методология сравнительной педагогики, основываясь на идее «диалога культур» принципиальное значение придает «механизму культурного отбора» – «мирного заимствования» передового опыта стран, имеющих признанные достижения в разработке, наборе и использовании новейших технологий и методик оценки подготовки конкурентоспособных выпускников. По мнению В.И. Андреева, центральной педагогической проблемой в ближайшей перспективе будет обеспечение гарантированного качества об-

разования и саморазвития личности человека [Андреев, 2010].

Интеграционные процессы обуславливают необходимость развития академической мобильности в условиях интернационализации высшего образования, которая способствует совершенствованию образовательного процесса в современном университете.

Библиографический список

1. *Андреев, В.И.* Педагогика творческого саморазвития в контексте принципов инновационности, конкурентоспособности и прогностичности [Текст] / В.И. Андреев // Педагогика творческого саморазвития: проблемы инновационности, конкурентоспособности и прогностичности образовательных систем : материалы XX Всерос. науч. конф., 24–25 марта 2010 г. – Казань : Центр инновационных технологий, 2010. – С. 3–6.
2. *Бордовский, Г.А.* Модели и методы внутреннего и внешнего оценивания качества образования в вузах [Текст] : науч.-метод. материалы «Междисциплинарные исследования и гуманитарные технологии» / Г.А. Бордовский, С.Ю. Трапицын, О.А. Граничина – СПб. : Книжный дом, 2008. – 338 с.
3. *Бражник, Е.И.* Особенности развития университетского образования во Франции и в России в контексте единого европейского образовательного пространства [Текст] : монография / Е.И. Бражник, О.Г. Лаврентьева. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. – 143 с.
4. *Брей, М.* Уровни сравнения в педагогических исследованиях: разное видение различных литературных источников и ценность многоуровнего анализа [Текст] / М. Брей, Р.М. Томас // Профессиональное образование в России и зарубежных странах : кол. монография. – Томск : STT, 2008. – 340 с.
5. *Бхандари, Р.* Глобальная студенческая мобильность: тренды и новые направления [Электронный ресурс] / Р. Бхандари, Р. Белявина. – Режим доступа : http://www.ihe.nkaoko.kz/archive/267/2435 (дата обращения : 10.10.2012).
6. *Заир-Бек, Е.С.* Подготовка специалистов в области образования к участию и использованию международных программ оценки качества образования для всех: национальное видение [Текст] / Е.С. Заир-Бек, А.П. Тряпицына; под ред. Г.А. Бордовского. – СПб. : Изд-во РГПУ им. Герцена, 2006. – 66 с.
7. *Зновенко, Л.В.* Развитие академической мобильности студентов педагогического вуза в условиях непрерывного образования [Текст] : автореферат дис. канд. пед. наук : 13.00.08 / *Л.В. Зновенко.* – Омск, 2008. – 23 с.
8. *Копытов, А.Д.* Инновационные педагогические технологии профессионального образования в США и Германии [Текст] / А.Д. Копытов, М.П. Пальянов // Педагогика. – 2009. – №8. – С. 86–93.
9. *Мухамадеева, Р.Р.* Понятие академическая мобильность в российской научной литературе [Электронный ресурс] / Р.Р. Мухамадеева. – Режим доступа : http://www.isras.ru/abstract_bank_congress4/1111 (дата обращения : 15.10.2012).
10. *Разработка* модели рамки квалификаций по направлению «Экология и природопользование» [Текст] / В.Н. Русаков, И.П. Геращенко, Н.А. Завалько [и др.] // Эколого-экономическая эффективность природопользования на современном этапе развития Западно-Сибирского региона : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 26–27 апреля 2012 г.)/ отв. ред. А.И. Григорьев. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2012. – С. 81–86.
11. *Руководящие* принципы для обеспечения качества в трансграничном образовании [Электронный ресурс]. – Париж : ЮНЕСКО, 2006. – Режим доступа : Phttp://www.unesco.org/education/hed/guidelines (дата обращения : 15.09.2012).
12. *Синицына, Г. П.* Некоторые аспекты интернационализации высшего образования [Текст] / Г.П. Синицына, С.М. Баташова // Педагог : Наука, технология, практика. – 2003. – С. 53–56.
13. *Супрунова, Л.Л.* Концепция исследований по сравнительной педагогике: региональный аспект [Текст] / Л.Л. Супрунова. – Пятигорск : ПГЛУ, 2006. – 61 с.
14. *Супрунова, Л.Л.* Международное сотрудничество как фактор повышения качества высшего образования [Текст] / Л.Л. Супрунова // Научно-образовательное сотрудничество вузов приграничных регионов России и Казахстана : материалы Второго Форума вузов приграничных регионов Российской Федерации и Республики Казахстан (г. Омск, 21–23 мая 2012 г.). – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2012. – 240 с.
15. *Тагунова, И.А.* Педагогическая компаративистика : вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс] / И.А. Тагунова // Отечественная и зарубежная педагогика. Институт теории и истории педагогики. – 2011. – №1. – С. 132–146. – Режим доступа : http://www.isras.ru/abstract_bank_congress4/1111 (дата обращения : 05.10.2012).
16. *Тагунова, И.А.* Содержание и формы организации наднационального образования [Текст] / И.А. Тагунова // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2010. – №2. – С. 36–43.
17. *Трегубова, Т.М.* Адаптационно-образовательный потенциал зарубежного опыта и подготовка конкурентоспособных специалистов [Текст] / Т.М. Трегубова // Молодежь и рынок труда: конкурентоспособность в современных социально-экономических условиях. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. – 308 с.
18. *Филиппов, В.М.* Управление процессом интернационализации в вузе: опыт российского университета дружбы народов [Текст] / В.М. Филиппов, Г.А. Краснова // Университетское управление: практика и анализ. – 2010. – №3. – С. 12–15.
19. *Широбоков, С.Н.* Оценка качества подготовки конкурентоспособных специалистов: проектирование технологии оценки качества подготовки конкурентоспособного специалиста [Текст] / С.Н. Широбоков. – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH& CO. KG, 2011. – 94 с.

ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

LANGUAGE IN THE CONTEXT OF NATIONAL CULTURE

УДК 81.00 Д18
ББК Ш 141.01.2973

В.П. Даниленко

БЛЕСК ОСТРОУМИЯ А.С. ПУШКИНА В ПИСЬМАХ К П.А. ВЯЗЕМСКОМУ И Н.Н. ПУШКИНОЙ

Вплоть до 1827 г. А.С. Пушкин не публиковал своей прозы. Свое прозаическое мастерство до этого времени он оттачивал в письмах. Статья посвящена двум его эпистолярным лицам – профессиональному и семейному. Первое лицо мы видим в его письмах П.А.Вяземскому, а второе – жене.

Ключевые слова: *А.С. Пушкин; П.А. Вяземский; Н.Н. Пушкина; остроумие; письма; друзья; жена; поэзия; проза*

V.P. Danilenko

THE BRILLIANCE OF WIT IN A.S.PUSHKIN'S LETTERS TO P.A. VYAZEMSKY AND N.N. PUSHKINA

Not before 1827 did A.S. Pushkin come out with his prosaic writings. It was in his private letters where he had brought up his prose writing skill to professional maturity. This article is dedicated to a study of his professional and familial identities. The former manifests itself in his letters to P.A. Vyazemsky, the latter stands out in his letters to his wife.

Key words: *A.S. Pushkin; P.A. Vyazemsky; N.N. Pushkina; wit; letters; friends; wife, poetry; prose*

> *Письма Пушкина, без сомнения, одно из удивительнейших произведений его гения. Чуждые всякой искусственности, всякого сочинения, они поражают разнообразием своих особенностей. Те из них, которые писаны к жене или друзьям, отличаются горячностью чувства, задушевностью, порывистой откровенностью и нередко блеском остроумия…*
>
> Леонид Майков

Никто не сомневается в том, что Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837) был человеком остроумнейшим. Но вся беда в том, что мы толком не знаем, что такое остроумие. Мы лишь интуитивно догадываемся, что это такое. Трудно, например, провести границу между остротой и шуткой, поскольку шутка призвана быть остроумной. Но остроты вовсе не ограничиваются только шутками. Однако теоретизировать на этот счет мы не будем. Выберем наудалую пушкинские остроты в его письмах и… «горе нашему врагу». Пусть он ломает себе голову над вопросом о том, угодил я ему своими примерами, подтверждающими остроумие А.С. Пушкина, или не угодил. Я взялся за эту тему вовсе не для него, а для того, чтобы «жизни мышьей беготню» осветить А.С. Пушкиным. Да не поэтом, поднявшимся на недосягаемую высоту, а тем земным Александром Пушкиным, каким он предстает перед нами в своих письмах. Но весь фокус в том, что и при чтении его писем мы ни на секунду не забываем, что читаем мы письма не кого-нибудь а А.С. Пушкина – того самого А.С. Пушкина, легкие строчки которого витают в наших головах с детства.

Почему из нескольких сотен писем А.С. Пушкина, дошедших до нас, я выбрал письма к П.А. Вяземскому и жене? В этих письмах, может быть, чаще, чем в письмах к другим, мы обнаруживаем тот «блеск остроумия», о котором прекрасно писал Л. Майков, поскольку именно в них А.С. Пушкин очень часто переходит на шутливый тон. Кроме того, наш выбор позволяет нам приглядеться к двум главным эпистолярным ликам А.С. Пушкина – профессиональному и семейному.

Вот что мы можем прочитать в биографической справке о П.А. Вяземском: «Вяземский, князь Петр Андреевич – поэт и критик. Родился в Москве 12 июля 1792 г., в богатой и родовитой семье, детство провел в интеллигентной и образованной среде, с малых лет стал встречаться с писателями и жить

© Даниленко В.П., 2012

литературными интересами... В 1812 г. вступил в московское ополчение и состоял при Милорадовиче; под Бородином отличился, вынеся из огня раненого генерала. Оставив военную службу, он провел около трех лет в варшавской канцелярии Н.Н. Новосильцева, в атмосфере либерализма и конституционных надежд… Молодой либерал попал под надзор полиции, а скоро и в немилость и должен был оставить Варшаву. Поселясь в Москве, он предался литературе... Поэзия Вяземского направления преимущественно дидактического и сатирического и сводится к неглубокой, не идеалистической, но меткой и остроумной критике общественных и литературных нравов. Таковы, например, известный «Русский Бог» (1827), «Да, как бы не так» (1822), «Семь пятниц на неделе» (1826), «Станция» (1828), «Старое поколение» (1841)… Гораздо больше значения имел Вяземский как критик, особенно в двадцатых годах… В этих статьях Вяземский поднялся над «духом времени», проявил историческую точку зрения и был одним из истинных предшественников самого В.Г. Белинского. 10 ноября 1878 г. он умер в Баден-Бадене» [http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0050.shtml].

Если бы А.С. Пушкин прожил столько же, сколько П.А. Вяземский, то он дожил бы до 1885 г., т. е. пережил бы Ф.М. Достоевского на четыре года. Но оставим мечтания и приступим к нашей теме.

Первое письмо А.С. Пушкина к П.А. Вяземскому датируется 27 марта 1816 г. Ему еще нет семнадцати! До окончания Царскосельского лицея еще целый год! Между тем уже в этом письме мы обнаруживаем тот шутливый тон, которому А.С. Пушкин будет верен в письмах к П.А. Вяземскому всю жизнь. Вот как лицеист А.П. Пушкин обращается к бывшему офицеру, участнику войны 1812 г., который старше его на семь лет: «Так и быть; уж не пеняйте, если письмо мое заставит зевать *ваше пиитическое сиятельство*; сами виноваты; зачем дразнить было несчастного царскосельского пустынника, которого уж и без того дергает бешеный демон бумагомарания»* [Пушкин, 1981(9), с. 66].

Уже со следующего, 1817 г., автор этого письма перейдет с адресатом на уверенное «*ты*». Нечего говорить о том, что в письмах 1820-х гг. А.С. Пушкин будет обращаться с П.А. Вяземским на равных. В эти годы он станет баловнем славы. Его литературные друзья (А. Дельвиг, В. Жуковский, К. Рылеев, А. Бестужев-Марлинский и др.) станут вполне сознавать величие его поэтического гения. Вот что, например, 12 февраля 1825 г. писал А.С. Пушкину незадолго до казни поэт-декабрист Кондратий Рылеев: «Ты всегда останешься моим учителем… Гений… Сирена… Чародей… Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русские сердца…» [Пушкин, 1981(9), с. 104].

В числе вполне сознающих цену А.С. Пушкину был и П.А. Вяземский, хотя далеко не всегда последний пел дифирамбы первому. Мы узнаем об этом, например, по письму А.С. Пушкина П.А. Вяземскому от 1 сентября 1822 г.: «Ты говоришь, что *стихи мои* никуда не годятся. Знаю…» [Пушкин, 1981(9), с. 96]. Но вот что характерно: несмотря на свою славу, в общении с друзьями А.С. Пушкин оставался прежним. По-прежнему в шутливом тоне, который задал юный А.С. Пушкин, отвечал на письма вполне зрелого поэта и П.А. Вяземский. В одном из писем (от 6 сентября 1824 г., уже написаны первые главы «Евгения Онегина») он писал А.С. Пушкину: «Спасибо тебе, мой милый виртуоз. Пожалуйста, почаще брянчи, чтобы я не вовсе рассохся. Письмо Тани прелесть и мастерство» [Тыркова-Вильямс, 2006, с. 105].

Главным предметом переписки А.С. Пушкина с П.А. Вяземским была литература. С легкостью необыкновенной наш первый поэт охарактеризовывал творчество своих собратьев. В его суждениях о писателях мы обнаруживаем как хвалебные суждения, так и уничижительные. Начнем с первых.

Вот что он писал князю 2 января 1822 г. о Евгении Абрамовиче Баратынском (1800–1844): «Но каков Баратынский? Признайся, что он превзойдет и Парни и Батюшкова – если впредь зашагает, как шагал до сих пор – ведь 23 года счастливцу (как и автору этого письма. – В.Д.)! Оставим все ему эротическое поприще и кинемся каждый в свою сторону, а то спасенья нет» [Пушкин, 1981 (9), с. 89].

Очень остроумно А.С. Пушкин оценил

* Напомню, что «демон бумагомарания» стал вполне владеть А.С.Пушкиным с 1813 г. В 1814 году (ему 15 лет) в стихотворении «Князю А.М.Горчакову» он уже сформулировал свое поэтическое кредо:
Набором громозвучных слов
Я петь пустого не умею.

Вольтера: «Вольтер первый пошел по новой дороге – и внес светильник философии в темные архивы истории» (5 июля 1824) [Пушкин, 1981(9), с. 141].

Даже о великих поэтах А.С. Пушкин высказывался порой неоднозначно. Таковы, например, были его высказывания о Ч. Байроне и А.С. Грибоедове. О первом он, в частности, писал: «Гений Байрона бледнел с его молодости» (24–25 июня 1824) [Там же. С. 139]. А вот какую любопытную оценку он дал грибоедовскому «Горю от ума»: «Читал я Чацкого – много ума и смешного в стихах, но во всей комедии ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкий совсем не умный человек, но Грибоедов очень умен» (28 января 1825) [Там же. С. 163].

Но были и такие литераторы, которым А.С. Пушкин давал убийственные характеристики. Приведу только два примера – с И.И. Дмитриевым и Ф.В. Булгариным.

Об Иване Ивановиче Дмитриеве (1760–1837) – русском сентименталисте в поэзии – А.С.Пушкин писал: «…дядя прислал мне свои стихотворения – я было хотел написать об них кое-что, более для того, чтоб ущипнуть *Дмитриева,* нежели чтоб порадовать нашего *старосту;* да невозможно; он так глуп, что язык не повернется похвалить его и не сравнивая с экс-министром – *Доратом*» (6 февраля 1823) [Там же. С. 108]. В другом письме о нем же читаем: «И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова; все его сатиры – одного из твоих посланий, а все прочее первого стихотворения Жуковского» (8 марта 1824) [Там же. С. 132].

О ненавистном Фаддее Булгарине и иже с ним А.С. Пушкину говорить долго не пристало: «*Каков Булгарин* и вся братья! Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники» (начало апреля 1824) [Там же. С. 134].

Некоторые суждения об искусстве, высказанные А.С. Пушкиным в письмах, имеют не меньшую ценность, чем аналогичные суждения в его статьях. Более того, в письмах он порой был даже более точен, чем в статьях. Он схватывал в них самую суть вопроса. Вот как лаконично он оценил роль сатиры в письме П.А. Вяземскому от 1 сентября 1822 г. из Кишинева в Москву: «Куда не досягает меч законов, туда достает бич сатиры» [Там же. С. 96].

У А.С. Пушкина был широкий круг интересов. Его заботило состояние русского театра. Его заботило состояние русской цензуры. Его заботило состояние русской критики, языка художественной литературы и др.

Вот как А.С. Пушкин охарактеризовывал состояние русского театра 1820-х гг.: «У нас нет театра, опыты Озерова ознаменованы поэтическим слогом – и то не точным и заржавым; впрочем, где он не следовал жеманным правилам французского театра? Знаю, за что *полагаешь его поэтом* романтическим: за мечтательный монолог Фингала – ***нет! песням*** *никогда надгробным я не внемлю*, но вся трагедия написана по всем правилам парнасского православия; а романтический трагик принимает за правило одно вдохновение – признайся: все это одно упрямство. 6 февраля 1823» [Там же. С. 107–108].

А ниже следует едкое суждение о цензуре: «Благодарю за щелчок цензуре, но она и не этого стоит: стыдно, что благороднейший класс народа, класс мыслящий как бы то ни было, подвержен самовольной расправе трусливого дурака» [Там же. С. 108].

О литературной критике в письме П.А. Вяземскому от 7 июня 1824 г. из Одессы у А.С. Пушкина читаем: «Критики у нас, чувашей, не существует, палки как-то неприличны; о поединке и смех и грех было бы думать: то ли дело цып-цып или цыц-цыц» [Там же. С. 137].

А.С. Пушкин отстаивал самобытность русского языка: «Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали» (1–8 декабря 1823 г.) [Там же. С. 126].

А.С. Пушкин стал публиковать свою прозу только с 1827 г. – с «Арапа Петра Великого». До этого времени свое прозаическое мастерство он оттачивал в письмах. Мы находим в них, в частности, отработку первого требования, которое предъявлял А.С. Пушкин к словесности – требование точности и простоты. Вот примеры его остроумных высказываний в письмах П.А. Вяземскому, которые вполне соответствуют этому требованию:

1. «Теперь поговорим о деле, т. е. о деньгах» [Там же. С. 134].

2. «Давно девиз всякого русского есть *чем хуже, тем лучше*» [Там же. С. 139].

3. «Еще беда: мы все прокляты и рассея-

ны по лицу земли – между нами сношения затруднительны, нет единодушия» [[Пушкин, 1981(9), с. 137].

4. «Ольдекоп, мать его в рифму; надоел! Плюнем на него и квит» [Там же. С. 154].

5. «*Нелюдим* не есть мизантроп, т. е. ненавидящий людей, а убегающий от людей» [Там же].

6. «Одесса – город европейский – вот почему русских книг здесь и не водится» [Там же. С. 120].

7. «...отложим попечение, далеко кулику до Петрова дня – а еще далее бабушке до Юрьева дня» [Там же. С. 137].

Разумеется, А.С. Пушкин не мог не сообщать П.А. Вяземскому о своих поэтических делах. Например, таких: «Я барахтаюсь в грязи молдавской, черт знает, когда выкарабкаюсь. Ты – барахтайся в грязи отечественной и думай:

Отечества и грязь сладка нам и приятна.

Сверчок (арзамасское прозвище А.С. Пушкина. – В.Д.).

Вот тебе несколько пакостей:

Христос воскрес.

Христос воскрес, моя Ревекка!
Сегодня следуя душой
Закону бога-человека,
С тобой целуясь, ангел мой.
А завтра к вере Моисея
За поцелуй я не робея,
Готов, еврейка, приступить –
И даже то тебе вручить,
Чем можно верного еврея
От православных отличить.

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги – понимаю,
Другой за то, что был француз,
Клеон – умом ее стращая,
Дамис – за то, что нежно пел,
Скажи теперь, мой друг Аглая,
За что твой муж тебя имел?»

(Март 1823. Из Кишенева в Петербург)
[Там же. С. 109–110]

О себе как литераторе А.С. Пушкин писал так: «Я пишу для себя, а печатаю для денег, а ничуть для улыбки прекрасного пола» (8 марта 1824) [Там же. С. 132]. Его письма к П.А. Вяземскому большей частью имеют деловую направленность. Одно время князь издавал его произведения. Вот почему А.С. Пушкин в своих письмах часто давал ему советы, как это сделать с меньшими потерями. По поводу цензуры, в частности, он писал: «…не уступай этой суке цензуре, отгрызывайся за каждый стих и загрызи ее, если возможно, в мое воспоминание» (4 ноября 1823) [Там же. С. 120].

Начиная с лета 1823 г., А.С.Пушкин начинает допускать большую свободу в выборе обращений к П.А.Вяземскому. Вот какие обращения мы обнаруживаем, например, в письме от 19 августа 1823 г.: «Мне скучно, *милый Асмодей*, я болен, писать хочется – да сам не свой… Еще одна просьба: если возьмешься за издание – не лукавь со мною, возьми с меня, что оно будет стоить – не дари меня – я для того только до сих пор и не хотел иметь с тобою дела, *милый мой аристократ*… Прощай, *моя прелесть*…» [Там же. С. 115]. В дальнейшем А.С. Пушкин расширил диапазон обращений к П.А. Вяземскому: *аггел Асмодей, душа моя Асмодей, преосвященный владыко Асмодей, милый, мой милый, милый европеец, бессовестный* и т. п.

Со временем отношения между А.С. Пушкиным и П.А. Вяземским стали суховатыми (из них исчезли, в частности, былые изощренные обращения), но до самой смерти А.С. Пушкина они оставались деловыми и дружескими.

Нелегко далась А.С. Пушкину его женитьба на Наталье Николаевне Гончаровой (1812–1863). Перед отъездом в Болдино он писал П.А. Плетневу: «Милый мой, расскажу тебе все, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилетнего хуже 30-ти лет жизни игрока… Свадьба моя отлагается день от дня далее. Между тем я хладею, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни» (31 августа 1830) [Там же. С. 311].

Но деваться было некуда: нельзя было не жениться. «Молодость моя прошла шумно и бесплодно, – писал А.С. Пушкин Н.И. Кривцову за неделю до свадьбы (10 февраля 1931). – До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не было. *Il n'est de bonheur que dans les voies communes* (Счастье можно найти лишь на проторенных дорогах) . Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся – я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь

без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностию» [Пушкин, 1981(10), с. 13].

18 февраля 1831 г. А.С. Пушкин женился. Его жизнь после свадьбы, как он и предвидел, явилась ему «не в розах, но в строгой наготе своей». Между тем в последние годы судьба преподнесла ему не только «труд и горе», но и семейное счастье – обожаемую им и любящую его юную красавицу жену, которую В.А. Жуковский назвал богинеобразной, и четырех детей. Она была равнодушна к его стихам, но это не мешало А.С. Пушкину писать ей письма.

До нас дошло больше шестидесяти писем А.С. Пушкина к жене. Вот какую характеристику этим письмам дала Ариадна Тыркова-Вильямс: «Эти письма показывают, каким вниманием, какой заботливостью он ее окружал. Пушкин входил во все мелочи домашней жизни, давал молодой жене указания, как обращаться с детьми, с прислугой, с деньгами, как вести сея в обществе. Делал это без всякой наставительности, не навязывая своего авторитета, добродушно, пересыпая шутками, забавляя свою «женку» рассказами о знакомых, описанием дорожных встреч. Мыслями своими он с ней не делился, знал, что ей это скучно. Но о своих настроениях, о своих чувствах писал ей просто, откровенно, подчас трогательно. Эти письма, не меньше, чем его стихи, свидетельствуют, что он был не только гениальный поэт, но очень хороший, исключительно добрый человек, с благородным детским сердцем» [Тыркова-Вильямс, 2006, с. 343]. С одним я не могу согласиться – с отсутствием в письмах А.С. Пушкина к жене шутливой, а иногда и сердитой наставительности.

Наставительный тон писем А.С. Пушкина к Н.Н. Гончаровой заявил о себе еще до женитьбы. Еще 29 октября 1830 г. он писал своей невесте: «Милостивая государыня Наталья Николаевна, я по-французски браниться не умею, так позвольте мне говорить вам по-русски, а вы, мой ангел, отвечайте мне хоть по-чухонски, да только отвечайте» [Пушкин, 1981(9), с. 317]. Да и то сказать: Таша Гончарова была моложе А.С. Пушкина на 13 лет. Когда они поженились, ей было 18, а ему – 31.

А.С. Пушкин уезжал из дома три раза: на две недели в декабре 1831 г., на месяц осенью 1832 г. и на три месяца осенью 1833 г. Первые два раза – в Москву, а третий раз – по пугачевским местам. Кроме того, он писал жене во время поездки Н.Н. Пушкиной в Москву, Ярополец и Полотняный завод. Благодаря последним, сохранилось много писем А.С. Пушкина к жене весной и летом 1834 г. Таким образом, перед нами четыре группы писем А.С. Пушкина к Н.Н. Пушкиной – 1831, 1832, 1833 и 1834 гг.

Чуть ли не в каждом письме 1831 г. А.С. Пушкин озабочен состоянием здоровья своей жены. Она была беременна их первой дочерью, которую назовут Марией. В последнем, пятом, письме он пишет: «Чем больше думаю, тем яснее вижу, что я глупо сделал, что уехал от тебя. Без меня ты что-нибудь с собой да напроказишь. Того и гляди выкинешь» (16 декабря 1831) [Пушкин, 1981(10), с. 59].

Письма к жене во вторую поездку А.С. Пушкина в Москву оказались повеселее, чем в первую. Видно, чувства уверенности поприбавилось. Вот как он здесь поддразнивал свою ревнивую жену: «Теперь послушай, с кем я путешествовал (по дороге в Москву. – В.Д.), с кем провел я пять дней и пять ночей. То-то будет мне гонка! с пятью немецкими актрисами, в желтых кацавейках и в черных вуалях. Каково? Ей-богу, душа моя, не я с ними кокетничал, они со мною амурились в надежде на лишний билет. Но я отговаривался незнанием немецкого языка и, как маленький *Иосиф,* вышел чист от искушения» (22 сентября 1832) [Пушкин, 1981(10), с. 74].

В письме от 30 сентября 1832 г. он так утихомиривает ревность молодой жены: «Грех тебе меня подозревать в неверности к тебе и в разборчивости к женам друзей моих. Я только завидую тем из них, у коих супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадонны etc. etc. Знаешь русскую песню – Не дай бог хорошей жены, Хорошу жену часто в пир зовут. А бедному-то мужу во чужом пиру похмелье, да и в своем тошнит» [Пушкин, 1981(1), с. 77].

А ниже приписывает: «Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы учишься. Это непременно нужно во всяком благоустроенном семействе; докажу после» [Там же]. О кушаньях: «С Нащокиным вижусь всякий день. У

него в *домике* был пир: подали на стол мышонка в сметане под хреном в виде поросенка» [Пушкин, 1981(1), с. 77].

Жаль, что письма Н.Н. Пушкиной не сохранились. Но кое о чем мы можем догадываться по ответам ее мужа. Вот, например, как начинается письмо от 3 октября 1832 г.: «По пунктам отвечаю на твои обвинения. 1) Русский человек в дороге не переодевается, и, доехав до места свинья свиньею, идет в баню, которая наша вторая мать. Ты разве не крещеная, что всего этого не знаешь?..» [Там же. С. 78]. Сразу же после этих объяснений начинает подхваливать свою осмелевшую женушку: «Ты, мне кажется, воюешь без меня дома, сменяешь людей, ломаешь кареты, сверяешь счеты, доишь кормилицу. Ай-да хват баба!» [Там же].

Вот как А.С. Пушкин подхваливал свою женку в начале своей трехмесячной поездки осенью 1933 г.: «Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, – а душу твою люблю я еще более твоего лица» (21 августа 1833) [Там же. С. 92]. В этом же письме он ей пишет: «…в Яропольце (виноват: в Торжке) толстая м-lle Pojarsky, та самая, которая варит славный квас и жарит славные котлеты, провожая меня до ворот своего трактира, отвечала мне на мои нежности: стыдно вам замечать чужие красоты, у вас у самого такая красавица... Ты видишь, моя женка, что слава твоя распространилась по всем уездам» [Там же].

В следующем письме к жене А.С. Пушкин пишет о ее братце: «Теперь, женка, послушай, что делается с *Дмитрием Николаевичем*. Он, как владетельный принц, влюбился в графиню Надежду ***Чернышеву*** *по портрету*, услыша, что она девка плотная, чернобровая и румяная» (26 августа 1833) [Там же. С. 93].

О Москве А.С. Пушкин сообщает на этот раз вот что: «Вчера, приехав поздно домой, нашел я у себя на столе карточку *Булгакова*, отца *красавиц*, и приглашение на вечер. Жена его была также именинница. Я не поехал за неимением бального платья и за небритие усов, которые отрощаю в дорогу. Ты видишь, что в Москву мудрено попасть и не поплясать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бедна Москва. Даже извозчиков мало на ее скучных улицах. На Тверском бульваре попадаются две-три салопницы, да какой-нибудь студент в очках и в фуражке, да кн. *Шаликов*» (27 августа 1933) [Там же. С. 95]. А в конце этого письма шутит: «Книги, взятые мною в дорогу, перебились и перетерлись в сундуке. От этого я так сердит сегодня, что не советую Машке* капризничать и воевать с нянею: прибью» [Там же].

Очень переживал А.С. Пушкин о жене и двух своих детках. Ради них он был готов даже отказаться от поездки в Симбирск и Оренбург: «… что, если у тебя опять нарывы, что, если Машка больна? А другие непредвиденные случаи… Пугачев не стоит этого. Того и гляди, я на него плюну – и явлюсь к тебе» (2 сентября 1833) [Там же. С. 96].

Снова ее поддразнивает – на этот раз городничихой: «Ты спросишь: хороша ли городничиха? Вот то-то, что не хороша, ангел мой Таша, о том-то я и горюю – Уф! Кончил. Отпусти и помилуй… Ты видишь, что несмотря на городничиху и ее тетку – я все еще люблю Гончарову Наташу, которую заочно целую куда ни попало» [Там же].

Хоть и редко, но писал А.С. Пушкин своей жене и о своих писательских делах. Вот что, например, он писал ей из Оренбурга: «Что, женка? скучно тебе? мне тоска без тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав. Да нельзя, мой ангел. Взялся за гуж, не говори, что не дюж – то есть: уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой. А уж чувствую, что дурь на меня находит – я и в коляске сочиняю, что же будет в постеле?» (19 сентября 1833) [Там же. С. 100]. Почему дурь? А Л.Н. Толстой почему-то будет называть свои романы дребеденью.

Снова ее успокаивает, хвастаясь своим целомудрием: «Как я хорошо веду себя! как ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, с калмычками не кокетничаю – и на днях отказался от башкирки, несмотря на любопытство, очень простительное путешественнику. Знаешь ли ты, что есть пословица: на чужой сторонке и старушка божий дар. То-то, женка. Бери с меня пример» [Там же].

В начале октября А.С. Пушкин уже в Болдино. Оттуда пишет: «Въехав в границы болдинские, встретил я попов и так же озлился на них, как на симбирского зайца (из суеверия. – В.Д.). Недаром все эти встречи. Смотри, женка. Того и гляди избалуешься без меня, забу-

* К этому времени у них появился второй ребенок – сын Сашка.

дешь меня – искокетничаешься. Одна надежда на бога да на *тетку.* Авось сохранят тебя от искушений рассеянности. Честь имею донести тебе, что с моей стороны я перед тобою чист, как новорожденный младенец. Дорогою волочился я за одними 70- или 80-летними старухами – а на молоденьких, да шестидесятилетних и не глядел» (2 октября 1833) [Пушкин, 1981(1), с. 101].

Оттуда же наставляет: «…кокетничать я тебе не мешаю, но требую от тебя холодности, благопристойности, важности – не говорю уже о беспорочности поведения, которое относится не к *тону*, а к чему-то уже важнейшему. Охота тебе, женка, соперничать с графиней *Сологуб.* Ты красавица, ты бой-баба, а она шкурка. Что тебе перебивать у ней поклонников? Все равно кабы граф *Шереметев* стал оттягивать у меня кистеневских моих мужиков. Кто же еще за тобой ухаживает, кроме Огарева? пришли мне список по азбучному порядку» (21 октября 1833) [Там же. С. 104].

В письмах 1834 г. встречаются мысли, выходящие за пределы отношений А.С. Пушкина с женой. В письме от 20 и 22 апреля 1834 г. из Петербурга в Москву он с грустью пишет: «Видел я трех царей: *первый* велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; *второй* меня не жаловал; *третий* хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет» [Там же. С. 122].

В письме от 18 мая 1834 г. А.С. Пушкин пишет о своем отношении к переписке с женой: «Смотри, женка: надеюсь, что ты моих писем списывать никому не дашь; если почта распечатала письмо мужа к жене, так это ее дело, и тут одно неприятно: тайна семейственных сношений, проникнутая скверным и бесчестным образом; но если ты виновата, так это мне было бы больно. Никто не должен знать, что может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни. Я пишу тебе, не для печати; а тебе нечего публику принимать в наперсники. Но знаю, что этого быть не может; а свинство уже давно меня ни в ком не удивляет» [Там же. С. 130].

По письмам 1834 г. мы видим, что жизнь А.С. Пушкина становилась день ото дня все более и более невеселой. Ни Москва, ни Петербург его не радуют. О последнем он писал к жене в Полотняный завод: «Ты зовешь меня к себе прежде августа. Рад бы в рай, да грехи не пускают. Ты разве думаешь, что свинский Петербург не гадок мне? что мне весело в нем жить между пасквилями и доносами?» (29 мая 1834) [Там же. С. 131].

В последних письмах А.С. Пушкина мы обнаруживаем новый уровень его отношений с женой. Он доверяет в них свои излюбленные мысли – например, о независимости: «Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас. Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, *не хочу быть шутом* ниже у господа бога» (8 июня 1834) [Там же. С. 134].

Дуэль А.С. Пушкина с Ж. Дантесом еще не скоро, а в письмах к жене он будто предчувствует свою близкую смерть, надеясь, что его жена будет после его смерти вести жизнь достойную. В этом же письме он пишет: «Ты молода, но ты уже мать семейства, и я уверен, что тебе не труднее будет исполнить долг доброй матери, как исполняешь ты долг честной и доброй жены» (29 мая 1834) [Там же. С. 131].

Одна у него забота – о своей семье: «Умри я сегодня, что с вами будет? мало утешения в том, что меня похоронят в полосатом кафтане, и еще на тесном Петербургском кладбище, а не в церкви на просторе, как прилично порядочному человеку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сделаться мне богатым – а там, пожалуй, и кутить можем в свою голову» (28 июня 1834 [Там же. С. 138].

Увы, не пришлось Александру Сергеевичу разбогатеть. Не дали. Но то богатство, которое он оставил нам, не поддается денежному исчислению. Оно бесценно. Это богатство его гениальной поэзии. Это богатство его гениальной прозы. Это богатство его остроумных, мудрых, бессмертных писем.

Библиографический список:

1. *Тыркова-Вильямс, А.* Жизнь Пушкина [Текст] : в 2 т. / А.Тыркова-Вильямс. – М. : Молодая гвардия, 2006. – Т.2. 1824-1837. – 470 с.

2. *Пушкин, А.С.* Собрание сочинений [Текст] : в 10-ти т. / А.С. Пушкин. – М. : Правда, 1981. – в 10 т.

УДК 81.161.1’373.2+81’27
ББК 81.00

Н.В. Бубнова

«СМОЛЕНСКИЕ» ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СОСТАВЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫХ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ

В статье рассматривается соотношение «смоленских» онимов в структуре общенациональных и региональных фоновых знаний. Использованный подход позволяет получить представление о месте конкретного регионального ономастического материала в системе общенациональных ономастических знаний.

Ключевые слова: *имя собственное; региональные и общенациональные фоновые знания; ассоциативный эксперимент*

N.V. Bubnova

SMOLENSK ONOMASTIC UNITS AS A PART OF THE NATIONAL BACKGROUND KNOWLEDGE

The article discusses the relation of Smolensk onims in the structure of national and regional background knowledge. The approach employed hereto helps to reveal important data concerning the place of the exact regional onomastic material in the system of the national onomastic knowledge.

Key words: *proper name; regional and national background knowledge; associative experiment*

Центральным в лингвистических исследованиях в рамках антропоцентри-ческого подхода, при котором «анализируется человек в языке и язык в человеке» [Маслова, 2001, с. 6], является понятие *языковой личности*, введенное в научный обиход Ю.Н. Карауловым в 1987 году. Языковая личность – это «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)» [Караулов, 1987, с. 3]. Эта способность реализуется благодаря тому, что в языковом сознании личности заключена «приобретенная в результате познавательной (в широком смысле) деятельности система сведений, обеспечивающих ориентацию в окружающей действительности, в том числе адекватное социальное поведение», т. е. *знание* [Максимчук, 2002, с. 15].

Исследование личностнообразующей роли знания предполагает рассмотрение его типов с учетом различных классификационных оснований. В центре внимания данной работы находятся *фоновые* (по степени осознаваемости носителем), *ономастические* (по форме языкового выражения), *региональные* (по степени распространенности) знания, формирующиеся вокруг заглавного регионального онима *Смоленщина* и имеющие статус общеобязательных для жителей Смоленского края.

Актуальность исследования фоновых знаний, представляющих собой «совокупность сведений, изначально присущих членам данного языкового коллектива на определенном этапе его развития» [Верещагин, 1990, с. 41], обусловлена их значительной ролью в процессе приобщения языковой личности к той или иной этнолингвистической общности. Ярким носителем фоновых знаний является имя собственное в силу высокой степени лингвокультурологической ценности: «Где молчат хроники и исторические памятники, там начинает говорить одно слово, там, где безмолвствуют саги, начинают повесть собственные имена» [Морошкин, 1867, с. 6]. В стратификации ономастических единиц на основании их лингвокультурологической ценности может быть выделено три уровня: *общечеловеческий* (онимы, принадлежащие мировому социуму); *общенациональный* (имена, являющиеся достоянием определенной нации, народа); *региональный / краеведческий* (онимы, распространенные преимущественно на территории отдельного региона, в данной работе – Смоленского)

© Бубнова Н.В., 2012

[Максимчук, 2002, с. 110]. При этом в силу своей непосредственной близости к воспринимающему субъекту региональные онимы способны оказывать даже большее воздействие на формирование конкретной языковой личности, чем имена собственные высших уровней. Такая постановка вопроса, ориентированная, помимо прочего, на культурно-просветительский, воспитательный потенциал родного языка (что особенно важно для молодого поколения), усиливает актуальность исследования фоновых знаний, заключенных в ономастиконе определенного региона, в том числе в их соотношении с общенациональными фоновыми знаниями. Таким образом, теоретическая проблематика настоящей работы является актуальной.

С целью выявления региональных ономастических фоновых знаний смолян нами был проведен ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 1 650 респондентов. В ходе эксперимента испытуемым было предложено в течение одной минуты записать имена собственные, с которыми у них ассоциируется топоним *Смоленщина*. В результате была составлена База данных, включающая 1 212 реакций, 13 471 употребление. Выстроив 100 наиболее частотных онимов в форме текста, мы убедились, что информация, заключенная в нем, достаточно полно отражает основные историко-культурные особенности Смоленского края (***полужирным курсивом*** выделены все 100 наиболее частотных имен в составе региональных фоновых знаний смолян, *простым курсивом* обозначены онимы, не вошедшие в число первых 100):

Смоленщина – древняя героическая земля. Первое упоминание о Смоленске в летописи: «… град велик и мног людьми…» датировано 863 г. История Смоленского края насчитывает множество войн (*Отечественная война 1812 г.*, ***Великая Отечественная война 1941–1945 гг.*** и др.), «вечный след» которых хранят ***Крепостная стена*** и ***Старая Смоленская дорога***. Героическое прошлое Смоленской земли олицетворяют родившиеся здесь воины – ***Г.А. Потемкин***, ***П.С. Нахимов***, ***М.Н. Тухачевский***, ***М.А. Егоров*** и др., а также принимавшие участие в военных операциях на территории Смоленского края – ***М.И. Кутузов***, *П.И. Багратион*, *А.Г. К. Жуков* и др.

Современные границы Смоленской области с 2006 г. включают 2 городских округа (***г. Смоленск*** и ***г. Десногорск***, где расположена знаменитая ***Десногорская атомная электростанция***) и 25 районов, названия которых образованы от названий их районных центров: *Велижский* (***г. Велиж***), *Вяземский* (***г. Вязьма***), *Гагаринский* (***г. Гагарин***), *Глинковский* (***с. Глинка***), *Демидовский* (***г. Демидов***), Дорогобужский (***г. Дорогобуж***), *Духовщинский* (***г. Духовщина***), *Ельнинский* (***г. Ельня***), *Ершичский* (*с. Ершичи*), *Кардымовский* (*пгт. Кардымово*), *Краснинский* (***пгт. Красный***), *Монастырщинский* (***пгт. Монастырщина***), *Новодугинский* (***с. Новодугино***), *Починковский* (***г. Починок***), *Рославльский* (***г. Рославль***), *Руднянский* (***г. Рудня***), *Сафоновский* (***г. Сафоново***), *Смоленский* (***г. Смоленск***), *Сычевский* (***г. Сычевка***), *Темкинский* (***с. Темкино***), *Угранский* (***пгт. Угра***), Хиславичский (*пгт. Хиславичи*), *Холм-Жирковский* (***пгт. Холм-Жирковский***), *Шумячский* (***пгт. Шумячи***), Ярцевский (***г. Ярцево***).

Главная река края – ***Днепр***, исток которой находится в *Сычевском районе*; в целом на Смоленщине протекает около 1 150 рек (***Вазуза***, ***Велижка***, ***Вихра***, ***Вязьма***, ***Десна***, ***Западная Двина***, ***Остер***, ***Сож***, ***Угра***, ***Хмара*** и др.). В пределах области также насчитывается 420 озер (***Сапшо***, ***Чистик*** и др.), 35 из которых расположены на территории ***национального парка «Смоленское Поозерье»***.

Смоленский край – родина поэтов ***М.В. Исаковского***, ***Н.И. Рыленкова***, ***А.Т. Твардовского*** (и его знаменитого героя ***Василия Теркина***), космонавта ***Ю.А. Гагарина***, композитора ***М.И. Глинки***, почвоведа ***В.В. Докучаева***, зодчего ***Ф.С. Коня***, скульптора ***С.Т. Коненкова***, артиста ***Ю.В. Никулина***, путешественника ***Н.М. Пржевальского*** и др. Со Смоленской землей связан жизненный и творческий путь писателей *М.А. Булгакова* и ***А.С. Грибоедова***, меценатки ***М.К. Тенишевой***, ***Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла*** и многих других великих людей.

На Смоленщине расположено множество древних храмов, являющихся историко-культурным достоянием края, например, в XII в. были основаны ***церковь Петра и Павла***, *Свирская церковь*, *церковь Бориса и Глеба* и др. Главная святыня областного центра – расположенный на спуске с ***улицы Большой Со-***

ветской Собор Успения Пресвятой Богородицы (***Успенский собор***). Неподалеку от собора находится ***памятник генералу-фельдмаршалу М.И. Кутузову-Смоленскому***.

Центр Смоленской области ***г. Смоленск*** территориально разбит на микрорайоны (***Гнездово***, ***Киселевка***, ***Красный бор*** и др.). Ориентирами в городе являются две площади – ***площадь Победы*** (прежнее название – площадь Смирнова) с ***памятником А.Т. Твардовскому и Василию Теркину*** и ***Колхозная площадь*** неподалеку от ***Железнодорожного вокзала***.

В центре города расположен ***Центральный парк культуры и отдыха «Лопатинский сад»*** и множество памятников: ***Вечный огонь***, ***памятник героям Отечественной войны 1812 г.***, ***памятник М.И. Глинке*** на ***Блонье***, *памятник В.И. Ленину* на ***площади Ленина*** и др.

Город Смоленск – образовательный, культурный и промышленный центр Смоленской области.

Смоляне обладают правом выбора средних (***Педагогический лицей***, *Православная гимназия* и др.) и высших (***Смоленский государственный университет***, ***Военная академия***, ***Институт искусств***, ***Медицинская академия***, ***Сельскохозяйственная академия*** и др.) учебных заведений.

К числу основных предприятий города и области относятся ***ОАО «Производственное объединение „Кристалл”»***, ***СОАО «Бахус»*** и др.

Традиционными местами отдыха смолян и гостей Смоленщины являются ***Смоленский государственный драматический театр имени А.С. Грибоедова***, кинотеатры ***«Современник»*** и ***«Октябрь»***, развлекательные учреждения ***«Губернский»***, ***«Девятый вал»*** и ***«Олимп»***, ***парк в Реадовке***, кафе ***«Пицца-Домино»*** и др.; а также ***историко-архитектурный комплекс «Теремок» М.К. Тенишевой в пос. Талашкино***, ***музей-заповедник А.С. Грибоедова в с. Хмелита***, *музей-усадьба М.И. Глинки* в ***пос. Новоспасское***, усадьба Н.М. Пржевальского в ***пос. Пржевальское***, *усадьба Шереметевых* в ***пос. Высокое*** и др. Каждое из этих мест по-своему отражает историко-культурные особенности Смоленской земли.

Возможность составления подобного текста является доказательством того, что выявленный нами посредством ассоциативного эксперимента состав региональных ономастических фоновых знаний смолян отражает ключевые культурные, исторические, географические, общественно-политические, бытовые и другие особенности Смоленского края.

Для того чтобы сопоставить, совпадает ли представление смолян о своем крае с представлением о Смоленщине у жителей других регионов России, были проанализированы три источника общенациональных фоновых знаний:

– *Русский ассоциативный словарь* (РАС), подготовленный коллективом основоположников отечественной психолингвистики (Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов) и изданный в двух томах (том 1. От стимула к реакции; том 2. От реакции к стимулу) [РАС, 2002];

– *Большой лингвострановедческий словарь «Россия»*, созданный в Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина и изданный в серии «Фундаментальные словари» [Россия, 2007];

– книгу *«Имя Россия. Исторический выбор 2008»*, отражающую итоги национального проекта «Имя Россия» и содержащую 500 «историй отдельных людей», которые «способствовали продвижению по ступеням цивилизации своего народа, страны, государства» [Сахаров, 2008, с. 3].

В указанных источниках нами было выявлено 59 «смоленских» ономастических единиц, к числу которых мы относили:

I. Имена людей, периоды жизни которых связаны со Смоленщиной – 51:

1. Имена людей, родившихся и живших на Смоленщине – 16 (в скобках указаны расположенные на территории Смоленской области места рождения носителей имен):

– писателей и поэтов (5): *А.Р. Беляев* (г. Смоленск), *Б.Л. Васильев* (г. Смоленск), *Ф.Н. Глинка* (с. Сутоки), *М.В. Исаковский* (д. Глотовка), *А.Т. Твардовский* (хутор Загорье);

– военнослужащих (4): *М.А. Егоров* (д. Ермошенки), *П.С. Нахимов* (с. Городок), *Г.А. Потемкин* (с. Чижево), *М.Н. Тухачевский* (с. Александровское);

– актеров (2): *Ю.В. Никулин* (г. Демидов), *А.Д. Папанов* (г. Вязьма);

– декабриста: *П.Г. Каховский* (с. Преображенское);

– исследователя: *Н.М. Пржевальский* (д. Кимборово);

– композитора: *М.И. Глинка* (с. Новоспасское);

– космонавта: *Ю.А. Гагарин* (д. Клушино);

– скульптора: *М.О. Микешин* (д. Максимково);

2. Имена людей, жизнь или деятельность которых связана со Смоленским краем – 33 (в скобках указаны «смоленские связи» имен):

а) царей и князей (5): *А.М. Тишайший* (приобрел Смоленск у Польши в 1667 г.), *Василий III* (присоединил Смоленск к Москве в 1514 г.), *Вещий Олег* (подчинил себе Смоленск в 882 г.), *В.В. Мономах* (правил в Смоленске с 1067 по 1078 гг.), *Петр I* (издал указ о создании Смоленской губернии в 1708 г.);

б) участников военных действий на территории Смоленщины (16): *Ермак* (Ливонская война 1558–1583 гг.); *П.И. Багратион*, *М.Б. Барклай-де-Толли*, *А.Х. Бенкендорф*, *Ф.Ф. Винцингероде*, *Д.В. Давыдов*, *Н.А. Дурова*, *М.И. Кутузов*, *М.А. Милорадович*, *М.И. Платов*, *Н.Н. Раевский*, *А.П. Тормасов* (Отечественная война 1812 г.); *Г.К. Жуков*, *К.С. Заслонов*, *И.С. Конев*, *К.К. Рокоссовский* (Великая Отечественная война 1941–1945 гг.);

в) исторических лиц, живших или работавших на территории Смоленского края (12):

– поэтов и писателей (4): *Е.А. Баратынский* (с. Подвойское), *М.А. Булгаков* (с. Никольское, г. Вязьма), *А.С. Грибоедов* (с. Хмелита), *М.М. Зощенко* (пгт. Красный);

– военнослужащих (2): *Н.Ф. Гастелло* (авиагородок Боровское), *А.В. Суворов* (г. Смоленск);

– декабристов (2): *В.К. Кюхельбекер* (д. Закуп), *П.И. Пестель* (д. Васильево);

– актрисы: *Ф.Г. Раневская* (г. Смоленск);

– живописца: *Н.К. Рерих* (г. Смоленск, с. Талашкино);

– композитора: *А.С. Даргомыжский* (д. Твердуново);

– хирурга: *Н.Н. Бурденко* (г. Вязьма, г. Ярцево);

3. Имена людей, умерших на Смоленской земле – 2: путешественник *Афанасий Никитин* (близ Смоленска), князь *Глеб* (река Смядынь);

II. Областные географические названия – 3: *Днепр* (река, протяженность которой в пределах Смоленской области составляет 503 км), *Смоленск* (город, центр Смоленской области), *Старая Смоленская дорога* (одна из старейших смоленских дорог, возникновение которой относится к XIV–XV вв.);

III. Литературные имена, так или иначе связанные со Смоленским краем – 5: *Василий Теркин*, «*Василий Теркин», «Страна Муравия»* (имя героя и названия произведений А.Т. Твардовского); *«Голова профессора Доуэля»* (название романа А.Р. Беляева), «*Катюша»* (название стихотворения М.В. Исаковского).

Рассмотрим, насколько выражены указанные в скобках «смоленские связи» вышеперечисленных имен в проанализированных нами источниках:

– в Большом лингвострановедческом словаре «Россия» 25 % «смоленских» онимов (9 из 36: *Смоленск*, *Днепр*; *Ю.А. Гагарин*, *М.И. Кутузов*, *В.В. Мономах*, *П.С. Нахимов*, *Г.А. Потемкин*; *Василий Теркин* и *«Василий Теркин»*) имеют эксплицитно выраженные в словаре «смоленские связи»;

– в книге «Имя Россия» 20 % «смоленских» онимов (8 из 41: *М.А. Булгаков*, *Василий III*, *Вещий Олег*, *В.В. Мономах*, *Ю.А. Гагарин*, *М.И. Кутузов*, *А. Никитин*, *А.М. Тишайший*) имеют выраженные «смоленские связи»; отношение к Смоленщине других 30 онимов отражено в электронном издании материалов проекта «Имя Россия» в энциклопедии «Википедия»; для 3 онимов (*А.С. Грибоедов*, *П.И. Пестель*, *А.В. Суворов*) связь со Смоленщиной не упомянута ни в печатном, ни в электронном издании;

– в Русском ассоциативном словаре «смоленские связи» эксплицитно не выражены ни для одного из 19 «смоленских» имен собственных.

Таким образом, на общенациональном уровне связь анализируемых нами «смоленских имен» со Смоленщиной представлена для достаточно низкого процента онимов. В связи с этим интересно сопоставить данные результаты с результатами проведенного нами эксперимента, т. е. выявить, насколько сами смоляне знают общенациональные имена собственные, которые в той или иной степени связаны с историей их родного края.

Смолянами было названо 40 из 59 анали-

зируемых нами «смоленских» онимов общенационального уровня, т. е. 68 %. К их числу относятся следующие ономастические единицы, классифицированные нами по типу источника общенациональных фоновых знаний (в скобках указан индекс частотности реакций респондентов-смолян):

I. Во всех трех источниках (РАС, словарь «Россия» и книга «Имя Россия») представлены смоленские имена – 9: *Ю.А. Гагарин* (596); *М.И. Глинка* (492); *М.И. Кутузов* (121); *А.С. Грибоедов* (92); *П.С. Нахимов* (54); *Г.А. Потемкин* (33); *М.А. Булгаков* (19); *Г.К. Жуков* (7); *А.В. Суворов* (4).

II. Смоленские онимы, вошедшие в состав двух источников – 13:

– в книгу «Имя Россия» и в словарь «Россия» (7): *А.Т. Твардовский* (466); *П.И. Багратион* (17); *В.В. Мономах*, *М.М. Зощенко*, *П.И. Пестель* (по 2); *Петр I*, *Н.К. Рерих* (по 1);

– в словарь «Россия» и в РАС (5): *Днепр* (953); *Смоленск* (345); *Василий Теркин* (124); *Ю.В. Никулин* (56); *Старая Смоленская дорога* (39);

– в книгу «Имя Россия» и в РАС (1): *Н.М. Пржевальский* (143).

III. Смоленские имена, выявленные в одном источнике – 18:

– в книге «Имя Россия» (9): *М.А. Егоров* (68); *М.Н. Тухачевский* (36); *князь Глеб* (9); *М.Б. Барклай-де-Толли*, *Н.Ф. Гастелло* (по 6); *Д.В. Давыдов* (4); *И.С. Конев* (3); *Н.Н. Раевский*, *К.К. Рокоссовский* (по 1);

– в словаре «Россия» (8): *М.В. Исаковский* (273); *«Катюша»* (20); *А.Д. Папанов* (2); *М.О. Микешин* (6); *Б.Л. Васильев* (4); *А.С. Даргомыжский*, *П.Г. Каховский* (по 2); *В.К. Кюхельбекер* (1);

– в РАС (1): *А.Р. Беляев* (22).

Особо отметим, что из семи вышеперечисленных смоленских онимов общенационального уровня – антропонимы *Ю.А. Гагарин*, *М.И. Глинка*, *А.Т. Твардовский*, *М.В. Исаковский*, топонимы *Днепр*, *Смоленск* и литературное имя *Василий Теркин* – входят в состав **ядра** региональных ономастических фоновых знаний смолян, т. е. они названы всеми группами испытуемых независимо от пола, возраста, места рождения, уровня образования, профессиональной сферы, времени проживания на Смоленщине и места жительства (город Смоленск или один из районов Смоленской области). Кроме того, к ядру фоновых знаний смолян, по данным проведенного нами эксперимента, относится 5 онимов: *Успенский собор*, *Крепостная стена*, *М.К. Тенишева* (названы в тексте словарной статьи «Смоленск» Большого лингвострановедческого словаря «Россия»), *Ф.С. Конь* и *Н.И. Рыленков* (ни в одном из трех источников общенациональных фоновых знаний не упомянуты).

К числу онимов, имеющих «смоленские связи», не явные для респондентов-смолян и, как следствие, отсутствующих в составе их фоновых знаний, относятся 19 смоленских имен общенационального уровня (32 %). В их число вошли следующие имена собственные, также классифицированные нами по типу источника:

I. Смоленские онимы, представленные в двух источниках – 6:

– в книге «Имя Россия» и в словаре «Россия» (5): *Е.А. Баратынский*, *Ермак*, *А. Никитин*, *М.И. Платов*, *А.М. Тишайший*;

– в словаре «Россия» и в РАС (1): *«Василий Теркин»*.

II. Смоленские имена, выявленные в одном источнике – 13:

– в книге «Имя Россия» (10): *А.Х. Бенкендорф*, *Н.Н. Бурденко*, *Василий III*, *Вещий Олег*, *Ф.Ф. Винцингероде*, *Н.А. Дурова*, *К.С. Заслонов*, *М.А. Милорадович*, *Ф.Г. Раневская*, *А.П. Тормасов*;

– в РАС (2): *«Голова профессора Доуэля»*, *«Страна Муравия»*;

– в словаре «Россия» (1): *Ф.Н. Глинка*.

Отсутствие в составе региональных фоновых знаний смолян таких имен, как *Е.А. Баратынский*, *А.Х. Бенкендорф*, *Н.Н. Бурденко*, *Василий III*, *Вещий Олег*, *Ф.Ф. Винцингероде*, *Н.А. Дурова*, *Ермак*, *К.С. Заслонов*, *М.А. Милорадович*, *А. Никитин*, *М.И. Платов*, *Ф.Г. Раневская*, *А.М. Тишайший*, *А.П. Тормасов* можно объяснить тем, что лишь отдельные эпизоды жизни и деятельности их носителей связаны со Смоленщиной. Имя поэта-декабриста *Ф.Н. Глинки* в представлениях смолян о своем крае уступает место имени композитора *М.И. Глинки*. Название поэмы *«Василий Теркин»* в составе фоновых знаний смолян настолько тесно связано с именем ее одноименного литературного героя *Василия Теркина*, что эти две ономастические едини-

цы смолянами, как правило, не дифференцируются (только на основании отсутствия кавычек в написании респондентами мы отнесли данный оним к именам литературных персонажей).

Таким образом, исследование места «смоленских» имен собственных в структуре общенациональных и региональных фоновых знаний необходимо для описания и структурирования состава фоновых знаний не только языковой личности смолянина, но и общерусской языковой личности.

Библиографический список:

1. *Верещагин, Е.М.* Язык и культура : Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1990. – 246 с.
2. *Имя* Россия. Исторический выбор 2008 [Текст] / под ред. А.Н. Сахарова. – М. : Астрель, АСТ, 2008. – 383 с.
3. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
4. *Максимчук, Н.А.* Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении : в 2 ч. [Текст] / Н.А. Максимчук. – Смоленск : Изд-во СГПУ, 2002. – Ч. 1. – 204 с.
5. *Маслова, В.А.* Лингвокультурология [Текст] / В.А. Маслова.– М. : Академия, 2001.–208 с.
6. *Морошкин, М.Я.* Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке [Текст] / М.Я. Морошкин. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1867. – 357 с.
7. *РАС* – Русский ассоциативный словарь [Текст] / под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Г. А. Черкасовой : в 2 т. – М. : Астрель, АСТ, 2002. – Т. 1. От стимула к реакции. – 2 т.
8. *Россия.* Большой лингвострановедческий словарь [Текст] / под ред. Ю.Е. Прохорова. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 736 с.
9. *Сахаров, А.Н.* Предисловие [Текст] / А.Н. Сахаров // Имя Россия. Исторический выбор 2008. – М. : Астрель, АСТ, 2008. – С. 3–4.

УДК 81-13
ББК 81

М.Ю. Евтеева

ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ШИРОКОЙ СЕМАНТИКИ *MACHEN* И *TUN*

В данной статье построение семантической структуры ядерных глаголов поля ***действия*** *в немецком языке* ***machen*** *и* ***tun*** *основывается на выявлении у них прототипических значений, объяснении их взаимосвязи, а также развития каждого из значений. Такой подход позволяет более четко определить семантические границы широкозначных глаголов и выявить различия в их значении, что способствует их усвоению при изучении немецкого языка.*

Ключевые слова: *семантическая структура; глагол широкой семантики; многозначность; прототипическое значение; качественная определенность; обратимость; метафора; метонимия; механизм развития значения*

M.J. Evteeva

THE PROTOTYPICAL MEANINGS OF THE BROAD MEANING VERBS *MACHEN* AND *TUN*

An attempt to construct semantic structures of the nuclear verbs ***machen*** *and* ***tun*** *in the action field of the German language on the basis of prototypical meanings has been made. Both the interdependence of prototypical meanings and the development of each single meaning are interpreted in the paper. Such an approach allows to identify the semantic boundaries of each of the broad meaning verbs and to describe the differences in their meanings, which contributes to the acquisition of these verbs by students of the German language.*

Key words: *semantic structure; broad meaning verb; polysemantic; prototypical meaning; qualitative determination; reversibility; metaphor; metonymy; development of the meaning*

© Евтеева М.Ю., 2012

В рамках когнитивного подхода ментальные репрезентации языка, как результат познавательных процессов, особо интересны для исследования. Глаголы широкой семантики *machen* и *tun*, представляющие ядро поля *действия* в немецком языке, относятся к единицам базового уровня, где в качестве категорий выступают объединения, концентрирующие в себе наиболее релевантные для обыденного сознания свойства. Тем не менее, описание семантики таких единиц представляется проблематичным именно из-за широты диапазона контекстов, в которых используется широкозначное слово, что находит свое отражение, например, в лексикографической практике. Так, У.М. Трофимова отмечает, что широкозначное слово интерпретируется в словарях в виде его реализаций в текстах, что не дает четкого представления об объеме слова [Трофимова, 2006, с. 307–308]. Е.С. Кубрякова, в свою очередь, связывает тенденцию в лексикографических источниках к возможно полному описанию значений глагола с психолингвистическими наблюдениями и желанием восстановить «картину наблюдения за ситуацией, описываемой глаголом» [Кубрякова, 1992, с. 85]. Таким образом, и в процессе изучения иностранного языка объем слова воспринимается через призму родного языка. Кроме того, в одноязычных словарях нередко имеет место замкнутый круг, когда значение одного глагола трактуется через другой глагол. Очевидно, что и в языке перевода также можно привести ряд вариантов, отличающихся стилистической и эмоциональной окраской, но не представляющих ряд значений глагола, например, *j-n ins Kloster tun – отправить, отослать, заточить, упечь, запрятать кого-либо в монастырь; Mach dich in die Schule! – Иди, шагай, отправляйся, давай быстро в школу!*

Таким образом, традиционно сложившийся подход к трактовке значения слов широкой семантики, не только не способствует их усвоению при изучении иностранного языка, но и в значительной степени затрудняет его. Так, например, автор учебника «Übungen zu Präpositionen und synonymen Verben» В. Шмитц указывает, что *tun* «в целом имеет значение *действовать*», а *machen* – «*производить, быть причиной*». Далее он замечает, что «разница не столь строгая» и что *machen* в выражениях используется гораздо чаще, чем *tun*: «если запомнить те относительно немногие случаи с *tun,* то в остальных будет *machen*» [Schmitz, 1999. S. 48]. Такое объяснение явно не может считаться исчерпывающим.

Предлагаемый в данной статье подход позволяет более четко определить семантические границы широкозначных глаголов *machen* и *tun*. В качестве *гипотезы* было выдвинуто предположение о возможности построения семантической модели таких глаголов на основе выявления прототипических значений. Целесообразность этого подтверждается словами С.Д. Канцельсона, который пишет об опасностях, «подстерегающих лексикографа», а именно: расщеплении «единого недифференцированного значения на ряд «отдельных» значений [Канцельсон, 2011, с. 42]. Кроме того, он приводит мнение Л.В. Щербы о необходимости указания в словаре под каждым фонетическим словом точного перечня **понятий**, с ним соединенных [см. Канцельсон, 2011, с. 43] (выделение – М.Е.).

Исследование с применением гипотетико-дедуктивного метода выявило различия в семантике глаголов *machen* и *tun*. Было установлено, что глагол ***tun*** однофокусный и вносит информацию о ***фиксации наличия какого-либо действия без его спецификации*** (Термин *фокус* вводится Е.С. Кубряковой как одно из оснований для выделения типов категорий, противопоставленных по числу кластеров (пучков) признаков, организующих каждую из категорий в некое единство [Кубрякова, 2010, с. 17]). В свою очередь, двухфокусный глагол ***machen*** вносит информацию о ***создании объекта (machen1)*** или ***преобразовании объекта (machen2)***.

Исследуемые глаголы как категории организованы из пучков признаков (кластеров). Целесообразность их выделения подтверждается, в частности, мнением И.Г. Кустовой о том, что при толковании значения необходимо учитывать специфические признаки, изначально присутствующие в исходной ситуации, что часто остается без внимания, но необходимо для объяснения закономерностей семантического развития слова [Кустова, 2004, с. 207]. В кластер однофокусного глагола *tun* входят признаки *фиксация действия, отсутствие его спецификации, реализация кванта действия* (под *квантом* понимается неделимая порция какой-либо величины, в

данном случае действия). В отношении глагола *machen* можно утверждать, что его первый фокус (*machen1*) определяется кластером признаков *создания объекта, иной качественной определенности объекта, необратимости ситуации*; для второго фокуса (*machen2*) определяющим является кластер признаков *преобразования объекта, сохранения качественной определенности объекта, обратимости ситуации*.

Основанием для выделения различных видов категорий, по мнению Е.С. Кубряковой, может служить также противопоставление в плане варьирования признаков между кластерами категорий. Исследователь связывает с этим противопоставление категорий, построенных по прототипическим признакам, и категорий, в рамках которых переход от одного кластера к другому сопряжен с изменением главного признака этого кластера [Кубрякова, 2010, с. 17]. Можно предположить, что такое противопоставление интерпретируемо как различие широкозначных глаголов, имеющих более одного прототипического значения, и многозначных глаголов. Оно заключается в характере семантического переноса как основы развития нового значения, закрепленного в языке, при этом в случае широкозначных глаголов развитие прототипического значения происходит за счет метафоры, а у многозначных глаголов – как посредством метафоры, так и метонимии. Данное предположение требует, однако, специального исследования, что не входит в задачи данной работы.

Механизмы развития значения на основе метафоры (скрытое сравнение, результат переноса по сходству) и метонимии (перенос по смежности) хорошо изучены и подробно описаны. Тем не менее, в отношении глаголов широкой семантики до сих пор среди ученых не было единого мнения относительно механизмов развития их значения. Это объясняется сложностью их непосредственного выделения в виду высокой степени обобщенности и абстрактности, в связи с чем исследователям часто не представляется возможным привести все значения таких лексем к некому единому содержательному ядру (ядрам). Однако важность прототипической ситуации наряду с исходным, базовым значением при семантической деривации подчеркивает И.Г. Кустова. Ученый пишет, что «прототипическая ситуация … является источником той когнитивной схемы, которая, по мере удаления от физической субстанции, постепенно “проступает” во все более общем и абстрактном виде в производных значениях, объединяя весьма разнородные ситуации с разнотипными объектами в единую группу и делая их реализациями некоторой “общей идеи”. Но она же, прототипическая ситуация, является и источником многочисленных импликаций, которые в исходном значении не отмечаются (поскольку для толкования этого значения они не нужны), но на которых основаны многие неметафорические и особенно метафорические значения» [Кустова, 2004, с. 197]. Особую важность это замечание имеет именно для глаголов широкой семантики, базовых по своей сути. Именно прототипическая ситуация фиксируется опытом человека и служит основой систематических (регулярных) корреляций между явлениями действительности. Дж. Лакофф и М. Джонсон видят в этом истоки метафор как таковых, подчеркивая ценность структурных метафор, под которыми они понимают «случаи, когда один концепт метафорически структурирован в терминах другого» [Лакофф, Джонсон, 2008, с. 35], что позволяет одно четко выделяемое и высокоструктурированное понятие применять для структурирования более абстрактного. Исследователи обращают внимание на то, что обычно более четко определяется и, следовательно, структурируется именно физический опыт, поэтому «нефизическое концептуализируется в терминах физического» [Лакофф, 2008, с. 96].

В случае глагола *machen* можно утверждать, что в основе развития его значения (***machen1*** → ***machen2***) лежит именно метафорический перенос, а точнее ***структурная метафора***. Четко определенный физический опыт *создания объекта иной качественной определенности, не предполагающий обратимость ситуации* (*machen1*), позволил структурировать ситуацию *преобразования объекта с сохранением его качественной определенности и возможностью обратимости ситуации* (*machen2*) через образ «*создания преобразования*».

Заметим, что Дж. Лакофф и М. Джонсон особо выделяют прототип НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБЪЕКТАМИ, возникающий непосредственно из человеческого опыта, и считают его базовым

и элементарным. Этот прототип, как категориальное ядро, посредством ряда метафор расширяется до категории ПРИЧИННОСТИ. Авторы подчеркивают, что примеры создания объектов, будучи особыми случаями непосредственной каузации, включающей в себя прототип непосредственного взаимодействия с объектом, имеют «дополнительное свойство, которое выделяет их как примеры *создания* (making) объекта: в результате взаимодействия получается объект, который мы рассматриваем как объект другого *вида*. ... Мы относим его к другой категории – у него другая форма и функция. Именно это отделяет примеры создания объектов от других видов непосредственного взаимодействия с ними» [Лакофф, 2008, с. 107]. Таким образом, базовая ситуация действия Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в принципе, сопоставима с формулировкой *создание объекта иной качественной определенности* (прототипическое значение *machen1*). Другим видом непосредственного взаимодействия является как раз *преобразование объекта с сохранением его качественной определенности* (по сути *machen2*), преобразование объекта в сравнении с созданием объекта более абстрактно, поэтому, как было показано выше, посредством структурной метафоры *создание объекта* через «*создание преобразования объекта*» структурировалось в *преобразование объекта*. Дж. Лакофф и М. Джонсон также отмечают, что общее понятие созидания, ядром которого является концепт создания физического объекта, распространяется на абстрактные сущности, однако концептуальную основу, по их мнению, составляет опыт рождения и выращивание культур в сельском хозяйстве. Контраргументом для последнего утверждения могло бы стать то, что подобный опыт представляется менее обыденным по сравнению с привычным взаимодействием с такими объектами, как приготовление (созданием) пищи, устройство (созданием) жилья или создание рабочего инструмента. Поэтому понятие *созидания* более естественно строится на опыте создания привычных в быту объектов.

Тем не менее, нельзя не признать важность концепта ПРИЧИННОСТИ (каузации), возникающего, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, посредством расширения прототипа НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБЪЕКТАМИ, в котором, как представляется, дифференцированно можно выделить две составляющие: создание и преобразование объекта. Так, в общую схему толкования глаголов действия каузативный компонент был включен Е.В. Падучевой, И.М. Кобозевой, Е.С. Кубряковой, Л.М. Васильевым [Падучева, 1992, с. 71; Кобозева, 2012, с. 162; Кубрякова, 1992, с. 87; Васильев, 2009, с. 100]. В.Г. Гак предлагает ядерную акциональную структуру и замечает, что «к центральному ядерному типу действия относится целенаправленное воздействие субъекта на объект, представленное обычно в предложениях трехчленной структуры» [Гак, 1992, с. 78], иными словами, субъект каузирует воздействие на объект, следовательно, компонент причинности присутствует и в этой схеме.

Создаваемые объекты при глаголе *machen* (*machen1*) могут иметь не только физический, но и нефизический характер. Очевидно, что номинация глаголом ситуации создания физического объекта первична по отношению к ситуации создания нефизического объекта. Как представляется, такая вторичная номинация в рамках прототипического значения *machen1* также строится на основании ***метафорического*** переноса, т. е. путем скрытого сравнения создания нефизических объектов с физическими. Подчеркнем, что при этом сохраняются все признаки кластера *machen1* и речь не идет о новом прототипическом значении. Такой метафорический перенос можно определить как ***онтологический***, строящийся, как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, на основе опыта обращения с материальными объектами. Авторы усматривают в онтологических метафорах «способ восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т. п., как материальных сущностей и веществ» [Лакофф, 2008, с. 49] (ср. *einen Tisch machen* → *einen Aufsatz machen – делать стул* → *писать сочинение*). Таким образом, происходит понимание нефизического в терминах физического. По словам Д.Н. Шмелева, семантическое развитие многих слов, получающих вторичное значение, характеризуется движением от более конкретного к более абстрактному, и происходит это посредством «метафорического уподобления отвлеченных явлений конкретным, «зримым» предметам, признакам, действиям» [Шмелев, 2006, с. 218].

Аналогичные онтологические метафорические переносы действуют и в рамках прототипического значения *реализации кванта действия* глагола *tun* (ср. *einen Kniefall tun → eine Abbitte tun – преклонить колени → просить о прощении*). При этом, как указывалось ранее, в фокусе глагола *tun* находится само действие, констатация его реализации, а не объект как таковой: преимущественно слабые объекты при данном глаголе являются референцией к ситуации действия в целом. Тем не менее, и здесь первична реализация действия в отношении физического объекта, о чем свидетельствуют факты диахронии – глагол *tun* восходит к индогерманскому корню *dhē-, означающему «сажать, класть, ставить» [Duden, 1989, S. 763]. Как отмечает Л.С. Ковтун, мена связей внутри значения слова определяется результатом семантических перегруппировок в словарном составе в ходе развития языка в связи с изменением представлений о мире [Ковтун, 1971, с. 82]. В связи с этим в немецком языке употребляются самостоятельные глаголы со значениями *сажать, класть, ставить*, а глагол *tun* сочетается и с нефизическими объектами.

Внутри прототипического значения *machen2* действуют, однако, другие механизмы, не изменяя кластерных признаков и не создавая при этом новые прототипические значения исследуемого глагола. Преобразование *физического* состояния объекта на основе уже **метонимического** переноса позволяет номинировать ситуацию преобразования таких *нефизических* характеристик объекта, как эмоционально-психологическое состояние, статус, роль, функция, оценка / восприятие. Отмечая референциальную функцию метонимии, Дж. Лакофф и М. Джонсон указывают, что посредством метонимии ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО множество таких частей способны замещать это целое и выбор части определяет фокус нашего внимания [Лакофф, Джонсон, 2008, с. 62]. Например: *eine Frau schön machen → eine Frau glücklich machen – сделать женщину красивой → сделать женщину счастливой.*

В этой связи Е.С. Кубрякова замечает, что неопределенность мира, где нет четких границ между объектом и его признаком, становится основанием для метонимических переносов и обеспечивает легкость перехода от целого к его части и наоборот [Кубрякова, 1992, с. 89]. Согласно классификации предикатной метонимии, принятой в работах Е.А. Козловой и Н.С. Трухановской [Козлова, 2001; Трухановская, 2009], данный случай переноса в рамках прототипического значения *machen2* можно определить как ***причинно-следственную*** метонимию, что вполне согласуется с компонентом причинности для прототипической ситуации действия. При этом в ситуации *преобразования эмоционально-психологического состояния* объекта можно говорить о подтипе причинно-следственной метонимии *действие-состояние*. В других случаях – преобразование статуса, роли, функции, оценки / восприятия объекта – подтип определяется как *причина-результат*.

Заметим, что Е.С. Кубрякова помимо типов категорий, противопоставленных по числу кластеров признаков и категорий, построенных по прототипическим признакам в отличие от категорий, в рамках которых переход от одного кластера к другому сопряжен с изменением главного признака этого кластера, выделяет также категории, различающиеся содержанием признаков в кластере. Среди таких категорий одни включают единицы с перцептивными характеристиками, другие только неперцептивные, абстрактные, а третьи имеют смешанные свойства [Кубрякова, 2010, с. 17]. Как было показано выше, глаголы *tun* и *machen* относятся к категориям, в кластерах которых имеются как перцептивные единицы (действие / создание / преобразование ***физического*** объекта), так и абстрактные (действие / создание / преобразование ***нефизического*** объекта). С этой точки зрения, исследуемые глаголы относятся к категориям, включающим единицы со смешанными свойствами.

Подводя итог вышеизложенному, определим глаголы *tun* и *machen* как однофокусную и двухфокусную категории соответственно, построенные по прототипическим признакам прототипической ситуации взаимодействия с объектом, включающие единицы со смешанными свойствами. В основе развития прототипических значений глаголов широкой семантики *machen* и *tun* лежит, главным образом, метафорический перенос. Онтологическая метафора имеет место при развитии прототипичекого значения *tun* и первого прототипического значения *machen1*. Посред-

ством уже структурной метафоры происходит образование второго прототипического значения *machen2* от *machen1*. Развитие значения *machen2* определяет причинно-следственная метонимия по типу действие-состояние для преобразования эмоционально-психологического состояния объекта и по типу причина-результат для преобразования статуса, роли, функции, оценки / восприятия объекта.

Участие в развитии значения ядерного глагола поля действия, в первую очередь, метафоры показательно в том плане, что, как указывает А.С. Самигуллина, «в структуре метафоры обнаруживается некое движение, последовательная смена моментов, отображающая развитие самого смысла, начиная с индивидуальных «наивных» представлений и заканчивая конвенциональными схемами языкового употребления». Это комплекс правил, посредством которых регулярно происходит «овнешнение» того или иного концепта [Самигуллина, 2009, с. 111]. В данном случае концепт действия, представленный прототипическими значениями *фиксация действия (tun), создание объекта (machen1)* и *преобразование объекта (machen2)*, регулярно реализуется по «правилам», включающим в себя кластер признаков и возможности метафорического или метонимического переноса для каждого конкретного прототипического значения.

Полученные данные предположительно позволяют вывести особенность глаголов широкой семантики, заключающуюся в отсутствии главенствующей роли одного из прототипических значений, несмотря на то, что одно из них *(machen2)* путем метафорического переноса образовалось от другого *(machen1)* и по своему употреблению является даже более частотным. Как представляется, это отличает глаголы широкой семантики от полисемичных глаголов, деривационная структура которых, как отмечает С.Д. Канцельсон, характеризуется строгой иерархией: «главенствующую роль играет всегда одно – основное, или главное значение; все остальные значения прямо либо косвенно подчинены главному, хотя она и может видоизменяться в ходе исторического развития» [Канцельсон, 2011, с. 59]. Кроме того, можно предположить, что еще одна характерная черта глаголов широкой семантики заключается в том, что наиболее употребимые значения являются более «молодыми», т. е. появляющимися путем семантической деривации первичных значений; менее употребимых. Это относится как к горизонтальной плоскости (непосредственная связь между значениями), так и к вертикальной (при развитии в рамках каждого отдельного значения). Данное предположение коррелирует с утверждением о том, что именно нетипичные знаки являются наиболее употребительными [Трофимова, 2006, с. 306].

Библиографический список

1. *Васильев, Л.М.* Современная лингвистическая семантика [Текст] : учеб. пособие / Л.М. Васильев. – 2-е изд., доп. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 192 с.
2. *Гак, В.Г.* Номинация действия [Текст] / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Модели действия. – М. : Наука, 1992. – С. 77–84.
3. *Канцельсон, С.Д.* Содержание слова, значение и обозначение [Текст] / С.Д. Канцельсон; под общ. ред. В.М. Жирмундского, М.М. Гухман, С.Д. Канцельсона. – 3-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2011. – 112 с.
4. *Кобозева, И.М.* Лингвистическая семантика [Текст] : учебник / И.М. Кобозева. – 5-е изд., испр. и доп.– М. : ЛИБРОКОМ, 2012. – 352 с.
5. *Ковтун, Л.С.* О неявных семантических изменениях [Текст] / Л.С. Ковтун // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 81–90.
6. *Козлова, Е.А.* Метонимия как концептуальная основа функциональной категоризации английского глагола [Текст] : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.А. Козлова. – Тамбов, 2001. – 154 с.
7. *Кубрякова, Е.С.* Глаголы действия через их когнитивные характеристики [Текст] / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка : Модели действия. – М. : Наука, 1992. – С. 84–90.
8. *Кубрякова, Е.С.* О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о ее роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира [Текст] / Е.С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка.: сб. науч. трудов. – М.; Тамбов : Ин-т языкознания РАН; Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – Вып. VII. Типы категорий в языке. – С. 13–18.
9. *Кустова, И.Г.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения [Текст] / И.Г. Кустова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
10. *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.
11. *Падучева, Е.В.* Глаголы действия : толкование и сочетаемость [Текст] / Е.В. Падучева // Логический анализ языка. Модели. – М. : Наука, 1992. – С. 69–77.
12. *Самигуллина, А.С.* «Скрытая память» слова (на примере метафорических номинаций) [Текст] / А.С. Самигуллина // Вопросы языкознания. – 2009. – №4. – С. 110–119.
13. *Скрелина, Л.М.* Грамматическая синонимия

[Текст] : учеб. пособие к спецкурсу / Л.М. Скрелина. – Ленинград : ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1987. – 84 с.

14. Трофимова, У.М. О некоторых аспектах проявления категории абстрактность-конкретность в языке и сознании [Текст] / У.М. Трофимова // Семантический анализ единиц языка и речи : процессы концептуализации и структура знания. Вторые чтения памяти О.Н. Селиверстовой. – М. : МГПУ, 2006. – С. 304–312.

15. Трухановская, Н.С. Метонимический сдвиг при концептуализации денотативной ситуации (в сфере предикатов физического воздействия) [Текст] : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Н.С. Трухановская. – М., 2009. – 280 с.

16. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики [Текст] / Д.Н. Шмелев. – М. : КомКнига, 2006. – 280 с.

17. Duden, Bd. 7: Das Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache (DHW) [Text] : 2., völlig neu bearb. u. erw. Aufl. / von Günther Drosdowski. – Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989. – 848 S.

18. Schmitz, W. Übungen zu Präpositionen und synonymen Verben [Text] / W. Schmitz. – Max Hueber Verlag., 1999. – 83 S.

УДК 811.111
ББК 81.00

Е.Б. Лашина

ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ И НЕПРОТОТИПИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ КОДОВЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ВКЛЮЧЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ

В статье рассматриваются прототипические и непрототипические способы включения терминов, служащие средством создания кодовой интертекстуальности. В рамках непрототипического способа включения терминов в художественный текст выделяется реальное и имитационное цитирование.

Ключевые слова*: кодовая интертекстуальность; термин; терминосистема; кодовые включения; прототипический способ; непрототипический способ; реальное цитирование; имитационное цитирование*

E.B. Lashina

PROTOTYPICAL AND NONPROTOTYPICAL WAYS OF THE CODE INCLUDINGS INTO THE PROSAIC TEXT

The prototypical and nonprototypical ways of incorporationg terms within texts are considered in this article. Within the nonprototypical type of term incorporations proper and imitation quotation are differentiated .

Key words*: code intertextuality; term; term system; prototypical way; nonprototypical way; real quotation; imitation quotation*

Термин – это слово или словосочетание, отражающее научное и практическое понятие, значение, которого является профессионально дефинированным [Блох, 1986, с. 15]. Кроме дефинированности, термину также свойственна конвенциональность, которая предполагает относительную однозначность его употребления в пределах данной или родственной системы знаний [Носкова, 2007, с. 123], точность, мотивированность, системность, стилистическая нейтральность [Иванова, 2008, с. 10]. Относительная однозначность употребления термина обусловлена тем, что многие из них являются междисциплинарными. Терминология любой области знаний – это система, отражающая определенную систему понятий, образующую в определенном профессиональном подъязыке замкнутую систему. Эту замкнутую систему, представленную совокупностью терминов одной области знания, называют терминосистемой.

В рамках текстового пространства, под которым понимается «сумма всех созданных вербальных (устных и письменных) и невербальных текстов» [Петрова, 2004, с. 47], термины соотносятся с научными текстами. Их использование в художественном произведении, в несвойственной для них среде обитания, лежит в основе кодовой интертекстуальности [Арнольд, 1999, с. 417]. Под кодом обычно понимается «система условных обозначений, сигналов, передающих информацию» [Оже-

© Лашина Е.Б., 2012

гов, 2007, с. 281]. Использование терминов в художественном произведении сигнализирует о переключении кода и устанавливает связь художественного произведения, выступающего в роли текста-реципиента, с соответствующим научным текстом или группой научных текстов, хранимых в текстовом пространстве.

Следует различать прототипический и непрототипический способ включения кодовых терминологических включений в художественный текст. Выделение названных способов базируется на известной теории о прототипе, согласно которой в каждой категории можно выделить центр, называемый прототипом, и периферию. Прототип обладает всеми типичными характеристиками членов данной категории. Чем дальше члены категории от прототипа, тем меньше выражены их категориальные признаки [Rosch, 1972; 1975]. В целом теорию прототипов можно представить следующими утверждениями: 1) категория прототипично структурирована; 2) границы между категориями размыты; 3) категории организованы по принципу «семейного сходства» [Витгенштейн, 1985].

Под *прототипическим способом* понимается наиболее характерный способ создания кодовой интертекстуальности при помощи включений в виде терминов и широко используемый в художественном тексте. Прототипическим способом, как показывает проведенный анализ, является включение в художественный текст терминологических элементов, соотносимых не с конкретным научным текстом текстового пространства, а с некоторым множеством научных текстов.

Несколько примеров:

(1) *During this interval we had fairly unearthed an oblong chest of wood, which from its perfect preservation and wonderful hardness had plainly been subjected to some* ***mineralizing process*** *– perhaps that of* ***the bi-chloride of mercury*** [Poe, 2007*a*, p. 296–297];

(2) *С каждым больным я завожу длинный разговор и свожу его к* ***холере,*** *настоятельно советую больному быть поосторожнее с едой и при малейшем* ***расстройстве желудка*** *обращаться ко мне за помощью* [Вересаев,1987, с. 101];

(3) *Филипп Шубин и Иван Орешников, мускулистые, рослые рабочие, один – черный с проседью и в круглых очках, другой – с кудрявой бородой, со светлыми, повязанными ремешком волосами, голубоглазый и атлетически сильный, принялись: один –* ***ломом*** *отдирать каменную доску с лицевой стороны* ***горна****, другой – наводить на белый от жара высокий* ***тигель клещи****.* ***Цепь*** *затрещала,* ***тигель*** *подался и, шипя, святясь и роняя корки* ***нагара,*** *поплыл по воздуху к середине мастерской.*

– Стоп, – сказал Орешников, – снижай.

Опять загромыхала ***лебедка, тигель*** *опустился, ослепительная струя* ***бронзы,*** *раскидывая лопающиеся зеленые звезды, озаряя оранжевым заревом шатровый потолок мастерской, полилась на землю. Запахло гарью приторно-сладкой* ***меди*** [Толстой, 1985, с. 66].

Приведенные выше примеры иллюстрируют прототипический способ включения терминов в художественный текст. Они принадлежат не конкретным текстам, а терминосистемам некоторого множества текстов, образующих конкретную типологическую нишу в рамках текстового пространства. Так, термины «mineralizing process» («минерализованные процессы») и «the bi-chloride of mercury» («двухлористая ртуть» (пример 1) соотносятся с терминосистемой химических текстов; «холера» и «расстройство желудка» (пример 2) – с терминосистемой медицинских терминов; «лом», «горн», «тигель», «клещи», «цепь», «нагар», «лебедка», «бронза», «медь» (пример 3) – с терминосистемой металлургических текстов.

Непрототипический способ кодовых включений из научных текстов менее характерен для художественных текстов. Наиболее распространенным непрототипическим способом включения кодовых терминологических включений является цитата.

Цитату (от лат. cito – вызываю, привожу) В.П. Москвин определяет как дословное воспроизведение какого-либо текста или фрагмента текста, сопровождаемое ссылкой на источник цитирования [Москвин, 2002, с. 63]. О цитате, согласно данному определению, возможно говорить только в том случае, если в тексте имеется точное воспроизведение фрагмента прототекста, его графическая обособленность на фоне текста-реципиента и ссылка на источник. Присоединяясь к точке зрения Н.А. Фатеевой, под цитатой будем понимать не обязательно точное закавыченное воспро-

изведение высказывания, сопровождаемое ссылкой на источник [Фатеева, 2007, с. 122]. В соответствии с таким пониманием в качестве цитаты рассматриваются отрезки текста, в которых отсутствуют какие-либо графические маркеры (цитаты «без атрибуции» по Н.А. Фатеевой [Фатеева, 2007, с. 125]) и различного рода модифицированные цитаты.

Далее будем исходить из следующей классификации цитат:

1) *прямая цитата* – закавыченное цитирование с тождественным воспроизведением части прототекста, среди которого:

а) прямая цитата со ссылкой на источник цитирования;

б) прямая цитата без ссылки на источник цитирования;

2) *фрагментарная цитата* – закавыченное включение отдельных элементов прототекста в текст-реципиент и имеющее или не имеющее ссылку на источник;

3) *косвенная цитата* – немаркированный пересказ «чужой речи»:

а) графически не выделенный пересказ со ссылкой на автора;

б) графически не выделенный пересказ без ссылки на автора, но с хорошо знакомым первоисточником;

4) *скрытая цитата* – имплицитный способ включения части прототекста;

5) *обобщенная цитата* – обезличенная форма цитатных включений, представляющая собой суммированные мнения.

Прямая цитата сопровождается графическим выделением, что способствует ее актуализации в тексте. Далее приведем пример, когда прямая цитата сопровождается ссылкой на прототекст:

(4) *The idea generally received is that this, as well as three smaller vortices among the Ferroe Islands, «have no other cause than the collision of waves rising and falling, at* ***flux*** *and* ***reflux,*** *against a* ***ridge*** *of* ***rocks*** *and* ***shelves****, which confines the water so that it precipitates itself like a* ***cataract;*** *and thus the higher the flood rises, the deeper must the fall be, and the natural result of all is* ***whirlpool*** *or* ***vortex,*** *the prodigious suction of which is sufficiently known by lesser experiments». – These are the words of the Encyclopædia Britannica* [Poe, 2007б, p. 174].

Закавыченная часть – это часть прототекста, каким является статья из энциклопедии «Britannica» («Британика»). Эта статья является справкой о происхождении водоворота между островами Ферё («the Ferroe Islands») и включает термины из области географии: «flux» («прилив»), «reflux» («отлив»), «ridge» («гребень»), «rocks» («скалы»), «shelves» («рифы»), «whirlpool» («воронка»), «vortex» («водоворот»).

Кроме указания на печатное издание, не менее распространенным способом распознания цитаты является ссылка на такие источники цитирования, как имя конкретного автора или имя коллективного автора:

(5) *Они читали Кернера с усердием и живостью новообращенных, горячо желая немедленного, совершенного знания. Они осторожно перелистывали толстые, желтоватые страницы, почему-то тонко и старо пахнущие корицей, порой перебивая тишину нетерпеливым восторгом: «Если растению приходится пользоваться преимуществами посещения насекомых, то закрывшиеся на ночь цветок должен вновь раскрыться…»* [Шугаев, 1979, с. 72].

(6) < ... > *...эпикурейцы облегчали себе жизнь, они отказывались принимать идею, мысль, как явление, существующее вне нас; «я – хозяин мира, я создаю его в своем воображении так, как мне угодно, истина или ложь определяется лишь моим словом»; бедные эпикурейцы, моя работа им бы не подошла, сгорели бы за месяц, а то и быстрее* [Семенов, 1994, с. 381].

Прямая закавыченная цитата в примере 5 принадлежит И.С. фон Кернеру, автору наименований ряда ботанических таксонов. А в примере 6 «эпикурейцы» являются коллективным автором закавыченной в данном отрывке цитаты. Сподвижники теории эпикуреизма получили свое название по имени ее основателя древнегреческого философа Эпикура, считавшего своей целью достижение «ощущения субъективной независимости от мира» [СФТ, 2009, с. 704].

При прямом цитировании не обязательно может быть указан источник цитирования:

(7) *«You interrupted me just now. After Marsh's test, Merrowdene heated a substance in a test tube, the metallic residue he dissolved in water and then precipitated it by silver nitrate. That was a test for chlorates. A neat, unassuming little test. But I chanced to read these words in a*

book that stood on the table. «H_2SO_4 decomposes chlorates with evolution of Cl_2O_4. If heated, violent explosions occur, the mixture ought therefore to be kept cool and only very small quantities used» » [Christie, 2000, p. 108].

Цитата из пособия по химии оформлена в соответствии с требованиями, предъявляемыми к включению «чужого слова». Она маркирована кавычками. Указание на источник цитирования отсутствует.

Фрагментарная цитата распознается в художественном тексте посредством закавыченного включения цитатных вкраплений оригинальных высказываний:

(8) *Гартман говорит, что убеждения наши – плод «бессознательного», а умом мы к ним лишь подыскиваем более или менее подходящее основание; я чувствовал, что там где-то, в неуловимом «бессознательном», шла тайная, предательская, неведомая мне работа и что в один прекрасный день я вдруг окажусь во власти этого «бессознательного»* [Вересаев, 1987, с. 39].

Закавыченный фрагмент цитаты («бессознательное») принадлежит известному немецкому философу Эдуарду фон Гартману – создателю сочинения «Философия бессознательного».

Косвенная цитата, представляющая собой недословное воспроизведение прототекста и сопровождаемая отсутствием каких-либо графических средств, может быть распознана за счет ссылки на источник цитирования:

(9) *Настя точно знала, по какому принципу она будет отбирать стажера. Принцип этот подсказал ей широко известный графический* ***тест Равенна.*** *Тест состоял из шестидесяти задач, пятьдесят девять из которых на одном и том же принципе и различались только по степени сложности: если первые шесть были примитивно простыми, то, начиная с пятьдесят четвертой, для поиска правильного ответа требовалось значительное напряжение, связанное с необходимостью удерживать глазами и отслеживать несколько показателей одновременно. Пятьдесят девять задач, таким образом, проверяли способности испытуемого сконцентрировать внимание и быстро принять решение в условиях ограниченного времени. Помимо многого другого, тест Равенна показывал, умеет ли испытуемый сосредоточиться и не впадать в панику при цейтноте* [Маринина, 1998*а*, с. 39–40].

В данном примере со ссылкой на автора, известного британского психолога Дж. Равенна, воспроизводится описание в виде пересказа сути разработанного им теста, позволяющего определить способность индивидуума к умственной деятельности.

Сложность при восприятии составляет косвенное цитирование без ссылки на источник:

(10) *I made also three important observations. The first was that a general rule the larger the bodies were the more rapid their descent – the second that between two masses of equal extent, the one spherical and other of any other shape, the superiority in speed of descent was with the sphere – the third that between two masses of equal size, the one cylindrical and the other of any other shape, the cylinder was absorbed the more slowly. Since my escape, I have had several conversations on this subject with an old schoolmaster of the district; and it was from him that I learned the use of the words «cylinder» and «sphere». He explained to me – although I have forgotten the explanation – how what I observed was in fact the natural consequence of the forms of the floating fragments – and showed me how it happened that a cylinder swimming in a vortex offered more resistance to its suction and was drawn in with greater difficulty than an equally bulky body, of any form whatever* [Poe , 2007*a*, p. 191–192].

Пример 10 – это косвенное цитирование, не содержащее ссылки на источник. В данном отрывке имеется пересказ известного закона Архимеда «О плавающих телах», объясняющий причину противодействия корабля стихии. Этот закон звучит так: «Any floating object displaces its own weight of fluid. The weight of the displaced fluid is directly proportional to the volume of the displaced fluid (if the surrounding fluid is of uniform density). In simple terms, the principle states that the buoyancy force on an object is going to be equal to the weight of the fluid displaced by the object, or the density of the fluid multiplied by the submerged volume times the gravitational constant. Thus, among completely submerged objects with equal masses, objects with greater volume have greater buoyancy» [Archimedes, URL: http: wikipedia.org/wiki/Archimedes]. Смысл данного закона заключается в том, что способность тела удерживаться на поверхности воды напрямую зависит от его объема. Тела, обладающие большим объемом,

имеют большую способность удерживаться на поверхности воды.

Скрытая цитата полностью находится в прототексте. Доступ к ней возможен благодаря наличию в тексте намека. Намеком на скрытую цитату могут быть ссылки на известные теории, имена их создателей, разделы наук, а также другие уточняющие лексические единицы, нацеливающие читателя на поиск нужной части прототекста:

(11) *Why should we be held down by the frozen concepts of our ancestors? Any fool with a little smattering of* ***descriptive geometry*** *can design a house in the ordinary way. Is the* ***statistic geometry of Euclid*** *the only* ***mathematics?*** *Are we to complete disregard* ***the Picard-Vessiot theory****? How about* ***model systems?*** [Heinlein, 1973, p. 114]

В данном примере имеется ссылка на саму теорию – статистическую геометрию и ее создателя Евклида (Euclid), древне-греческого философа-математика. Данные элементы служат своего рода сигналом для восстановления сути статической геометрии Евклида. Такое происходит только в том случае, когда у читателя в его тезаурусе имеются соответствующие знания. Аналогичную роль выполняют имя Пикар Вессио (Picard-Vessiot) и упоминание области знаний («model systems»).

Обобщенные цитаты, как уже отмечалось, представляют собой обезличенную форму цитатных включений:

(12) *Для многих людей молчание не проблема, они могут быть чем-то недовольны, на кого-то обижаться, затаить зло, могут чего-то не понимать и спокойно жить с этим месяцы и даже годы, не стараясь выяснить отношения и расставить все точки над «i». Константин же Михайлович этого не переносил совершенно.* ***Психологи*** *сказали бы, что у него* ***слабая устойчивость к конфликтным ситуациям*** [Маринина, 1998*б*, с. 228];

(13) *Про таких как я психиатры говорят, что у нас сильно выраженный* ***аш-игрековый компонент.*** *«Аш» и «игрек» – две первые буквы латинского написания слова «истерия»* [Маринина, 1998*а*, с. 56].

Вышеприведенные примеры содержат обобщенные цитаты из психологической и психиатрической областей знаний. Они представляют собой суммированные мнения психологов и психиатров, что, в частности, подтверждается использованием в текстовых отрывках слов «психологи» и «психиатры».

К *непрототипическому* способу относятся также включение документов, в состав которых входит терминологическая лексика. Например, в художественное произведение Ю.С. Семенова «Приказано выжить» включен документ, представляющий собой секретное послание президента США Г. Трумэна И.В. Сталину:

(14) ЛИЧНО И СТРОГО СЕКРЕТНО ДЛЯ МАРШАЛА СТАЛИНА

1. Посланник Соединенных Штатов в Швеции информировал меня, что Гиммлер, выступая от имени германского Правительства в отсутствии Гитлера, который, как утверждается, болен, обратился к Шведскому Правительству с предложением о капитуляции всех германских вооруженных сил на западном фронте, включая Норвегию, Данию, Голландию.

2. Придерживаясь нашего соглашения с Британским и Советским Правительством, Правительство Соединенных Штатов полагает, что единственным и приемлемыми условиями капитуляции является безоговорочная капитуляция на всех фронтах перед Советским Союзом, Великобританией и Соединенными Штатами.

3. Если немцы принимают условия вышеприведенного 2-го пункта, то они должны немедленно сдаться на всех фронтах местным командирам на поле боя.

4. Если Вы согласны с вышеуказанными 2-м и 3-м пунктами, я дам указания моему Посланнику в Швеции соответственно информировать агента Гиммлера.

Аналогичное послание направляется Премьер-Министру Черилю.

ТРУМЭН»

[Семенов, 1994, с. 276].

Данный документ относится к категории исторических документов времен Второй мировой войны и включает терминологию, принадлежащую области военного дела: «капитуляция», «безоговорочная капитуляция», «фронт», «поле боя», «агент», «командир».

Следует различать реальные и имитационные включения цитат и документов в художественный текст. Если в реальной цитате или документе авторство принадлежит реальному

лицу или институциональному субъекту, то при имитационном цитировании авторство принадлежит создателю литературного произведения. Довольно сложно определить имеет ли в художественном тексте место реальное или имитационное воспроизведение цитаты или документа. Обычно читатель, веря автору художественного произведения «на слово», воспринимает включенные фрагменты как реальные. Только соотнесение цитаты с первоисточником, а документа – с соответствующим институтом дает читателю основание утверждать, что в тексте действительно содержится реальное цитирование. Однако художественное произведение, как известно, не претендует на объективность изложения, поэтому воспринимающий редко ощущает необходимость в поиске цитат по первоисточнику и проверке документа на его подлинность. Его цель – получить наслаждение от читаемого.

Итак, включение терминов в художественный текст, сигнализирующих о переключении кода, осуществляется посредством прототипического и непрототипического способов. Включение терминов, соотносимых не с конкретным научным текстом, а с некоторым множеством научных текстов представляет собой прототипический способ кодовой интертекстуальности. Непрототипический способ кодовых включений из научных текстов – это использование терминов в составе цитат и документов, которые могут быть реальными или имитационными.

Библиографический список

1. *Арнольд, И.В*. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность [Текст] / И.В. Арнольд. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. – 444 с.

2. *Безуглов, А.А.* Факел Сатаны [Текст] / А.А. Безуглов. – Калуга : ДЛК, 1994. – С. 95 - 366.

3. *Блох, М.Я.* Теоретические основы грамматики [Текст] / М.Я. Блох. – М. : Высш. шк., 1986. – 159 с.

4. *Варченко, В.В.* Цитатная речь в медиа-тексте [Текст] / В.В. Варченко. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 240 с.

5. *Вересаев,* В.В. Без дороги [Текст] / В.В**.** Версаев. – М. : Худ. лит-ра, 1987. – 384 с.

6. *Витгенштейн, Л.* Философские исследования [Текст] / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 79–128.

7. *Иванова, Л.В.* Лексика театрального искусства: структурно-семантический и лексикографический аспекты [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Л.В. Иванова. – Орел, 2008. – 16 с.

8. *Маринина, А.Б.* Не мешайте палачу [Текст] / А.Б. Маринина. – М. : ЭКСМО-Пресс, 1998*а*. – 448 с.

9. *Маринина, А.Б***.** Украденный сон [Текст] / М.Б. Маринина. – М. : ЭКСМО-Пресс, 1998*б*. – 400 с.

10. *Москвин, В.П.* Цитирование, аппликация, парафраз : к разграничению понятий [Текст] / В.П. Москвин // Филологические науки. – 2002. – № 1. – С. 63–70.

11. *Незнанский, Ф.* Ящик Пандоры [Текст] / Ф. Незнанский // Ярмарка в Сокольниках. Операция Фауст. Ящик Пандоры. – СПб. : ВИС, 1994. – С. 499–832.

12. *Носкова, Н.В.* Когнитивное моделирование терминосистемы предметной области финансово-кредитных отношений в современном английском языке [Текст] / Н.В. Носкова // Современные лингвистические теории : проблемы слова, предложения, текста. Вестник ИГЛУ. – Иркутск : ИГЛУ, 2007. – С. 122–130.

13. *Ожегов,* С.И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С.И. Ожегов – М. : ИТИ Технологии, 2007. – 944 с.

14. *Петрова, Н.В.* Интертекстуальность как общий механизм текстообразования англо-американского короткого рассказа [Текст] : монография / Н.В. Петрова. – Иркутск : ИГЛУ, 2004. – 243 с.

15. *Розенталь, Д.Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1985. – 400 с.

16. *Семенов, Ю.С.* Приказано выжить [Текст] / Ю.С. Семенов. – М. : ЭКСМО, 1994. – 624 с.

17. *Словарь философских терминов* [Текст] / науч. ред. В.Г. Кузнецов. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 731 с.

18. *Толстой, А.Н.* Хождение по мукам [Текст] : Трилогия / А.Н. Толстой. – М. : Просвещение, 1985. – Т. 1. – 463 с.

19. *Фатеева, Н.А*. Интертекст в мире текстов : Контрапункт интертекстуальности [Текст] / Н.А. Фатеева. – 3-е изд., стер. – М. : КомКнига, 2007. – 280 с.

20. *Шугаев, В.М.* Петр и Павел [Текст] / В.М. Шугаев // Петр и Павел. Повести и рассказы – Иркутск : Вост.-Сиб. книж.изд-во, 1979. – С. 54–113.

21. *Archemedes* [Electronic resource]. – URL : http:wikipedia.org/wiki/ArchimedesWikipedia (дата обращения: 20.05.2011).

22. *Christie, A.* Accident [Text] / A. Christie // English Story. – M. : Manager, 2000. – P. 105–117.

23. *Poe, E. A.* The Gold-Bug [Text] / E. A. Poe // Stories. – СПб. : КАРО, 2007*а*. – P. 265–325.

24. *Poe, E.A.* A Descent into the Maelstrom [Text] / E.A. Poe // Stories. – СПб. : КАРО, 2007*б*. – P. 165–195.

25. *Rosch, H.E.* Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories [Text] / E.H. Rosch, C.B. Mervis // Cognitive Psychology. – 1975. – Vol. 3. – P. 533–605.

26. *Rosch, H.E.* Natural categories [Text] / E. Rosch // Cognitive psychology. – 1973. – Vol. 4. – P. 328–350.

27. *Heinlein, R.A*. And He Built a Crooked House [Text] / R.A. Heinlein // Science Fiction. English and American Short Stories. – M. : Progress Publishers, 1979. – P. 113–132.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Богданова Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: rusjap@mail.ru

Даниленко Валерий Петрович **–** доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и классического языкознания Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: dvp@home.isu.ru

Казыдуб Надежда Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической лингвистики Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: nadejda_kazydoub@mail.ru.

Каплуненко Александр Михайлович **–** доктор филологических наук, профессор Иркутского государственного лингвистического университета.

Хаматова Анна Александровна – кандидат филологических наук, профессор кафедры китаеведения, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, Школа региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета; e-mail: khamatov@raf.dvgu.ru

Адилханян Нина Левоновна **–** старший преподаватель кафедры китаеведения Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: ninel_ad@mail.ru

Аникина Вера Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточной филологии НИУ ВШЭ; e-mail: vvanikina@hse.ru.

Багинская Марина Владимировна – старший преподаватель кафедры восточных языков Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: mvbaginskaya@list.ru

Бубнова Нина Викторовна – преподаватель ФГОУ ВПО «ВА ВПВО ВС РФ»; e-mail: 85ninochka67@mail.ru

Ван Лэй – преподаватель кафедры русского языка Гуманитарного института при Северо-восточном педагогическом университете (Китай, г. Чанчунь); e-mail: wanglena8888@163.com

Воронина Ольга Юрьевна – старший преподаватель кафедры китаеведения Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: olizhe-07@mail.ru

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языков Восточной и Юго-Восточной АзииИнститута языкознания РАН; e-mail: tianyu@mail.ru, персональный вебсайт: www.vokitai.ru.

Гаврилюк Марина Александровна – докторант Шэньянского педагогического университета; e-mail: zhaolinna25@gmail.com.

Гильманшина Наталия Петровна – аспирант кафедры перевода, переводоведения и МКК Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: nkruss@gmail.com.

Гурьян Наталья Викторовна – докторант кафедры китайской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; доцент кафедры образования в области восточных языков и востоковедения Школы Педагогики ДВФУ (филиал в г. Уссурийске); e-mail: guryan-natalia@yandex.ru.

Евтеева Мария Юрьевна – соискатель кафедры западноевропейских языков и переводоведения института иностранных языков ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет»; e-mail: korchagina_masha@yahoo.com.

Жданко Татьяна Александровна – доцент кафедры управления и развития образования кандидат педагогических наук Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: tatiana-zhdanko@mail.ru.

Живокоренцева Татьяна Владиленовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления и развития образования Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail:givtv@mail.ru.

Загибалов Тарас Евгеньевич – лингвист-исследователь компании Лингуалео (резидент Сколково); e-mail: taras8055@gmail.com.

Кардаш Каринэ Александровна – аспирант кафедры делового иностранного языка ИЭУиП ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», e-mail: karikardash@mail.ru.

Кремнев Евгений Владимирович – кандидат социологических наук; зав. кафедрой китаеведения Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: kremnyov2005@mail.ru.

Лашина Елена Борисовна – соискатель кафедры теоретической лингвистики Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: mhelena_20@mail.ru.

Ли Асюе – старший преподаватель кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Восточного педагогического университета (Китай, г. Чанчунь); e-mail: 634741089@qq.com.cn.

Лю Дибинь – старший преподаватель кафедры русского языка Института Гуаньхуа Чанчуньского университета (Китай, г. Чанчунь); e-mail: liujibin1998@126.com.

Максименкова Александра Михайловна – аспирант очной формы обучения кафедры китаеведения Иркутского государственного лингвистического университета; старший преподаватель кафедры китаеведения Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: lisa-irk@list.ru.

Ма Чжуанци – доцент факультета русского языка гуманитарного института Северо-Восточного педагогического университета; e-mail: mazhuangqi1114@yahoo.com.cn.

Сосновская Надежда Игоревна – старший преподаватель кафедры восточных языков ИФиЯК СФУ, (Красноярск); e-mail: sosnovskaya-yang@mail.ru.

Стефановская Светлана Владимировна – кандидат, доцент кафедры китаеведения, кандидат филологических наук Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: stefanovskaia_sv@mail.ru.

Терехова Наталья Владимировна – старший преподаватель кафедры китаеведения Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: zabnata@yandex.ru.

Тразанова Наталья Юрьевна – старший преподаватель кафедры восточных языков Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: nataha82@mail.ru.

Трофименко Оксана Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры образования в области восточных языков и востоковедения Дальневосточного федерального университета; e-mail: toa-06@yandex.ru.

Ушева Татьяна Федоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии, конфликтологии и безопасности жизнедеятельности Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: itf76@mail.ru.

Фань Вэйцзе – профессор факультета русского языка Гуманитарного института Северо-Восточного педагогического университета; e-mail: fanweijie2005@yahoo.com.cn.

Фаризова Нина Омаровна – преподаватель, заместитель заведующего кафедрой восточной филологии отделения востоковедения факультета философии НИУ ВШЭ; e-mail: symbolistisch@gmail.com.

Хамаева Елена Алексеевна – доцент кафедры китаеведения ИГЛУ; e-mail: lena_hamaeva@yahoo.com.

Цзинь Дань – аспирант кафедры русского языкаВСГАО; e-mail: jiafuaijia@gmail.com.

Цыренов Бабасан Доржиевич – кандидат филологических наук, доцент, зав. отделом языкознания ФБГОУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН»; e-mail: tsyrenovbabasan@mail.ru.

Чжань Ин – доцент факультета русского языка Северо-Восточного педагогического университета; e-mail: mazhuangqi1114@yahoo.com.cn

Чупрова Ольга Федоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогикиИркутского государственного лингвистического университета; e-mail: chuprova_of@mail.ru.

Чэнь Юйцай – доцент факультета русского языка гуманитарного института Северо-Восточного педагогического университета; e-mail: dragon228@163.com

Чэн Эньцин – магистр гуманитарных наук, доцент, заместитель начальника Управления международных связей Хэбэйского университета (г. Баодин, КНР).

Шалина Ирина Викторовна – заведующая кафедрой восточных языков Иркутского

государственного лингвистического университета; кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail:i_v_s2000@mail.ru.

Шаравьева Ирина Викторовна – старший преподаватель кафедры китаеведения Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: nevergiveup81@mail.ru.

Широбоков Сергей Николаевич – доцент кафедры педагогики Омского государственного педагогического университета, докторант, координатор магистерской программы «Сравнительное образование»; e-mail: sshirob@yahoo.com.

Шишмарева Татьяна Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры китаеведения Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: taniyashi72@yandex.ru.

Шумовская Альфия Гамировна – старший преподаватель кафедры педагогики Иркутского государственного лингвистического университета; e-mail: alenkiy27@mail.ru.

Юй Кайхуа **–** преподаватель факультета русского языка Северо-Восточного педагогического университета.

AUTHORS

Alexandr Mihailovich Kuplunenko – Doctor of Philology, Professor, Irkutsk State Linguistic University; e-mail: amkaplunenko@mail.ru.

Anna Alexandrovna Khamatova – Deputy Director for Academic Affairs, Professor, ChineseSchool of Regional and International Studies,Far Eastern Federal University; e-mail: khamatov@raf.dvgu.ru.

Valerii Petrovich Danilenko – Doctor of Philology, Professor, Head of General Linguistic Dpt., Irkutsk State Linguistic University; e-mail: dvp@home.isu.ru.

Nadezhda Nickolaevna Kazydub – Doctor of Philology, Professor, Irkutsk State Linguistic University; e-mail: nadejda_kazydoub@mail.ru.

Svetlana Yurievna Bogdanova – Doctor of Philology,Professor, Department of Applied Linguistics, Irkutsk State Linguistic University; e-mail: rusjap@mail.ru.

Alexandra Mikhailovna Maksimenkova – Senior Lecturer,Department of Sinology, Irkutsk State Linguistic University; e-mail:lisa-irk@list.ru.

Alfiya Gamirovna Shumovskaya – Senior Lecturer,Department ofPedagogy, Irkutsk State Linguistic University; e-mail: alenkiy27@mail.ru.

Babasan Dorzhiyevich Tsyrenov – Candidate of Philology, Associate Professor, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of SB of RAS, tsyrenovbabasan@mail.ru.

Chen Yucai – Associate Professor, Department of Russian at College of Humanities & Sciences of Northeast Normal University; e-mail: dragon228@163.com.

Elena Borisovna Lashina – Profession: assistant professor of the chair of theoretical linguistics (Irkutsk Linguistic University); e-mail: mhelena_20@mail.ru.

Elena Khamaeva – Candidate of Philology, Associate Professor, Departmentof Sinology, Irkutsk State Linguistic University; e-mail: lena_hamaeva@yahoo.com.

Evgeny Vladimirovich Kremnyov – Candidate of Sociology, Head, Department of Sinology, Irkutsk State Linguistic University; e-mail: kremnyov2005@mail.ru.

Fan Weijie – Professor, Department of Russian at College of Humanities & Sciences of Northeast Normal University; e-mail: fanweijie2005@yahoo.com.cn.

Irina Sharavieva – Senior Lecturer, Department of Sinology, Irkutsk State Linguistic University; e-mail: nevergiveup81@mail.ru.

Irina Viktorovna Shalina – Candidate of History, Head, Oriental Languages Department, Irkutsk State Linguistic University; e-mail: i_v_s2000@mail.ru.

Jen Entsin – Master of Liberal Arts, Associate Professor, Deputy Head, International Relations Department, Hebei University, China.

Jin Dan – post-graduate student, East Siberian state academy of education; e-mail: jiafuaijia@gmail.com.

Karine Aleksandrovna Kardash – post-graduate student, Business English Department, Institute of Economics, Managementand Environmental Studies, Siberian Federal University, e-mail: karikardash@mail.ru.

Li Axue – Senior Lecturer, Department of Russian at College of Humanities & Sciences of Northeast Normal University; e-mail: 634741089@qq.com.cn.

Liu Jibin – Senior Lecturer, Department of Russian at GuangHua College of Changchun University; e-mail: liujibin1998@126.com.

Ma Zhuangqi – Associate Professor, Department of Russian at College of Humanities & Sciences of Northeast Normal University; e-mail: mazhuangqi1114@yahoo.com.cn.

Marija Jur'yevna Evteeva – research fellow, Moscow City Pedagogical University; e-mail: korchagina_masha@yahoo.com.

Marina Alexandrovna Gavrilyuk – Doctoral degree fellow, Shenyang Normal University; e-mail: zhaolinna25@gmail.com; rage25@rambler.ru.

Marina Vladimirovna Baginskaya – senior teacher,Department of Oriental Languages, Irkutsk State Linguistic University; e-mail: mvbaginskaya@list.ru.

Nadezda Igorevna Sosnovskaya – Senior Lecturer, Oriental LanguagesDepartment, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University; e-mail:sosnovskaya-yang@mail.ru.

Natalia Petrovna Gilmanshina **–** post-graduate student, Irkutsk State Linguistic University; e-mail: nkruss@gmail.com.

Natalia Victorovna Gurian – Candidate of Philology, Doctoral degree fellow, Chinese Philology Department, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University; assistant professor of Education in Oriental Languages and Oriental Studies Department, School of Pedagogy, Far Eastern Federal University; e-mail: guryan-natalia@yandex.ru.

Natalya Vladimirovna Terekhova – Senior Lecturer, Department of Sinology, Irkutsk State Linguistic University, e-mail: zabnata@yandex.ru.

Natalya Yuryevna Trazanova – Senior Lecturer, Department of Oriental Languages, Irkutsk State Linguistic University; e-mail: nataha82@mail.ru.

Nikolay Nikolaevich Voropaev **–** Candidate of Philology, Scientific Associate, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Department of the languages of the East and South-East Asia; e-mail: tianyu@mail.ru, personal website: www.vokitai.ru.

Nina Levonovna Adilkhanyan **–** senior lecturer, Department of Sinology, Irkutsk State Linguistic University; e-mail: ninel_ad@mail.ru.

Nina Omarovna Farizova – Deputy Head, Department of Oriental Philology, School of Asian Studies, National Research University Higher School of Economics; e-mail: symbolistisch@gmail.com.

Nina Victorovna Bubnova – Russian Language Instructor,Vasilevsky Military Academy of Army Air Defense; e-mail: 85ninochka67@mail.ru.

Oksana Anatolievna Trofimenko – Candidate of Philology, Associate Professor, Far Eastern Federal University, e-mail: toa-06@yandex.ru.

Olga Fedorovna Chuprova – Candidate of Pedagogy, Associate Professor,Department Pedagogy, Irkutsk State Linguistic University; e-mail: chuprova_of@mail.ru.

OlgaYurievna Voronina – senior lecturer, Department of Sinology, Irkutsk State Linguistic University, Russia, Irkutsk; e-mail: olizhe-07@mail.ru.

Sergey Nilolaevich Shirobokov – Associate Professor, Research Fellow, Coordinator, Comparative Education Graduate Program, Omsk State Pedagogical University; e-mail: sshirob@yahoo.com

Svetlana Vladimirovna Stefanovskaya **–** Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Sinology, Irkutsk State Linguistic University; e-mail: stefanovskaia_sv@mail.ru.

Taras Zagibalov – Doctor of Philosophy, University of Sussex, UK; e-mail: taras8055@gmail.com.

Tatyana Alexandrovna Zhdanko – Candidate of Pedagogy, Associate Professor,Department of Management and Development of Education, Irkutsk State Linguistic University; e-mail: tatiana-zhdanko@mail.ru.

Tatiana Fedorovna Usheva – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Psychology, Conflictology and Safety, Irkutsk State Linguistic University; e-mail: itf76@mail.ru.

Tatiana Vladilenovna Zhivokorentseva – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Management and Development of Education, Irkutsk State Linguistic University; e-mail: givtv@mail.ru.

Tatiyana Shishmareva – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Sinology, Irkutsk State Linguistic University, Russia, Irkutsk; e-mail: taniyashi72@yandex.ru.

Vera Vladimirovna Anikina – Candidate of Philology, Associate Professor, National Research University «Higher School of Economics»; e-mail: vvanikina@hse.ru.

Wang Lei – Russian Language Instructor, Department of Russian at College of Humanities & Sciences of;e-mail: wanglena8888@163.com.

Yu Kaihua – Instructor, Department of Russian at College of Humanities & Sciences of Northeast Normal University.

Zhang Ying – Associate Professor, Department of Russian at College of Humanities & Sciences of Northeast Normal University; e-mail: mazhuangqi1114@yahoo.com.cn.

Диссовет Д 212.071.01

Прошли защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Ноябрь 2012

1. ***Пащенко М.В.*** на тему: «Стратегический аспект коммуникативного акта отказа» по специальности 10.02.19 – теория языка.
2. ***Баребиной Н.С.*** на тему «Когнитивный механизм контраргументации в дискурсе медиации» по специальности 10.02.19 – теория языка.
3. ***Орловой Е.Л.*** на тему «Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ» по специальности 10.02.04 – германские языки.
4. ***Аюшеевой С.Н.*** на тему: «Оценочная метафора немецкого молодежного языка» по специальности 10.02.04 – германские языки.

Декабрь 2012

1. ***Колистратовой А.В.*** на тему «Эволюция фольклорного дискурса в британо-английском контексте ситуации» по специальности 10.02.04 – германские языки.
2. ***Куликовой Л.В.*** на тему: «Семантические константы Mercy / Cruelty: ценность и антиценность в английской языковой картине мира» по специальности 10.02.04 – германские языки.
3. ***Токаревой М.В.*** на тему: «Концептуализация слухового восприятия в современном английском языке» по специальности 10.02.04 – германские языки.
4. ***Ключниковой В.Ю.*** на тему: «Дискурсивная репрезентация системы возможных художественных миров в жанре «Бондианы»» по специальности 10.02.04 – германские языки.

Планируются защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук

Февраль 2013

1. ***Варфоломеевой И.А.*** на тему: «Семиосфера внутреннего мира человека: семантически сопряженные категории DUTY и CONSCIENCE в современном английском языке» по специальности 10.02.04 – германские языки.
2. ***Фединой Е.А.*** на тему: «Синонимические отношения в немецкой медицинской терминологии» по специальности 10.02.04 – германские языки.
3. ***Ереминой О.В.*** на тему: «Опыт когнитивного анализа паралингвистического аспекта коммуникации (на материале глаголов английского языка)» по специальности 10.02.04 – германские языки.

Ученый секретарь
диссертационного совета *Т.Е. Литвиненко*

О ПРОВЕДЕНИИ МЕЖВУЗОВСКИХ СТУДЕНЧЕСКИХ ОЛИМПИАД В 2012 г. НА БАЗЕ ФГБОУ ВПО «ИГЛУ»

В 2012 г. на базе ФГБОУ ВПО «ИГЛУ» проведено 12 межвузовских олимпиад: олимпиады по японскому, французскому, немецкому корейскому, переводу (китайский язык) языку, русскому языку как иностранному, русскому как иностранному для магистров, открытая интернет-олимпиада по лингвострановедению Франции, по английскому языку среди неязыковых вузов, по регионоведению, по английскому языку и межкультурной коммуникации, конфликтологии.

Олимпиада по переводу среди студентов-китаеведов вузов Сибири и Дальнего Востока проходила в два тура. С 15 сентября по 15 декабря 2011 г. – заочный тур олимпиады, 19 января 2012 г. – очный тур. В состав оргкомитета вошли: заместитель консула по образованию в г. Иркутске г-жа Чжэн Минцю.

Олимпиада по переводу направлена на помощь в преодолении переводческих трудностей (несовпадение значений, «языковых картин мира» и называемых объектов), и является своего рода введением в профессию переводчика, учит адаптироваться в сжатых временных рамках. Конкурсанты проверяют свою способность к переводу разножанровых текстов, а также вырабатывается навык перевода при несовпадения языковых средств аналогичных функциональных стилей и речевых регистров в русском и китайском языках.

Победители определялись по номинациям «Общественно-политический перевод», «научно-технический перевод»: «перевод деловой корреспонденции», «художественный перевод»

Олимпиада по немецкому языку среди студентов неязыковых вузов г. Иркутска состоялась 4 апреля 2012 г. Олимпиада проводилась в два этапа – личное и командное первенство. Этап личного первенства состоял из двух категорий: «Группа А» – студенты, изучающие немецкий язык не более 2 часов в неделю, «Группа F» – студенты, изучающие немецкий язык 4 часа в неделю и более. Личное первенство проходило в четыре этапа На первом этапе проводился тест на проверку лексико-грамматической компетенции, на втором – тест на понимание прочитанного текста, на третьем – тест по аудированию, на четвертом этапе заслушивалось устное высказывание по предложенной теме. Командное первенство проходило в форме презентации видеоролика на тему «Deutsch schafft Wissen». В состав жюри вошли: г-жа Урсула Мюллер, доцент народной высшей школы г.Пфорцхайм (Германия), г-н Кристиан Арндт (Германия)

Межвузовская олимпиада по французскому языку для студентов неязыковых вузов состоялась 25 апреля 2012 г. В соответствии с программой олимпиады олимпиадные задания выполнялись на платформе MOODLE. Материалы заданий олимпиады объединены темой ***«Язык – душа народа».*** Участникам олимпиады было предложено раскрыть следующие подтемы: биографии и творчество известных писателей, поэтов, язык как отражение национального своеобразия, роль иностранной литературы в познании культуры и менталитета носителей языка. Олимпиадные задания выполнялись студентами по двум категориям. В категории А соревновались студенты, изучавшие французский язык в школе и имеющие в вузе не более 4 часов французского языка в неделю в течение 1,5 лет и 2) студенты, не изучавшие французский язык в школе и имеющие в вузе не более 4 часов французского языка в неделю в течение 1,5 лет. В категории В соревновались студенты, изучавшие французский язык в школе и имеющие более 4 часов французского языка в неделю и студенты, изучающие французский язык в вузе в течение 1,5 лет (и более) и имеющих более 4 часов французского языка в неделю. В составе жюри был ассистент «Альянс Франсез Иркутск» Эммануэль Жордан.

Городская олимпиада по корейскому языку проводилась 14 мая 2012 г. и направлена на расширение страноведческого кругозора, на определение уровня знаний корейского языка студентов и слушателей различных курсов, где изучается корейский язык. Проведение мероприятия способствует укреплению академических связей между учебными заведе-

ниями г. Иркутска, популяризации изучению корейского языка и культуры в регионе. Кроме того, Олимпиада предоставляет участникам возможность не только проверить знания в тестовом режиме (как, например, в рамках Национального экзамена на определение уровня владения корейским языком), но и выявить способности к использованию средств корейского языка для изложения собственных мыслей и творческих посылов в рамках написания эссе.

Городская межвузовская олимпиада по русскому языку как иностранному проведена 15 и 16 мая 2012 г. В первый день проходило личное первенство по двум уровням: для студентов начального и среднего этапов и для студентов продвинутого этапа изучения русского языка. Во 2 день – соревнование команд. Заявленные задачи проведенного научного мероприятия (согласно Положению): 1) определение уровня сформированности социокультурной и коммуникативной компетенции, 2) расширение межкультурного взаимодействия, 3) стимулирование интереса иностранных студентов к изучению русского языка и русской культуры, 4) поощрение учащихся, достигших наилучших результатов в овладении русским языком.

В городской олимпиаде по японскому языку среди неязыковых вузов 19 мая 2012 г. приняли участие студенты, представляющие неязыковые вузы г. Иркутска. Личное первенство проходило по двух конкурсным программам – начальный уровень и продвинутый уровень. В личном первенстве (начальный уровень) 1-е место заняла Дарья Дмитриевна Мотовилова (ДПОУ ИГЛУ), 2-е место – Юлия Владимировна Горячкина (ИГУ, ист. фак), 3-е место разделили Елизавета Сергеевна Баранова и Анна Владимировна Неустроева (ИГУ, ист. фак). В личном первенстве (продвинутый уровень): 1-е место – Александра Андреевна Нежегородцева (ДПОУ ИГЛУ), 2-е место – Юрушев Александр Владимирович (ИГУ), 3-е место – Куклина Александра Сергеевна (ИГУ, ист.фак). Городская олимпиада по японскому языку среди студентов неязыковых вузов направлена на расширение страноведческого кругозора, на определение уровня знаний японского языка студентов неязыковых вузов г. Иркутска.

Олимпиада по русскому языку как иностранному для магистрантов проводилась 22 мая 2012 г. Городская олимпиада по русскому языку как иностранному для магистрантов преследует следующие цели: 1) определение уровня сформированности профессиональной (лингвистической), социокультурной и коммуникативной компетенции; 2) подготовка к написанию и защите магистерской диссертации; 3) поощрение учащихся, достигших наилучших результатов в овладении русским языком в сфере профессионального общения. Проведение олимпиады способствует укреплению академических связей между учебными заведениями г. Иркутска, стимулирует учебную и научную деятельность магистрантов, позволяет магистрантам оценить собственные знания, лучше подготовиться к защите магистерской диссертации.

Олимпиада по английскому языку и межкультурной коммуникации прошла в период с 01.11.12 по 16.11.12. **Целью проведения олимпиады является** повышение качества подготовки специалистов. **Задачи олимпиады состоят в том, чтобы** развивать творческий потенциал студентов; совершенствовать коммуникативную и межкультурную компетенции студентов. Олимпиада проводилась в дистанционном формате в режиме личного первенства в форме двух туров. Первый тур, включающий выполнение участниками конкурсных заданий по аудированию, говорению, письму и чтению, проводился с 1 по 10 ноября 2012 г. Второй тур, предполагающий выполнение проекта на тему «World Mosaic: managing cultural differences», – с 12 по 15 ноября 2012 г. Фактическое количество студентов, принимавших участие в олимпиаде, составило 55 человек. Во второй тур прошло 10 человек. Во втором туре участники должны были разработать проект Международной организации, занимающейся проблемами культурных различий. Содержательно проект должен был включать информацию о названии организации, ее целях и задачах, основных мероприятиях, участниках и источниках финансирования. Проект необходимо было представить в формате презентации PowerPoint и загрузить на ресурс олимпиады на образовательном портале ИГЛУ BELCA. Следует отметить высокое качество выполненных проектов, разнообразие тематики, содержательную насы-

щенность, оригинальность идей и активное использование информационных технологий в мультимедийных презентациях.

II Всероссийская студенческая интернет-олимпиада по лингвострановедению Франции «La douce France» проходила в период с 10 октября по 16 ноября 2012 г. Количество участников: 115 студентов из 18 вузов. Тематика конкурсных заданий: − страноведение Франции (география, история, политика, экономика, культура, традиции и т. д.); − языковые единицы, отражающие национальные реалии; вопросы по литературе Франции (в связи с проведением в 2012 г. Сезонов французского языка и литературы в России и русского языка и литературы во Франции. Олимпиада проведена в три тура. Первый тур (отборочный) предусматривал выполнение QUIZ в системе LMS MOODLE в режиме онлайн с ограниченным временем выполнения 60 минут. (100 вопросов с выбором правильного варианта ответа по тематике) Второй тур – творческий конкурс: создание презентации на заданную тему. Третий тур ориентирован на выполнение творческого задания. В олимпиаде приняли участие студенты 18 вузов из 16 городов России и Украины, что свидетельствует о значительном расширении географии олимпиады. В 2011 г. в олимпиаде принимали участие студенты 9 вузов из 5 городов России. Усовершенствованы формы взаимодействия организаторов и участников при помощи использования различных инструментов образовательного портала ИГЛУ Belca:осуществлена прямая регистрация участников на ресурсе олимпиады путем заполнения предложенной организаторами анкеты, проведены он-лайн опросы по итогам участия в 1 туре и по итогам 3-х туров, создана фотогалерея участников.

Межузовская олимпиада по английскому языку среди неязыковых вузов «LANGUAGE CONNECTING PEOPLE». проведена 8 ноября 2012 г. кафедрой иностранных языков для специальных целей. Олимпиада проходила в несколько этапов. Первый этап состоял в представлении визитной карточки команды “WE ARE PROFESSIONALS”. Цель 1 этапа – отразить специфику своего вуза, сферы будущей профессиональной деятельности. Второй этап ориентирован на тестирование по аудированию, чтению, письму (в системе MOODLE). Цель второго этапа – определение уровня сформированности лингвистической (языковой) компетенции. Третий этап – конкурс мультимедийных проектов на тему: «Siberia: present, past and future». Цель третьего этапа – отразить средствами английского языка и решение проблем прошлого, настоящего, будущего сибирского региона (культуры, экологии, образование).

IV Межрегиональная Олимпиада по регионоведению (английский, китайский языки) прошла с 15 октября 2012 г. по 23 ноября 2012 г. совместно с Генеральным Консульством КНР среди студентов вузов Сибири и Дальнего Востока. Олимпиада проходила в два этапа: с 15 по 30 октября 2012 г. – заочный тур олимпиады, 23 ноября 2012 г. – очный тур. Фактическое количество студентов, принимавших участие в заочном туре, составило 96 человек. Во второй тур прошло 18 человек. В с*остав оргкомитета вошел* заместитель консула по образованию в г. Иркутске г-жа Чжэн Минцю. Первый этап проходил заочно и включал в себя выполнение задания по написанию творческого эссе лингвострановедческой тематики на китайском языке объемом 1000 знаков по одной из следующих тем: наиболее интересный для меня факт в истории Китая; мой любимый герой китайской мифологии; мой любимый китайский праздник; мое любимое блюдо китайской кухни; мое любимое место в Китае; мое любимое китайское стихотворение; моя любимая китайская традиция; мой любимый персонаж в китайской художественной литературе. В период с 15 по 30 октября от участников было получено 96 эссе, 18 из которых были признаны лучшими и их авторы были приглашены в Иркутск для участия во втором туре. Второй тур состоял из трех конкурсов: 1) презентация своего творческого эссе; 2) викторина; 3) дискуссия.

Доктор филологических наук, профессор,
начальник научного управления С.А. Хахалова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В ежегодных выпусках «Вестника ИГЛУ» серии «Филология» публикуются статьи по актуальным проблемам современного языкознания ведущих ученых России и рецензии на монографии, обзоры наиболее важных научных мероприятий (симпозиумов, конференций, семинаров и т.п.).

Материалы выпуска представлены в следующих разделах:

- **Языковая реальность познания.**
- **Лингвистика дискурса.**
- **Вопросы теории и практики перевода.**
- **Язык. Культура. Коммуникация.**
- **Разное: отзывы на научные издания, рецензии, аннотации.**

Требования к оригиналу статьи в «Вестник ИГЛУ»

1. Оригинал должен быть представлен на электронном носителе (по электронной почте с уведомлением о доставке и прочтении) для внесения редакторских правок и технического редактирования. Текстовый редактор – Microsoft Word (Windows 98-2003 или в формате **rtf**, если у вас более поздняя версия), а также в формате **pdf**, если в статье присутствуют транскрипционные знаки, схемы, рисунки, таблицы и т.п. Название файла должно ***СОДЕРЖАТЬ ФАМИЛИЮ АВТОРА*** (Иванов.doc). Прикрепленный файл со статьей **ОБЯЗАТЕЛЬНО** сопровождать кратким сообщением с подписью автора.

2. Перед статьей указать **УДК** (универсальная десятичная классификация) (http://teacode.com/online/udc) и **ББК** (библиотечно-библиографическая классификация) (библиографические отделы библиотек).

3. Статья должна содержать резюме и ключевые слова на русском (5-6 строк) и английском (5-6 строк) языках в начале статьи.

4. Рекомендуемый минимальный объем **статьи** 10-12 страниц (размер шрифта 14 гарнитура Times New Roman, через полуторный интервал).

5. Поля: верхнее, нижнее – 2 см; левое, правое – 2 см.

6. Размер абзацного отступа – 0,5 см.

7. Набирать текст следует в режиме ***автоматического переноса*** (пункт меню *«Сервис»* → Язык → расстановка переносов → автоматическая расстановка переносов).

8. Заголовки в тексте классифицируются по степени важности (от 1-го до 4-го порядков) и логически должны соотноситься между собой, что необходимо отражать при наборе. Заголовок нижнего порядка подчиняется заголовку более высокого порядка и набирается шрифтом, меньшим по размеру.

9. При наборе заголовков следует сохранять единообразие. Заголовок одного порядка по всей работе должен набираться одним шрифтом одного начертания (прописным, полужирным, курсивом) и располагаться в тексте единообразно (как правило, по центру).

10. При наборе заголовок не должен быть оторван от основного текста. В заголовках недопустимы переносы и не ставится точка в конце.

11. Инициалы располагаются перед фамилией.

12. После каждой точки, запятой, двоеточия, тире следует пробел.

13. Примеры выделять *курсивом,* внутри примера выделения делать ***жирным курсивом***.

14. Выделения в основном тексте должны быть единообразны: выделения одного порядка должны быть набраны одним шрифтом – полужирным курсивом, примеры – курсивом, причем по всему тексту.

15. Для иероглифов следует использовать только один шрифт по всему тексту. Рекомендуемые шрифты для иероглифов: **Batang, Mincho, MS Mincho, MS PMincho.**

16. Нумерационный заголовок к иллюстративному материалу набираются по всей работе курсивом. Например:

Рис. 1. Эволюционная трансформация стратегических иллокуций

Таблица 1

ПОСЛОВИЦЫ	понятно / не понятно (+ / -)	употр. / не употр. (+ / -)	как можно сказать иначе? (+ / -)

17. ***Не следует использовать*** концевые сноски при создании списка литературы; схемы и рисунки необходимо вставлять в текст, используя пункт меню «*Вставка*» → «*объект*» (Рисунок Microsoft Word).

18. Допускаются сокращения и условные обозначения лишь принятые в Международной системе единиц сокращения мер, физических, химических и математических величин и терминов.

19. В тексте статьи используются **только** такие (полиграфические) кавычки – « ».
20. Сокращения должны сохранять единообразие по всему тексту.
21. Текст, особенно на иностранных языках, должен быть **тщательно выверен** автором.
22. В авторской справке указывать:
    – фамилию, имя отчество полностью;
    – фамилия, имя, отчество научного руководителя (для аспирантов);
    – должность, ученое звание, место работы;
    – телефоны, почтовый адрес, e-mail.

23. Библиографический список помещается в конце статьи и набирается шрифтом на 2 пункта меньшим, чем основной текст, фамилии авторов выделяются курсивом (оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1.-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления»).

Например:

Библиографический список:

1. *Пешков, И.В.* Введение в риторику поступка [Текст] / И.В. Пешков. – 2-е изд. – М. : Лабиринт, 1998. – 288 с.
2. *Бахвалов, Н.С.* Численные методы [Текст] : учеб. пособие для физ.-мат. специальностей вузов / Н.С. Бахвалов, Н.П. Жидков, Г.М. Кобельков; под общ. ред. Н.И. Тихонова. – 2-е изд. – М. : Физматлит : Лаб. базовых знаний ; СПб. : Нев. диалект, 2002. – 630 с.
3. *Концепты.* Категории : языковая реальность [Текст] : кол. монография / М.В. Малинович [и др.]; науч. ред. Ю.М. Малинович. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 382 с.
4. *Имидж* переводчика : от невидимого передатчика до модератора диалога культур : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 29-30 сентября 2011 г.) / под ред. А.М. Каплуненко. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – 134 с.
5. Педагогика : учеб. пособие для вузов / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов [и др.]. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Школьная Пресса, 2004. – 576 с.
6. *Апресян, Ю.Д.* Избранные труды [Текст] : в 2 т. – М.: Языки русской культуры, 1995. – Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – 356 с.
7. *Грейвз, Р.* Собрание сочинений [Текст] : в 5 т. / Р. Грейвз. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. – 5 т.
8. *Пучкова, Е.В.* Аргументативно-лингвистический анализ дискурса опровержения [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.В. Пучкова. – Калуга, 2006. – 203 с.
9. *Иванова, Е.В.* Мифологическое смыслообразование: Образ культурного героя [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Е.В. Иванова. – Екатеринбург, 2005. – 49 с.
10. *Первое* сентября. – М., 1990-2000.
11. *First* Year Philosophy Seminar. Recording Date: February 21, 2000. Michigan Corpus of Academic Spoken English [Electronic resource]. – URL: http://quod.lib.umich.edu/cgi/c/corpus/cor-pus?c=micase; page=simple (дата обращения: 13.04.11).
12. *Дирина, А.И.* Право военнослужащих Российской Федерации на свободу ассоциаций // Военное право [Электронный ресурс] : сетевой журн. / А.И. Дирина.– 2007. – Режим доступа : http://www.voenno epravo.ru/node/2149 (дата обращения: 19.09.2007).
13. *Серебренникова, Е.Ф.* Ожидаемое и неожиданное в лингвокультурном обмене: русизмы в итальянском языке [Текст] / Е.Ф. Серебренникова // Аттрактивность диалога итальянского и русского языков и культур: материалы международной научно-практической конференции (Иркутск, 22-24 сентября, 2011 г.). – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – С. 160-169.
14. *Ладыгин, Ю.А.* Опыт интерпретации аксиологического содержания антропонима в художественном тексте [Текст] / Ю.А. Ладыгин // Вестник ИГЛУ. – 2011. – № 3 (15). – С. 56-62.

24. В тексте и библиографическом списке желательно ставить неразрывные пробелы (Ctrl + Shift + Пробел) между инициалами и фамилией (И.И. Иванов), между цифрой и относящимся к нему словом (16 апреля 2005 г.), между сокращениями (т. п., т. д., т. е.).

25. Ссылки на литературу набираются в квадратных скобках. Перед скобками обязателен пробел. Фамилия автора, запятая, год издания, запятая, номер страницы – [Апресян, 1999, с. 55; Шейгал, 2000], [Robert, 1993, p. 1762], [Langenscheidt, 2010. S.746], [Баоянь, 2008. Режим доступа : http://www.medstudio.ru]; [Современные лингвистические теории..., 2010]; [Серебренникова, 2011, с. 160]. ***Библиографический список**** (в конце статьи) ***составляется в алфавитном порядке***.

Почтовый адрес: 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, Иркутский государственный лингвистический университет (для РИО в «Вестник ИГЛУ»).
E-mail: rio@islu.ru ; Web-site: www.islu.ru

СРОК ВНЕСЕНИЯ ИСПРАВЛЕНИЙ В СТАТЬИ – 10 КАЛЕНДАРНЫХ ДНЕЙ СО ДНЯ ОТПРАВКИ РЕЦЕНЗИЙ

Подписной индекс **82025**. Каталог «Газеты и журналы» Агентства «Роспечать».
Электронная версия журнала размещена на платформе Российской универсальной научной электронной библиотеки **www.elibrary.ru.**
Сроки подачи статей: **Статьи принимаются по мере поступления.**
«Вестники ИГЛУ» можно приобрести по цене 300 рублей, а также заказать наложенным платежом.

* Для более четкого разделения областей и элементов, а также для различения предписанной и грамматической пунктуации применяют пробелы в один печатный знак до и после предписанного знака (это относится к таким знакам, как двоеточие и тире). Исключение составляют точка и запятая — пробелы оставляют только после них.
В библиографическом списке обязательно указывать: ***город, издательство, год, общее количество страниц*** (если это статья, то страницы, на которой расположена статья).

Печатается в авторской редакции

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48354 от 26 января 2012 г. Усл. печ. л. 31,25.

Подписано в печать 24.08.2012 г. Тираж 1000 экз.

Формат 62×84 $^{1}/_{8}$ Заказ №

ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный лингвистический университет»
664025, Иркутск, ул. Ленина, 8

Изготовлено в ООО «Репроцентр А1»
г. Иркутск, ул. Лапина, 1, оф. 101
тел. 203-144, 999-003, 99-26-27